

СКАЗКИ

⌘ D O O O O O O O O O O O

В. ГАУФА

O O O O

69-3
349

М

СКАЗКИ

В. Гауфа.

Переводъ О. М. Коржинской

съ 18 хромолитографіями по акварелямъ В. Цвейгле и съ 26 политипажками
въ текстѣ.

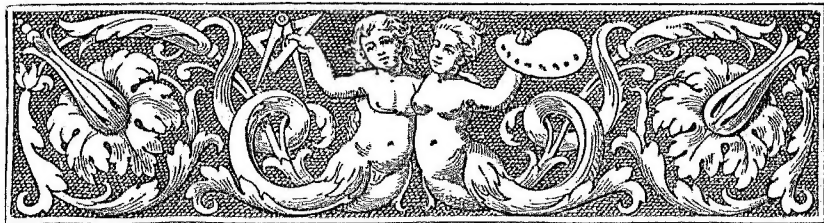

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
П 1968 акт РК-3506

6

Сказка подѣ видомѣ книги.

Далеко, далеко отъ насъ, въ чудной странѣ, гдѣ, по преданію, никогда не заходитъ солнце, гдѣ круглый годъ блещутъ и благоухаютъ пышные сады живетъ и властвуетъ съ незапамятныхъ временъ вѣчно юная царица, Фантазія. Много столѣтій подѣрядъ расточала она щедро ою рукою дары свои на окружающихъ и всѣ боготворили ее. Но сердце царицы было слишкомъ любвеобильно, чтобы ограничиться предѣлами собственнаго государства; она слышала, что гдѣ-то тамъ, внизу, живутъ люди, жалкія созданія, вся жизнь которыхъ проходитъ въ печали среди непрерывнаго труда и заботъ. Вѣчно юная и вѣчно прекрасная спустилась она на землю. Она несла страдальцамъ

лучшіе дары своего царства и, гдѣ только мелькнула волшебная гостя, люди веселѣе принимались за работу, смотрѣли бодрѣе среди невзгодъ.

Чтобъ доставить людямъ немного отрады, она стала посылать къ нимъ царственныхъ дѣтей своихъ. Они были такъ же прекрасны какъ мать и неслись къ смертнымъ съ тѣмъ же привѣтомъ и ласкою.

Но вотъ, однажды, вернулась съ земли Сказка, старшая дочь царицы Фантазіи. Прелестное личико дѣвушки было печально и взоръ словно затуманенъ слезою.

«Что съ тобою, дитя мое милое?», нѣжно спросила царица. «Ты что-то на себя не похожа... Въ чемъ дѣло? Неужели не скажешь матери своей?»

— Ахъ, матушка дорогая, отвѣчала дѣвушка, да развѣ стала-бы я молчать, если-бъ не боялась, что ты слишкомъ близко къ сердцу примешь мою печаль!

«Такъ скорѣе подѣлись своимъ горемъ!» просила царица. «Дитятко милое, вѣдь горе что камень: одному не подъ силу, а двое легко его съ дороги сдвинуть».

— Хорошо, скажу, разъ ты такъ настаиваешь, отвѣчала дѣвушка.—Ты вѣдь знаешь, какъ я отношусь къ людямъ, знаешь, какъ я охотно бесѣдную съ каждымъ изъ нихъ,—будь это послѣдній изъ бѣдняковъ,—какъ я стараюсь развлечь ихъ своею болтовнею послѣ дневной работы. Раньше они всегда такъ ласково встрѣчали меня, такъ привѣтливо улыбались мнѣ вслѣдъ... ну, а теперь совсѣмъ не то!

«Ахъ, ты, моя бѣдная!» сказала царица, нѣжно поглаживая мокрую отъ слезъ щечку. «Да тебѣ, можетъ, только такъ кажется?»

— Повѣрь, я слишкомъ хорошо это чувствую, возразила Сказка.—Я чувствую, что я имъ болѣе не мила. Всюду, куда бы я ни пришла, меня встрѣчаютъ холодные взгляды, нигдѣ, нигдѣ не слышу я привѣта. Дѣти—ужъ тѣ всегда любили меня—теперь смѣются надо мною и тоже съ высокомеріемъ отворачиваются отъ меня!

Царица нѣкоторое время сидѣла въ раздумьи.

«Но съ чего-же, скажи мнѣ, съ чего вдругъ люди тамъ внизу такъ перемѣнились?» снова заговорила она.

— Видишь ли, матушка дорогая, люди теперь осторожнѣе стали. Они завели себѣ мудрую стражу, чтобъ слѣдить за всѣмъ, что исходитъ изъ твоего царства, великая царица Фантазія! Все и всѣхъ должны они осмотрѣть и испытать. Чуть появится кто не по ихъ вкусу—сторожа тотчасъ поднимаютъ крикъ, гонятъ, убиваютъ пришельца или такъ наклеветаютъ на него людямъ—тѣ вѣрятъ имъ на-слово—что, какъ ни старайся, не встрѣтишь уже ни въ комъ ни искорки любви, ни капельки довѣрія. Ахъ, хорошо снамъ, моимъ братьямъ! Летятъ себѣ легко и свободно на землю, имъ дѣла нѣтъ до той мудрой стражи! Люди спятъ, а они шепчутъ имъ, что вздумается, услаждаютъ сердце ихъ, плѣняютъ взоръ диковинными образами!

«Братья твои вѣтренники», спокойно возразила царица, «и, право, не стоитъ тебѣ, любимицѣ моей, завидовать имъ. А ту пограничную стражу я хорошо знаю; люди, пожалуй, даже правы, что выставили ее: не мало

попадало къ нимъ всякихъ вѣтрогоновъ съ заявленіемъ, что идутъ прямешенько изъ моего царства, а самимъ, можетъ быть, довелось лишь однимъ глазкомъ заглянуть къ намъ съ какойнибудь горы».

— Да за что же на мнѣ это вымещать, на мнѣ, собственной дочери твоей? плакала Сказка. Если-бъ ты знала, что они со мною продѣлываютъ! Они смѣются надо мною, называютъ старою дѣвою, грозятъ, что въ слѣдующій разъ ни за что къ себѣ не пустятъ.

«Какъ? Не пустятъ къ себѣ моей дочери?» вскричала царица и нѣжное лицо ея вспыхнуло негодованіемъ. «Но я начинаю понимать, откуда все это: это все та злая притворщица надѣлала!»

— Мода? Не можетъ быть! воскликнула Сказка. Она всегда такъ мила со мною.

«О! я знаю ее, двуличную», отвѣчала царица. «Не унывай, дѣвочка, попробуй еще разъ на зло ей: у кого хорошее на умѣ, тотъ не долженъ унывать».

— Но, мама, если меня прогонятъ или такъ оклеветаютъ передъ людьми, что тѣ и смотрѣтъ на меня не захотятъ и мнѣ придется одной гдѣ-нибудь въ углу стоять?

«Успокойся, дитя мое! Если взрослые, сбитые съ толка модою, отнесутся къ тебѣ пренебрежительно, обратись къ дѣтямъ. Вѣдь, въ сущности, они мои любимцы. Имъ я посылаю лучшія картинки съ братьями твоими, снами, да и сама не разъ спускалась къ нимъ, ласкала, цѣловала ихъ и придумывала разные веселыя игры. Они прекрасно меня знаютъ, только назвать по имени не умѣютъ. Я часто замѣчала,

какъ они ночью любятъ на мои звѣздочки, а утромъ, только завидятъ на небѣ мои бѣлоснѣжныя стада, они радостно хлопають рученками. Да и, когда подрастутъ, они все еще меня любятъ. Не разъ подсаживалась я къ дѣвушкамъ заплетать вѣнки, не разъ уводила мальчиковъ въ горы и сорванцы стихали, сидя гдѣ-нибудь надъ обрывомъ, а передъ ними изъ тумана далекихъ синихъ горъ выплывали стройные замки и пышные дворцы и горѣли, и тонули въ румяныхъ облакахъ вечерней зари».

— Да, ты права, матушка! воскликнула съ волненіемъ Сказка. — Остаются дѣти; я готова еще разъ попробовать съ ними!

«Иди, иди къ нимъ», сказала царица. «Но постой: я сперва дамъ тебѣ такой нарядъ, что и дѣти залюбуются, да и взрослые не рѣшатся тебя оттолкнуть. Посмотри! Я наряжу тебя книгою!» И царица развернула передъ нею блестящее покрывало.

— Книгою? Матушка, мнѣ совѣстно въ такомъ блескѣ предстать передъ людьми.

Царица дала знакъ прислужницамъ и тѣ принялись одѣвать дѣвушку. Онѣ распустили ея чудные волосы, подвязали ей къ ногамъ золотыя сандалии и искусно накиннули на нее блестящую ткань, затканную богатыми узорами.

Скромная Сказка не рѣшалась глазъ поднять отъ волненія, но мать съ удовольствіемъ осмотрѣла ее и нѣжно привлекла къ себѣ. «Лети теперь на землю, дорогая, и, да будетъ надъ тобою мое благословеніе. Если они снова вздумаютъ осмѣять тебя, вернись ко мнѣ и будемъ ждать. Можетъ быть, позднѣйшія поко-

лѣнія станутъ ближе къ природѣ и сердца ихъ снова обратятся къ тебѣ».

Такъ говорила царица Фантазія. Сказка спустилась на землю. Сердечко ея сильно билось, когда она подходила къ мѣсту, гдѣ ждала ее мудрая стража. Она застѣнчиво опустила головку, плотнѣе закуталась въ роскошное покрывало и нерѣшительно постучала въ ворота.

— Стой! крикнулъ грубый голосъ. Охрана, сюда! Явилась новая книга!

Сказка вздрогнула. Передъ нею словно изъ земли выскочило нѣсколько темныхъ фигуръ. Онѣ мрачно смотрѣли на нее; въ рукахъ ихъ торчали острые перья; онѣ угрожающе наставили ихъ на дѣвушку. Одинъ изъ толпы выступилъ впередъ и грубо схватилъ Сказку за подбородокъ. «Эй, ты, госпожа книга», закричалъ онъ, «голову вверхъ! чтобъ сейчасъ по глазамъ было видно, что въ тебѣ путнаго есть».

Дѣвушка, вся зарумянившись, подняла головку и широко раскрыла темные, задумчивые глазки.

«Сказка! вскрикнули сторожа и захохотали во все горло.—Такъ это сказка! А мы-то дивились, кого сюда занесло! Ты какъ это въ такомъ нарядѣ очутилась?»

— Матушка надѣла мнѣ его, скромно отвѣтила Сказка.

«Вотъ какъ? Силою захотѣла тебя къ намъ втереть? Ну, ужъ нѣтъ, этому не бывать! Направо кругомъ, маршъ!» скомандовали сторожа и всѣ разомъ подняли перья.

— Да я только къ дѣтямъ хочу, молила Сказка. Неужели и къ нимъ нельзя?

«Довольно всякаго сброда по свѣту шатается!» воскликнулъ одинъ изъ сторожей. «Всѣ вы только всякія бредни дѣтямъ внушаете».

«Постой, пусть покажетъ, что новаго принесла», замѣтилъ другой.

«Вотъ, вотъ», закричали всѣ, «пустъ покажетъ. Только скорѣе, а то намъ некогда съ тобою время терять».

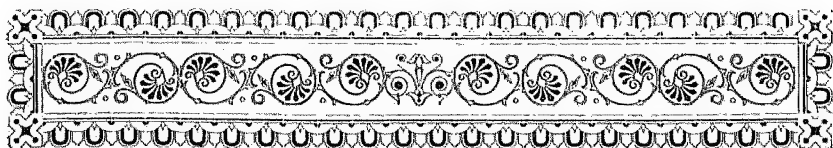
Сказка подняла руку и стала выводить по воздуху таинственные знаки. И изъ-подъ ея дрожащаго пальчика выплывали одна за другою оживленныя картины: длинные караваны, чудные кони, всадники въ богатой одеждѣ, палатки средь песчаной равнины; птицы, корабли на бушующемъ морѣ, тихая лѣсная глушь и многолюдныя площади, оживленныя улицы большихъ городовъ; кровавыя битвы и мирныя селенія кочевниковъ. Онѣ плыли пестрою вереницею и тонули въ прозрачномъ чистомъ воздухѣ.

Сказка такъ увлеклась, что не замѣтила, какъ одинъ за другимъ мирно заснули вокругъ нея сторожа. Вдругъ кто-то остановилъ ея руку и привѣтливый голосъ раздался надъ ея ухомъ. «Остановись, дѣвушка! Довольно съ нихъ». Передъ нею стоялъ пожилой мужчина и, улыбаясь, указывалъ на спящихъ сторожей. «Не для нихъ твои пестрыя сокровища! Проходи скорѣе въ ворота; они и не заподозрятъ, что ты въ странѣ. Иди, можешь безпрепятственно разгуливать, гдѣ вздумается. Зайди къ моимъ дѣтямъ; мой домъ къ твоимъ услугамъ. Живи въ полной свободѣ и позволь дѣтямъ моимъ приходить иногда къ тебѣ съ товарищами, послушать твои чудные рассказы. Согласна?»

— Да, я пойду къ твоимъ дѣтямъ, добрый человекъ. Я буду ласкать и лелѣять ихъ и забавлять ихъ въ часы досуга.

Человекъ привѣтливо кивнулъ ей и помогъ ей пробраться мимо спящей стражи. Еще разъ съ улыбкою оглянувшись на нихъ Сказка и быстро шмыгнула въ ворота.

Караванъ.

Проходилъ однажды по пустынь крупный караванъ. Издалека неся по необъятной равнинѣ глухой гуль колокольцевъ и чистый звонъ серебряныхъ бубенчиковъ, густое облако пыли возвѣщало его приближеніе; порою, когда порывъ вѣтра разбивалъ облако, на минуту сверкали изъ-за него яркія одежды и блестящее оружіе всадниковъ. На перерѣзъ каравану медленно подвигался по раскаленному песку одинокій путникъ на прекрасномъ арабскомъ скакунѣ. Ярко-пунцовая сбруя была украшена серебряными колокольчиками; вмѣсто попоны спускалась тигровая шкура; на головѣ коня развѣвался пышный пучекъ страусовыхъ перьевъ. Всадникъ былъ статенъ и красивъ и одѣяніе его соответствовало роскошному убранству коня. Бѣлый тюрбанъ, богато расшитый золотомъ, прикрывалъ его голову; кафтанъ и широкія шаровары были ярко-пунцоваго цвѣта; сбоку висѣла кривая сабля съ драгоцѣнною рукояткою. Тюрбанъ былъ надвинутъ глубоко до самыхъ бровей и изъ-подъ нихъ особенно ярко сверкали темные глаза; все это, въ связи съ длинною бородою и орлинымъ носомъ, придавало всаднику дикій, смѣлый видъ. Шаговъ за пятьдесятъ до передоваго отряда, всадникъ пришпорилъ коня

и вмигъ очутился на ряду съ караваномъ. Появленіе одинокаго путника среди пустыни было такъ неожиданно, что охрана каравана, предполагая нападеніе, тотчасъ же выдвинула копья. «Это что?» воскликнулъ незнакомецъ, озадаченный такою воинственною встрѣчею. «Или вы, можетъ быть, думаете, что одинъ человѣкъ можетъ завладѣть вашимъ караваномъ?» Пристыженные воины вновь подняли копья, а предводитель ихъ выступилъ впередъ и спросилъ, что надо незнакомцу. «Чей это караванъ?» спросилъ всадникъ. «Онъ не одного хозяина», былъ отвѣтъ; «тутъ ѣдутъ нѣсколько купцовъ изъ Мекки на родину, а мы ихъ провожаемъ для безопасности, такъ какъ въ пустынѣ не рѣдкость нападеніе разбойниковъ». — «Проводите меня къ купцамъ», сказалъ незнакомецъ. «Къ сожалѣнію, я не могу сдѣлать этого тотчасъ же», отвѣчалъ проводникъ, «мы не имѣемъ права останавливаться, а купцы по меньшей мѣрѣ на четверть часа позади насъ. Но если бы я могъ предложить вамъ ѣхать со мною до стоянки, я съ удовольствіемъ исполнилъ бы ваше желаніе». Незнакомецъ ничего не отвѣтилъ; онъ вытащилъ изъ-за сѣдла длинную трубку, закурилъ ее и сталъ спокойно потягивать изъ нея. Они продолжали путь: незнакомецъ ѣхалъ рядомъ. Предводитель охраны не зналъ, какъ ему относиться къ молчаливому всаднику. Прямо спросить, кто онъ такой? онъ не рѣшался; а на всѣ его усилія завязать разговоръ, вродѣ «какой славный у васъ табакъ!» или «чудный шагъ у вашего коня», всадникъ отвѣчалъ неизмѣннымъ «да, да!» и больше ничего. Наконецъ, доѣхали они до предположеннаго мѣста отдыха. Пред-

водитель разставилъ стражу, а самъ остался съ незнакомцемъ поджидать караванъ. Вотъ потянулись мимо тридцать тяжело нагруженныхъ верблюдовъ, при каждомъ вооруженный проводникъ. За ними показались всадники, а среди нихъ на прекрасныхъ коняхъ тѣ пять купцовъ, которымъ принадлежалъ караванъ. Все это были люди болѣе или менѣе зрѣлаго возраста, серьезные и положительные; только одинъ казался значительно моложе остальныхъ и смотрѣлъ какъ-то веселѣе и подвижнѣе. Нѣсколько верблюдовъ и выучныхъ лошадей завершали шествіе.

Разбили палатки, разставили кругомъ верблюдовъ и коней. Посрединѣ возвышалась палатка изъ голубой шелковой ткани. Начальникъ охраны повелъ туда незнакомца. Тамъ, на затканыхъ золотомъ подушкахъ, сидѣли владѣльцы каравана; черные невольники разносили имъ кушанья и напитки. «Кого ведешь?» крикнулъ молодой купецъ проводнику. Не успѣлъ тотъ отвѣтить, какъ незнакомецъ заговорилъ: «Я Селимъ Барухъ, ѣду изъ Багдада. По дорогѣ въ Мекку на меня напали разбойники; я только дня три тому назадъ вырвался изъ плѣна. Хвала пророку, я услышалъ издалека колокольца вашего каравана и добрался до васъ. Позвольте мнѣ продолжать путь подъ вашею охраною; повѣрьте, я не окажусь недостойнымъ этой чести. По приѣздѣ же въ Багдадъ я щедро отплатю вамъ за гостепріимство, такъ какъ я племянникъ великаго визиря». — «Селимъ Барухъ», степенно отвѣчалъ старшій изъ купцовъ, «привѣтъ тебѣ подъ нашею кровлею! Мы рады помочь тебѣ. Садись и отдохни съ нами».

Селимъ Барухъ сѣлъ къ купцамъ и ѣлъ, и пилъ съ ними. Послѣ ѣды, невольники прибрали посуду, внесли длинныя трубки и поставили турецкій шербетъ. Купцы долго сидѣли молча, лѣниво выпуская передъ собою голубоватый дымокъ и поглядывая какъ легкія кольца стягивались и расплывались передъ ними въ воздухъ. Молодой купецъ первый прервалъ молчаніе. «Вотъ мы сидимъ такъ третій день, то на конѣ, то въ палаткѣ, и ничѣмъ еще не пытались сократить время. Я страшно скучаю, такъ какъ привыкъ послѣ ѣды наслаждаться музыкою и пѣніемъ или смотрѣть на танцы. Не придумаете ли вы, друзья, какъ сократить время?» Четверо старшихъ купцовъ продолжали молча курить, словно обдумывая отвѣтъ, незнакомецъ же заговорилъ. «Если позволите, я вамъ предложу кое-что. Что, если бы на каждой стоянкѣ каждый изъ насъ по очереди рассказывалъ чтонибудь остальнымъ? Вѣдь все-таки время скорѣе бы прошло».

— «Селимъ Барухъ, ты правъ», сказалъ Ахметъ, старшій изъ купцовъ; «мы принимаемъ твое предложеніе».

— «Очень радъ, что предложеніе мое одобрено. А теперь, чтобъ доказать, насколько оно разумно, позвольте мнѣ первому начать».

Купцы съ радостью согласились, посадили незнакомца посрединѣ и поудобнѣе расположились вокругъ. Невольники снова наполнили кубки, набили трубки своихъ господъ и принесли пылающіе угли для закуриванія. Селимъ прочистилъ себѣ голосъ глоткомъ шербета, разгладилъ бороду и началъ. «И такъ, слушайте же, друзья, повѣсть о Калифѣ Аистѣ».

Калифъ Аистъ.

Сидѣлъ однажды уютно на своей софѣ калифъ Багдадскій, Хазидъ. День былъ прекрасный; калифъ только что немного вздремнулъ и проснулся въ самомъ благодушномъ настроеніи. Онъ потягивалъ изъ длинной трубки розоваго дерева, выпивалъ отъ времени до времени глоточекъ кофе и каждый разъ при этомъ весело поглаживалъ бороду, такъ казался ему вкуснымъ душистый напитокъ. Однимъ словомъ, по всему было видно, что калифъ прекрасно себя чувствуетъ. Въ такое время съ нимъ необыкновенно удобно было говорить; онъ тогда былъ особенно мягокъ и благосклоненъ. Вотъ почему великій ви-

зирь, Мансоръ, ежедневно посѣщалъ его именно въ эти часы. Пришелъ онъ и въ тотъ день, только, сверхъ обыкновенія, казался какимъ-то озабоченнымъ. Калифъ тотчасъ замѣтилъ это, вынулъ трубку изъ рта и спросилъ: «Что у тебя за странное лицо сегодня, великій визирь?»

Великій визирь почтительно скрестилъ руки на груди, поклонился повелителю и отвѣчалъ: «Государь! Какое лицо у меня — не знаю, но знаю, что внизу стоитъ торговецъ и у него такія прекрасныя вещи, что поневолѣ загрустишь, когда нѣтъ лишнихъ денегъ въ карманѣ».

Калифъ давно собирался порадовать чѣмъ нибудь вѣрнаго визиря. Онъ приказалъ невольнику привести торговца. Торговецъ не замедлилъ явиться. Это былъ толстенькій, коротенькій человѣчекъ въ затасканной одеждѣ и съ очень темнымъ цвѣтомъ лица. Онъ притащилъ ящикъ, а въ немъ всевозможные товары. Тутъ были жемчуга и кольца, богато отдѣланные пистолеты, кубки, гребни. Калифъ и визирь все пересмотрѣли; наконецъ, калифъ купилъ себѣ и визирю прекрасныя пистолеты, а женѣ визиря роскошный гребень. Торговецъ уже складывалъ товаръ, когда калифу на глаза попался небольшой ящичекъ. Онъ спросилъ, нѣтъ ли въ немъ еще какихъ товаровъ. Купецъ раскрылъ ящичекъ и вынулъ оттуда коробочку съ какимъ-то черноватымъ порошкомъ, а при немъ бумажку съ странными письменами. Ни калифъ, ни Мансоръ не могли ихъ прочесть. «Это далъ мнѣ одинъ купецъ: онъ нашелъ ихъ на улицѣ въ Меккѣ», сказалъ торговецъ. «Я, право, не знаю, что это такое.

Возьмите за сколько хотите, у меня они все равно безъ пользы лежатъ». Калифъ любилъ собирать древнія рукописи, хотя и не могъ ихъ читать. Онъ купилъ порошокъ и рукопись, и отпустилъ торговца. Калифу, однако, сильно хотѣлось знать, что собственно тамъ написано, и просилъ визиря указать, кто могъ бы разобрать письма. «Повелитель, есть такой человѣкъ», отвѣчалъ Мансоръ. «Онъ живетъ при большой мечети; зовутъ его Селимомъ Мудрецомъ. Онъ всѣ языки знаетъ: вѣрно и эти строки разберетъ». Призвали Селима Мудреца. «Селимъ!» обратился къ нему калифъ. «Ты, говорятъ, очень мудръ и ученъ; взгляни на эту бумагу и постарайся прочесть ее. Прочтешь—получишь отъ меня нарядный кафтанъ; не прочтешь—получишь двѣнадцать палокъ по спинѣ и двадцать пять по пяткамъ, чтобъ не звали тебя зря Селимомъ Мудрецомъ».

Селимъ почтительно склонился передъ калифомъ. «Да будетъ воля твоя надъ рабомъ твоимъ, повелитель!» Долго разсматривалъ онъ рукопись, наконецъ, сказалъ: «Вѣдь это по латыни, головою ручаюсь, что по латыни!»—«Ну, такъ говори скорѣе, что тамъ», приказалъ калифъ, «если знаешь что по латыни».

Селимъ началъ переводить: «Смертный, кто бы ни нашелъ это, воздай хвалу Аллаху за его милость. Кто нюхнетъ порошокъ изъ коробочки и скажетъ при этомъ: *Mutabor*, можетъ тотчасъ же обратиться въ любое животное и будетъ понимать языкъ животныхъ. Захочетъ снова сдѣлаться человѣкомъ, пусть поклонится три раза на востокъ и повторить то же слово. Но остерегайся, пока ты превращенъ, остере-

гайся смѣха, не то волшебное слово мгновенно улечтучится изъ твоей памяти и ты на вѣкъ останешься животнымъ».

Селимъ замолкъ, а калифъ не помнилъ себя отъ радости. Онъ заставилъ ученаго поклясться, что никому не выдастъ тайны, щедро одарилъ его и отпустилъ. «Вотъ это называется покупка, Мансоръ!» радостно сказалъ калифъ озадаченному визирю. «Не терпится мнѣ обратиться въ животное! Завтра пораньше приходи ко мнѣ. Мы вмѣстѣ выйдемъ въ поле, нюхнемъ немного изъ коробочки и послушаемъ, что болтають въ воздухѣ и въ водѣ, въ полѣ и въ лѣсу!»

На слѣдующее утро, только успѣлъ калифъ Хазидъ одѣться и немного закусить, какъ появился великій визирь. Калифъ сунулъ коробочку съ порошкомъ за поясъ, приказалъ свитѣ спокойно оставаться дома и вдвоемъ съ визиремъ вышелъ изъ дворца. Прежде всего прошлись они по обширнымъ садамъ калифа, но тамъ напрасно искали какой нибудь живности, чтобъ произвести опытъ. Наконецъ, визирь предложилъ пройти дальше къ уединенному пруду, гдѣ, какъ ему помнилось, онъ частенько видалъ животныхъ, а именно аистовъ. Его всегда особенно интересовала ихъ величественная осанка и неумолкаемая трескотня.

Калифъ согласился. Они направились къ пруду. Еще издали они замѣтили у берега одинокую птицу. Она медленно расхаживала вдоль и поперекъ, разыскивала лягушекъ и отъ времени до времени что-то пощелкивала про себя. Вскорѣ надъ нею въ воздухѣ показался другой аистъ.

«Клянусь бороною, государь, эти долгоногіе сейчасъ вступагть въ разговоръ. Что, если-бъ намъ въ аистовъ обратиться?»

Калифъ быстро втянулъ въ себя шепотку.

— Ловко придумано! отвѣчалъ калифъ, только сперва сообразимъ, какъ снова сдѣлаться людьми. Вѣрно! Три поклона на востокъ, слово *Mutabor* и

опять я калифъ, а ты визирь. Только ради Бога не смѣяться, а то мы погибли!

Въ это время второй аистъ началъ медленно спускаться на землю. Калифъ быстро выхватилъ изъ-за пояса коробочку, втянулъ въ себя щепотку, подаль щепотку визирю и оба разомъ крикнули: *Mutabog!*

Мигомъ всѣ члены ихъ свело, ноги стали тонкими и ярко-краснаго цвѣта; чудныя туфли калифа и его спутника обратились въ безобразныя лапы, вмѣсто рукъ оказались крылья; шея совсѣмъ выскочила изъ плечъ и стала въ аршинъ длиною, борода исчезла и все тѣло покрылось мягкими перьями.

«Премилый носикъ у васъ, господинъ великій визирь!» замѣтилъ калифъ, налюбовавшись вдоволь. «Клянусь бородою пророка, ничего подобнаго въ жизни не видалъ».

— Благодарю покорно, отвѣчалъ визирь съ изящнымъ поклономъ, но смѣю сказать, и ваша свѣтлость аистомъ чуть ли не прекраснѣе, чѣмъ калифомъ. Теперь, если позволите, подойдемъ поближе къ тѣмъ господамъ, послушаемъ, что они тамъ болтаютъ. Еще пойдемъ ли мы ихъ говорить?

Тѣмъ временемъ второй аистъ спустился на землю, почистилъ клювомъ ножки, пригладилъ перья и подошелъ къ товарищу.

«Здравствуйте, госпожа Долгоножка! Что такъ рано на лугу?»

— Привѣтъ тебѣ, милая Трескушка! Я вышла промыслить себѣ что нибудь къ завтраку. Можетъ, ты не откажешься отъ кусочка ящерицы или ножки лягушки?

«О, нѣтъ, благодарю; у меня сегодня совсѣмъ нѣтъ аппетита. Я, собственно, по другому дѣлу на лугъ спустилась. У папаша сегодня гости, мнѣ придется танцевать, такъ я хотѣла здѣсь въ тиши поупражняться».

И молодая аистиха причудливыми шажками закружилась по полю. Калифъ и Мансоръ съ удивленіемъ смотрѣли на нее. Когда же она неожиданно встала на одну ногу и, граціозно расправивъ крылья, застыла въ живописной позѣ — оба не въ силахъ были выдержать. Дружный хохотъ вырвался изъ ихъ клювовъ, долгое время не могли они прійти въ себя. Калифъ первый опомнился: «Вотъ такъ представленіе», закричалъ онъ, «за золото такого не получишь! Ахъ, досада! Нашъ смѣхъ спугнулъ этихъ дураковъ, а то они, можетъ быть, еще пѣтъ бы начали!»

Но визирь не о томъ думалъ: онъ вспомнилъ, что смѣхъ во время превращенія строго запрещенъ и со страхомъ замѣтилъ это калифу. «Тѣфу, пропасть! Плохая шутка остаться на вѣкъ аистомъ! Визирь, вспоминай скорѣе проклятое слово, оно у меня совсѣмъ изъ памяти выскочило».

— Три раза поклониться на востокъ и сказать: Му-Му-Му...

Но напрасно кланялись они востоку и кланялись такъ усердно, что клювами касались земли! Волшебное слово исчезло безслѣдно. Какъ униженно ни склонялся калифъ, какъ жалобно ни выкрикивалъ визирь Му-Му-Му — память ихъ отказывалась служить и бѣдные друзья были и остались аистами.

Печально блуждали несчастные превращенные по полямъ и лугамъ, не зная, что предпринять. Скинуть свой птичій образъ они не могли, явиться въ городъ и заставить себя признать тоже было невысказуемо. Кто бы повѣрилъ аисту, что онъ калифъ, да если-бъ и повѣрили, большой вопросъ, стали бы жители Багдада повиноваться калифу-аисту.

Такъ бродили они нѣсколько дней, скудно питаясь разными плодами. Бѣда въ томъ, что длинные клювы мѣшали пережевывать пищу, а къ ящерицамъ и лягушкамъ ихъ что-то не тянуло; они боялись испортить себѣ желудки. Единственнымъ утѣшеніемъ ихъ въ печальномъ положеніи было то, что они могли летать. И они летали по крышамъ Багдада и высматривали, что тамъ дѣлалось.

Первые дни послѣ исчезновенія калифа въ городѣ было замѣтно сильное возбужденіе и тревога. Но нѣсколько дней спустя, друзья, сидя на крышѣ дворца, увидѣли странное зрѣлище. По улицѣ тянулось великолѣпное шествіе, гремѣли барабаны, звучали трубы; среди блестящей толпы слугъ, на богато украшенномъ конѣ ѣхалъ человѣкъ въ затканномъ золотомъ пурпуровомъ плащѣ. Чуть не весь народъ Багдада бѣжалъ за нимъ и всѣ кричали «Да здравствуетъ Мизра, повелитель Багдада!» Тутъ наши аисты посмотрѣли другъ на друга и калифъ Хазидъ вымолвилъ: «Теперь понимаешь, почему я превращенъ, великій визирь? Мизра — это сынъ моего смертельнаго врага, могучаго волшебника Кашнура. Онъ за что-то обѣщалъ отмстить мнѣ. Но я надежды не теряю... Летимъ, вѣрный товарищъ по несчастію, летимъ ско-

рѣе къ гробу Пророка; тамъ, на святыхъ мѣстахъ, чары, можетъ быть, рушатся сами собою».

Они взвились и полетѣли прямо по дорогѣ въ Медину.

Полетъ нельзя было считать, однако, особенно удачнымъ, такъ какъ у друзей еще мало было навыка. «О, государь!» взмолился весьма скоро великій визирь, «съ вашего позволенія... я больше не могу... право, не въ силахъ... вы слишкомъ скоро летите! Да и скоро ночь, спустимся, поищемъ пріюта на ночь».

Калифъ внялъ мольбамъ визиря. Какъ разъ подъ ними, въ долинѣ лежали развалины. Тамъ можно было пріютиться. Они спустились на землю. Развалины оказались остатками когда-то великолѣпнаго дворца. Изъ обломковъ торчали красивыя колонны; многіе, еще уцѣлѣвшіе, покои свидѣтельствовали о прежнемъ блескѣ дома. Хазидъ со своимъ спутникомъ вошелъ внутрь двора, выискивая, гдѣ бы поудобнѣе расположиться. Вдругъ аистъ Мансоръ остановился: «Государь и повелитель», шепнулъ онъ, «хоть это, можетъ быть, и глупо для великаго визиря, а тѣмъ болѣе для аиста, но я боюсь привидѣній! Мнѣ что-то такъ жутко стало на душѣ: право, кто-то совсѣмъ ясно вздохнулъ или застоналъ здѣсь по близости». Калифъ тоже остановился и дѣйствительно ясно услышалъ плачъ; плакалъ во всякомъ случаѣ человѣкъ, а не животное. Калифъ тотчасъ же бросился по направленію голоса, но визирь схватилъ его клювомъ за крыло и дрожалъ, и умолялъ не подвергать себя невѣдомымъ опасностямъ.

Но у калифа и подъ крыломъ билось сердце героя; онъ рванулся и исчезъ подъ темнымъ сводомъ, оставивъ нѣсколько перьевъ въ клювѣ товарища. Скоро въ темнотѣ нащупалъ онъ дверь; она оказалась лишь прислоненною. Изъ-за нея явственно слышались вздохи и тихія рыданія. Онъ толкнулъ клювомъ дверь и остановился въ изумленіи. Въ полуразрушенномъ помѣщеніи, освѣщенномъ лишь крошечнымъ рѣшетчатымъ окномъ, сидѣла на полу огромная ночная сова. Крупныя слезы катились градомъ изъ круглыхъ глазъ и изъ кривого клюва вылетали хриплыя жалобы. Когда она увидѣла калифа, а за спиною его визиря — тотъ всетаки прокрался за своимъ господиномъ — она громко вскрикнула отъ радости. Она тотчасъ утерла слезы краемъ пестраго крыла и заговорила чистымъ арабскимъ языкомъ.

«Привѣтъ вамъ, аисты, благое предзнаменованіе моего спасенія! Мнѣ предсказано, что чрезъ аистовъ ждетъ меня великое счастье!»

Калифъ, наконецъ, оправился отъ изумленія. Онъ изящно выгнулъ шею, красиво поставилъ тонкія ноги и сказалъ: «Ночная сова! Судя по твоимъ словамъ, ты нашъ товарищъ по несчастію. Но, увы! боюсь, что тщетна надежда твоя черезъ насъ получить спасеніе. Ты сама убѣдишься въ этомъ нашемъ безсиліи, выслушавъ нашу печальную повѣсть». Тутъ онъ разсказалъ ей все, что мы уже знаемъ.

Когда калифъ кончилъ, сова благодарила его. «Выслушай теперь меня», сказала она, «и увидишь, что я не менѣе несчастна, чѣмъ ты. Отецъ мой царь Индіи, а я его единственная дочь. Зовутъ меня Луза.

Виновникъ моего несчастія тотъ же Кашнуръ, который и васъ околдовалъ. Онъ явился разъ къ моему отцу и просилъ моей руки для сына своего, Мизры. Отецъ мой, человѣкъ вспыльчивый, велѣлъ спустить его съ

Я живу, несчастная отшельница, въ этихъ развалинахъ

лѣстницы. Тогда тотъ сумѣлъ въ другомъ видѣ обратиться ко мнѣ и разъ, когда я гуляла въ саду и попросила пить, онъ, подъ видомъ невольника, подалъ мнѣ какое-то питье и я стала тѣмъ, что ты теперь видишь. Отъ ужаса я лишилась чувствъ: онъ

подхватилъ меня, унесъ сюда и громовымъ голосомъ прокричалъ мнѣ въ уши:

«Оставайся такъ уродомъ до конца жизни, будь пугаломъ не только для людей, но и для животныхъ, развѣ кто по собственному желанію согласится взять тебя въ жены въ этомъ привлекательномъ образѣ. Вотъ моя месть тебѣ и гордецу отцу».

«Съ тѣхъ поръ прошло уже много мѣсяцевъ. Я живу, несчастная отшельница, въ этихъ развалинахъ, всѣ бѣгутъ отъ меня, даже животныя. Чудная природа не существуетъ для меня, такъ какъ днемъ я слѣпа; только по вечерамъ, когда мѣсяцъ тускло блеснетъ сквозь рѣшетку, завѣса спадаетъ съ моихъ глазъ».

Сова смолкла и снова крыломъ отерла непокорныя слезы.

Калифъ погрузился въ раздумье. «Если не ошибаюсь», сказалъ онъ, «между нашими несчастьями есть нѣкоторая таинственная связь. Но гдѣ найдемъ ключъ къ этой загадкѣ?» — «И мнѣ такъ кажется», отвѣчала сова. «Мнѣ какъ-то въ ранней юности одна вѣщая женщина предвѣщала, что аистъ принесетъ мнѣ счастье. Да, пожалуй, я и теперь знаю, какъ намъ спастись». Калифъ и Мансоръ даже вздрогнули отъ неожиданности. «Дѣло въ томъ, продолжала сова, что волшебникъ, врагъ нашъ, разъ въ мѣсяцъ посѣщаетъ эти развалины. Недалеко отсюда есть зала. Тамъ онъ обыкновенно пируетъ съ товарищами. Я часто выслѣживала ихъ тамъ! Они хвастаются другъ передъ другомъ разными скверными продѣлками. Можетъ; онъ случайно произнесетъ слово, забытое вами».

«О, принцесса дорогая», воскликнулъ калифъ, «скажи, когда придетъ онъ и гдѣ та зала?»

Сова помолчала минуту и сказала: «Простите, но я могу вамъ это сказать лишь подъ однимъ условіемъ.

«Говори, говори скорѣе!» воскликнули оба разомъ «Приказывай, на все согласенъ!» добавилъ Хазидъ.

«Видите-ли, мнѣ тоже хотѣлось бы освободиться, а вѣдь это возможно лишь въ томъ случаѣ, если одинъ изъ васъ предложитъ мнѣ руку и сердце».

Предложеніе, повидимому, нѣсколько озадачило аистовъ. Калифъ сдѣлалъ знакъ визирю; они вышли за дверь.

«Великій визирь, условіе довольно глупое, но мнѣ кажется, ты бы могъ его принять».

— Вотъ какъ! Чтобъ моя нѣжная супруга, когда я вернусь, выцарапала мнѣ глаза? Да къ тому же, я почти старикъ, а вы человѣкъ молодой и неженатый, и вамъ болѣе приличествуетъ предложить руку молодой, прекрасной принцессѣ.

«Вотъ то-то и есть!» вздохнулъ калифъ и печально опустилъ крылья, «кто тебѣ сказалъ, что она молода и прекрасна? Это, что называется, кошку въ мѣшкѣ покупать!»

Нѣкоторое время они переговаривались; наконецъ, когда калифъ убѣдился, что визирь скорѣе останется аистомъ, чѣмъ женится на совѣ, онъ рѣшился самъ выполнить условіе. Сова была вполнѣ счастлива. Она созналась, что аисты поспѣли какъ разъ во время, такъ какъ, по всей вѣроятности, волшебники соберутся именно въ эту ночь.

Она вывела друзей изъ своей комнаты и повела ихъ къ залѣ. Они долго шли темнымъ корридоромъ, наконецъ, вдали изъ-за полуразрушенной стѣны блеснулъ яркій свѣтъ. Они остановились и расположи-

Посреди стоялъ столъ, уставленный всевозможными яствами. лись такимъ образомъ, чтобъ видѣть всю внутренность зала. Онъ былъ украшенъ колоннами и роскошно убранъ. Посреди стоялъ круглый столъ, уставленный всевозможными яствами; вокругъ стола — софа, а на ней восемь мужчинъ. Въ одномъ изъ нихъ калифъ узналъ того торговца, что продалъ ему волшебный порошокъ. Онъ рассказывалъ сосѣду о

своихъ новыхъ злодѣяніяхъ и между прочимъ упоминалъ о калифѣ и его визирѣ.

«Ты какое слово имъ задалъ?» спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

«Очень трудное, латинское; *Mutabor*».

Только услышали это аисты изъ своей засады, какъ обезумѣли отъ радости. Они такъ быстро зашагали своими длинными ногами къ выходу, что сова поспѣть за ними не могла. У воротъ калифъ взволнованно обратился къ совѣ: «Спасительница жизни моей и друга моего, визиря! будь женою моею въ знакъ вѣчной признательности за то, что ты сдѣлала для насъ». Затѣмъ аисты повернулись клювами къ востоку, трижды низко поклонились восходящему солнцу, прокричали *Mutabor* и — въ слѣдующую секунду и господинъ и вѣрный слуга лежали, рыдая, въ объятіяхъ другъ друга. Но каково же было ихъ удивленіе, когда они оглянулись? За ними стояла красавица принцесса въ блестящемъ нарядѣ. Она, улыбаясь, протянула ручку калифу. «Не узнаете ночной совы?» спросила она. Калифъ былъ такъ пораженъ ея красотою и изяществомъ, что могъ только воскликнуть: «Какое счастье, что я былъ аистомъ!».

Всѣ трое радостно пустились въ обратный путь. Калифъ нашелъ въ своемъ платьѣ не только коробочку съ порошкомъ, но и кошелекъ. Онъ пріобрѣлъ въ сосѣдней деревнѣ все необходимое для путешествія и скоро они достигли воротъ Багдада.

Возвращеніе калифа вызвало страшное волненіе. Его считали погибшимъ и народъ искренне радовался видѣть вновь любимаго повелителя.

Тѣмъ сильнѣе разгорѣлась ненависть противъ коварнаго обманщика Мизры. Тотчасъ же привели стараго волшебника и его сына. Старика калифъ отослалъ въ тотъ покой развалинъ, гдѣ томилаcь совою принцесса и велѣлъ тамъ его повѣсить. А сыну, который ничего не понималъ въ искусствѣ отца, калифъ предложилъ на выборъ: или умереть, или понюхать волшебный порошокъ. Мизра выбралъ послѣднее. Калифъ обратилъ его въ аиста и посадилъ въ желѣзную клѣтку.

Долго и счастливо жилъ Хазидъ съ своею супругою, принцессою Совою. Самыми веселыми часами его жизни было послѣобѣденное время, когда посѣщалъ его великій визирь. Тутъ они часто вспоминали свои злѣшныя вѣща въ то время, какъ были аистами; а когда калифъ былъ

особенно въ духѣ, онъ начиналъ передразнивать великаго визиря, когда тотъ былъ аистомъ. Онъ тогда важно расхаживалъ по комнатамъ, не сгибая ногъ, пощелкивалъ губами, помахивалъ руками какъ крыльями и представлялъ, какъ тотъ отчаянно кивалъ носомъ къ востоку и выкри-

кивалъ Му-му-му. Супруга калифа и его дѣти каждый разъ заливались хохотомъ при представленіи, но когда калифъ слишкомъ долго пощелкивалъ и кричалъ Му-му — великій визирь шутливо грозилъ, что

тоже расскажетъ ея свѣтлости, супругѣ калифа, что говорилось тогда ночью за дверью принцессы, ночной совы.

* *
*

Селимъ Барухъ замолкъ. Купцы были въ восторгѣ отъ его разсказа. «Вѣдь вотъ и въ самомъ дѣлѣ, время пролетѣло, мы даже не замѣтили какъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ, откидывая полу палатки. «Вечерній вѣтерокъ навѣваетъ прохладу: мы могли бы, пожалуй, продолжать путь». Всѣ согласились; палатки сняли, караванъ выстроился въ прежнемъ порядкѣ и поѣхали дальше.

Ѣхали почти всю ночь, такъ какъ днемъ было жарко, а ночь была свѣжая и звѣздная. Наконецъ, доѣхали до удобнаго мѣста стоянки, разбили палатки и легли отдохнуть. Купцы заботились о незнакомцѣ, какъ о самомъ дорогомъ гостѣ. Одинъ далъ ему подушку, другой покрывало, третій предлагалъ своихъ невольниковъ, однимъ словомъ, онъ былъ, какъ у себя дома. Уже прошло знойное время дня, когда они встали, но всѣ единогласно рѣшили подождать вечера для выступленія въ путь. Подкрѣпившись пищею, они подѣли ближе другъ къ другу и молодой купецъ обратился къ старѣйшему изъ товарищей: «Вчера Селимъ Барухъ сократилъ намъ послѣобѣденное время своимъ разсказомъ; что если бы теперь ты, Ахметъ, разсказалъ намъ что-нибудь. Вѣроятно, въ долгой жизни твоей не мало встрѣчалось интересныхъ приключеній. Или, можетъ, ты предпочитаешь какую нибудь сказку?» Ахметъ нѣкоторое время молчалъ, раздумывая; наконецъ, сказалъ:

«Друзья мои! Путешествіе сблизило насъ, да и Селимъ вполнѣ заслуживаетъ наше довѣріе. Расскажу вамъ нѣчто изъ моей жизни, о чемъ неохотно и далеко не всѣмъ сообщаю. Это исторія о Кораблѣ призрака».

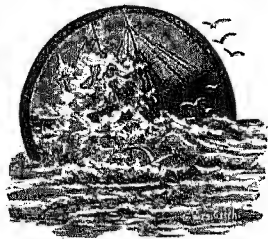
* *

Корабль призрака.

У отца моего была небольшая лавочка въ Баль-сорѣ. Онъ былъ и не богатъ, и не бѣденъ, и принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые неохотно на что нибудь рѣшаются изъ боязни потерять то, что имѣютъ. Воспиталь онъ меня прилично и довель до того, что я рано сталъ ему помощникомъ. Мнѣ только что исполнилось восемнадцать лѣтъ, а онъ только что затѣялъ первую крупную спекуляцію, какъ неожиданно скончался. Вѣроятно, тутъ не малое имѣла вліяніе непосильная для него тревога насчетъ участіи тысячи золотыхъ, ввѣренныхъ имъ коварному морю. Мнѣ скоро пришлось порадоваться за него, что онъ во время умеръ, такъ какъ черезъ мѣсяцъ пришло извѣстіе, что корабль, уносившій достояніе отца, погибъ. Мою юношескую бодрость это, положимъ, не убило. Я обратилъ въ золото все, что только осталось послѣ отца и рѣшилъ отправиться на чужбину искать счастья. Со мною отправился старый слуга: онъ былъ слишкомъ привязанъ ко мнѣ, чтобы отпустить меня одного. Мы выѣхали изъ гавани съ попутнымъ вѣтромъ. Корабль, на который мы сѣли, долженъ былъ идти въ Индію. Мы плыли уже недѣли двѣ, какъ вдругъ капитанъ возвѣстилъ намъ

приближеніе бури. При этомъ онъ казался очень озабоченнымъ, такъ какъ, повидимому, плохо зналъ фарватеръ той области. Собрали паруса и мы еле двинулись впередъ. Наступила ночь, свѣтлая, прохладная; капитанъ началъ надѣяться, что ошибся на-счетъ бури. Вдругъ мимо насъ на всѣхъ парусахъ пронесся корабль, котораго мы раньше не замѣтили; онъ пронесся такъ близко, что чуть ли не задѣлъ бортомъ о бортъ. Съ палубы раздавались дикіе возгласы и крики, что крайне удивило меня въ торжественный для моряка часъ передъ бурей. Капитанъ нашъ стоялъ блѣдный какъ полотно. «Пропалъ мой корабль!» воскликнулъ онъ, «тамъ мчится смерть!» Не успѣлъ я разспросить его, что это значить, какъ уже со всѣхъ сторонъ сбѣгались матросы съ крикомъ: «Видѣли, видѣли его? Теперь пропали мы!»

Капитанъ распорядился, чтобъ для успокоенія экипажа читали изреченія изъ Корана, а самъ сѣлъ у руля. Все напрасно! Буря замѣтно надвигалась и не прошло часа, какъ раздался оглушительный трескъ и корабль нашъ сѣлъ. Спустили лодки; только успѣли сойти послѣдніе матросы, какъ корабль на нашихъ глазахъ погрузился въ море. Мы очутились нищими среди безбрежнаго воднаго пространства. Но бѣдствіе этимъ не кончилось. Все сильнѣе и сильнѣе свирѣпѣла буря; не было возможности управлять лодкою. Я крѣпко обхватилъ руками вѣрнаго слугу и мы поклялись не отставать одинъ отъ другого. Наступало утро. Заря только что занялась, когда порывъ вихря подхватилъ

нашу лодку, закрутилъ и опрокинулъ ее. Я никогда больше не видалъ своихъ спутниковъ. Паденіе оглушило меня; когда я очнулся, я очутился въ объятіяхъ своего старика, который спасся на опрокинутой лодкѣ и втащилъ меня за собою. Буря улеглась. Отъ нашего корабля ничего не осталось, но вдали виднѣлось другое судно, къ которому насъ гнало волною. Когда мы очутились ближе, я узналъ корабль; это былъ тотъ самый, что ночью промчался мимо насъ и такъ напугалъ капитана. Мнѣ какъ-то страшно жутко стало отъ этого корабля. Пророчество капитана, которое такимъ ужаснымъ образомъ сбылось, пустынный видъ корабля, на которомъ никто не показывался, несмотря на наши призывные крики, все это наводило какой-то непонятный ужасъ. Но раздумывать намъ было некогда; это было единственное средство спасенія. Намъ оставалось только благодарить Пророка за его попеченія о насъ.

У носа корабля висѣлъ длинный канатъ. Мы принялись грести и руками и ногами, чтобы подѣхать къ нему. Намъ посчастливилось поймать канатъ. Я громко крикнулъ, но на кораблѣ по прежнему было тихо. Тогда мы стали подниматься; я, какъ младшій, впереди. Но, о, ужасъ! Какое зрѣлище представилось мнѣ, когда я вступилъ на палубу! Весь полъ былъ залитъ кровью, отъ двадцати до тридцати труповъ въ турецкой одеждѣ лежали распростертыми на землѣ; у средней мачты стоялъ человѣкъ въ богатой одеждѣ, съ саблею въ рукахъ. Лицо его было блѣдно и искажено страданіемъ, во лбу торчалъ большой гвоздь, которымъ онъ былъ пригвожденъ къ

мачтѣ: онъ тоже былъ мертвъ. Ужасъ приковалъ меня къ мѣсту, я едва смѣлъ дышать. Тѣмъ временемъ подоспѣлъ мой спутникъ. Его тоже ошеломилъ видъ

Мы поклялись не отставать одинъ отъ другого.

ужаснаго побоища. Но что было дѣлать? Мы усердно помолились пророку и двинулись впередъ. Мы шли по палубѣ и оглядывались, нѣтъ ли чего новаго, чего нибудь еще болѣе страшнаго. Все оставалось по преж-

нему. Ни тутъ, ни тамъ ничего живого, одни мы и безбрежное море! Мы не смѣли даже громко говорить изъ боязни, что тотъ у мачты обратитъ на насъ свой неподвижный взоръ, или что который нибудь изъ убитыхъ повернетъ къ намъ голову. Такъ дошли мы до лѣстницы внизъ, въ каюты. Тутъ мы невольно остановились и переглянулись. Никто не рѣшался первый высказать своихъ мыслей.

«Господинъ мой», сказалъ вѣрный слуга, «здѣсь произошло что-то ужасное. Но, будь корабль внизу полонъ убійцъ, я лучше довѣрюсь имъ, чѣмъ оставаться здѣсь среди труповъ». Я былъ того же мнѣнія и потому мы собрались съ духомъ и спустились въ каюту. И тамъ было безмолвно какъ въ могилѣ и шаги наши глухо отдавались по лѣстницѣ. Мы остановились у дверей каюты. Я приложилъ ухо къ двери: ни звука. Я открылъ дверь. Странный видъ представляло помѣщеніе. Все было разбросано: одежда, оружіе, всевозможная утварь валялись въ перемежку. Ничего не было на мѣстѣ. Экипажъ, или, по крайней мѣрѣ, капитанъ, вѣроятно, недавно пировали тутъ, судя по остаткамъ убранства. Мы обошли всѣ каюты, всѣ закоулки; всюду были сложены богатые запасы шелковыхъ тканей, жемчуга, сахара и пр. и пр. Я былъ страшно доволенъ, такъ какъ полагалъ, что разъ на кораблѣ никого нѣтъ, я свободно могу себѣ присвоить оставшееся добро. Ибрагимъ нѣсколько разочаровалъ меня, напомнивъ, что земля, повидимому, еще очень далеко и что однимъ безъ посторонней помощи врядъ ли удастся намъ добраться до нея.

Мы подкрѣпили себя пищею и напитками, кото-

рые нашли въ изобиліи, потомъ снова поднялись на палубу. Но тутъ у насъ морозъ по кожѣ пошелъ при видѣ труповъ. Мы рѣшили избавиться отъ нихъ. Не тутъ-то было! Невозможно было сдвинуть ихъ съ мѣста. Они лежали какъ прикованные къ палубѣ; пришлось бы доски вырубать, чтобы ихъ сбросить въ море, а для этого у насъ инструментовъ не было подъ рукою. Капитана тоже оказалось невозможнымъ оторвать отъ мачты; даже саблю нельзя было вынуть изъ окоченѣвшей руки. День прошелъ въ печальномъ обсужденіи нашего положенія. Когда настала ночь, я разрѣшилъ Ибрагиму лечь спать, а самъ рѣшилъ караулить на палубѣ, не подвернется ли какое-нибудь средство спасенія. Но когда взошелъ мѣсяцъ и я по звѣздамъ разсчиталъ, что наступилъ одиннадцатый часъ, меня стало такъ непреодолимо клонить ко сну, что я невольно растянулся за бочкою, стоявшею тутъ же на палубѣ. Положимъ, то былъ скорѣе не сонъ, а какое-то оцѣпенѣніе; я все время ясно слышалъ, какъ волны хлестали о бокъ корабля, а паруса трещали и свистѣли надо мною. Вдругъ послышались мнѣ какъ бы голоса и шумъ шаговъ на палубѣ. Я хотѣлъ вскочить, но невѣдомая сила сковала мои члены; я даже глазъ не могъ открыть. Голоса раздавались все яснѣе; шаги звучали громче; казалось, что весь корабельный экипажъ беззаботно двигался по палубѣ. Порою до меня долеталъ рѣзкій голосъ командующаго; я слышалъ ясно, какъ скрипѣли канаты и натягивались паруса. Потомъ я сталъ постепенно терять сознаніе и, наконецъ, крѣпко заснулъ. Лишь сквозь сонъ, на послѣдокъ, почудился мнѣ лязгъ оружія, а проснулся

я когда уже солнце высоко стояло на небѣ и лучи его нестерпимо жгли мнѣ лицо. Я озирался съ удивленіемъ. Буря, корабль призракъ, все, что я слышалъ ночью — все это мнѣ казалось сномъ. Однако, когда осмотрѣлся, я убѣдился, что все по вчерашнему. Такъ же неподвижно лежали трупы, такъ же неподвижно стоялъ капитанъ у своей мачты. Я посмѣялся надъ своимъ пылкимъ воображеніемъ и спокойно пошелъ разыскивать старика Ибрагима.

Тотъ сидѣлъ задумавшись въ каютѣ. «Лучше сто разъ лежать на днѣ морскомъ, чѣмъ еще ночь провести на этомъ чертовскомъ кораблѣ!» воскликнулъ онъ, какъ только я вошелъ. — Въ чемъ дѣло? спросилъ я. «Видите-ли, съ вечера я улегся и проспалъ нѣсколько часовъ; вдругъ проснулся и слышу, словно кто бѣгаетъ надъ моею головою. Сначала я подумалъ, что это вы, но потомъ я разобралъ, что слышенъ топотъ многихъ ногъ; временами долетали возгласы и крики. Наконецъ, слышались тяжелые шаги внизъ по лѣстницѣ... Тутъ ужъ я больше не помню, что со мною было; сознаніе только временами возвращалось ко мнѣ и тогда я видѣлъ того человѣка, что къ мачтѣ пригвожденъ. Онъ сидѣлъ тутъ за столомъ, ѣлъ и пилъ. Противъ него сидѣлъ тотъ, что лежитъ на палубѣ у ногъ его. Онъ тоже ѣлъ и пилъ обильно». Такъ закончилъ рассказъ старый слуга.

Можете себѣ представить, друзья, каково у меня было на душѣ! Очевидно, то былъ не обманъ чувствъ: я дѣйствительно слышалъ мертвецовъ.

Ибрагимъ долго сидѣлъ въ раздумьи. «Вспомнилъ!» воскликнулъ онъ внезапно. Оказалось, онъ вспом-

нилъ заклинаніе, которому училъ его когда-то дѣдъ, опытный многопутешествовавшій морякъ. Это заклинаніе уничтожало всякое навожденіе; даже, по его увѣренію, могло предотвратить ту неестественную дремоту, которая насъ одолѣвала. Надо было только усердно читать стихи изъ Корана. Предложеніе старика мнѣ очень понравилось. Мы съ нетерпѣніемъ стали ждать ночи.

Рядомъ съ каютой приходилась маленькая комнатка; мы рѣшили запереться тамъ. Мы продѣлали въ двери нѣсколько отверстій, чтобы удобно было видѣть всю каюту, затѣмъ, насколько могли, крѣпко заперли дверь изнутри, а Ибрагимъ на всѣхъ четырехъ углахъ начерталъ имя пророка.

Наступила ночь. Около одиннадцати меня стало снова клонить ко сну. Спутникъ мой посовѣтовалъ мнѣ читать скорѣе стихи изъ корана и это помогло. Вотъ оживилось вверху; раздалась бѣготня, зашкрипѣли канаты, затрещали снасти, ясно слышались голоса. Нѣсколько минутъ мы напряженно вслушивались, наконецъ, послышались шаги по лѣстницѣ. Старикъ тотчасъ же сталъ произносить свое заклинаніе:

Духи тьмы и духи свѣта,
Духи скрытые въ волнахъ,
Духи огненной пучины,
Духи, спящіе въ скалахъ!
Всѣ смиритесь.
Преклонитесь.
Повелитель вашъ Аллахъ!

Надо сознаться, что я не слишкомъ вѣрилъ въ силу заклинанія, и у меня волосы стали дыбомъ,

когда вдругъ распахнулась дверь и на порогѣ показался тотъ рослый мужчина, что стоялъ пригвожденный къ мачтѣ. У него и теперь торчалъ гвоздь во лбу, но мечъ былъ вложенъ въ ножны. За нимъ шелъ другой, въ болѣе скромной одеждѣ; я его тоже видѣлъ среди труповъ. Капитанъ — это несомнѣнно былъ капитанъ — былъ очень блѣденъ; большая черная борода окаймляла его лицо, глаза безпокойно блуждали по сторонамъ. Намъ легко было разсмотрѣть его, когда онъ проходилъ мимо нашей двери; онъ же, казалось, даже не замѣтилъ ее. Оба сѣли за столъ посреди каюты и заговорили громко, почти крича, на незнакомомъ языкѣ. Голоса звучали все громче и рѣзче, наконецъ, капитанъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что все въ комнатѣ задребезжало. Другой съ дикимъ смѣхомъ вскочилъ и кивнулъ капитану слѣдовать за нимъ. Тотъ выхватилъ саблю изъ ноженъ и бросился изъ каюты. Мы вздохнули свободнѣе, когда они исчезли. Но на этомъ не суждено еще было кончиться тревогѣ. Все шумнѣе и шумнѣе становилось на палубѣ. Слышно было, какъ тамъ бѣгали и кричали, смѣялись и вопили. Наконецъ, поднялся такой дѣйствительно адскій шумъ, что намъ казалось, что вся палуба со всѣми снастями рушится на насъ; звенѣло оружіе, дикіе крики, стоны — потомъ разомъ все смолкло. Когда, много спустя, мы рѣшились выйти изъ своей засады, все было по прежнему. Всѣ лежали въ прежнемъ положеніи, всѣ были тверды какъ дерево.

Такъ продолжалось нѣсколько дней. Корабль все шелъ къ востоку, гдѣ по нашимъ расчетамъ прихо-

дилась земля, но, хотя днемъ онъ, и подвигался, на нѣсколько миль, ночью онъ, повидимому, шелъ на- столько же назадъ: мы всегда оказывались къ утру на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояли съ вечера. Другого объясненія не было, кромѣ того, что ночью мертвецы на всѣхъ парусахъ гнали обратно. Мы рѣшили этому воспротивиться и употребить то же средство, какъ на дверяхъ каюты. Мы написали на кускахъ пергамента имя пророка и дѣдовское заклинаніе, и привязали ихъ къ мачтамъ вокругъ сложенныхъ парусовъ. Съ тревогою ждали мы въ своей каморкѣ, что дальше будетъ. Возня на палубѣ продолжала неистовствовать, но на утро паруса оказались въ томъ видѣ, какъ мы ихъ оставили. Днемъ мы натянули столько парусовъ, сколько требовалось для спокойнаго хода, и дней въ пять прошли порядочное пространство.

Наконецъ, на шестой день вдали показалась земля и мы воздали хвалу Аллаху и его пророку за чудесное спасеніе. Этотъ день и слѣдующую ночь мы шли вдоль берега, а на седьмые сутки увидѣли вдали какой-то городъ. Мы спустили якорь, не безъ труда, конечно, и корабль всталъ. На палубѣ нашлась лодочка; мы ее отцѣпили, сѣли въ нее и, что было силы, стали грести къ городу. Черезъ полчаса мы уже были на берегу. Оказалось, что это какой-то индійскій городъ, недалеко отъ той мѣстности, куда я первоначально отправлялся. Мы зашли въ каравансарай и освѣжились тамъ немного. Тамъ я осторожно разспросилъ, нѣтъ-ли въ городѣ какого-нибудь умнаго и знающаго человѣка, свѣдующаго сколько-нибудь въ колдовствѣ. Мнѣ указали на одного старика. Онъ жилъ въ отда-

ленной улицѣ, въ невзрачномъ домикѣ. Я постучался; меня впустили. Я спросилъ старика Мулея. Ко мнѣ вышелъ старичекъ съ сѣдою бородою и длиннымъ носомъ и спросилъ, что мнѣ требуется. Я рассказалъ ему свои приключенія и спросилъ его совѣта, что мнѣ дѣлать съ мертвецами и какъ снять ихъ съ корабля. Онъ отвѣчалъ, что, вѣроятно, люди эти за какой-нибудь важный проступокъ заколдованы на водѣ, но что вѣроятно чары рушатся, если вынести ихъ на берегъ. Только для этого, полагалъ онъ, придется вынуть ихъ вмѣстѣ съ досками, на которыхъ они лежатъ. Онъ считалъ также, что мнѣ по всѣмъ правамъ принадлежитъ корабль и все, что тамъ найдется; просилъ лишь удѣлить ему хоть небольшой подарокъ, а онъ дастъ мнѣ своихъ невольниковъ, чтобъ помочь убрать трупы. Мы отправились на корабль, забрали съ собою пять невольниковъ съ топорами и пилами, и принялись за работу. Мулей очень одобрилъ счастливую мысль закрѣпить паруса заклинаніемъ, такъ какъ безъ этого мы бы никогда не достигли берега.

Было еще довольно рано, когда мы взошли на корабль, и черезъ часъ уже четверо труповъ лежали въ лодкѣ. Два невольника повезли ихъ на берегъ. Они потомъ рассказывали, что мертвецы избавили ихъ отъ труда погребенія, такъ какъ разсыпались въ прахъ при первомъ прикосновеніи съ землею. Мы усердно продолжали свое дѣло и къ вечеру палуба очистилась. Оставался лишь одинъ капитанъ. Съ нимъ мы положительно не знали что дѣлать. Мы всѣ поочередно пытались вытащить гвоздь, но онъ не поддавался ни на волосъ. Не рубить же было

мачту, чтобъ везти его съ нею на берегъ! Тутъ помогъ намъ Мулей. Онъ велѣлъ привезти съ берега горшокъ земли, затѣмъ произнесъ нѣсколько словъ и бросилъ щепотку земли на голову мертвеца. Тотъ

Мы безъ труда вынули гвоздь и раненый упалъ на руки невольника.

тотчасъ открылъ глаза, вздохнулъ полною грудью и рана на лбу его стала сочиться кровью. Мы ужъ безъ труда вынули гвоздь и раненый упалъ на руки невольника.

«Кто привезъ меня сюда?» спросилъ онъ глухимъ голосомъ. Мулей указалъ на меня. Я подошелъ ближе. «Благодарю тебя, незнакомецъ, ты избавилъ меня отъ страшныхъ мученій. Пятьдесятъ лѣтъ носится мое тѣло по этимъ волнамъ и духъ мой заклятъ возвращаться къ нему каждую ночь. Теперь земля коснулась главы моей; я могу, примиренный съ небомъ, вернуться къ праотцамъ». Я умолялъ его сообщить намъ, какъ онъ дошелъ до такого ужаснаго состоянія. Онъ еще разъ вздохнулъ и началъ: «Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ былъ я всѣми уважаемый человѣкъ и жилъ въ Алжирѣ; погоня за наживою побудила меня снарядить корабль и заняться морскимъ разбоемъ. Нѣкоторое время дѣла мои шли успѣшно, но разъ мы взяли на бортъ дервиша, которому нечѣмъ было платить за проѣздъ. Мы съ товарищами были люди грубые. Святость старика не останавливала насъ, и мы всѣ насмѣхались надъ нимъ. Но разъ онъ такъ увлекся благочестивымъ рвеніемъ, что сталъ укорять меня въ грѣшной жизни. Ночью, когда я пировалъ въ каютѣ съ моимъ штурманомъ, на меня напала такая злость на несчастнаго дервиша, который смѣлъ говорить мнѣ то, что я ни одному султану не позволилъ бы сказать, что я бросился на палубу и всадилъ ему кинжалъ въ самую грудь. Трупъ мы бросили въ море и смѣялись надъ его угрозами. Но уже на слѣдующую ночь исполнились его предсказанія. Часть экипажа возмутилась противъ меня. Завязалась битва, битва отчаянная. Всѣ мои приверженцы были убиты, а самъ я пригвожденъ къ мачтѣ. Но и мятежники всѣ погибли отъ ранъ и скоро весь корабль превратился въ откры-

тую могилу. У меня тоже закрылись глаза, дыханье остановилось и я думалъ, что умираю. Но то была не смерть, а оцѣпенѣніе; на слѣдующую же ночь, въ тотъ же часъ, какъ мы бросили въ море дервиша, очнулся я и очнулись мои товарищи. Жизнь вернулась къ намъ, но мы не могли ничего другого ни дѣлать, ни говорить какъ то, что мы дѣлали и говорили въ ту ужасную ночь. Такъ носились мы по волнамъ пятьдесятъ лѣтъ; мы не оживали, но не въ силахъ были и умереть; какъ могли мы достичь земли? Съ бѣшеною радостью неслись мы на всѣхъ парусахъ на встрѣчу бурѣ, мы жаждали разбиться о какую-нибудь скалу и сложить усталыя головы на дно морское. Тщетная надежда! Теперь же я чувствую, что умираю. Благодарю еще разъ, неизвѣстный спаситель. Если могутъ сокровища наградить тебя, бери мой корабль въ знакъ моей признательности».

Онъ поникъ головою и скончался. Тутъ же, на глазахъ нашихъ, онъ разсыпался прахомъ, какъ и его товарищи. Мы собрали прахъ въ ящичекъ и похоронили его на берегу; послѣ этого я нанялъ рабочихъ и привелъ въ порядокъ поврежденный корабль. Мнѣ удалось вымѣнять мой товаръ съ большимъ барышемъ; нанялъ я матросовъ, щедро одарилъ друга своего Мулея и поплылъ обратно на родину. Я немного свернулъ съ дороги, объѣхалъ нѣсколько острововъ и странъ, всюду выставлялъ на рынокъ свой товаръ и пророкъ благословилъ мои труды. Я вернулся на родину вдвое богаче, чѣмъ наградилъ меня умирающій капитанъ. Сograждане страшно дивились моему богатству, и рѣшили, что я, по меньшей мѣрѣ, на-

ткнулся на алмазную долину знаменитаго мореплавателя Синбада. Я не сталъ разувѣрять ихъ и съ тѣхъ поръ вошло въ обычай въ нашей мѣстности, чтобъ молодые люди не позднѣе восемнадцати лѣтъ пускались въ свѣтъ искать счастья. Я же живу себѣ мирно и каждая пять лѣтъ направляюсь въ Мекку благодарить Аллаха за свое спасеніе и помолиться за упокой души грѣшнаго капитана и его товарищей.

* *

На слѣдующій день караванъ безпрепятственно продолжалъ путь, а когда снова остановились для отдыха, Селимъ, незнакомецъ, сказалъ Мулею, младшему изъ купцовъ: «Вы хотя и младшій, но зато запасъ веселости у васъ большой. Навѣрное у васъ найдется рассказать что-нибудь забавное. Скорѣе выкладывайте, освѣжите насъ послѣ дневного зноя!»—«Пожалуй, нашлось бы что-нибудь подходящее», отвѣчалъ Мулей, «но юности приличествуетъ скромность и потому отдадимъ предпочтеніе старшимъ товарищамъ. Зулейко, всегда такой мрачный и сосредоточенный, пусть расскажетъ намъ, что такъ сильно жизнь его омрачило? Можетъ быть, намъ удастся смягчить его тоску. Мы отъ всей души готовы помочь собрату, будь онъ даже другой вѣры». Тотъ, къ кому обращались эти слова, былъ человекъ средняго возраста, мужественный и красивый, но, дѣйствительно, мрачнаго вида. Хотя онъ былъ не мусульманинъ, спутники любили его; онъ сумѣлъ своимъ благородствомъ заслужить ихъ уваженіе и довѣріе. У него не было одной руки и товарищи именно этимъ объясняли его тяжелое настроеніе духа.

На привѣтливое обращеніе Мулея Зулейко отвѣчалъ: «Я искренно почтенъ вашимъ довѣріемъ. Особой заботы у меня нѣтъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ такой, которую вы, при всемъ желаніи, могли бы устранить. Но такъ какъ Мулей упрекаетъ меня въ мрачности, я вамъ расскажу кое-что и вы поймете, почему я мрачнѣе, чѣмъ многіе другіе. Вы видите, у меня нѣтъ лѣвой руки. Она отсутствуетъ не отъ рожденія: я лишился ея въ тѣ ужасные дни моей жизни. Правъ ли я или неправъ, что съ тѣхъ поръ, можетъ быть, сталъ печальнѣе, чѣмъ подобаетъ въ моемъ положеніи, сами судите, когда выслушаете повѣсть объ отрубленной рукѣ».

* *
*

Отрубленная рука.

Родился я въ Константинополѣ; отецъ мой служилъ драгоманомъ (переводчикомъ) при Высокой Портѣ и одновременно велъ довольно прибыльную торговлю благовонными эссенціями и шелковыми тканями. Онъ далъ мнѣ хорошее образованіе, при чемъ частью самъ занимался со мною, частью поручилъ мое воспитаніе одному священнику. Сначала онъ предполагалъ передать мнѣ лавочку, но потомъ, когда мои способности превзошли его ожиданія, онъ, по совѣту одного друга, рѣшилъ сдѣлать изъ меня врача. Врачъ, видите-ли, если онъ хоть немного больше знаетъ нашихъ обычныхъ базарныхъ крикуновъ, легко можетъ составить себѣ состояніе въ Константинополѣ. Къ намъ въ домъ заходило много франковъ и одинъ изъ нихъ уговорилъ моего отца отпустить меня съ

нимъ въ Парижъ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, такому искусству обучаются даромъ и много лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Онъ вызвался также даромъ провезти меня. Отецъ мой самъ много путешествовалъ и охотно отпустилъ меня. Я былъ очень доволенъ видѣть чужіе края и не могъ дожидаться минуты, когда мы выѣдемъ. Наконецъ, франкъ покончилъ съ своими дѣлами и велѣлъ мнѣ готовиться къ отъѣзду. Наканунѣ отецъ повелъ меня въ свою спальню. Тамъ я увидѣлъ на столѣ богатую одежду и разное оружіе. Но что особенно меня плѣнило, это большая кучка золота. Мнѣ еще такой не приходилось видѣть.

Отецъ обнялъ меня и сказалъ: «Видишь, сынъ мой, я все это приготовилъ тебѣ на дорогу. Оружіе это твое; это то же, которымъ когда-то снабдилъ меня дѣдушка, когда я отправлялся на чужбину. Я знаю, ты умѣешь управлять имъ; но, помни мой совѣтъ, употребляй его лишь въ тѣхъ случаяхъ, если нападутъ на тебя. Состояніе мое невелико. Я раздѣлилъ его на три части: одна тебѣ, другая останется мнѣ, третья—это неприкосновенное имущество, запасъ на черный день».

Такъ говорилъ старикъ и слезы выступили у него на глазахъ: можетъ быть, онъ предчувствовалъ, что намъ не суждено было видѣться.

Путешествіе прошло благополучно; мы скоро прибыли въ страну франка и шесть дней спустя въѣзжали въ Парижъ. Спутникъ мой нанялъ мнѣ комнату и совѣтовалъ осторожниже обращаться съ деньгами. Я жилъ три года въ городѣ, выучился въ это время всему, что должно знать хорошему врачу, но было бы ложью сказать, что я охотно остался бы въ странѣ.

Обычаи этого народа мнѣ совсѣмъ не нравились, да и друзей тамъ было у меня немного.

Наконецъ, тоска по родинѣ овладѣла мною; я все это время не имѣлъ извѣстій отъ отца и съ радостью воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ добраться до дома. Какъ разъ франки посылали изъ своей земли посольство Высокой Портѣ; я зачислился врачомъ при посольствѣ и благополучно прибылъ въ Стамбулъ. Но что же я тамъ нашель? Домъ отца стоялъ заключенный; сосѣди удивленно смотрѣли на меня и сообщали, что отецъ мой умеръ уже мѣсяца два тому назадъ. Тотъ священникъ, который обучалъ меня въ юности, тоже пришелъ и принесъ ключъ отъ дома. Какъ пусто, какъ печально было все внутри! Я обошелъ весь домъ, все было въ томъ порядкѣ, какъ оставилъ отецъ, только нигдѣ не оказалось того золота, которое онъ хотѣлъ оставить. Я обратился къ священнику; тотъ поклонился и отвѣтилъ: «Твой отецъ былъ святой человѣкъ! Онъ всѣ деньги оставилъ церкви». Мнѣ это показалось страннымъ, но что было дѣлать? Хорошо еще, что оставались мнѣ домъ и товары отца. То было первое постигшее меня горе. Затѣмъ послѣдовалъ ударъ за ударомъ. Я не рѣшался объявить себя врачомъ; мнѣ стыдно было самому кричать о себѣ; будь отецъ живъ, онъ бы ввелъ меня въ богатые и знатные дома, а теперь никто слышать обо мнѣ не хотѣлъ. Да и товары отца плохо сбывались; покупатели уже разбрелись, а новыхъ сразу трудно было пріобрѣсти. Какъ-то разъ сидѣлъ я и думалъ свои печальныя думы, какъ вдругъ вспомнилъ, что нерѣдко во Франціи встрѣчалъ людей своего племени,

которые ходили съ товаромъ по рынкамъ и площадямъ. Я даже вспомнилъ, что у нихъ охотно покупають и что можно такимъ образомъ порядочно нажить. Я раздумывалъ не долго, продалъ отцовскій домъ, отдалъ другу на храненіе часть вырученныхъ денегъ, а на остальные накопилъ того, что во Франціи считается рѣдкостью: шалей, шелковыхъ тканей, всякихъ мазей и душистыхъ маслъ, взялъ себѣ мѣсто на кораблѣ и предпринялъ такимъ образомъ второе путешествіе во Францію. Какъ только Дарданеллы остались за спиной, счастье снова стало мнѣ благоприятствовать. Я побывалъ во многихъ городахъ и всюду торговалъ съ прибылью. Другъ мой въ Стамбулѣ постоянно высылалъ мнѣ новые товары и я богатѣлъ съ каждымъ днемъ. Наконецъ, я накопилъ, какъ мнѣ казалось, достаточно для болѣе крупнаго предпріятія и съ своимъ товаромъ переѣхалъ въ Италію. Долженъ, однако, сознаться, что благосостоянія я достигъ не одною торговлею: мнѣ тутъ много помогло врачебное искусство. Обыкновенно при пріѣздѣ въ городъ я вывѣшивалъ объявленіе, что пріѣхалъ-де извѣстный греческій врачъ, исцѣлившій многихъ. И надо отдать справедливость, что мой бальзамъ и другія снадобья имѣли значительный успѣхъ.

Такъ прибылъ я во Флоренцію. Я располагалъ остаться тамъ подольше, прежде всего потому, что мнѣ тамъ нравилось, а частью потому, что хотѣлось отдохнуть отъ долгихъ скитаній. Я нанялъ себѣ лавочку въ кварталѣ Св. Креста, а по близости двѣ прелестныхъ комнатки съ балкономъ. Какъ водится, я разослалъ о себѣ объявленія. Не

успѣлъ я открыть торговли, какъ покупатели отовсюду стали стекаться ко мнѣ. Даже относительно высокая цѣна моихъ товаровъ никого не останавливала; находили меня привѣтливымъ и любезнымъ и всѣ шли ко мнѣ. Я ужъ съ недѣлю какъ жилъ во Флоренціи, когда разъ, по обыкновенію, приводя въ порядокъ свои баночки передъ тѣмъ какъ закрыть лавку на ночь, я нашелъ записочку. Я было совсѣмъ забылъ о ней. Въ записочкѣ меня приглашали явиться ровно въ двѣнадцать часовъ ночи на Ponte Vecchio, одинъ изъ мостовъ города. Я долго недоумѣвалъ, кто бы могъ меня туда звать, такъ какъ знакомыхъ во Флоренціи у меня не было. Потомъ я рѣшилъ, что меня хотятъ вести къ какому-нибудь таинственному больному, что уже не разъ случалось. Какъ бы то ни было, я рѣшилъ идти, но изъ предосторожности захватилъ съ собою саблю.

Около полуночи я стоялъ на Ponte Vecchio. На мосту никого не оказалось. Я сталъ ждать. Ночь была холодна, мѣсяцъ ярко свѣтилъ. Я невольно залюбовался на волны Арно, тихо мерцавшія при лунномъ свѣтѣ. Вдругъ на колокольнѣ гдѣ-то пробило двѣнадцать... Я поднялъ голову; предо мною стоялъ чловѣкъ, плотно укутанный въ ярко-красный плащъ.

Онъ явился такъ внезапно, что я сначала испугался, но тотчасъ же опомнился и спросилъ: «Не вы ли вызвали меня сюда? Чѣмъ могу служить?» Красный плащъ отвернулся и медленно проговорилъ: «Иди за мною». Мнѣ—какъ то стало жутко одному съ незнакомцемъ; я остановился. «Вотъ что, господинъ, заговорилъ я, скажите мнѣ сперва, куда идти, а затѣмъ откройте

хоть немного лицо, чтобъ я могъ видѣть, нѣтъ ли у васъ злодѣйства на умѣ». Но Красный плащъ оставилъ слова мои безъ вниманія. «Не хочешь, Зулейка, оставайся!» сказалъ онъ и пошелъ дальше. Меня злость разобрала. «Неужели вы думаете, что я дамъ провести себя всякому дураку и что позволю даромъ морочить меня въ такую ночь?» Въ три прыжка я нагналъ его, схватилъ за плащъ и закричалъ еще громче, обнажая саблю. И что же? Плащъ остался у меня въ рукѣ, а незнакомецъ исчезъ за ближайшимъ угломъ. Злость моя улеглась; плащъ всетаки былъ въ моихъ рукахъ и могъ служить ключемъ къ этой загадкѣ. Я набросилъ его на плечи и пошелъ домой. Не прошелъ я и ста шаговъ, какъ кто-то близко подошелъ ко мнѣ и шепнулъ мнѣ по французски: «Будьте осторожны, графъ, сегодня ничего не удастся сдѣлать». Я не успѣлъ оглянуться, какъ тотъ уже исчезъ, только тѣнь его мелькнула на стѣнѣ. Что возгласъ этотъ относился къ плащу, а не ко мнѣ, не подлежало сомнѣнiю, но все-таки это мнѣ ничего не разъясняло. На другое утро я сталъ раздумывать, что бы предпринять. Первою моею мыслью было объявить о находкѣ плаща, но незнакомецъ могъ послать за нимъ третье лицо и я все равно ничего бы не узналъ. Я сталъ разсматривать плащъ. Онъ былъ изъ тяжелаго генуэзскаго бархата, пурпурно-краснаго цвѣта, опушенный астраханскимъ мѣхомъ и богато вышитъ золотомъ. Роскошь плаща навела меня на блестящую мысль, которую я рѣшилъ привести въ исполненiе. Я отнесъ плащъ въ свою лавку и выложилъ его на продажу, но назначилъ такую высокую цѣну, что былъ увѣренъ не найти покупателя. Я

рѣшилъ внимательно осматривать всякаго, кто только обратитъ вниманіе на плащъ. Лица незнакомца я не видѣлъ, но фигуру его я бы узналъ изъ тысячи. Желającychъ купить плащъ было много, такъ какъ онъ невольно бросался въ глаза своимъ великолѣпіемъ, но никто не соглашался платить за него безумную цѣну въ двѣсти цѣхиновъ, да и ни въ одномъ я не нашелъ ни малѣйшаго сходства съ незнакомцемъ. Странно мнѣ казалось и то, что никто не видалъ подобнаго плаща во Флоренціи; всѣ единогласно заявили, что никогда и ни на комъ не видали такого великолѣпнаго плаща и такой тонкой работы.

Уже вечерѣло, когда ко мнѣ зашелъ одинъ молодой человѣкъ. Онъ уже не разъ заходилъ ко мнѣ и даже въ тотъ день прицѣнивался къ плащу, но цѣна казалась ему высока. Теперь онъ бросилъ на прилавокъ кошель съ золотомъ. «Ей Богу, Зулейко! По міру пойду, а твой плащъ получу!» И онъ сталъ отсчитывать червонцы. Я былъ въ большемъ затрудненіи: вѣдь, собственно, я совсѣмъ не собирался продавать плаща; я только хотѣлъ выслѣдить незнакомца, а тутъ явился молодой повѣса и давалъ баснословную цѣну. Что было дѣлать? Съ другой стороны мнѣ не непріятно было такое неожиданное вознагражденіе за ночное происшествіе. Юноша набросилъ на себя плащъ и пошелъ; на порогѣ онъ обернулся, отцѣпилъ какую-то бумажку, которая висѣла у плаща и бросилъ мнѣ ее. «Вотъ тутъ что-то, Зулейко, что къ плащу не относится». Я равнодушно взялъ бумажку и вдругъ вижу тамъ стоитъ: «Ночью, въ извѣстный тебѣ часъ, отнеси плащъ на Ponte Vecchio. Получишь четыреста цѣхи-

новъ». Меня словно громом ошеломило. Выходить, что я совсѣмъ не то сдѣлалъ, что надо было, и самъ свое счастье прозѣвалъ! Но я недолго думалъ, схватилъ деньги и побѣжалъ за юношей. «Вотъ ваши деньги, возьмите ихъ, оставьте мнѣ плащъ, я не могу отдать его». Сначала тотъ принялъ все за шутку, но, потомъ, когда я сталъ настаивать, онъ разсердился, выругалъ меня и ударилъ. Во время свалки мнѣ удалось сорвать съ него плащъ и я хотѣлъ уже бѣжать съ нимъ, когда тотъ позвалъ на помощь полицію и потащилъ меня къ суду. Судья былъ крайне удивленъ жалобою и присудилъ плащъ моему сопернику. Я сталъ предлагать юношѣ двадцать, пятьдесятъ, восемьдесятъ, наконецъ, сто цѣхиновъ сверхъ двухсотъ, только бы онъ отдалъ плащъ. Гдѣ безсильны оказались мои просьбы, тамъ подѣйствовало золото. Онъ взялъ мои цѣхины, а я съ торжествомъ унесъ плащъ и поневолѣ прослылъ сумасшедшимъ въ глазахъ у всѣхъ. Но мнѣніе людей было мнѣ довольно безразлично; я зналъ, что не прогадаю.

Съ нетерпѣніемъ дождался я ночи. Къ указанному времени, съ плащемъ подъ рукою, я былъ на Ponte Vecchio. Съ послѣднимъ ударомъ колокола появилась знакомая фигура. То былъ несомнѣнно мой незнакомецъ. «У тебя плащъ?» спросилъ онъ. «У меня, господинъ, но онъ мнѣ стоитъ чистыхъ сто червонцевъ». — «Знаю», сказалъ тотъ. «Взгляни, вотъ тебѣ четыреста». Онъ подошелъ со мною къ широкимъ периламъ моста и сталъ отсчитывать червонцы. Ихъ было ровно четыреста; они такъ чудно блестѣли при лунномъ свѣтѣ; блескъ ихъ веселилъ мое сердце. Ну, могъ ли я подо-

зрѣвать, что это послѣдняя радость въ моей жизни! Я сунулъ деньги въ карманъ и хотѣлъ поближе разглядѣть щедраго незнакомца, но у него была маска на лицѣ и изъ-подъ нея гнѣвно сверкали темные глаза. «Благодарю васъ за щедрость, сказалъ я, чѣмъ могу быть полезенъ? Только заранѣе оговариваюсь, что на нечестное не пойду». — «Напрасная забота», отвѣчалъ онъ, набрасывая плащъ; «мнѣ нужна помощь врача, но не для живого, а для мертваго».

«Это какъ?» воскликнулъ я, пораженный. «Я приѣхалъ сюда издалика съ сестрою», началъ онъ и при этомъ подаль мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ, «и поселился у одного друга нашего дома. Сестра моя внезапно скончалась вчера и родственники завтра собираются ее хоронить. Но въ нашей семьѣ издревле существуетъ обычай хоронить всѣхъ своихъ членовъ въ фамильномъ склепѣ; кто даже въ чужихъ странахъ умеръ, всѣ лежатъ тамъ набальзамированные. На этотъ разъ мнѣ придется уступить родственникамъ тѣло, но голову я желалъ-бы отвезти отцу, чтобъ онъ хоть еще разъ взглянулъ на нее».

Странный обычай отрѣзать головы дорогимъ покойникамъ показался мнѣ прямо отвратительнымъ, но я не посмѣлъ это высказать, чтобъ не обидѣть незнакомца! Я отвѣтилъ, что умѣю обращаться съ бальзамированіемъ и готовъ идти къ покойницѣ. Только отчего все это такъ таинственно и непременно среди ночи? На это онъ отвѣчалъ, что родные ни за что добровольно не дадутъ ему выполнить такого намѣренія; а разъ голова будетъ отнята, имъ останется

только покориться совершившемуся факту. Конечно, онъ могъ бы самъ доставить мнѣ голову, но вполне естественное чувство мѣшало ему самому ее отдѣлить.

Тѣмъ временемъ мы подошли къ большому, роскошному дому. Спутникъ мой остановился у маленькой дверцы, минуя главные ворота дома. Мы вошли, незнакомецъ заботливо притворилъ за собою дверь и мы въ полнѣйшей темнотѣ стали подниматься по винтовой лѣстницѣ. Она выходила въ слабо освѣщенный корридоръ; оттуда мы прошли въ комнату, освѣщенную прикрѣпленною къ потолку лампою.

Въ комнатѣ этой стояла нарядная кровать. На ней лежалъ трупъ. Незнакомецъ отвернулся, какъ бы желая скрыть слезы. Онъ указалъ мнѣ на кровать, просилъ поскорѣе справиться съ дѣломъ и вышелъ изъ комнаты.

Я взялъ свои инструменты—они всегда были при мнѣ—и подошелъ къ кровати. Изъ-подъ покрывала виднѣлась одна голова, но она была такъ прекрасна, что у меня невольно сердце сжалось. Темныя пряди волосъ спускались почти до пола; лицо было блѣдно, глаза крѣпко закрыты. Я сдѣлалъ легкій надрѣзъ на кожѣ, какъ всегда дѣлаютъ врачи передъ тѣмъ какъ отнять членъ. Потомъ взялъ самый острый изъ своихъ ножей и однимъ разомъ перерѣзалъ горло. Но вотъ ужасъ! Мертвая вдругъ открыла глаза, взглянула и смолкла. Струя горячей крови хлынула на меня изъ раны. Я съ ужасомъ понялъ, что убилъ несчастную. Отъ этой раны не было спасенія. Я стоялъ какъ окаменѣлый. Обманулъ меня Красный плащъ или сестра была вѣроятно мнимоумершая? Последнее казалось мнѣ вѣроятнѣе. Но какъ сказать брату умершей, что,

можетъ быть, будь я осмотрительнѣе, легкая рана могла разбудить ее, не лишая жизни? Мнѣ оставалось только окончательно отдѣлать голову. Но тутъ умирающая снова простонала, потянулась и скончалась. Волосы дыбомъ встали у меня; я выронилъ ножъ и опрометью бросился изъ комнаты. Но тамъ все было темно; лампа погасла, спутникъ мой исчезъ безслѣдно; я двигался наугадъ, ощупывая стѣну, наконецъ, добрался до лѣстницы. Полупадая, полускользя я спустился по ней. Внизу никого не было. Дверь была полуотворена и я вздохнулъ свободнѣе, когда очутился на свѣжемъ воздухѣ. Не помню какъ я добѣжалъ домой, бросился на софу и зарылся въ подушки, чтобъ какъ нибудь спрятаться отъ этихъ ужасовъ. Но сонъ бѣжалъ отъ меня; только къ утру я немного опомнился и понялъ, что необходимо приободриться. Было мало вѣроятія, чтобъ тотъ, кто подвелъ меня на это проклятое дѣло, сталъ выдавать меня. Я постарался принять безпечный видъ и пошелъ въ свою лавочку. Но тутъ я впервые замѣтилъ одно обстоятельство, весьма печальное для меня. Исчезла моя шапка, мой поясъ, а также мой ножикъ и я совсѣмъ не помнилъ, оставилъ ли ихъ въ комнатѣ убитой или потерялъ во время бѣгства. Къ сожалѣнію, послѣднее было вѣроятнѣе, и по нимъ могли найти убійцу!

Я открылъ лавку въ обычное время. Вошелъ ко мнѣ сосѣдъ. Онъ, положимъ, всегда заходилъ ко мнѣ по утрамъ немного поболтать. «Слышали вы объ этомъ ужасѣ», началъ онъ, «о томъ, что ночью-то произошло? Я притворился, что ничего не знаю. «Какъ? не знаете, о чемъ весь городъ уже знаетъ? Не знаете, что жем-

чужина Флоренціи, прекрасная Біанка, дочь губерна-тора, зарѣзана сегодня ночью. Ахъ, просто сердце разрывается! Она еще вчера такая веселая проѣзжала по улицѣ съ женихомъ. Вѣдь сегодня была свадьба назначена». Каждое его слово было для меня острымъ ножомъ въ сердце. И этому мученію предстояло повторяться каждую минуту; каждый покупатель считалъ своимъ долгомъ сообщать потрясающую новость, при-крашивая ее все новыми и новыми ужасами; однако, ужаснѣе того, что я видѣлъ, никто не могъ придумать. Около полудня вошелъ въ лавку одинъ изъ судей-скихъ и просилъ всѣхъ постороннихъ удалиться. «Синьоръ Зулейко», спросилъ онъ, вынимая утрачен-ныя мною вещи, «ваши ли это вещи?» Я нашелъ, что отпираться не стоитъ: со всѣхъ сторонъ выглядывали любопытныя лица моихъ знакомыхъ и легко могли уличить меня во лжи. Я призналъ вещи, мнѣ при-шлось идти за полицейскимъ и скоро я очутился въ отдѣльномъ помѣщеніи обширной городской тюрьмы.

Положеніе мое было дѣйствительно ужасно. Мысль, что я убилъ, хотя и невольно, не давала мнѣ покоя. Тяжело мучило и сознаніе, что блескъ золота ослѣ-пилъ меня; иначе я не попалъ бы такъ грубо въ ло-вушку. Два часа послѣ моего ареста, меня вывели изъ комнаты, повели по разнымъ ходамъ и лѣстницамъ, наконецъ, ввели въ огромный залъ. За длиннымъ столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, сидѣло двѣ-надцать судей, большею частью стариковъ. По бокамъ зала тянулись скамьи; на нихъ сидѣли представители знати Флоренціи. На хорахъ тѣснились безчисленные зрители. Когда я подошелъ къ черному столу, изъ-за

него всталъ высокій мужчина съ печальнымъ лицомъ. То былъ губернаторъ. Онъ заявилъ, что въ качествѣ отца убитой, устраняетъ себя отъ суда и передаетъ свои права старшему изъ сенаторовъ. Старшимъ оказался почтенный старецъ, лѣтъ девяноста. Онъ стоялъ согнувшись и на вискахъ его торчали жидкіе бѣлые волосики, но глаза его пылали и голосъ былъ крѣпокъ и спокоенъ. Онъ началъ съ того, что спросилъ, признаю ли себя виновнымъ? На это я просилъ выслушать меня и безъ утайки рассказалъ ему все, что сдѣлалъ и все, что зналъ. Во время моего разсказа губернаторъ, то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, наконецъ, не выдержалъ и гнѣвно крикнулъ: «Негодяй! Ты изъ корысти затѣялъ убійство, а хочешь свалить вину на другого». Сенаторъ строго напомнилъ ему, что онъ самъ отказался отъ права суда, да и къ тому же не доказано, чтобъ я изъ корысти рѣшился на преступленіе, такъ какъ по собственному же показанію отца ничего не было похищено изъ комнаты дочери. Онъ пошелъ даже дальше. Онъ объяснилъ губернатору, что необходимы точныя свѣдѣнія о прежней жизни его дочери; только тогда, говорилъ онъ, выяснится, правду ли я говорю, или нѣтъ. На этомъ онъ прекратилъ судъ и просилъ губернатора представить ему на разсмотрѣніе бумаги покойной. Меня увели обратно въ отведенное для меня помѣщеніе. Я провелъ ночь въ тоскливомъ ожиданіи, не раскроется ли какая-нибудь связь между покойною и Краснымъ плащомъ.

На слѣдующій день я нѣсколько обнадеженный вступалъ въ залъ. На столѣ лежало нѣсколько писемъ. Старикъ сенаторъ спросилъ, моя ли это рука. Я взгля-

нулъ и увидѣлъ, что почеркъ тотъ же, какъ на тѣхъ двухъ запискахъ, что я получилъ. Я заявилъ это сенатору, но никто не принялъ этого во вниманіе. Всѣ рѣшили, что письма написаны мною, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, подпись очевидно стояла моя: письма были подписаны З., начальною буквою моего имени. Въ письмахъ угрожали покойной и предостерегали отъ предполагаемаго брака.

Губернаторъ успѣлъ всѣхъ настроить враждебно противъ моей особы. Ко мнѣ относились какъ-то недовѣрчивѣе и строже, чѣмъ наканунѣ. Напрасно ссылаясь я на свои бумаги, мнѣ отвѣчали, что все обыскали и ничего не нашли. Тутъ у меня вся надежда пропала, а когда на третій день я явился въ залъ суда, мнѣ прочли приговоръ: обвиненный въ преднамѣренномъ убійствѣ, я былъ присужденъ къ смерти. Такъ вотъ до чего дѣло дошло! Вдали отъ всего, что только сердцу было мило, вдали отъ родины, я погибалъ невинно въ полномъ цвѣтѣ силъ.

Вечеромъ того ужаснаго дня я сидѣлъ въ своей одинокой тюремѣ и готовился къ смерти, какъ вдругъ открылась дверь и вошелъ человѣкъ. Онъ долго молча разглядывалъ меня. «Такъ это ты, Зулейко?» спросилъ онъ. Я сначала не узналъ его при слабомъ свѣтѣ тюремной лампы, но звукъ его голоса пробудилъ старыя воспоминанія. То былъ Валетти, одинъ изъ немногихъ друзей моихъ въ бытность мою въ Парижѣ. Онъ сказалъ, что случайно попалъ во Флоренцію, что отецъ его здѣсь всѣми уважаемый человѣкъ, что онъ услышалъ обо мнѣ и пришелъ лично разспросить меня обо всемъ. Я ему все рассказалъ. Разсказъ про-

извелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ умолялъ меня ничего не скрывать. Я клялся, что говорю истинную правду и что никакой вины за собою не знаю, кромѣ той, что, ослѣпленный блескомъ золота, не понималъ насколько неправдоподобенъ разсказъ незнакомаго. «Такъ ты раньше не былъ знакомъ съ Біанкою?» Я поклялся, что даже никогда не видѣлъ ее. Валетти сообщилъ мнѣ, что во всемъ этомъ дѣлѣ какая-то тайна, что губернаторъ какъ-то особенно торопилъ приговоръ; въ городѣ же прошелъ слухъ, что я раньше былъ знакомъ съ Біанкою и убилъ ее изъ мести. Я согласился, что все это очень подходитъ къ Красному плащу, но что, къ сожалѣнію, я ничѣмъ не могу доказать его участія въ этомъ дѣлѣ. Валетти со слезами обнялъ меня и обѣщалъ сдѣлать все, чтобъ хоть жизнь мою спасти. Двое сутокъ я томился въ неизвѣстности, наконецъ, онъ явился. «Несу тебѣ утѣшеніе, хотя и горестное. Ты останешься живъ и свободенъ, но лишишься руки». Я съ чувствомъ благодарилъ друга. Онъ сказалъ, что губернаторъ былъ неумолимъ и ни за что не соглашался на пересмотръ дѣла. Чтобъ не казаться несправедливымъ, онъ далъ согласіе лишь на одно: если въ книгахъ исторіи Флоренціи найдется подходящий случай, пусть назначаютъ мнѣ наказаніе такое же, какъ тамъ присуждено. Валетти вдвоемъ съ отцомъ двое сутокъ рылись въ старинныхъ книгахъ и, наконецъ, напали на случай подобный моему. Тамъ приговоръ гласилъ: отрубить лѣвую руку, лишить имущества и навѣки изгнать изъ страны. Такова будетъ и моя участь. Не стану описывать вамъ тяжелаго часа, когда я, стоя на лобномъ

мѣстѣ, положилъ руку на плаху и жгучая струя собственной крови обагрила меня!

Валетти увелъ меня къ себѣ, ухаживалъ за мною, пока я не поправился, далъ мнѣ денегъ на дорогу и проводилъ изъ города. Я уѣхалъ изъ Флоренціи въ Сицилію, а оттуда съ первымъ же пароходомъ въ Константинополь. По приѣздѣ я попросилъ друга, съ которымъ всегда велъ свои дѣла, дать мнѣ временный пріютъ въ своемъ домѣ. Тотъ очень удивился и спросилъ, почему я не хочу жить въ своемъ собственномъ домѣ; вѣдь я долженъ знать, что какой-то чужеземецъ приобрѣлъ на мое имя домъ въ греческомъ кварталѣ и заявилъ сосѣдямъ, что я скоро самъ приѣду жить въ немъ. Я тотчасъ же пошелъ туда съ моимъ другомъ; всѣ старые знакомые радостно привѣтствовали меня, а одинъ старый купецъ передалъ мнѣ письмо, оставленное незнакомцемъ.

Я прочелъ: «Зулейко! Двѣ руки готовы непрерывно работать на тебя, чтобы ты не чувствовалъ потери одной. Домъ и все, что въ немъ—твое и ежегодно ты будешь получать достаточно, чтобъ считаться богачемъ среди своихъ. Постарайся простить тому, кто несчастнѣе тебя». Я понялъ, кто это писалъ, а купецъ еще добавилъ, что господинъ этотъ повидимому франкъ и что на немъ былъ красный плащъ. Тутъ я долженъ былъ сознаться, что мой незнакомецъ все же не лишень былъ нѣкотораго благородства. Въ новомъ домѣ ни въ чемъ не было недостатка, а товары въ лавкѣ оказались лучше, чѣмъ когда либо у меня были. Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ. Отъ времени до времени я предпринимаю торговые путешествія, но

больше по привычкѣ, чѣмъ по необходимости; той же страны, гдѣ меня постигло несчастіе, я больше не видалъ. Каждый годъ я получаю по тысячѣ золотыхъ; меня, конечно, радуетъ такое благородство со стороны того несчастнаго, но не выкупить ему печали души моей и вѣчно стоитъ передъ моими глазами ужасное видѣніе зарѣзанной Біанки.

Зулейко кончилъ разсказъ. Всѣ съ волненіемъ слушали его, особенно незнакомецъ. Онъ нѣсколько разъ глубоко вздыхалъ, а Мулею показалось даже, что у него блеснули слезы на глазахъ. Долгое время обсуждали происшествіе. «И вы ненавидите того человѣка, что такъ коварно лишилъ васъ руки и даже жизнь вашу подвергнулъ опасности?» спросилъ Селимъ.

«Не скрою, были часы въ моей жизни, когда я горько жаловался на него Богу, когда я не могъ простить ему, что онъ отравилъ мнѣ жизнь и оставилъ вѣчное бремя на моей совѣсти. Но потомъ я нашелъ утѣшеніе въ вѣрѣ своихъ предковъ, а вѣра наша повелѣваетъ любить своихъ враговъ. Къ тому же онъ несчастнѣе меня».

«Вы благородный человѣкъ!» воскликнулъ незнакомецъ и съ чувствомъ пожалъ руку греку.

Тутъ прервалъ ихъ начальникъ охраны. Онъ съ озабоченнымъ видомъ вошелъ въ палатку и совѣтовалъ не ложиться отдыхать, такъ какъ въ этой мѣстности очень часто бываютъ нападенія на караваны и караульнымъ даже показалось, что вдали приближаются всадники.

Купцы встревожились; Селимъ Барухъ крайне удивился ихъ тревогѣ; караванъ по его мнѣнію былъ такъ хорошо вооруженъ, что нечего было бояться толпы хищниковъ-кочевниковъ.

«Да, конечно, еслибъ только въ нихъ было дѣло», возразилъ начальникъ охраны. «Но бѣда въ томъ, что тутъ снова появилась шайка извѣстнаго Орбазана и ужъ съ нимъ надо быть насторожѣ».

Незнакомецъ спросилъ, кто такой этотъ Орбазанъ, и Ахметъ, старый купецъ отвѣчалъ: «Разные слухи ходятъ въ народѣ про этого удивительнаго человѣка. Одни считаютъ его за какое-то сверхъестественное существо, такъ какъ онъ иногда одинъ борется съ пятью или шестью людьми, другіе говорятъ, что это какой-то отважный франкъ, котораго несчастье загнало въ нашу страну; одно лишь вѣрно, что это отчаянный воръ и разбойникъ».

«Ну, этого нельзя утверждать», возразилъ Лезза, одинъ изъ купцовъ. «Онъ разбойникъ, положимъ, но человѣкъ благородный, и онъ это доказалъ съ моимъ братомъ. Я потомъ расскажу вамъ. Онъ все свое племя держитъ въ строгомъ порядкѣ и пока онъ скитается по пустынѣ, ни одно другое племя не смѣетъ на глаза показаться. Да онъ и не грабитъ какъ другіе, а просто беретъ извѣстную дань съ каравановъ и, кто ему добровольно заплатитъ, тотъ можетъ спокойно продолжать путь, такъ какъ Орбазанъ—повелитель пустыни».

Купцы продолжали разговаривать между собою, но караульные не могли успокоиться. Вдали дѣйствительно появилась довольно значительная шайка во-

оруженныхъ людей. Они ѣхали прямымъ путемъ на лагерь. Одинъ изъ караульныхъ пришелъ предупредить друзей, что надо ждать нападенія. Купцы стали совѣщаться, идти ли имъ навстрѣчу или ждать нападенія. Ахметъ и двое старшихъ совѣтовали ждать, но Зулейко и Мулей были того мнѣнія, что лучше предупредить ихъ. Они звали съ собою незнакомца, но тотъ спокойно вынулъ изъ-за пояса небольшой голубой платокъ съ красными звѣздами, привязалъ его къ копыю и велѣлъ невольнику выставить копьё на верху палатки. Онъ головою ручался, что всадники спокойно удалятся, какъ только увидятъ платокъ. Мулей не особенно этому вѣрилъ, но невольникъ безпрекословно водрузилъ копьё на палатку. Тѣмъ временемъ всѣ уже выстроились въ боевомъ порядкѣ и ждали всадниковъ. Но тѣ, повидимому, замѣтили знакъ, мгновенно перемѣнили направленіе и широкою дугою повернули въ сторону.

Нѣсколько минутъ путешественники не могли опомниться отъ удивленія. Они смотрѣли то на удалявшихся всадниковъ, то на незнакомца. Но тотъ равнодушно стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало и смотрѣлъ задумчиво въ даль. Наконецъ, Мулей прервалъ молчаніе:

«Кто ты, могучій незнакомецъ», воскликнулъ онъ. «Кто ты, что однимъ мановеніемъ смиряешь дикія шайки пустыни?»—«Вы слишкомъ высокаго мнѣнія о моей власти», отвѣчалъ Селимъ Барухъ. «Я просто запасся этимъ значкомъ, когда бѣжалъ изъ плѣна; что онъ значитъ, не знаю, но знаю навѣрное, что кто ѣдетъ съ нимъ, считается подъ особенно высокою охраною».

Купцы благодарили незнакомца и называли его своимъ спасителемъ. Дѣйствительно, число всадниковъ было настолько велико, что караванъ не могъ бы долго сопротивляться.

Съ облегченнымъ сердцемъ всѣ пошли отдыхать, а когда солнце стало близиться къ закату и надъ песчаною равниною повѣяла вечерняя прохлада, караванъ снова пустился въ путь.

На слѣдующій день остановились въ разстояніи дня пути отъ границы пустыни. Когда снова всѣ собрались въ большой палаткѣ, Лезза купецъ заговорилъ:

«Я вамъ вчера говорилъ, что гроза пустыни, Орбазанъ, человекъ благородный. Я вамъ расскажу, что случилось съ моимъ братомъ, и вы въ этомъ убѣдитесь:

«Отецъ мой былъ кади въ Акарѣ. У него было трое дѣтей: я, самый старшій, затѣмъ братъ и сестра много моложе меня. Когда мнѣ исполнилось двадцать лѣтъ, меня пригласилъ къ себѣ братъ моего отца. Онъ обѣщалъ сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ съ условіемъ, чтобъ я остался у него до его смерти. А жилъ онъ очень долго, такъ что я только года два тому назадъ вернулся на родину и ничего не зналъ о томъ несчастіи, которое постигло нашъ домъ, и о томъ, какъ милостиво устроилъ все Аллахъ».

* *
*

Спасеніе Фатимы.

Братъ мой Мустафа и сестра Фатима были приблизительно одного возраста. Между ними было не болѣе двухъ лѣтъ разницы. Они искренно любили

другъ друга и сообща старались, насколько возможно, скрасить жизнь болѣзненному отцу. Въ день рожденія Фатимы, когда ей исполнилось шестнадцать лѣтъ, братъ устроилъ праздникъ. Онъ пригласилъ всѣхъ подругъ дѣвушки, приготовилъ имъ въ саду роскошное угощеніе, а вечеромъ предложилъ имъ прокатиться немного по морю въ большой лодкѣ, которую нарочно для этого нанялъ и разукрасилъ. Всѣ были въ восторгѣ; вечеръ былъ чудный, а съ моря городъ былъ необыкновенно красивъ, особенно вечеромъ. Дѣвушкамъ такъ нравилась прогулка, что онѣ все просились дальше и дальше въ море. Мустафа долго не соглашался; онъ слышалъ, что гдѣ-то невдалекѣ видѣли нѣсколько дней тому назадъ разбойничій корабль. Недалеко отъ города выдавалась въ море коса. Туда стремились дѣвушки, чтобъ полюбоваться оттуда на закатъ солнца. Барка только обогнула мысъ, какъ въ отдаленіи показалась лодка, наполненная вооруженными людьми. Братъ немедленно приказалъ гребцамъ править обратно къ берегу. Повидимому, тревога Мустафы была не напрасна. Чужая лодка быстро бросилась вслѣдъ за нашей, обогнала ее, такъ какъ гребцовъ на ней было больше, и стала крейсировать между берегомъ и нашею лодкою. Дѣвушки же, какъ только поняли опасность, стали вскакивать съ мѣстъ, кричать, стонать; напрасно убѣждалъ ихъ братъ сидѣть смирно, говорилъ, что своими скачками онѣ того и гляди опрокинутъ лодку—ничто не помогало. Чужая барка была совсѣмъ близко, дѣвушки въ ужасѣ метнулись всѣ въ одну сторону и лодка опрокинулась. Тѣмъ временемъ съ берега давно уже слѣдили за дви-

женіями чужой лодки, а такъ какъ послѣднее время опасались морскихъ разбойниковъ, лодка возбудила подозрѣніе. Нѣсколько барокъ поспѣшно поплыли намъ на выручку. Онѣ поспѣли какъ разъ во время, чтобъ спасать утопавшихъ. Въ суматохѣ непріятельская лодка куда-то исчезла, а на тѣхъ лодкахъ, которыя подхватили погибающихъ, не знали съ точностью, всѣ ли спасены. Съѣхались, свѣрились—оказывается, не хватало моей сестры и одной ея подруги; вмѣсто нихъ сидѣлъ какой-то человѣкъ, котораго никто не зналъ. Ему пригрозили и онъ сознался, что онъ съ того корабля, что стоитъ въ морѣ мили на двѣ къ востоку; что товарищи забыли о немъ и бѣжали, пока онъ бросился выуживать дѣвушекъ. Онъ сообщилъ также, что видѣлъ, какъ двухъ изъ нашихъ везли на корабль.

Горе отца невозможно описать, но и Мустафа былъ огорченъ до глубины души. Помимо того, что любимая сестра его погибала, какъ ему казалось, по его винѣ, ту подругу, которая исчезла съ нею, онъ считалъ своею невѣстою; только старикъ отецъ объ этомъ еще ничего не зналъ: Мустафа скрывалъ это до поры до времени.

Отецъ былъ очень суровый человѣкъ. Когда горе немного улеглось, онъ призвалъ сына и сказалъ: «Твоя глупость лишила меня утѣшенія моей старости, улады очей моихъ. Иди, скройся съ глазъ моихъ навѣки, будь проклятъ ты и все твое потомство! Можешь вернуться только вдвоемъ съ Фатимой; тогда снимется съ тебя проклятіе отца».

Этого братъ не ожидалъ; онъ уже раньше рѣшилъ

искать сестру и ея подругу и только ждалъ на это благословеніе отца, а тутъ пришлось пускаться въ свѣтъ подъ бременемъ его проклятiя. Но если то несчастіе сразило его, зато незаслуженно жестокая кара окрылила его мужество.

Онъ пошелъ къ пойманному разбойнику и разспросилъ его, куда держитъ путь ихъ корабль. Оказалось, что они ведутъ торговлю невольниками и сбываютъ ихъ обыкновенно на большой рынокъ въ Бальсору.

Онъ собрался въ дорогу; гнѣвъ отца видимо улегся, такъ какъ онъ въ послѣднюю минуту выслалъ ему кошель съ золотомъ. Мустафа зашелъ проститься съ родителями Зораиды, своей невѣсты, и направился въ Бальсору.

Мустафа поѣхалъ сухимъ путемъ, потому что изъ нашего городка не шло кораблей прямо на Бальсору. Ему приходилось спѣшить, чтобъ разбойники не успѣли на много опередить его. Конь у него былъ прекрасный, поклажи не было и онъ надѣялся на шестые сутки добраться до мѣста. Но къ вечеру четвертаго дня на него вдругъ напали трое вооруженныхъ всадниковъ. Они покушались видимо не столько на жизнь одинокаго путника, какъ на его золото и коня. Мустафа счелъ сопротивленіе бесполезнымъ и крикнулъ, что сдается. Ему связали ноги подъ брюхомъ животнаго, поставили его въ срединѣ и, подхвативъ поводъ его коня, помчались съ нимъ въ сторону отъ дороги. Во все время не было произнесено ни одного слова.

Мустафою овладѣло тупое отчаяніе, проклятiе отца давило его. Какъ могъ онъ надѣяться спасти

сестру и Зораиду, когда послѣднее средство ускользало изъ рукъ его? Мустафа и молчаливые спутники его тѣмъ временемъ вѣхали въ небольшую ложбинку. Ложбинка была окаймлена высокими деревьями; посреди разстился мягкій сочный лугъ; гдѣ-то въ сторонѣ журчалъ ручей. Мѣстность такъ и манила къ отдыху. Тамъ стояло отъ пятнадцати до двадцати палатокъ; вокругъ къ шестамъ были привязаны верблюды и кони; изъ одной изъ палатокъ раздавались веселые звуки цитры и два пріятныхъ мужскихъ голоса. Брату почему-то казалось, что люди, избравшіе такое пріятное мѣстоположеніе, не могли замышлять злодѣйства, и потому онъ безъ особеннаго страха пошелъ за своими проводниками. Его ввели въ палатку большую, чѣмъ остальные, и внутри отдѣланную не только богато, но даже красиво. Во всякомъ другомъ мѣстѣ всѣ эти роскошныя подушки, ковры, золоченыя трубки свидѣтельствовали бы о богатствѣ владѣльца; здѣсь они видимо являлись трофеями разбойничьихъ набѣговъ. На одной изъ подушекъ сидѣлъ маленькій пожилой человѣчекъ. Онъ былъ почти уродливъ лицомъ, а темнокоричневая блестящая кожа и какая-то противная черта вкругъ глазъ и рта придавали ему отталкивающій видъ. Хотя человѣкъ этотъ напускалъ на себя важности, но Мустафа скоро замѣтилъ, что палатка очевидно разукрашена не для него. То же подтвердили переговоры проводниковъ. «Гдѣ Могучій?» спросилъ одинъ. «Онъ на малой охотѣ», отвѣчалъ человѣчекъ, «но поручилъ мнѣ распорядиться за него». «Вотъ ужъ не кстати», возразилъ разбойникъ, «намъ какъ разъ надо рѣшить, что дѣ-

латъ съ этимъ негодяемъ: повѣсить его или требовать выкупа. Могучій лучше тебя разсудить».

Человѣчекъ вскочилъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства и вытянулся во весь ростъ съ поднятою рукою, словно намѣреваясь ударить противника; но онъ не дотянулся даже до кончика его уха и со злости сталъ ругаться. Тотъ не остался у него въ долгу и скоро вся палатка огласилась гнѣвными криками. Вдругъ полы палатки распахнулись и на порогъ оставился высокій, статный человѣкъ, молодой и прекрасный какъ персидскій принцъ. Оружіе его и одежда были просты и скромны, но твердый взглядъ и неотразимое благородство осанки внушали уваженіе, не внушая страха.

«Кто смѣетъ затѣвать ссору въ моей палаткѣ?» строго крикнулъ онъ. Мгновенно всѣ притихли. Наконецъ одинъ выступилъ и разсказалъ въ чемъ дѣло. Лицо «Могучаго», какъ его называли, вспыхнуло гнѣвомъ. «Когда это ставилъ я тебя за себя, Гассанъ?» обратился онъ къ человѣчку. Тотъ весь съежился отъ страха и прокрался къ выходу. Одинъ шагъ Могучаго и карликъ головою впередъ вылетѣлъ изъ палатки.

Когда онъ исчезъ, Могучій спокойно легъ на подушки и трое мужчинъ подвели къ нему Мустафу. «Вотъ тотъ, кого ты приказалъ намъ привести». Тотъ долго и пристально смотрѣлъ на плѣнника. «Басса Суліейки! Твоя собственная совѣсть подскажетъ тебѣ, почему ты стоишь передъ Орбазаномъ», сказалъ онъ. Тутъ братъ бросился на колѣни передъ грознымъ разбойникомъ: «Господинъ мой! ты ошибаешься, я

просто несчастный человекъ, а не тотъ басса, за котораго ты меня принимаешь». Всѣ удивленно переглянулись. «Тебя не спасетъ притворство, я позову людей, которые знаютъ тебя». Ввели какую-то старуху. «Узнаешь бассу Суліейки?» спросили ее. «Узнаю! Клянусь гробомъ пророка, это никто другой, какъ басса», былъ отвѣтъ. «Видишь ты, презрѣнный, что вся твоя хитрость ни къ чему?» продолжалъ Орбанъ. «Ты слишкомъ ничтоженъ, чтобъ я сталъ позорить о тебя свой кинжалъ. Завтра съ восходомъ солнца привяжу тебя къ хвосту своего коня и буду гонять съ тобою по лѣсамъ, пока солнце не спрячется за холмами Суліейки!» Бѣдный братъ совсѣмъ упалъ духомъ. «Вотъ плоды проклятiя жестокаго отца», со слезами воскликнулъ онъ, «погибла ты, сестра, погибла и ты, Зораида!»—«Не помогутъ тебѣ жалобы», сказалъ одинъ изъ разбойниковъ, прикручивая ему руки за спину, «лучше скорѣе выбирайся изъ палатки. Могучій ужъ губы себѣ покусываетъ и посматриваетъ на кинжалъ. Если еще ночь прожить хочешь, пойдемъ».

Разбойники только что выводили брата изъ палатки, какъ встрѣтили трехъ другихъ и съ ними плѣннаго. «Вотъ тотъ басса, котораго ты велѣлъ сюда доставить», сказали они и подвели плѣнника къ Орбану. Братъ мелькомъ взглянулъ на несчастнаго и ему бросилось въ глаза дѣйствительное сходство его съ собою; только лицо было смуглѣе и борода чернѣе. Могучій, повидимому, очень удивился появленію втораго плѣннаго. «Кто же изъ васъ настоящій?» спросилъ онъ, поглядывая то на моего брата, то на дру-

гого. «Если ты спрашиваешь, кто басса Сулейки», отвѣчалъ гордо плѣнникъ, «это я!» Могучій долго разглядывалъ его спокойнымъ проницательнымъ взоромъ, затѣмъ молча подалъ знакъ увести бассу. Затѣмъ онъ подошелъ къ брату, перерѣзалъ кинжаломъ веревки и пригласилъ его знакомъ сѣсть на подушку.

«Мнѣ искренне жаль, чужеземецъ, что я принялъ тебя за этого негодяя. Вيني въ этомъ судьбу, которая привела тебя къ намъ какъ разъ въ часъ, назначенный для гибели этого несчастнаго». Братъ просилъ, какъ милости, отпустить его скорѣе, такъ какъ всякое промедленіе было гибелью для него. Могучій освѣдомился куда онъ спѣшитъ; братъ чистосердечно рассказалъ все и Орбазанъ уговорилъ его спокойно переждать до слѣдующаго утра, а потомъ обѣщалъ самъ вывести его на болѣе короткую дорогу въ Бальсору. Братъ съ благодарностью согласился, подкрѣпилъ свои силы и отлично проспалъ всю ночь въ палаткѣ разбойника.

Когда онъ проснулся, онъ былъ одинъ; сквозь стѣнки палатки до него доносились громкіе голоса и среди нихъ голосъ Могучаго и темнокожаго карлика. Онъ прислушался и къ ужасу своему услышалъ, что карликъ усиленно убѣждаетъ предводителя убить чужеземца, а то, говорилъ онъ, онъ всѣхъ насъ предастъ, какъ только освободится.

Мустафа понялъ, что карликъ возненавидѣлъ его за то, что онъ былъ невольною причиною гнѣвной вспышки Могучаго. Онъ съ ужасомъ ждалъ отвѣта. «Нѣтъ», слышался ему сильный голосъ Орбазана,

«онъ мой гость, а право гостепріимства для меня свято. Да у него совсѣмъ не такой видъ».

Съ этими словами онъ откинулъ полу палатки и вошелъ. «Миръ съ тобою, Мустафа», сказалъ онъ, «выпьемъ чтобъ освѣжиться и отправимся въ путь-дорогу». Они выпили по кубку шербета, потомъ взнуздали лошадей и поскакали. Скоро палатки остались позади, они выѣхали на широкую тропинку къ лѣсу. Могучій разсказалъ брату, что тотъ басса, котораго они захватили, обѣщалъ имъ полную безопасность въ своихъ владѣніяхъ, а вмѣсто того, оказывается, захватилъ одного изъ храбрѣйшихъ изъ нихъ и повѣсилъ послѣ страшныхъ мученій. Они долго выслѣживали его и ужъ теперь не выпустятъ его живымъ. Мустафа не рѣшился возражать: онъ былъ слишкомъ радъ, что самъ-то цѣль выбрался.

При выѣздѣ изъ лѣса Могучій придержалъ лошадь, объяснилъ брату дорогу, подалъ ему руку на прощанье и сказалъ: «Мустафа, ты нечаянно сталъ гостемъ разбойника Орбазана, не считаю нужнымъ тебя убѣждать не выдавать того, что ты видѣлъ или что слышалъ. Ты несправедливо претерпѣлъ муки смертельнаго ужаса: я обязанъ тебѣ вознагражденіемъ. Возьми на память этотъ кинжалъ: если тебѣ понадобится помощь, пошли его ко мнѣ и я поспѣшу къ тебѣ на выручку. А кошель можетъ понадобится тебѣ дорогою». Братъ сердечно благодарилъ его за великодушіе, взялъ кинжалъ, но отказался отъ кошелька. Орбазанъ еще разъ пожалъ ему руку, словно невзначай уронилъ кошелекъ на землю и какъ стрѣла пустился къ лѣсу. Мустафѣ ничего другого не оставалось какъ поднять

кошелекъ. Онъ былъ пораженъ щедростью своего новаго друга, до того значительна была оставленная сумма. Тутъ онъ благодарилъ Аллаха за спасеніе, поручилъ его милосердію благороднаго разбойника и съ радостнымъ сердцемъ поскакалъ въ Бальсору.

* *
*

Лезза замолкъ и посмотрѣлъ на Ахмета. «Что-же, если такъ, я смягчаю свой приговоръ насчетъ Орбазана», сказалъ тотъ, «надо отдать справедливость, что онъ прекрасно поступилъ относительно твоего брата».

«Онъ поступилъ какъ добрый мусульманинъ!» воскликнулъ Мулей; «но надѣюсь, что повѣсть твоя на этомъ не закончилась. Мы всѣ, насколько понимаю, жаждемъ узнать, что случилось потомъ съ твоимъ братомъ и освободилъ ли онъ сестру и прекрасную Зораиду?»

«Если вамъ не наскучило слушать, я охотно буду продолжать».

* *
*

Въ полдень слѣдующаго дня Мустафа вѣзжалъ въ ворота Бальсоры. Не успѣлъ онъ сойти съ коня, какъ освѣдомился, когда открывается невольничій рынокъ въ Бальсорѣ. Оказалось, онъ опоздалъ на два дня. Вокругъ всѣ выражали сожалѣніе, говорили, что онъ много потерялъ, что торгъ шелъ необыкновенно хорошо и что въ послѣдній день привели двухъ невольницъ такой совершенной красоты, что всѣ глаза на нихъ проглядѣли. Порядочно ссорились и спорили изъ-за нихъ и заломили наконецъ такую цѣну, что только теперешнему ихъ хозяину подъ силу. Мустафа

подробно разспросилъ о невольницахъ и убѣдился, что это тѣ, кого онъ искалъ. Ему сообщили также, что человѣкъ, который ихъ обѣихъ купилъ, жилъ въ сорока часахъ ѣзды отъ Бальсоры и звали его Тіули-Кось. Онъ былъ очень знатный и богатый, но уже пожилой человѣкъ; былъ раньше намѣстникомъ калифа въ Бальсорѣ, а теперь удалился на покой.

Первою мыслью Мустафы было сѣсть на коня и летѣть вслѣдъ за Тіули, который былъ всего на день пути впереди его. Но потомъ онъ разсудилъ, что одинъ онъ все равно ничего сдѣлать не можетъ, такъ что лучше придумать что-нибудь другое. Тутъ ему вспало на умъ воспользоваться сходствомъ своимъ съ бассою Суліейки, чтобъ подъ именемъ послѣдняго проникнуть въ домъ Тіули-Коса и попытаться спасти дѣвушекъ. Онъ нанялъ нѣсколько слугъ и коней, досталъ себѣ и слугамъ великолѣпныя одежды и отправился во дворецъ Тіули. Дворецъ былъ расположенъ въ красивой долинѣ и окруженъ высокими стѣнами, надъ которыми лишь слегка возвышались постройки. Мустафа подчернилъ себѣ бороду и волосы, а лицо подкрасилъ, такъ что до неузнаваемости сталъ похожъ на казеннаго басса. Одного изъ слугъ онъ послалъ впередъ просить ночлега отъ имени басса Суліейки. Слуга вернулся въ сопровожденіи четырехъ невольниковъ. Они взяли подъ устцы лошадь Мустафы и повели его къ замку. Тамъ четверо другихъ слугъ ввели его подъ руки по широкой лѣстницѣ во дворецъ.

Тіули привѣтливо встрѣтилъ гостя, угостилъ его на славу и очень довѣрчиво отнесся къ нему. Послѣ обѣда Мустафа осторожно навелъ разговоръ на вновь

купленныхъ невольницъ; Тіули восторгался ихъ красотою, и жаловался только, что онѣ очень грустны, но что это, вѣроятно, обойдется. Братъ былъ вполнѣ счастливъ и легъ спать съ самыми радужными надеждами.

Спалъ онъ можетъ быть не болѣе часа, когда его разбудилъ яркій свѣтъ прямо въ глаза. Онъ вскочилъ и первую минуту думалъ, что все это сонъ: передъ нимъ стоялъ съ лампою въ рукѣ и съ отвратительною улыбкою на безобразномъ лицѣ темнокожій карликъ Орбазана. Мустафа щипнулъ себя за руку, дернулъ за носъ, чтобъ убѣдиться, что не спитъ. Видѣніе не исчезало. «Что тебѣ надо отъ меня?» воскликнулъ Мустафа, соскакивая съ постели. «Не волнуйтесь такъ, прошу васъ!» началъ тотъ. «Я угадалъ, зачѣмъ вы здѣсь. Да къ тому же ваше пріятное лицо было мнѣ памятно, хотя, клянусь честью, если-бъ я собственноручно не помогалъ вѣшать бассу, вы бы и меня провели. А теперь я зашелъ предложить вамъ небольшой вопросъ».

«Прежде всего объясни, какъ ты сюда попалъ?» остановилъ его Мустафа, въ ярости, что его открыли.

«Сейчасъ, сейчасъ! Я не могъ больше уживаться съ Могучимъ и потому бѣжалъ. Но вѣдь ты, Мустафа, былъ, собственно, причиною нашей ссоры и потому долженъ отдать мнѣ въ жены свою сестру и я помогу вамъ бѣжать; а если не отдашь—я бѣгу къ своему новому господину и объявляю, кто такой новый басса».

Мустафа не помнилъ себя отъ ужаса и гнѣва. Онъ уже чувствовалъ себя у цѣли; надо же было

явиться этой гадинѣ, чтобъ предать его! Оставалось лишь одно спасеніе—убить злодѣя. Однимъ прыжкомъ сорвался онъ съ мѣста и набросился на карлика, но тотъ видимо ожидалъ нѣчто подобное, бросилъ на полъ лампу, такъ что она потухла, и исчезъ въ темнотѣ, отчаянно сзывая на помощь.

Настала пора дѣйствовать; приходилось временно забыть о дѣвушкахъ и думать лишь о собственномъ спасеніи; онъ бросился къ окну посмотрѣть нельзя ли оттуда спрыгнуть. Было довольно высоко отъ земли, а съ другой стороны приходилась высокая стѣна, чрезъ которую предстояло перелѣзть. Мустафа стоялъ, не зная на что рѣшиться. Вдругъ раздались голоса за дверью. Въ отчаяніи онъ накинулъ платье, схватилъ кинжалъ и бросился изъ окна. Ударъ былъ силенъ, но онъ чувствовалъ, что руки, ноги цѣлы; живо вскочилъ, побѣждалъ къ стѣнѣ, къ удивленію преслѣдовавшихъ перемахнулъ черезъ нее и очутился на свободѣ. Онъ остановился только когда добѣжалъ до маленькаго лѣска и упалъ тамъ въ изнеможеніи. Коней и слугъ приходилось бросить на произволъ судьбы; счастье еще что золото осталось при немъ.

Изобрѣтательный умъ его выискивалъ уже другой путь къ спасенію. Онъ прошелъ лѣсокъ, дошелъ до небольшого селенія, а тамъ купилъ за незначительную цѣну лошадь, сѣлъ на нее и доѣхалъ до ближайшаго городка. Тамъ онъ отыскалъ одного стараго опытнаго врача и убѣдилъ его дать ему такое средство, которое вызвало бы сонъ вродѣ смерти, но чтобъ можно было другимъ средствомъ снова вернуть человѣка къ жизни. Щедро заплативъ за лѣкарство, онъ пошелъ дальше,

купилъ себѣ фальшивую бороду, черный кафтанъ, всевозможныя баночки и скляночки, однимъ словомъ, полный приборъ странствующаго врача, — нагрузилъ вещи на осла и поѣхалъ снова ко дворцу Тіули-Коса. Онъ не боялся быть узаннымъ; онъ самъ себя не узнавалъ въ такомъ нарядѣ. По пріѣздѣ онъ велѣлъ доложить о себѣ какъ о странствующемъ извѣстномъ врачѣ — Хакаманка-буди-баба. Расчетъ его оказался вѣренъ. Необычайное имя плѣнило стараго простофилю; онъ тотчасъ же пригласилъ его къ себѣ. Хакаманка-буди-баба предсталъ передъ Тіули. Не прошло и получаса, какъ старикъ рѣшилъ подвергнуть своихъ невольницъ осмотру знаменитаго врача. Тотъ съ трудомъ скрылъ свою радость при мысли видѣть сестру, и съ сильно бьющимся сердцемъ шелъ въ сераль за Тіули-Косомъ. Они пришли въ богато убранную, но совершенно пустую комнату. «Хамбаба, или какъ тебя тамъ зовутъ», сказалъ Тіули, «взгляни на это отверстіе въ стѣнѣ: каждая изъ моихъ невольницъ поочередно вложить туда руку, а ты щупай пульсъ и говори, которая здорова, которая больна». Какъ ни убѣждалъ его Мустафа, старикъ не соглашался показать дѣвушкамъ; онъ добился лишь того, что Тіули обѣщаль сообщать ему каждый разъ какъ онѣ себя чувствовали до того. Тіули вытащилъ изъ-за пояса длинный списокъ и сталъ громко вызывать невольницъ по имени. При каждомъ имени въ отверстіи появлялась ручка и врачъ щупалъ пульсъ. Шесть изъ нихъ были уже осмотрѣны и врачъ объявилъ ихъ вполне здоровыми; вдругъ Тіули прочелъ «Фатима» и въ отверстіи показалась нѣжная дрожащая ручка. Мустафа схватилъ ее и, покачивая

головою, объявилъ, что дѣвушка больна. Тіулипріуныль и просилъ скорѣе прописать ей хорошее лѣкарство. Врачъ вышелъ, написалъ на записочкѣ: «Фатима, я спасу тебя, если ты рѣшишься выпить лѣкарство, отъ котораго умрешь на два дня; не тревожься, у меня есть средство вернуть тебя снова къ жизни. Согласна—скажи лишь, что питье тебѣ не помогло и это будетъ условнымъ знакомъ».

Врачъ вернулся въ комнату, гдѣ ждалъ его Тіули. Хакаманка-буди-баба принесъ съ собою какой-то безвредный напитокъ, еще разъ пощупалъ пульсъ Фатимѣ, причемъ подсунулъ ей записочку подъ браслетъ, затѣмъ подаль ей лѣкарство. Тіули былъ настолько озабоченъ болѣзною Фатимы, что оставилъ осмотръ остальныхъ до другого раза. Выходя изъ комнаты, онъ печально спросилъ Мустафу: «Какъ думаешь, Хади-баба? опасна болѣзнь Фатимы?» Мнимый врачъ только глубоко вздохнулъ: «Ахъ, господинъ! да смягчитъ пророкъ горе ваше: у нея изнурительная лихорадка и врядъ ли она поправится».—«Что ты врешь, негодный врачъ? Чтобъ она, за которую дано 2,000 червонцевъ, пропала какъ скотина? Да если ты ее не вылѣчишь, я голову съ тебя сниму!» Тутъ братъ увидѣлъ, что поторопился и сталъ немного обнадеживать Тіули. Тѣмъ временемъ къ нимъ подошелъ черный невольникъ и отъ имени Фатимы передалъ врачу, что напитокъ не помогъ. «Приложи все свое искусство, Хакамдабабелла, я заплачу тебѣ все, что хочешь», кричалъ Тіули, почти воя отъ ужаса потерять такія деньги. «Не тревожься, я дамъ ей успокоительнаго, она скоро оправится», отвѣчалъ врачъ. «Да, да, дай ей скорѣе успокоительнаго», рыдалъ старикъ. Мустафа поспѣшно пригото-

вилъ свой сонный порошокъ, передалъ его невольнику, а Тіули сказалъ, что ему надо еще пойти на берегъ, поискать кой-какихъ цѣлебныхъ травъ. Дойдя до берега, Мустафа сбросилъ свой нарядъ, сорвалъ бороду, кинулъ все въ воду, а самъ спрятался въ кусты, выждалъ тамъ ночь и затѣмъ осторожно пробрался въ усыпальницу при дворцѣ Тіули.

Не прошло часа послѣ ухода Мустафы, какъ Тіули послали сказать, что его невольница, Фатима, умираетъ. Тіули велѣлъ послать скорѣе за врачомъ на берегъ моря, но посланные вернулись съ извѣстіемъ, что врача нигдѣ нѣтъ, что онъ, бѣдный, вѣрно утонулъ, такъ какъ черный кафтанъ его плаваетъ у берега; имъ даже показалось, что въ водѣ мелькнула его роскошная черная борода. Тіули въ отчаяніи рвалъ на себѣ бороду, колотился головою о стѣну, проклиналъ себя и весь свѣтъ—все тщетно. Фатима угасла на рукахъ подругъ. Тіули не терпѣлъ въ домѣ покойниковъ; онъ немедленно распорядился перенести трупъ въ фамиліную усыпальницу. Носильщики подхватили несчастную красавицу, спустили ее въ склепъ и поспѣшили убраться; имъ показалось, что кто-то стоналъ и вздыхалъ за гробами.

Мустафа—онъ нарочно спугнулъ носильщиковъ—вышелъ изъ своей засады, зажегъ лампу и, съ лѣкарствомъ въ рукѣ, подошелъ къ Фатимѣ. Но представьте его ужасъ, когда онъ при свѣтѣ огня увидѣлъ совсѣмъ незнакомое ему лицо. То была и не сестра, и не Зо-раида, а совсѣмъ, совсѣмъ другая! Онъ долго не могъ оправиться отъ новаго удара судьбы. Наконецъ, жалость превозмогла гнѣвъ. Онъ вылилъ лѣкарство въ ротъ дѣвушки. Покойница открыла глаза и долго

соображала, гдѣ она. Наконецъ, вспомнила о происшедшемъ, вскочила и бросилась къ ногамъ Мустафы.

«Какъ благодарить тебя, благородный человѣкъ, что ты спасъ меня изъ той ужасной тюрьмы!» Мустафа остановилъ ее вопросомъ: какъ случилось, что она, а не сестра его, Фатима, очутилась здѣсь? Та съ удивленіемъ смотрѣла на него. «Теперь только понимаю, откуда пришло спасеніе», сказала она. «Дѣло въ томъ, что меня во дворцѣ звали Фатимой и ты мнѣ передалъ свою записочку и спасительное снадобье». Братъ сталъ спрашивать спасенную о сестрѣ и о Зораидѣ, узналъ, что онѣ тоже въ замкѣ, но что Тіули по обыкновенію перемѣнилъ имъ имена; онѣ звались теперь Мирзою и Нурмагаль.

Фатима была въ большемъ горѣ, что братъ такъ убить своею ошибкою; она подбодрила его и обѣщала открыть средство выкрасть дѣвушекъ. Мустафа не могъ успокоиться пока не вызналъ все.

«Я только мѣсяцевъ пять тому назадъ сдѣлалась невольницею Тіули и съ первой минуты помышляю о бѣгствѣ, но одной слишкомъ трудно это осуществить. Ты, можетъ быть, замѣтилъ большой водоемъ во дворѣ замка? Вода стекаетъ въ него изъ десяти трубъ. Водоемъ почему-то особенно обратилъ мое вниманіе. Я вспомнила, что у отца моего былъ болѣе или менѣе такой же: туда шла вода черезъ очень объемистый водопроводъ. Мнѣ хотѣлось знать какъ устроенъ тотъ же фонтанъ у Тіули и я нарочно стала хвалить ему это роскошное сооруженіе и спросила, кто его устраивалъ. «Я самъ его строилъ», похвастался старикъ, «и то, что ты видишь, еще самое послѣднее.

Вѣдь вода въ него проведена изъ ручья шаговъ за тысячу отсюда и идетъ она черезъ сводчатый ходъ почти въ ростъ человѣка; и все это моя мысль!». Я часто послѣ того горевала, что будь у меня сила мужчины, чтобъ отвалить камень въ стѣнкѣ колодца, я бы могла бѣжать на всѣ четыре стороны. Устье водопровода я могу тебѣ показать; чрезъ него ты легко проникнешь ночью въ замокъ и можешь освободить своихъ. Но тебѣ пришлось бы прихватить съ собою еще человѣкъ двухъ на случай, если стража сераля подниметъ тревогу».

Два раза былъ обманутъ Мустафа въ своихъ ожиданіяхъ, но онъ рѣшился еще разъ попытать счастья. Онъ обѣщалъ невольницѣ всячески содѣйствовать ея возвращенію на родину, только бы она помогла ему проникнуть въ замокъ. Одна лишь забота печалила его: гдѣ взять двухъ или трехъ вѣрныхъ помощниковъ? Онъ вспомнилъ о кинжалѣ Орбазана и объ его обѣщаніи явиться на помощь при первомъ зовѣ. Случай былъ подходящий.

Въ томъ же городкѣ, гдѣ онъ преобразился во врача, купилъ онъ на послѣднія деньги коня, устроилъ Фатиму у одной бѣдной женщины, а самъ поспѣшилъ въ горы, гдѣ въ первый разъ встрѣтилъ Орбазана. Онъ неожиданно предсталъ передъ разбойникомъ и повѣдалъ ему свою повѣсть. Суровый Орбазанъ не могъ удержаться отъ смѣха, слушая про его неудачныя попытки, особенно когда дѣло дошло до врача Хакаманка-буди-баба. Зато предательство карлика привело его въ ярость; онъ поклялся повѣсить его собственными руками, какъ только тотъ ему попа-

дется. Брату онъ предложилъ остаться переночевать, а поутру выѣхать вмѣстѣ къ замку. Мустафа провелъ ночь въ палаткѣ Орбазана. На зарѣ Орбазанъ прихватилъ съ собою трехъ хорошо вооруженныхъ товарищей, изъ самыхъ храбрыхъ, и всѣ двинулись въ путь. Черезъ двое сутокъ они были въ городкѣ, гдѣ оставили Фатиму, взяли ее съ собою и проѣхали въ небольшой лѣсокъ, откуда хорошо былъ виденъ замокъ Тиули. Здѣсь они выждали наступленія ночи и подъ покровомъ темноты спустились къ тому ручью, гдѣ начинался водопроводъ. Фатима еще разъ повторила все подробно, а именно, что они черезъ водопроводъ выйдутъ въ колодезь, а оттуда во внутренний дворъ, откуда увидятъ направо и налево двѣ башни; за шестою дверью, считая съ правой башни, находятся Фатима и Зораида, ихъ охраняютъ два черныхъ невольника. Мустафа, Орбазанъ и двое разбойниковъ спустились въ водопроводъ, третьяго оставили стеречь коней и Фатиму. Мужчины оказались по поясъ въ водѣ, но это не мѣшало имъ бодро продолжать путь. Черезъ полчаса они уже были у стѣнки колодца; плиты были толстыя, плотныя, но четверо мужчинъ дружно принялись за дѣло и скоро пробили отверстіе достаточно широкое, чтобъ можно было удобно пролѣзть въ него. Орбазанъ вышелъ первый и помогъ другимъ.

Они стали разсматривать замокъ, чтобъ найти указанную дверь. Но тутъ вышло разногласіе: они не могли опредѣлить которая, такъ какъ отъ правой башни къ лѣвой шестою приходилась задѣланная дверь и они не знали, считала ли ее Фатима или нѣтъ.

Орбазанъ не сталъ долго думать: «Мой клинокъ всякую дверь отворотить», крикнулъ онъ и принялся за шестую дверь. За нею оказалось шесть черныхъ невольниковъ; они лежали на полу и спали. Орбазанъ хотѣлъ ужъ безшумно закрыть дверь, видя, что попалъ не туда, какъ вдругъ въ углу поднялась фигура и отчаянно закричала на помощь. То былъ карликъ изъ лагеря Орбазана. Но прежде чѣмъ остальные могли сообразить, въ чемъ дѣло, Орбазанъ бросился на малыша, разодралъ на двое поясъ, заткнулъ ему ротъ и прикрутилъ руки за спиною. Тѣмъ временемъ Мустафа и разбойники справлялись съ остальными. Невольниковъ подъ страхомъ смерти заставили указать, гдѣ Мирза и Нурмагалъ. Они указали на соседнюю комнату. Мустафа бросился туда и вывелъ Фатиму и Зораиду, уже разбуженныхъ шумомъ. Оба разбойника предложили Орбазану пограбить, что найдется, но тотъ запретилъ: «Пусть не говорятъ объ Орбазанѣ, что онъ пользуется ночью, чтобы грабить». Мустафа и дѣвушки быстро скользнули въ водопроводъ; Орбазанъ же нѣсколько замѣшкался. Онъ и одинъ изъ разбойниковъ подхватили карлика, вывели во дворъ и повѣсили на самой верхушкѣ фонтана. Потомъ онъ шмыгнулъ съ своими спутниками вслѣдъ за Мустафою. Со слезами благодарили всѣ великодушнаго спасителя, но Орбазанъ совѣтовалъ спѣшить, такъ какъ весьма вѣроятно, что Тиули-Кось разошлетъ погоню по всѣмъ направленіямъ. На слѣдующее утро друзья разстались. Мустафа съ глубокимъ волненіемъ проводилъ Орбазана и никогда не могъ забыть о немъ. Фатима же, освобожденная рабыня,

переодѣтая, отправилась въ Бальсору, а оттуда на родину.

Мои вернулись домой. Старикъ отецъ чуть не умеръ отъ радости. На другой день онъ устроилъ пиръ и созвалъ весь городъ. Брату пришлось при всемъ собраніи разсказать свои приключенія и всѣ хвалили его и благороднаго Орбазана.

Когда братъ кончилъ, отецъ всталъ и подвелъ къ нему Зораиду. «Снимаю», произнесъ онъ торжественно, «проклятіе съ твоей головы; возьми дѣвушку, какъ награду за твое неутомимое усердіе. Прими вмѣстѣ съ тѣмъ мое родительское благословеніе и да будетъ въ нашемъ городѣ побольше людей, подобныхъ тебѣ, одушевленныхъ такою же братскою любовью, одаренныхъ такимъ же умомъ и рвеніемъ».

* * *

Караванъ дошелъ до границы пустыни и путешественники съ радостью привѣтствовали зеленые лужайки и тѣнистыя деревья; они давно скучали о нихъ. Тамъ, въ чудной долинѣ стоялъ каравансарай; они рѣшили остановиться въ немъ на ночлегъ. Въ тотъ вечеръ маленькое общество чувствовало себя еще бодрѣе и веселѣе, чѣмъ когда либо. Мысль, что всѣ трудности и опасности пути уже пройдены, располагала всѣхъ къ веселому настроенію: всѣмъ какъ-то хотѣлось шутить и дурачиться. Мулей принялся сперва танцовать, потомъ пѣть и все это такъ забавно, что даже мрачный Зулейко не могъ удержаться отъ смѣха. Потомъ онъ сѣлъ, передохнулъ немного послѣ своихъ отчаянныхъ прыжковъ и сталъ разсказывать обѣщанную сказку:

* * *

Сказка о Маленькомъ Мукѣ.

Въ Никеѣ, милой родинѣ моей, жилъ человѣкъ. Звали его Маленькій Мукъ. Онъ какъ живой стоитъ передъ моими глазами, хотя я былъ еще малъ тогда. Поневолѣ не забудешь, когда отецъ разъ до полу-смерти поколотилъ меня изъ-за него. Маленькій Мукъ былъ уже старикомъ въ то время, а ростомъ не больше трехъ, четырехъ локтей. Фигурка у него была престранная: туловище маленькое, хотя вполне правильное, а голова огромная, много больше и тяжелѣе, чѣмъ у всѣхъ добрыхъ людей. Жилъ онъ одинъ въ большомъ домѣ, самъ себѣ стряпалъ и на улицахъ показывался не чаще, какъ разъ въ мѣсяцъ. Никто не зналъ бы, живъ онъ или мертвъ, если-бъ въ полдень не дымилась труба; да еще вечеромъ иногда расхаживалъ онъ по крышѣ своего дома и тогда съ улицы казалось, что катится по краю лишь огромная голова. Мы, мальчишки, были бѣдовый народъ; не было лучшаго удовольствія, какъ кому нибудь насолить, надъ кѣмъ нибудь насмѣяться. Для насъ былъ настоящій праздникъ, когда Мукъ показывался на улицѣ. Мы собирались тогда заблаговременно передъ его домомъ и ждали съ волненіемъ. Сперва открывалась дверь, потомъ выплывала огромная голова съ чудовищнымъ тюрбаномъ; за головою появлялось тѣлице, совсѣмъ крошечное, въ широкомъ халатѣ съ подрѣзанными полами, необъятными шароварами, огромнымъ поясомъ, за которымъ торчалъ кинжалъ, такой длинный, что трудно было рѣшить, Мукъ ли подвязанъ къ кинжалу или кинжалъ къ Муку. Только

онъ появлялся—воздухъ оглашался неистовыми криками, мы бросали свои шапки на воздухъ, вертѣлись,

кривлялись какъ бѣшеные вокругъ него. Маленькій Мукъ обыкновенно очень важно раскланивался съ нами и шелъ себѣ спокойно впередъ, причемъ нѣсколько волочилъ ноги; на немъ были такія обѣ-

емистыя туфли, что я большихъ нигдѣ въ мірѣ не видалъ. Онъ шелъ, а мы бѣжали за нимъ и безъ перерыва кричали: «Маленькій Мукъ, Маленькій Мукъ!» У насъ даже такая пѣсенка была, нарочно про него сложенная:

Въ большомъ домѣ слышенъ стукъ;
Тамъ похаживаетъ Мукъ!
Выползаетъ въ мѣсяцъ разъ
Онъ народу на показъ;
Головенка, что горшокъ,
А самъ ростомъ-то въ вершокъ.
Оглянись-ка... тукъ-тукъ-тукъ...
Догони насъ, крошка Мукъ.

Все это мы очень часто продѣлывали и къ стыду своему, долженъ признаться, что я лично былъ еще хуже остальныхъ; я постоянно дергалъ его за кафтанчикъ, а разъ такъ ловко наступилъ ему сзади на туфлю, что онъ тутъ же растянулся. Мнѣ это показалось ужасно смѣшно, но охота смѣяться живо у меня пропала; Мукъ всталъ и спокойно направился къ дому моего отца. Я спрятался за дверь и ждалъ, что дальше будетъ. Мукъ выходилъ оттуда съ отцомъ

моимъ. Отецъ почтительно держалъ его за руку и низко кланялся ему. Мнѣ стало совѣмъ не по себѣ и я нескоро вышелъ изъ засады. Наконецъ, голодъ выгналъ меня; я, съ поникшею главою, смиренно побрелъ къ отцу. «Ты смѣялся и потѣшался надъ бѣднымъ Мукомъ?» строго спросилъ онъ. «Постой, я расскажу тебѣ его повѣсть и у тебя пройдетъ охота смѣяться надъ нимъ. Ну, а сперва получи заслуженное». Съ этими словами онъ отвинтилъ трубку отъ чубука и отдѣлалъ меня такъ, какъ никогда.

Послѣ этого онъ рассказалъ мнѣ все, что зналъ о Маленькомъ Мукѣ.

Отецъ Маленькаго Мука—настоящее имя его было Мукра—былъ человѣкъ бѣдный, но всѣми уважаемый. Онъ велъ очень уединенную жизнь. Жену онъ потерялъ рано, а сына возненавидѣлъ за малый ростъ и потому не счелъ нужнымъ учить его чему-нибудь. Маленькій Мукъ въ шестнадцать лѣтъ былъ еще совѣмъ ребенкомъ и отецъ его, человѣкъ серьезный, всегда упрекалъ его: «давно бы пора, кажется, скинуть дѣтскіе башмаченки», а сынъ все такъ же глупъ и ребячливъ.

Старикъ какъ-то разъ упалъ, сильно расшибся и умеръ. Маленькій Мукъ остался одинъ на свѣтѣ безъ гроша въ карманѣ. Жестокіе родственники, которымъ покойный остался должнымъ, выслали крошку изъ дома и совѣтовали ему идти искать счастья по свѣту. Маленькій Мукъ просилъ на дорогу одежду отца и ему со смѣхомъ отдали ее. Надо вамъ сказать, что отецъ Мука былъ очень большого роста и полный; конечно, его платье не могло годиться на Мука. Но

Мукъ недолго думалъ; онъ обрѣзалъ тамъ, гдѣ было слишкомъ длинно и кое-какъ одѣлся. Онъ только потерялъ изъ вида, что одежда такъ же мало подходила въ ширину какъ въ длину; вотъ и получился тотъ странный нарядъ, что ты видишь теперь на немъ: огромный тюрбанъ, широкій поясъ, широкія шаровары, куцый кафтанчикъ—все это наслѣдство его отца, съ которымъ онъ съ тѣхъ поръ не разставался. Для храбрости прихватилъ онъ съ собою дамасскій клинокъ старика, взялъ палку въ руку и вышелъ изъ города.

Онъ бодро шагаль цѣлый день въ полномъ убѣжденіи, что идетъ за счастьемъ; чуть увидить стеклышко на дорогѣ, сейчасъ его въ карманъ, въ пріятной увѣренности, что оно, того гляди, обратится въ брилліантъ; завидить вдали куполь мечети, сверкающій на солнцѣ, озеро, сіяющее какъ зеркало—сейчасъ бѣжитъ туда со всѣхъ ногъ, думаетъ, что нашелъ волшебную страну. Но, увы! Заманчивые призраки исчезали вблизи и снова голодный желудокъ и усталыя ноги напоминали ему, что онъ все еще въ странѣ смертныхъ.

Онъ шелъ такъ два дня, измученный, голодный и начиналъ уже отчаяваться, что найдетъ счастье; спалъ онъ на сырой землѣ, питался кореньями и лѣсными плодами. На третій день утромъ увидѣлъ онъ вдали большой городъ. На стѣнахъ блестѣлъ полумѣсяцъ, на крышахъ развѣвались дестрые флаги и Муку казалось, что они привѣтливо киваютъ ему. Онъ стоялъ, очарованный, любовался на городъ и мечталъ. «Да, да, тамъ ждетъ тебя счастье, Маленькій

Мукъ!» Онъ даже привскочилъ отъ радости. «Тамъ или нигдѣ». Онъ собрался съ силами и пошелъ къ городу. Ему еще долго пришлось идти; крошечныя

Взойдя по лѣстницѣ, Мукъ встрѣтилъ ту старуху, которая выглядывала изъ окна.

ножки едва двигались и ему приходилось часто присаживаться, чтобъ не упасть отъ усталости. Но вотъ дошелъ онъ до воротъ. Онъ поправилъ тюрбанъ,

расправилъ кушакъ еще шире, а длинный мечъ заткнулъ еще болѣе вбокъ; смахнулъ пыль съ сапожковъ, подхватилъ свою палочку и бодро зашагалъ по городу.

Онъ прошелъ уже нѣсколько улицъ, но нигдѣ не открывались двери, нигдѣ не кричали ему, какъ онъ ожидалъ: «Маленькій Мукъ, зайди скорѣе, ѣшь, пей, дай ножкамъ отдохнуть».

Онъ уже съ тоскою поглядывалъ на высокіе, богатые дома, какъ вдругъ открылось окно, оттуда выглянула старая женщина и затянула пѣвучимъ голосомъ:

Сюда,
Сюда,
Скорѣй, скорѣй,
Собирайтесь живѣй!
Столъ накрытъ, давно васъ ждетъ
Кашка сварена что медъ!
Ей, сосѣди, поскорѣй.
Собирайтесь живѣй.

Двери дома открылись и туда вбѣжало нѣсколько кошекъ и собачекъ. Мукъ нѣсколько минутъ стоялъ въ нерѣшительности, идти ли на приглашеніе; голодъ пересилилъ робость, онъ вошелъ. Передъ нимъ шла пара котятъ; онъ пошелъ за ними въ полной увѣренности, что они скорѣе его найдутъ дорогу въ кухню.

Взойдя по лѣстницѣ, Мукъ встрѣтилъ ту старуху, которая выглядывала изъ окна. Она ворчливо посмотрѣла на него и спросила, что ему надо. «Да вѣдь ты всѣхъ сзывала ѣсть кашку», отвѣчалъ Маленькій Мукъ, «а я такъ голоденъ, что зашелъ». Старуха разсмѣялась: «Откуда ты явился, странный человѣчекъ? Весь городъ знаетъ, что я стряпаю только для своихъ ми-

лыхъ кошечекъ, да иногда, какъ видишь, приглашаю къ нимъ на пиръ сосѣдей». Маленькій Мукъ разсказалъ старухѣ, какъ плохо ему пришлось послѣ смерти отца, и просилъ ее покормить его сегодня за одно съ кошками. Женщинѣ понравился чистосердечный разсказъ малыша, она разрѣшила ему быть гостемъ и досыта накормила его. Старуха долго смотрѣла на него, пока онъ ѣлъ, потомъ предложила: «Маленькій Мукъ, оставайся у меня въ услуженіи; работы будетъ тебѣ много, а содержаніе хорошее».

Маленькому Муку такъ понравилась кошачья кашка, что онъ тотчасъ же согласился и остался на службѣ у старухи Агафзи. Служба его была, пожалуй, легкая, но очень странная. У старухи было два кота и четыре кошки; Муку приходилось каждое утро расчесывать имъ шерстку и натирать ихъ душистыми мазями; когда старухи не было дома, онъ долженъ былъ присматривать за ними; когда они ѣли, надо было подавать имъ кушанье на красивыхъ блюдахъ, а къ ночи надо было укладывать ихъ на шелковые подушки и прикрывать бархатными одѣяльцами. Было еще нѣсколько собачекъ въ домѣ, за которыми ему приходилось ухаживать, но съ ними не такъ возились какъ съ кошками; кошекъ старуха любила и баловала какъ дѣтей. Первое время все шло хорошо; онъ былъ всегда сытъ, утомляться было не съ чего и старуха была, повидимому, довольна имъ. Но постепенно кошки стали безпокойнѣе: когда старухи не было дома, онѣ принимались скакать по комнатамъ какъ бѣшенныя, все роняли, рвали, ломали по пути, а, чуть слышатъ шаги хозяйки, мигомъ всѣ разсядутся по подушкамъ

и тихонько хвостиками помахиваютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Старуха сердилась на беспорядокъ въ домѣ и во всемъ обвиняла Мука, какъ тотъ ни оправдывался; она вѣрила ему меньше, чѣмъ своимъ кошечкамъ: онѣ такъ мило и невинно смотрѣли на нее.

Маленькій Мукъ былъ въ отчаяннѣйшѣмъ, что и тутъ счастья не нашелъ, и рѣшилъ уйти отъ старухи. Но онъ уже убѣдился по первому опыту, что безъ денегъ путешествовать плохо и что надо такъ или иначе выручить ту плату, которую старуха все ему обѣщала, но не думала отдавать. Въ домѣ была комната, постоянно закрытая, и куда ему еще никогда не приходилось заглянуть. Онъ часто слышалъ, какъ старуха возится тамъ, и ему всегда страшно хотѣлось знать, что тамъ хранится. Онъ не разъ подумывалъ, не тамъ ли сокровища старой Агафзи? Но дверь всегда была на замкѣ и до сокровищъ нельзя было добраться.

Разъ утромъ, когда старуха только что вышла, подбѣжала къ Муку маленькая собачка. Агафзи почему-то ее не долюбливала, но Мукъ всегда предпочиталъ остальнымъ и животное особенно привязалось къ нему. Собачка тихонько дергала карлика за шаровары, словно приглашая идти за собою. Мукъ любилъ поиграть съ собачкою; онъ пошелъ за нею и оказалось, что собачка привела его въ спальню Агафзи и остановилась у маленькой двери, которую онъ никогда еще не замѣчалъ. Дверь была полуоткрыта. Собачка вошла, Мукъ за нею. Какова же была его радость, когда онъ увидѣлъ, что попалъ именно туда, куда такъ долго стремился. Онъ сталъ выглядывать всюду, нѣтъ ли гдѣ золота. Золота не оказалось, но

зато много валялось всякаго платья и причудливыхъ сосудовъ. Одинъ особенно привлекъ его вниманіе. Онъ былъ хрустальный и весь украшенъ рѣзбою. Мукъ вертѣлъ его въ рукахъ и вдругъ, о, ужасъ! Крышка слетѣла и разбилась въ дребезги.

Маленькій Мукъ чуть не умеръ отъ испуга. Теперь ужъ ничего не оставалось, какъ бѣжать; старуха могла убить его на мѣстѣ! Онъ еще разъ оглянулся, чтобъ прихватить что-нибудь подходящее на дорогу. Ему попались на глаза туфли; онѣ, положимъ, красотою не отличались и были страшно велики, но его собственныя совѣмъ развалились. Къ тому же тѣ особенно соблазняли его своею величиною; ужъ если ихъ надѣтъ, то всѣ сразу увидятъ, что онъ давно «стопталъ дѣтскіе башмачки!» Онъ скорѣе сбросилъ свои туфельки и залѣзъ въ большія. Понравилась ему также тросточка съ набалдашникомъ въ видѣ львиной головы; онъ захватилъ ее и бросился вонъ изъ комнаты. Быстро снарядился онъ въ путь-дорогу и побѣжалъ настолько быстро, насколько ноги позволяли; онъ не успокоился пока не миновалъ городскія ворота и даже самый городъ не исчезъ изъ вида. Никогда еще такъ быстро онъ не бѣгалъ; ему даже казалось, что какая-то невидимая сила несетъ его, что онъ не можетъ остановиться. Онъ тщетно пытался задержать свой бѣгъ; туфли плясали подъ нимъ и тащили его за собою. Наконецъ, въ отчаяніи, онъ крикнулъ самъ себѣ, какъ кричатъ лошадамъ: «Тпру-у! стой!» Туфли тотчасъ же остановились и Мукъ свалился носомъ прямо въ землю.

Онъ несказанно былъ радъ драгоцѣнной находкѣ.

Значить, онъ все-таки приобрѣлъ себѣ кое-что службою и теперь, пожалуй, легче будетъ ему найти счастье. Съ этою отрадною мыслью Мукъ заснулъ: его крошечное тѣлце не могло долго выдержать груза огромной головы. Во снѣ явилась ему его благодѣтельница собачка и сказала: «Милый Мукъ, ты еще не знаешь всей прелести туфель: знай, если перевернешься въ нихъ три раза на каблукъ, ты полетишь всюду, куда вздумаешь; а съ тросточкой—любой кладъ отроешь: гдѣ золото зарыто, тамъ она стукнетъ три раза, а гдѣ серебро—два». Хотя это было сказано во снѣ, все же Мукъ рѣшилъ попытать счастья: ужъ очень было соблазнительно! Только одна бѣда: какъ перевернуться на каблукъ? И болѣе ловкій могъ оказаться въ затрудненіи, а тутъ еще туфля была черезчуръ велика, да голова Мука черезчуръ грузна, такъ что перевѣшивала все тѣло. Немудрено, что Муку не сразу посчастливилось и онъ порядочно таки расшибъ себѣ носъ, прежде чѣмъ удалось продѣлать фокусъ. Наконецъ, онъ колесомъ перекрутился на пяткѣ, пожелалъ летѣть въ ближайшій городъ и—туфли взвились на воздухъ, помчались по облакамъ и Мукъ не успѣлъ опомниться, какъ очутился на базарной площади какого-то большого города. Онъ попробовалъ было сновать между народомъ, но скоро предпочелъ благоразумно удалиться въ пустынную улицу. На базарѣ его то толкали со всѣхъ сторонъ, то наступали на туфли, то грозили побить его за длинный мечъ, который всѣхъ задѣ-
валъ.

Маленькій Мукъ серьезно раздумывалъ о томъ, какъ бы что-нибудь заработать. Была у него, конечно,

тросточка, съ нею онъ могъ найти зарытый кладъ, но куда идти искать его? Можно было еще въ крайнемъ случаѣ показываться за деньги, но тутъ самолюбіе мѣшало. Онъ вспомнилъ о быстротѣ своихъ ногъ. Развѣ попробовать туфлями промышлять пропитаніе? Можно было въ скороходы наняться. Больше всего могли понадобиться такія услуги при дворѣ. Недолго думая, онъ направился во дворецъ. У воротъ его остановила стража: кто, что, зачѣмъ и куда идешь? Мукъ отвѣчалъ, что хочетъ поступить на службу; его повели къ смотрителю дворца. Маленькій человѣчекъ съ достоинствомъ поклонился и предложилъ свои услуги въ качествѣ королевскаго гонца. Смотритель смѣрилъ его взглядомъ съ головы до пятъ и расхохотался: «Ахъ ты, плутъ! Съ твоими-то ножками, въ ладонь величиною, и наниматься въ скороходы? Поди вонъ, пока цѣль, мнѣ некогда шутки шутить». Но маленький Мукъ сталъ увѣрять, что онъ совсѣмъ не шутитъ и что готовъ выдержать состязаніе съ самымъ быстрымъ изъ быстрѣйшихъ. Смотрителю захотѣлось позабавиться. Онъ велѣлъ Муку быть на готовѣ къ вечеру, самъ отвелъ его въ кухню и велѣлъ хорошенько накормить для бодрости. Потомъ онъ отправился къ королю и доложилъ ему о Маленькомъ Мукѣ и его забавномъ предложеніи. Король былъ веселаго нрава; онъ обрадовался случаю лишній разъ посмѣяться. Наскоро устроили эстраду на большомъ лугу за дворцомъ, чтобъ весь дворъ могъ удобно полюбоваться предстоящимъ зрѣлищемъ. Король сообщилъ обо всемъ принцамъ и принцессамъ, тѣ своимъ приближеннымъ, приближенные своимъ знакомымъ, и къ вечеру всѣ,

у кого только были ноги, явились на лугъ посмѣяться надъ хвастливымъ карликомъ.

Когда дворъ занялъ приготовленные мѣста, Маленькій Мукъ важно выступилъ на лугъ и премило поклонился всему обществу.

Единодушный крикъ радости огласилъ воздухъ при появленіи карлика: такого удивительнаго созданія еще никто не видѣлъ. Хорошенькое тѣльце съ огромною головою, куций кафтанчикъ, широкія шаровары, длинный кинжалъ сбоку и необъятной величины туфли, все это было такъ забавно, что нельзя было не хотать. Маленькій Мукъ ничуть не растерялся. Онъ гордо стоялъ, опираясь на тросточку, и ждалъ противника. Смотритель, по собственному желанію карлика, выбралъ лучшаго скорохода. Оба соперника встали рядомъ, принцесса Амарза махнула покрываломъ—то былъ условленный знакъ—и, какъ двѣ стрѣлы, пущенныя изъ лука, понеслись скороходы по лугу.

Сначала соперникъ Мука значительно опередилъ его, но скоро тотъ нагналъ его, перегналъ и уже давно стоялъ у цѣли, когда тотъ, еле переводя духъ, былъ еще на полпути. Въ первую минуту всѣ онѣмѣли отъ неожиданности; когда же король первый захлопалъ въ ладоши, вся толпа заволновалась, всѣ радовались и кричали: «Да дравствуетъ крошка Мукъ! Слава побѣдителю!»

Мука подвели къ королю. Карликъ бросился на колѣни. «Великій государь», сказалъ онъ, «я далъ тебѣ лишь маленькій образецъ своего искусства: позволь мнѣ удостоиться чести встать въ ряды твоихъ скороходовъ». Но король милостиво поднялъ Мука и ска-

залъ: «Нѣтъ, милый Мукъ, ты будешь моимъ лейбъ-скороходомъ и всегда будешь при моей особѣ, будешь получать ежегодно по сто золотыхъ, а обѣдать за столомъ слугъ перваго разряда».

Тутъ уже Мукъ рѣшительно увѣровалъ, что нашелъ счастье, и на душѣ у него стало совсѣмъ легко. Онъ очень быстро попалъ въ особую милость у короля, такъ какъ всегда съ величайшею точностью и невѣроятною быстротою исполнялъ самыя трудныя и сложныя порученія.

Это не могло нравиться остальнымъ слугамъ короля; имъ было страшно досадно, что приходилось уступать мѣсто неизвѣстному карлику, который и дѣлать-то ничего не умѣлъ, только бѣгалъ скоро.

Они составляли заговоръ за заговоромъ, чтобъ погубить его, но всѣ заговоры разбивались о полное довѣріе короля къ своему оберлейбъ-скороходу. Вотъ на какую высоту забрался Мукъ въ короткое время.

Мукъ не могъ не замѣтить окружающей его неприязни. Онъ не думалъ о мести: онъ былъ слишкомъ добръ для этого; онъ мечталъ только, какъ бы стать необходимымъ своимъ врагамъ и заставить ихъ полюбить себя. Онъ вспомнилъ о волшебной тросточкѣ, про которую совсѣмъ было забылъ послѣднее время. Вотъ если-бъ найти кладъ, думалось ему, они бы примирились съ нимъ.

Мукъ не разъ слышалъ, что отецъ теперешняго короля, во время нашествія какого-то непріятеля, зарылъ въ саду часть сокровищъ. Говорили также, что онъ не успѣлъ сообщить своей тайны сыну. Мукъ сталъ часто расхаживать съ тросточкою въ рукѣ по

отдаленнымъ уголкамъ сада, въ надеждѣ напасть на сокровища; и, дѣйствительно, онъ однажды почувствовалъ, какъ палочка дрогнула въ его рукѣ и очень отчетливо стукнула три раза о землю. Мукъ тотчасъ же сдѣлалъ мечемъ отмѣтку на близъ-стоящемъ деревѣ и побрелъ обратно въ замокъ. Къ ночи онъ снова съ заступомъ въ рукѣ вышелъ въ садъ.

Кладъ нелегко дался въ руки Маленькому Муку. Силы его были очень невелики, а заступъ очень тяжелъ. Въ два часа работы онъ вырылъ лишь едва замѣтное углубленіе. Почти всю ночь проработалъ онъ, пока наконецъ наткнулся на нѣчто твердое. Онъ сталъ рыть усерднѣе и скоро открылъ большую желѣзную крышку. Тогда онъ спустился въ яму, поднялъ крышку и увидѣлъ подъ нею большой горшокъ съ золотыми монетами. Слабыя ручки его не въ силахъ были поднять такой тяжести; онъ просто набралъ сколько могъ золота въ шаровары, за поясъ, наполнилъ ими кафтанъ, потомъ заботливо прикрылъ остальное землею, взвалилъ узелъ на спину и вернулся во дворецъ.

Теперь, думалъ онъ, все пойдетъ иначе и всѣ враги обратятся въ друзей и приверженцевъ. Не тутъ-то было. Бѣдный Маленькій Мукъ по неопытности не зналъ, что за золото истинной дружбы не приобретешь. Что бы ему было повертѣться на каблучкѣ и исчезнуть съ своимъ кафтанчикомъ!

Мукъ щедрою рукою сыпалъ золото направо и налѣво, но это возбуждало не благодарность, а зависть. Главный поваръ, Ачули, говорилъ: «Онъ фальшивый монетчикъ». Смотритель Ахметъ пожималъ пле-

чами и сообщалъ: «Онъ все выманиваетъ у короля». Архазъ, казначей, злѣйшій врагъ Мука, самъ не пренебрегалъ случаемъ залѣзть въ царскую казну и потому рѣшалъ: «Онъ ловко воруетъ». Они сговорились между собою и главный кравчій короля, Коршуцъ, предсталъ разъ передъ своимъ повелителемъ съ такимъ разстроеннымъ видомъ, что тотъ невольно обратилъ вниманіе. «Ахъ, государь! Я вижу, что свѣтъ твоего благоволенія померкъ для меня». — «Что за глупыя выдумки, другъ?» возразилъ король. «Кажется, я не отвращалъ отъ тебя своей милости». Главный кравчій смущенно отвѣчалъ, что съ нѣкоторыхъ поръ государь задариваетъ скорохода и совсѣмъ забываетъ своихъ вѣрныхъ слугъ.

Король не могъ понять, что все это значитъ. Ему рассказали о небывалой щедрости Маленькаго Мука и постарались навести его на подозрѣніе, что карликъ тѣмъ или другимъ способомъ обкрадываетъ царскую казну. Такой оборотъ особенно былъ на руку казначею, который не долюбливалъ отчетовъ. Король приказалъ тайно слѣдить за Мукомъ и, если возможно, подкараулить его.

Касса Мука скоро истощилась, надо было вновь идти пополнять ее. Онъ взялъ заступъ и прокрался въ садъ. Онъ только что собирался наложить золото въ разостланный для этого кафтанчикъ, какъ на него напали караулившіе его заговорщики и повели къ королю. Король очень немилостиво принялъ бѣднаго скорохода, да къ тому же былъ не въ духѣ отъ прерваннаго сна. Онъ рѣшилъ немедленно разобрать дѣло. Горшокъ съ кладомъ вырыли изъ земли и

вмѣстѣ съ заступомъ и кафтанчикомъ поставили у ногъ короля. Казначей показаль, что онъ съ своими людьми засталъ Мука какъ разъ въ ту минуту, какъ онъ зарываль горшокъ въ землю.

Маленькій Мукъ въ полномъ сознаніи своей невинности возразиль, что нашель горшокъ въ саду и не зарываль, а отрываль его.

Всѣ присутствующіе подняли на смѣхъ его объясненіе, а король, возмущенный, какъ ему казалось, спокойною дерзостью малыша, воскликнулъ: «Какъ, негодяй! Ты воображаешь, что такъ глупо и нахально проведешь своего повелителя? Казначей, та-ли тутъ сумма, которой не хватаетъ въ моей казнѣ?»

Казначей отвѣчалъ, что никакого сомнѣнія быть не можетъ, что именно эта сумма и даже больше пропала за послѣднее время изъ казначейства и что онъ готовъ поклясться, что это краденое добро.

Тогда король приказаль заковать Мука въ цѣпи и посадить въ тюрьму, а казначею передалъ золото, чтобы снова вложить его въ казну. Казначей ногъ подъ собою не чувствовалъ отъ радости; онъ поспѣшилъ домой считать свои червонцы. Конечно, негодяй никому не сознался, что на самомъ днѣ горшка лежала записочка: «Врагъ наводниль страну, я долженъ скрыть часть своихъ сокровищъ; кто найдетъ ихъ и не вернетъ тотчасъ же сыну моему, да падетъ на того мое проклятiе.—Король Саади».

Маленькій Мукъ печально провелъ ночь въ заключеніи; онъ зналь, что кража королевской собственности влечетъ за собою смерть; но не могъ же онъ выдать тайну волшебной тросточки! Прости тогда и

тросточка, и туфли. Туфли его теперь никакой службы сослужить не могли: цѣпь была на столько коротка, что онъ никакъ не могъ перевернуться на пяткѣ. Когда же утромъ пришли за нимъ, чтобы вести его на казнъ, онъ подумалъ, что все же лучше жить безъ

Онъ только что собирался наложить золото въ кафтанчикъ, какъ на него напали заговорщики.

волшебной тросточки, чѣмъ умирать изъ-за нея; онъ просилъ тайной аудіенціи у короля и открылъ ему въ чемъ дѣло. Король сначала не хотѣлъ вѣрить, но Маленькій Мукъ предложилъ испытать силу волшебной палочки. Зарыли въ саду извѣстное количество

золота и пустили туда Мука искать его. Палочка очень быстро указала мѣсто, отчетливо стукнувъ три раза по землѣ. Король понялъ, что казначей обманулъ его и послалъ ему, по восточному обычаю, шелковый шнурокъ, т. е. приказаніе удавиться. «Вотъ что Мукъ», сказалъ онъ затѣмъ карлику, «я даровалъ тебѣ жизнь, но, мнѣ кажется, у тебя должны быть другія тайны помимо волшебной палочки. Поэтому предоставляю тебѣ выборъ: или вѣчное заточеніе, или сознайся, какое отношеніе все это имѣетъ съ быстротою твоихъ ногъ». Ночь въ темницѣ отняла у Мука послѣднюю охоту ко всякаго рода приключеніямъ; онъ сознался, что вся сила его въ туфляхъ, но все же не открылъ королю тайны троекратнаго повертыванія на пяткѣ. Король сейчасъ же шмыгнулъ ногами въ туфли и понесся какъ безумный по саду; онъ скоро захотѣлъ остановиться, да не зналъ какъ задержать туфли, а Мукъ не могъ отказать себѣ въ такой невинной мести и предоставилъ ему бѣгать, пока тотъ въ обморокъ не упалъ.

Можно представить себѣ ярость короля на Мука. «Я далъ тебѣ слово даровать жизнь и свободу и слова не нарушу, но чтобъ къ концу дня ты былъ за предѣлами государства, а то повѣшу тебя на первомъ деревѣ». Туфли же и палочка были тотчасъ отнесены въ королевскую сокровищницу.

Бѣднѣе чѣмъ когда либо вышелъ Мукъ изъ дворца, проклиная свою глупость. И какъ могъ онъ вообразить, что сумѣетъ играть выдающуюся роль при дворѣ! Хорошо еще, что страна была невелика и онъ могъ къ ночи достигнуть границы; онъ такъ при-

выкъ къ своимъ милымъ туфелькамъ, что совсѣмъ разучился ходить безъ нихъ.

На границѣ Мукъ свернулъ съ дороги. Люди опротивѣли ему; онъ рѣшилъ бѣжать отъ свѣта куда-нибудь въ лѣса и жить тамъ самъ по себѣ. Лѣсокъ скоро нашелся, нашлось тамъ и прелестное мѣстечко, какъ разъ подходящее. Вокругъ стояли огромныя тѣнистыя смоковницы; подъ ними журчалъ чистый ручеекъ. Онъ бросился на мягкую сочную траву и рѣшилъ уморить себя голодомъ. Однако, усталость взяла свое: онъ не умеръ, а спокойно заснулъ. Когда же проснулся и почувствовалъ мучительную пустоту въ желудкѣ, онъ подумалъ, что голодная смерть въ сущности прескверная вещь и сталъ посматривать по сторонамъ, нѣтъ ли чего поѣсть.

Надъ самой его головою висѣли спѣлыя, крупныя смоквы; онъ полѣзъ за ними, съ наслажденіемъ съѣлъ нѣсколько штукъ и спустился къ ручью напиться. Но ужасъ обуялъ его, онъ не узналъ себя: изъ воды смотрѣла на него огромная голова съ отвратительнымъ толстымъ носомъ и чудовищными ушами. Онъ схватился за голову; да, то были его собственныя уши съ добрыхъ полъ-аршина длиною!

«Да, я заслужилъ ослиныя уши!» вскричалъ бѣдняжка. «Я какъ оселъ затопталъ свое собственное счастье». Онъ печально присѣлъ подъ деревомъ, но скоро опять всталъ, такъ какъ все еще былъ голоденъ. Ничего съѣдобнаго нигдѣ не оказалось; приходилось снова взяться за смоквы. На этотъ разъ онъ поѣлъ ихъ досыта. Потомъ ему впало на умъ, нельзя ли припрятать уши подъ тюбанъ, чтобъ хоть не-

много себя скрасить; пощупалъ уши — тѣхъ уже нѣтъ. Онъ бросился къ ручью, чтобъ убѣдиться; дѣйствительно, безобразныя уши пропали и ужасный носъ принялъ прежніе размѣры. Неужели виною во всемъ смоквы, мелькнуло въ его умѣ: послѣ перваго дерева появились уши и страшный носъ, послѣ второго все исчезло какъ по волшебству. Неужели счастливая звѣзда снова дастъ ему средство вернуть счастье? Онъ набралъ смоквъ съ обоихъ деревъ сколько могъ снести и пошелъ обратно въ ту страну, откуда вышелъ. Въ ближайшемъ городкѣ онъ переодѣлся и пошелъ дальше въ тотъ городъ, гдѣ жилъ неблагодарный король.

Случилось это какъ разъ въ такое время года, когда фрукты были особенно рѣдки. Маленькій Мукъ сѣлъ у воротъ дворца; онъ по старой привычкѣ зналъ, что сюда выходитъ главный поваръ закупать всякія рѣдкости для царскаго стола. Ему не пришлось долго ждать. Главный поваръ прошелъ мимо торговцевъ, разглядывая товаръ, вдругъ увидѣлъ смоквы въ корзиночкѣ Мука. «А-а! Вотъ это рѣдкость. Этимъ навѣрное угожу его королевскому величеству. Сколько вся корзинка?» Мукъ назначилъ умѣренную цѣну; поваръ передалъ корзиночку невольнику и пошелъ дальше, а Мукъ поспѣшно удалился; онъ боялся, что какъ только проявится при дворѣ несчастіе съ головами, потребуютъ на судъ продавца.

Король былъ особенно въ духѣ за столомъ и не разъ принимался хвалить главнаго повара за его искусство и стараніе выискивать всякія рѣдкости; а главный поваръ стоялъ въ сторонкѣ, весело ухмылялся и

таинственно ронялъ отъ времени до времени: «Не видавъ вечера и хвалиться нечего», или: «Все хорошо, что хорошо кончается», такъ что принцессы сгорали отъ любопытства поскорѣе узнать, что онъ тамъ еще припасъ. Когда же торжественно подали роскошныя смоквы, всѣ присутствующіе ахнули отъ удивленія. «Какія спѣлыя, какія аппетитныя!» воскликнулъ король. «Поваръ, ты просто мододецъ и заслуживаешь нашего высокаго расположенія!» Съ этими словами король собственною рукою сталъ раздавать смоквы присутствующимъ. Надо сказать, что великодушіемъ на лакомства онъ не отличался. Каждый принцъ и каждая принцесса получили по двѣ, придворныя дамы, визири и аги по одной, а остальные онъ поставилъ передъ собою и съ наслажденіемъ сталъ уничтожать ихъ.

«Но, отецъ, какой ты вдругъ забавный сталъ!» воскликнула принцесса Амарза. Всѣ оглянулись на короля: огромныя уши свѣшивались у него до самыхъ плечъ, длинный носъ спускался до подбородка. Всѣ переглянулись между собою; у всѣхъ въ большей или меньшей мѣрѣ красовались тѣ же украшенія!

Легко представить себѣ ужасъ двора! Созвали тотчасъ же всѣхъ врачей города; они сбѣжались толпами, прописали горы пилюль и микстуръ, но уши и носы не уменьшались. Одинъ изъ принцевъ согласился даже на операцію, но уши мгновенно выросли вновь.

Какъ только слухъ о странномъ происшествіи облетѣлъ городъ и дошелъ до Мука, Мукъ понялъ, что настала пора дѣйствовать. Онъ уже припасъ себѣ подходящій нарядъ и длинную бороду изъ козьяго

волоса. Онъ взялъ мѣшочекъ цѣлебныхъ смоквъ, пошелъ во дворецъ и предложилъ свои услуги въ качествѣ иностраннаго врача. Сначала боялись довѣриться ему, но, наконецъ, одинъ изъ принцевъ рѣшился съѣсть цѣлебную смокву и вмигъ уродство пропало; послѣ этого всѣ бросились къ искусному врачу. Король же молча взялъ его за руку и повелъ въ сокровищницу. «Вотъ всѣ мои сокровища», сказалъ король, «выбирай любое, только избавь меня отъ такого постыднаго уродства». Слова его звучали какъ музыка для Маленькаго Мука; онъ уже при входѣ замѣтилъ свои туфли на полу, а рядомъ съ ними тросточку. Онъ обошелъ залу, словно разглядывая сокровища, но только дошелъ до туфель, какъ поспѣшно скользнулъ въ нихъ, схватилъ тросточку, сорвалъ фальшивую бороду и явился къ королю въ слишкомъ знакомомъ образѣ Маленькаго Мука. «Вѣроломный король», крикнулъ онъ, «такъ-то ты награждаешь вѣрныхъ слугъ? Прими же заслуженное наказаніе за свою неблагодарность. Оставляю тебѣ уши на память о Маленькомъ Мукѣ». Съ этими словами онъ быстро повернулся на пяткѣ, и не успѣлъ король рта открыть, чтобъ позвать на помощь, какъ карликъ исчезъ. Съ тѣхъ поръ Маленькій Мукъ живетъ здѣсь въ довольствѣ, но одиноко, такъ какъ презираетъ чловѣческій родъ. Опытъ умудрилъ его и, хотя наружность его по прежнему осталась странная, онъ заслуживаетъ скорѣе удивленія, чѣмъ насмѣшки.

Такъ говорилъ мой отецъ. Я глубоко раскаявался въ своей грубости относительно карлика и отецъ простилъ меня. Черезъ меня всѣ товарищи узнали о

чудесныхъ приключеніяхъ крошки Мука и мы такъ полюбили его, что никто болѣе не осмѣливался смѣяться надъ нимъ. Мы читали его всю жизнь и всегда кланялись ему даже ниже, чѣмъ кади или муфтію.

* *
*

Путешественники рѣшили остаться еще на день въ каравансараѣ, чтобъ дать отдохнуть усталымъ животнымъ. Веселость уже не покидала ихъ и они весь день забавлялись всевозможными играми. Во время обычнаго послѣобѣденнаго отдыха товарищи напомнили пятому купцу, Али-Сиза, что настала его очередь развлекать общество. Али-Сиза оговорился, что жизнь его слишкомъ безцвѣтна и бѣдна приключеніями, такъ что лучше онъ расскажетъ имъ простую сказку, а именно: Сказку о Принцѣ-Самозванцѣ.

Сказка о Принцѣ-Самозванцѣ.

У одного знаменитаго портного въ Александріи жилъ честный подмастерье по имени Лабаканъ. Назвать его безтолковымъ въ работѣ было нельзя: онъ прекрасно владѣлъ иглою и могъ дѣлать самыя тонкія работы. Назвать его лѣнтяемъ тоже было бы грѣшно, а все же чего-то у него въ головѣ не хватало. Сидитъ бывало онъ часами за работой, шьетъ такъ усердно, что игла въ рукахъ пышетъ и нитка дымить; другой разъ—и, къ сожалѣнію, очень часто—сидитъ, задумается, уставится глазами куда-то въ одну точку и такой странный дѣлается у него видъ, что мастеръ и другіе подмастерья только руками разво-

дять глядя на него: «Опять Лабаканъ вельможей смотреть», говорятъ.

Въ пятницу, когда всѣ другіе спокойно расходились послѣ молитвы, Лабаканъ, важный и нарядный,—онъ съ великимъ трудомъ ухитрился сшить себѣ дорогое выходное платье—спускался по лѣстницѣ мечети, и медленнымъ, гордымъ шагомъ выступалъ по улицѣ; а если кто изъ товарищей, проходя, крикнетъ бывало ему: «Миръ съ тобою», или: «Какъ дѣла, другъ Лабаканъ?» онъ только милостиво кивнетъ рукою, а уже, если кто поважнѣе, слегка головою. Когда въ такихъ случаяхъ мастеръ скажетъ въ шутку: «Эхъ, родиться бы тебѣ принцемъ, Лабаканъ», онъ обрадуется и отвѣтитъ: «Вы находите?» или: «Я ужъ часто объ этомъ думалъ!»

Такъ жилъ поживалъ добрый малый, Лабаканъ. Хозяинъ терпѣлъ его глупости, такъ какъ Лабаканъ былъ человѣкъ смирный и работникъ искусный. Но вотъ однажды братъ султана, Селимъ, проѣздомъ черезъ Александрію послалъ мастеру въ передѣлку роскошный кафтанъ, а мастеръ передалъ работу Лабакану, какъ самому искусному. Когда вечеромъ мастеръ и другіе подмастерья вышли отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ, Лабакана непреодолимо потянуло обратно въ мастерскую, гдѣ висѣло платье царскаго брата. Онъ долго стоялъ въ раздумьи передъ нимъ, то любуясь блескомъ вышивки, то восторгаясь переливами бархата и шелковой ткани. Нѣтъ, онъ прямо не въ силахъ, онъ долженъ примѣрить его! Дѣйствительно, платье сидѣло на немъ превосходно, словно нарочно для него сшитое. «Ну, чѣмъ я хуже того?» разсуж-

далъ онъ, важно расхаживая вдоль и поперекъ по мастерской. «Не говорилъ ли самъ мастеръ, что я рожденъ быть принцемъ?» Съ одеждою вселилось въ малаго и совсѣмъ царственное настроеніе; онъ вообразилъ себя не много ни мало какъ неизвѣстнымъ принцемъ и рѣшилъ ѣхать въ свѣтъ искать счастья и покинуть презрѣнный городъ, гдѣ люди слишкомъ ничтожны, чтобъ узнать подъ скромною личиною подмастерья прирожденное достоинство царской крови. Разъ благодѣтельная фея доставила ему приличное его сану платье, пренебрегать имъ не слѣдовало. Онъ остался въ немъ, забралъ съ собою свои скромныя сбереженія и, подъ покровомъ ночи, выбрался изъ города.

Самозванный принцъ невольно возбуждалъ удивленіе всякаго встрѣчнаго; его роскошная одежда и строгій величественный видъ совсѣмъ не соотвѣтствовали скромному положенію пѣшехода. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ таинственно, что на то есть особыя причины. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что всѣ попросту издѣваются надъ его паломничествомъ; тогда онъ рѣшился за ничтожную цѣну купить себѣ старую клячу. Животное какъ нельзя болѣе подходило ему своимъ положительнымъ и смирнымъ нравомъ; въ наѣзтники Лабаканъ не годился.

Разъ ѣхалъ онъ шажкомъ на своей Мурвѣ, такъ звали лошадь, и повстрѣчался съ однимъ всадникомъ. Тотъ тоже ѣхалъ одинъ и тою же дорогою, такъ что предложилъ Лабакану продолжать путь вмѣстѣ. Всадникъ былъ веселый молодой человѣкъ, красивой наружности и пріятнаго обращенія. Онъ быстро завелъ съ Лабаканомъ разговоръ, кто, куда и откуда и

оказалось, что онъ такъ же, какъ нашъ подмастерье, странствуетъ по свѣту безъ опредѣленной цѣли. Онъ объявилъ, что зовутъ его Омаромъ, что онъ племянникъ Эльфи Бей, Каирскаго басса, и ѣдетъ исполнять порученіе, возложенное на него умирающимъ дядею. Лабаканъ воздержался отъ излишнихъ подробностей насчетъ своего происхожденія, но далъ понять, что тоже высокаго рода и путешествуетъ для своего удовольствія.

Молодые люди понравились другъ другу и, весело болтая, продолжали путь. На второй день совмѣстнаго путешествія, Лабаканъ сталъ спрашивать Омара, какого рода возложенное на него порученіе, и узналъ слѣдующее: Эльфи Бей, басса Каира, воспитывалъ Омара съ самаго дѣтства и тотъ даже не зналъ своихъ родителей. Тутъ случилась война. Эльфи Бей, тѣснимый врагами послѣ трехъ неудачныхъ сраженій, былъ смертельно раненъ и долженъ былъ бѣжать. Передъ смертию онъ открылъ юношѣ, что тотъ совсѣмъ не былъ его племянникомъ, но былъ сыномъ могущественнаго султана; что принцъ въ младенчествѣ былъ удаленъ отъ двора вслѣдствіе какого-то предсказанія звѣздочетамъ его отца и что тотъ поклялся не видѣть его до двадцати двухъ лѣтъ. Эльфи Бей не называлъ ему имени отца, но очень опредѣленно приказалъ ему явиться на четвертый день мѣсяца Рамазана къ знаменитой колоннѣ Эль-Серуджа, въ четырехъ дняхъ пути къ востоку отъ Александріи; тамъ будутъ ждать его люди и онъ долженъ подать имъ свой кинжалъ и сказать: «Я тотъ, кого вы ищете!» Ему отвѣтятъ: «Хвала пророку, сохранившему тебя».

Тогда пусть смѣло идетъ за ними: они сведутъ его къ отцу.

Подмастерье Лабаканъ съ напряженіемъ слушалъ таинственную повѣсть; онъ смотрѣлъ на принца Омара

Разъ ѣхалъ онъ шажкомъ на своей Мурвѣ и повстрѣчался съ другимъ всадникомъ.

завистливымъ окомъ и негодовалъ. Вѣдь надо же было судьбѣ наградить того саномъ царскаго сына, когда онъ и такъ уже считался племянникомъ могущественнаго басса; а ему, несчастному, одаренному всѣми достоинствами настоящаго принца, дано словно

на зло лишь темное происхожденіе и сѣренькая жизнь. Онъ сталъ сравнивать себя и Омара. Конечно, нельзя было отрицать, что наружность того говорила въ его пользу: прекрасные живые глаза, смѣлый орлиный носъ, благородная мягкость и привѣтливость въ обращеніи—однимъ словомъ, все, что можетъ расположить къ человѣку съ перваго взгляда. Но, какъ бы ни было, Лабаканъ сознавалъ, что, пожалуй, царственному отцу онъ самъ подойдетъ не хуже, чѣмъ настоящій принцъ.

Соображенія эти весь день преслѣдовали несчастнаго портного; съ ними онъ и заснулъ. Когда же утромъ онъ проснулся и взглядъ его упалъ на спящаго рядомъ съ нимъ Омара, можетъ быть, грезившаго въ тотъ мигъ о вѣрномъ счастьи, у него разумъ помутился отъ зависти. Хитростью или насиліемъ онъ долженъ былъ овладѣть тѣмъ, въ чемъ отказывала ему судьба. Кинжалъ, знакъ признанія возвращеннаго принца, торчалъ за поясомъ спящаго; Лабаканъ вытащилъ его съ злобнымъ намѣреніемъ всадить въ грудь владѣльца... Но мысль объ убійствѣ тотчасъ же устранила мирную душу подмастерья. Онъ удовольствовался тѣмъ, что насмѣшливо посмотрѣлъ на обманутаго принца, сунулъ къ себѣ кинжалъ, взнуздаль коня Омара и прежде, чѣмъ тотъ проснулся и созналъ свое положеніе, вѣроломный спутникъ былъ уже на нѣсколько миль впереди.

Былъ какъ разъ первый день священнаго мѣсяца Рамазана; значитъ, Лабакану оставалось четыре дня, чтобъ добраться до колонны Эль-Серуджа. Хотя мѣстность, гдѣ стояла колонна—онъ хорошо ее зналъ—

была всего на два дня пути, онъ всетаки спѣшилъ доѣхать, чтобъ предупредить настоящаго принца.

Къ концу второго дня Лабаканъ увидѣлъ вдали колонну. Она стояла на небольшомъ холмѣ среди равнины и видна была часа за два за три впереди. Сердце Лабакана громко стучало; хотя ему за два дня было достаточно времени, чтобъ подготовиться къ своей роли, но все же совѣсть нѣсколько мучила его. Онъ утѣшался, однако, мыслью, что рожденъ быть принцемъ и потому беретъ отъ судьбы лишь должное.

Мѣстность вокругъ колонны Эль-Серуджа была совсѣмъ пустынна и новому принцу пришлось бы плохо насчетъ пропитанія, еслибъ онъ не имѣлъ осторожности запастись на нѣсколько дней. Поэтому онъ безъ боязни расположился съ лошадыю въ тѣни пальмъ и сталъ ждать.

Къ полудню слѣдующаго дня на равнинѣ по дорогѣ къ колоннѣ Эль-Серуджа показалась значительная толпа со множествомъ коней и верблюдовъ. Всѣ остановились у подножія холма, на которомъ стояла колонна, и разбили палатки. Лабаканъ подозрѣвалъ, что всѣ эти люди собрались, вѣроятно, ради принца, и съ удовольствіемъ сразу показалъ бы имъ будущаго властителя, но сдержалъ свое страстное желаніе выступить въ новой роли; вѣдь свиданіе было условлено на слѣдующій день.

Первые лучи солнца пробудили безумно счастливаго Лабакана. Наконецъ-то насталъ счастливѣйшій день его жизни и онъ вырвется изъ своей низкой доли прямо въ объятія царственнаго отца! Пока онъ сѣдлалъ лошадь, у него мелькнуло, конечно, въ умѣ

неблагородство поступка, горе, можетъ быть, отчаяніе обманутаго Омара, но жребій былъ брошенъ; что суждено, то должно свершиться. Къ тому же самолюбіе подсказывало ему, что онъ достаточно красивъ и статенъ для сына любого властителя. Ободренный подобными мыслями, онъ смѣло вскочилъ въ сѣдло, собралъ всю свою храбрость, чтобъ пустить коня въ галопъ и черезъ четверть часа стоялъ у подножія холма. Онъ вынулъ кинжалъ принца Омара и пѣшкомъ поднялся къ колоннѣ. Тамъ стояло шесть мужчинъ, а среди нихъ высокій старикъ съ благородною величественною осанкою; великолѣпный кафтанъ, расшитый золотомъ, поясъ изъ бѣлой кашемировой ткани, бѣлоснѣжный тюрбанъ, украшенный драгоценными камнями, все обличало въ немъ знатнаго человѣка.

Лабаканъ подошелъ прямо къ нему, низко поклонился и сказалъ, подавая кинжалъ; «Я тотъ, кого вы ищете!»—«Хвала пророку, сохранившему тебя», отвѣчалъ старикъ со слезами на глазахъ. «Обними старика отца, возлюбленный сынъ мой, Омаръ.» Мягкосердечный подмастерья былъ такъ тронутъ торжествомъ встрѣчи, что, сгорая отъ волненія, а также и стыда, упалъ въ объятія стараго князя.

Минута восторга была кратковременна; не успѣлъ онъ освободиться изъ объятій царственнаго старца, какъ на равнинѣ показался всадникъ. Онъ несся прямо къ холму. И всадникъ и конь представляли странное зрѣлище. Конь изъ упрямства или отъ усталости упирался насколько было силъ; онъ шелъ ни шагомъ, ни рысью, лягался, спотыкался; ѣздокъ же

погонялъ его и руками, и ногами. Лабаканъ тотчасъ же узналъ почтенную Мурву и настоящего принца Омара; но духъ лжи такъ крѣпко вселился въ него, что онъ рѣшилъ, не дрогнувъ, отстаивать незаконно присвоенныя права.

На равнинѣ показался всадникъ. Онъ неся прямо къ холму.

Ужъ издали видно было, какъ всадникъ что-то махалъ рукою; теперь онъ достигъ холма, соскочилъ съ лошади и въ одинъ мигъ былъ у колонны. «Стойте, стойте», кричалъ онъ, «кто бы вы тамъ ни были! Не поддавайтесь обману! Я зовусь Омаромъ и ни одному смертному не позволю злоупотреблять моимъ именемъ.

На всѣхъ лицахъ изобразилось недоумѣніе; особенно былъ пораженъ старикъ. Онъ вопросительно смотрѣлъ то на того, то на другого. Лабаканъ съ трудомъ пересилилъ волненіе: «Великодушный повелитель мой и отецъ!» сказалъ онъ, «да не смутятъ тебя слова несчастнаго. Это, насколько мнѣ извѣстно, одинъ сумасшедшій портной изъ Александріи. Его зовутъ Лабаканъ. Онъ достоинъ жалости, а не гнѣва».

Слова эти привели принца въ ярость. Онъ бросился на Лабакана, но присутствующіе бросились между ними. «Ты правъ, сынъ мой», сказалъ тогда старый князь, «несчастный помѣшался; свяжите его и посадите на верблюда; можетъ быть, возможно еще вылѣчить бѣдняка».

Ярость принца улеглась и онъ со слезами бросился къ отцу: «Сердце говоритъ мнѣ, что ты мой отецъ; памятью матери умоляю выслушать меня!»

«Да сохранить меня Богъ», отвѣчалъ тотъ. «Онъ что-то опять начинаетъ заговариваться... Вѣдь надо же человѣку напасть на такую глупость!» Онъ взялъ Лабакана за руку и сталъ спускаться съ холма. Имъ подали коней, покрытыхъ богатыми попонами, свита размѣстилась сзади нихъ, а несчастнаго принца помѣстили связаннаго на одного изъ верблюдовъ. Двумъ всадникамъ было приказано ѣхать рядомъ и слѣдить за каждымъ его движеніемъ.

Царственный старикъ былъ Сааудъ, султанъ Векабитовъ. У него долго не было дѣтей, наконецъ, родился сынъ. Тотчасъ же спросили астрологовъ о судьбѣ младенца и получили отвѣтъ: «До двадцати двухъ лѣтъ принцу грозитъ опасность быть вытѣ-

сненнымъ врагомъ». Вотъ почему султанъ для безопасности поручилъ его другу своему, Эльфи Бею, и тоскливо ждалъ его цѣлыхъ двадцать два года.

Султанъ все это рассказалъ своему предполагаемому сыну и былъ видимо очень доволенъ его статнымъ видомъ и благороднымъ обхожденіемъ.

Когда они вѣхали въ свою страну, всюду ихъ встрѣчали радостными криками: вѣсть о благополучномъ возвращеніи принца успѣла облетѣть всѣ села и города. Всюду по улицамъ пестрѣли арки изъ цвѣтовъ и вѣтвей, роскошные ковры украшали дома, народъ единодушно славилъ пророка за спасеніе прекраснаго принца. Все это наполняло гордостью сердце высокомернаго портного; тѣмъ несчастнѣе чувствовалъ себя Омаръ на своемъ дромадерѣ въ концѣ шествія. Никто не вспомнилъ о немъ при всеобщемъ ликованіи. Имя Омара выкрикивали тысячи и тысячи голосовъ, но на него, истиннаго носителя этого имени, никто не обратилъ вниманія; изрѣдка спросить тотъ или другой: кого это везутъ такъ крѣпко связаннымъ? и тогда звучалъ ужасный для принца отвѣтъ: это сумасшедшій портной изъ Александріи.

Наконецъ, шествіе достигло столицы, гдѣ встрѣча была еще торжественнѣе и блестящѣе, чѣмъ въ остальныхъ городахъ. Султанша, пожилая, почтенная женщина, ждала ихъ со всею свитою въ пышно убранной залѣ дворца. Весь полъ былъ затянутъ ковромъ, вдоль стѣнъ на серебряныхъ крючкахъ спускалась свѣтло-голубая ткань; межъ складокъ блестѣли золотые шнуры и кисти.

Было уже темно, когда шествіе подошло ко дворцу,

такъ что вся зала была освѣщена большими круглыми лампами и сіяла тысячею разноцвѣтныхъ огней. Всего наряднѣе и ярче сверкало въ глубинѣ зала, гдѣ сидѣла на тронѣ султанша. Тронъ былъ изъ чистаго золота, украшенный крупными аметистами. Четыре эмира поддерживали надъ головою султанши балдахинъ изъ краснаго шелка, а шейхъ Медины навѣвлялъ ей прохладу опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ.

Такъ ждала султанша супруга и дорогого сына. Она тоже не видала его съ дѣтства, но благодѣтельные сны такъ часто являли ей его образъ, что она узнала бы его изъ тысячи. Все ближе и ближе раздавался шумъ приближающагося шествія, звуки трубъ и барабановъ мѣшались съ восторженными криками толпы, топотъ коней загремѣлъ во дворѣ, все яснѣе и яснѣе слышались шаги, наконецъ, двери зала широко распахнулись и, сквозь ряды упавшихъ ницъ слугъ, быстро прошелъ султанъ, ведя за руку давно ожидаемаго сына, наслѣдника престола.

«Вотъ тотъ, о комъ ты такъ долго тосковала», сказалъ онъ, подводя сына къ супругѣ.

Султанша съ волненіемъ взглянула на мнимаго принца. «Нѣтъ, нѣтъ, это не мой сынъ!» вскричала она. «Это не тѣ черты, что пророкъ показывалъ мнѣ во снѣ!»

Султанъ только что началъ доказывать ей всю неосновательность ея предразсудковъ, какъ дверь залы съ шумомъ разлетѣлась и туда ворвался принцъ Омаръ, преслѣдуемый сторожами. Онъ бросился, задыхаясь, къ подножію трона: «Вотъ здѣсь умру я, пусть велитъ казнить меня жестокій отецъ, я больше

не стану выносить этого срама!» Всѣ всполошились, всѣ столпились вокругъ несчастнаго и подоспѣвшіе сторожа хотѣли уже снова связать его, какъ вдругъ султанша, въ нѣмомъ удивленіи слѣдившая за сценою, вскочила съ своего мѣста. «Прочь!» закричала она. «Вотъ этотъ и никто другой настоящій принцъ! Глаза мои никогда не видѣли его, но сердце всегда его знало!»

Стража невольно отступила. Султанъ, внѣ себя отъ гнѣва, крикнулъ немедленно связать безумнаго. «Я одинъ имѣю право приказывать», властно прозвучалъ его голосъ. «Тутъ судить приходится не по бабьимъ снамъ, а на основаніи вѣрныхъ признаковъ. Вотъ (онъ указалъ на Лабакана) мой сынъ; онъ принесъ мнѣ условный знакъ друга моего, Эльфи, его кинжалъ».

«Онъ укралъ его», кричалъ Омаръ, «онъ вѣроломно злоупотребилъ моимъ довѣріемъ!» Но султанъ былъ глухъ къ мольбамъ сына; онъ слишкомъ привыкъ во всемъ руководиться собственнымъ приговоромъ; несчастнаго Омара силою поволокли изъ зала. Султанъ же удалился съ Лабаканомъ въ собственные покои, негодуя на султаншу, свою супругу, съ которою до того прожилъ двадцать пять лѣтъ въ полномъ мирѣ и согласіи.

Султанша была сильно разстроена всѣмъ случившимся; она ни минуты не сомнѣвалась въ томъ, что именно Омаръ былъ ея сыномъ; вѣщіе сны не даромъ столько разъ указывали на него. Какимъ путемъ могъ обманщикъ такъ быстро овладѣть сердцемъ султана, оставалось для нея тайною.

Когда она немного успокоилась, она стала выискивать средство убѣдить супруга въ роковой ошибкѣ. Дѣло было нелегкое. Мнимый принцъ представилъ султану кинжалъ друга, условленный знакъ, и, какъ ей доложили, такъ много зналъ отъ него самого о прежней жизни Омара, что превосходно игралъ свою роль.

Она потребовала къ себѣ тѣхъ, кто сопровождалъ султана къ колоннѣ Эль-Серуджа, подробно разспросила ихъ; а затѣмъ созвала на совѣтъ самыхъ преданныхъ невольницъ. Много было предложено и отвергнуто средствъ, наконецъ, одна старая черкешенка сказала: «Насколько я поняла, всемилостивѣйшая повелительница, тотъ, кто подалъ кинжалъ, назвалъ того, кого ты считаешь своимъ сыномъ, Лабаканомъ, сумасшедшимъ портнымъ изъ Александріи?»

— Вотъ именно, но что изъ этого?

«А что, если обманщикъ далъ принцу свое собственное имя? и, если такъ, нетрудно уличить преступника. Позвольте тайно сообщить вамъ средство».

Невольница что-то долго шептала на ухо своей повелительницѣ, а, немедленно затѣмъ, султанша собралась и велѣла доложить о себѣ султану.

Султанша была очень умная женщина и прекрасно знала слабыя стороны супруга, при чемъ умѣла пользоваться ими. Она сдѣлала видъ, что уступаетъ ему и готова признать сына, но только просить небольшой милости. Султанъ уже раскаявался въ вспышкѣ противъ любимой супруги и готовъ былъ на все, чтобъ доставить ей удовольствіе. «Мнѣ бы хотѣлось испытать искусство и того и другого», мягко заго-

ворила султанша. «Другая заставила бы ихъ скакать верхомъ, фехтовать, метать копья, но вѣдь это всякій съумѣетъ. Нѣтъ, мнѣ хочется такое задать, чтобъ они немного головы себѣ поломали. Пусть каждый изъ нихъ сошьетъ мнѣ по халату и по парѣ шароваръ: мы тогда увидимъ, у кого лучше выйдетъ!»

Султанъ захохоталъ: «Вотъ такъ умно придумала. Чтобъ мой сынъ соперничалъ съ твоимъ сумасшедшимъ портнымъ въ шитьѣ кафтановъ? Ну, ужъ этому не бывать».

Султанша напомнила, что онъ заранѣе обѣщалъ исполнить ея просьбу. Султанъ никогда не измѣнялъ разъ даннаго слова и потому, скрѣпя сердце, согласился, но поклялся, что какъ бы хорошо ни сшилъ кафтана сумасшедшій портной, онъ никогда не признаетъ его своимъ сыномъ.

Султанъ самъ пошелъ къ мнимому принцу и просилъ его снизойти къ капризу матери, которой непремѣнно хочется имѣть кафтанъ, сшитый его рукою. У Лабакана сердце прыгало отъ радости: ужъ коли за этимъ дѣло стало, подумалъ онъ, порадоую я строптивую султаншу.

Отвели двѣ комнаты; одну для принца, другую для портного; дали имъ каждому по достаточному куску шелковой матеріи, ножницы, нитокъ, иголки и предоставили имъ наединѣ изоцряться въ искусствѣ.

Султанъ съ любопытствомъ ждалъ, какой кафтанъ смастеритъ его сынъ, а у султанши тоже беспокойно билось сердце: а вдругъ ея хитрость не удастся.

Обоимъ дали два дня на работу; на третій день

султанъ призывалъ супругу и послалъ за обоими соперниками и ихъ издѣліями.

Лабаканъ съ торжествомъ взглянулъ на султаншу и развернулъ передъ пораженнымъ султаномъ—великолѣпно сшитый кафтанъ! «Посмотри, отецъ», сказалъ онъ, «посмотри, глубокоуважаемая матушка, развѣ это не произведеніе искусства? Да быюсь объ закладъ съ любымъ придворнымъ портнымъ, что онъ лучше не сдѣлаетъ».

Султанша улыбнулась и обратилась къ Омару: «А ты что сработалъ, сынъ мой?» Тотъ съ досадою бросилъ на полъ матерію и ножницы. «Меня учили владѣть мечомъ и управлять конемъ; я за шестьдесятъ шаговъ попаду въ цѣль копьемъ, ну, а игла не по моимъ рукамъ. Да это было бы и недостойно воспитанника Эльфи Бей, повелителя Каира».

«Истинный сынъ господина моего!» воскликнула султанша. «Ахъ, когда же позволятъ мнѣ обнять тебя, назвать открыто своимъ сыномъ! Прости, супругъ и повелитель», добавила она, обращаясь къ султану. «Я должна была прибѣгнуть къ хитрости, чтобъ убѣдить тебя. Неужели и теперь ты не увѣренъ, гдѣ принцъ и гдѣ портной? Признаю, кафтанъ вашего любезнаго сына сшитъ великолѣпно; мнѣ такъ и хочется спросить, у кого онъ учился?»

Султанъ сидѣлъ, задумавшись; онъ смотрѣлъ, то на супругу, то на Лабакана. Послѣдній тщетно старался побороть свое смущеніе и отчаяніе, что такъ глупо предалъ себя. «Вздоръ, все это не доказательство», сказалъ, наконецъ, султанъ. «Хвала Аллаху, я ужъ знаю средство узнать правду.

Съ этими словами онъ вышелъ, сѣлъ на коня и поскакалъ въ лѣсъ, лежащій недалеко отъ города. Тамъ, по преданію, жила одна благодѣтельная фея; она часто въ тяжелыя минуты помогала своимъ совѣтомъ повелителямъ этой страны; туда спѣшилъ султанъ.

Въ глубинѣ лѣса была полянка, окруженная кедрами. Тамъ жила фея. Нога смертнаго рѣдко заходила туда: всѣ какъ то боялись уединенной мѣстности и этотъ страхъ передавался отъ отца къ сыну.

Султанъ сошелъ съ коня, вышелъ на средину полянки и проговорилъ громкимъ голосомъ: «Если правда, что ты милостивымъ совѣтомъ не разъ спасала моихъ предковъ, явись мнѣ, благодѣтельная Адользаида, не отвергни мольбы недостойнаго потомка, дай совѣтъ тамъ, гдѣ безсиленъ человѣческій разумъ».

Не успѣлъ онъ проговорить послѣднихъ словъ, какъ одинъ изъ кедровъ раздался и въ отверстіи показалась закутанная въ бѣлое покрывало женщина. «Я знаю, зачѣмъ ты здѣсь, султанъ Сааудъ. Желаніе твое честно и я готова помочь тебѣ. Возьми эти двѣ шкатулки. Пусть тѣ двое, что называютъ себя твоими сыновьями, выбираютъ. Я знаю, что настоящій выберетъ подобающее». Такъ говорила таинственная незнакомка и подала султану двѣ шкатулки изъ слоновой кости, богато выложенныя золотомъ и жемчугами; на крышкѣ, которую тщетно пытался открыть султанъ, стояли надписи, выведенныя брилліантами.

По пути домой султанъ все время ломалъ себѣ голову, что бы могло быть въ ящичкахъ? Въ нихъ не было замковъ, а, между тѣмъ, они не открывались

да и надпись ничего не объясняла. На одномъ стояло: «Честъ и Слава», на другомъ: «Счастье и Изобиліе». Султанъ подумалъ про себя, что обѣ надписи настолько соблазнительны, что даже онъ затруднился бы выборомъ.

По пріѣздѣ онъ тотчасъ же призвалъ къ себѣ султаншу, сообщилъ ей слова феи, и у султанши вспыхнула надежда, что тотъ, къ кому влекло ее сердце, сумѣетъ выбрать ту шкатулку, гдѣ кроется доказательство его царскаго происхожденія.

Принесли два стола, поставили ихъ передъ трономъ султана; султанъ собственноручно положилъ на нихъ шкатулки, затѣмъ взошелъ на тронъ и кивнулъ невольнику открыть двери зала. Оттуда хлынулъ цѣлый потокъ блестящихъ басъ и эмировъ государства; они заняли мѣста на роскошныхъ подушкахъ вдоль стѣнъ.

Когда все успокоилось, султанъ второй разъ махнулъ рукою и ввели Лабакана. Онъ гордо прошелъ черезъ залу, преклонился передъ трономъ и спросилъ: «Что прикажетъ отецъ мой и повелитель?»

«Сынъ мой», заговорилъ султанъ, «возникли сомнѣнія насчетъ законности твоихъ правъ на это имя. Одинъ изъ этихъ ящичковъ содержитъ доказательства твоего истиннаго происхожденія; выбирай со спокойнымъ сердцемъ. Я не сомнѣваюсь, что ты выберешь настоящее!»

Лабаканъ выпрямился и подошелъ къ шкатулкамъ; онъ долго разглядывалъ ихъ, наконецъ, сказалъ: «Отецъ и милостивый повелитель! Что можетъ быть выше счастья быть твоимъ сыномъ? Что можетъ быть

благороднѣе изобилія твоей милости? Я выбираю «Счастье и Изобиліе». — «Мы узнаемъ потомъ, такъ ли ты выбралъ, а пока садись рядомъ съ бассою Медины», сказалъ султанъ и снова махнулъ невольнику.

Ввели Омара. Взглядъ его былъ мраченъ, лицо печально, и появленіе его возбудило всеобщее участіе. Онъ преклонился передъ трономъ и сталъ ждать распоряженія султана.

Султанъ указалъ на ящички и велѣлъ ему выбирать.

Царь внимательно прочелъ обѣ надписи и съ горечью сказалъ: «Послѣдніе дни убѣдили меня насколько непрочно счастье и обманчиво богатство. Они показали мнѣ также, что въ груди каждаго человѣка живетъ несокрушимое благо — *честь*, и что яркая звѣзда *славы* не меркнетъ одновременно со счастьемъ. Пусть это стоитъ мнѣ вѣнца, но жребій брошенъ. Честь и Слава, я выбираю васъ!»

Онъ положилъ руку на выбранную имъ шкатулку, но султанъ остановилъ его и сдѣлалъ знакъ Лаба-кану тоже подойти и положить руку на свой ящичекъ.

Тогда подали султану сосудъ съ священной водою изъ колодца Земземъ въ Меккѣ; онъ омылъ руки, повернулся лицомъ къ востоку, распростерся ницъ и молился: «Богъ отцовъ моихъ! Ты, который столько столѣтій хранилъ родъ нашъ чистымъ и ненарушимымъ, не допусти, чтобы недостойный опозорилъ имя Абассидовъ! Охрани моего сына въ часъ тяжелаго испытанія».

Султанъ всталъ и снова сѣлъ на престолъ.

Всѣ присутствующіе замерли отъ ожиданія; задерживали дыханіе, чтобы не нарушить тишины; задніе ряды вытягивали шеи, чтобы что-нибудь видѣть, и всѣ взоры съ напряженіемъ устремились на шкатулки.

«Откройте ящички», приказалъ султанъ и вмгъ крышки сами собою отскочили.

Въ ящичкѣ Омара лежала на бархатной подушкѣ крошечная корона и скипетръ; въ ящичкѣ Лабакана—большая игла и мотокъ нитокъ. Оба поднесли шкатулки султану. Султанъ взялъ корону въ руки и, какъ только онъ прикоснулся къ ней, она стала расти и расширяться, пока не приняла размѣровъ настоящей короны. Онъ возложилъ ее на голову колѣно-преклоненнаго Омара, поцѣловалъ его въ лобъ и посадилъ по правую руку рядомъ съ собою. Лабакану же сказалъ: «Видно права пословица: знай сверчокъ свой шестокъ! Приходится тебѣ сидѣть надъ своею иглою. Хоть не заслужилъ ты моей милости, но за тебя просилъ кто-то, кому я сегодня ни въ чемъ не могу отказать; потому дарю тебѣ жизнь, но совѣтую тебѣ поторопиться покинуть мой край».

Пристыженный, уничтоженный подмастерье не въ силахъ былъ вымолвить слова; онъ бросился на колѣни передъ принцемъ и залился слезами: «Простишь ли ты меня, принцъ?» воскликнулъ онъ.

«Будь вѣренъ другу, великодушень съ врагомъ, вотъ гордость Абассидовъ», отвѣчалъ принцъ, поднимая его, «иди съ миромъ».—«Узнаю сына своего!» съ волненіемъ проговорилъ султанъ и опустилъ голову на грудь Омара; и всѣ эмиры, и басса и всѣ знатные страны повскакали съ своихъ мѣстъ и кри-

чали ура! царскому сыну. Лабаканъ же съ своей шка-тулочкою подъ мышкою воспользовался суматохою, чтобъ ускользнуть изъ дворца.

Онъ прошелъ въ конюшню, осѣдлалъ свою почтенную Мурву и поплелся домой, обратно въ Александрію. Кратковременная блестящая жизнь принцемъ мелькнула передъ нимъ какъ сквозь сонъ; не будь при немъ роскошнаго ларца, онъ самъ бы не повѣрилъ, что все случилось на яву.

Въ Александріи онъ прямо отправился къ дому прежняго мастера, привязалъ лошадь къ двери и вошелъ въ мастерскую. Мастеръ даже не узналъ его сразу, почтительно раскланялся съ нимъ, спросилъ, чѣмъ можетъ ему услужить; но когда внимательнѣе разсмотрѣлъ гостя и узналъ своего Лабакана, онъ разомъ разсвирѣпѣлъ. На крикъ сбѣжались подмастерья и ученики, всѣ яростно набросились на несчастнаго, толкали, щипали его, колотили его мѣрками, кололи иглами, тыкали острыми ножницами, пока онъ не упалъ въ изнеможеніи на кучу стараго платья.

Мастеръ гнѣвно упрекалъ его за украденную одежду. Напрасно увѣрялъ его Лабаканъ, что онъ съ тѣмъ и пріѣхалъ, чтобъ заплатить убытки, напрасно предлагалъ тройную цѣну; никто ничего слушать не хотѣлъ и бѣднягу вытолкали за дверь. Ему ничего не осталось, какъ сѣсть на свою Мурву и ѣхать въ каравансарай. Тамъ, избитый, усталый, преклонилъ онъ голову и погрузился въ печальныя размышленія о бѣдствіяхъ земныхъ, о непризнанныхъ заслугахъ, о бренности и ничтожности всѣхъ благъ.

Онъ заснулъ съ твердымъ рѣшеніемъ на вѣкъ отречься отъ всякаго величія и сдѣлаться простымъ честнымъ гражданиномъ.

Рѣшеніе только окрѣпло на слѣдующій день: тяжелые кулаки мастера и его учениковъ, казалось, выбили изъ него всякое высокомеріе.

Онъ продалъ за дорогую цѣну волшебный ларецъ, купилъ себѣ домъ и устроилъ мастерскую. Передъ окошкомъ онъ прикрѣпилъ вывѣску: «Лабаканъ, портной», а самъ сѣлъ въ уголокъ чинить свое платье, порванное во время свалки у мастера. Онъ взялъ для этого ту иголку и тѣ нитки, что лежали въ ящичкѣ. Кто-то отозвалъ его и когда онъ снова вернулся за работу, онъ онѣмѣлъ отъ удивленія. Игла усердно шила сама по себѣ и выводила такіе мелкіе, красивые стежки, какіе не вывести бы самому Лабакану въ минуты самаго художественнаго настроенія.

Выходитъ, что ничтожнѣйшій подарокъ благотѣльной волшебницы не лишенъ цѣнности! Еще одно преимущество: нитка никогда не истощалась, какъ-бы усердно ни работала игла.

Заказчики не замедлили явиться и скоро Лабаканъ приобрѣлъ огромную извѣстность; онъ только кроилъ одежду и дѣлалъ первый стежокъ, а иглолка продолжала одна работать безъ перерыва, пока все не было готово. Скоро Лабаканъ работалъ на весь городъ, такъ какъ работалъ прекрасно и необыкновенно дешево. Люди только на одно покачивали головою: онъ все дѣло справлялъ одинъ безъ помощниковъ и всегда при закрытыхъ дверяхъ.

Такъ сбылось на немъ изреченіе: «Счастье и Изо-

биліе». Счастье и Изобиліе шли по пятамъ честнаго портного, а когда до него долетали слухи о подвигахъ молодого султана Омара, когда онъ слышалъ, что этотъ герой честь и отрада своего народа и страхъ враговъ, бывший принцъ думалъ про себя: «Пожалуй лучше, что я портнымъ остался; путь чести и славы слишкомъ опасная вещь». Такъ жилъ Лабаканъ, довольный собою, въ почетѣ у согражданъ, и если игла не потеряла своей силы, она и теперь еще шьетъ вѣчную ниткою прекрасной Адользанды.

Къ закату солнца караванъ снялся и скоро достигъ Биркетъ-эль-Гада или колодца пилигримовъ, откуда всего три часа до Каира. Къ этому времени уже ожидали караванъ и на встрѣчу купцамъ выѣхали ихъ друзья. Всѣ вошли въ городъ воротами Бебель-Фальхъ, такъ какъ считается счастливымъ предзнаменованіемъ возвращаться изъ Мекки этими воротами, черезъ которыя въ былое время въѣзжалъ пророкъ.

На базарѣ четыре турецкихъ купца простились съ Селимъ Барухомъ и грекомъ Зулейко и удалились съ своими друзьями, Зулейко же указалъ незнакомцу хорошій каравансарай и пригласилъ его пообѣдать вмѣстѣ. Незнакомецъ согласился и общалъ прійти, но хотѣлъ раньше переодѣться.

Грекъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, чтобъ хорошо принять чужеземца, съ которымъ онъ очень сошелся дорогою; когда весь столъ былъ установленъ въ надлежащемъ порядкѣ разными яствами и напитками, онъ сѣлъ и сталъ ждать гостя.

Вотъ раздались по корридору медленные тяжелые шаги. Зулейко всталъ, чтобъ привѣтливо встрѣтить его на порогѣ комнаты и отступилъ въ ужасѣ: къ нему шелъ тотъ роковой Красный Плащъ. Онъ не ошибался: та же высокая, повелительная фигура, та же маска, изъ подъ которой сверкали темные глаза, тотъ же знакомый красный плащъ, расшитый золотомъ.

Противорѣчивыя чувства боролись въ душѣ Зулейко; онъ давно примирился съ этимъ образомъ въ воспоминаніяхъ и давно простилъ ему; но видъ его снова разбередилъ зажившія было раны. Страшные часы предсмертнаго ужаса, тоска, отравившая лучшіе годы его жизни, все вмигъ всплыло передъ нимъ.

«Что тебѣ отъ меня, страшное видѣніе?» воскликнулъ грекъ, видя, что незнакомецъ недвижно стоитъ на порогѣ. «Прочь отсюда, чтобъ я не проклялъ тебя».

«Зулейко!» раздался изъ подъ маски знакомый голосъ. «Зулейко! Такъ то ты принимаешь гостя?» Говорящій снялъ маску, откинулъ плащъ: то былъ Селимъ Барухъ, неизвѣстный купецъ.

Но Зулейко не могъ успокоиться; ему жутко стало отъ незнакомца; слишкомъ ясно узналъ онъ въ немъ таинственнаго иностранца Ponte Vecchio. Однако, старая привычка гостепріимства взяла верхъ, онъ молча поклонился и пригласилъ гостя къ столу.

«Угадываю твои мысли,» началъ тотъ; «взоръ твой вопросительно смотритъ на меня;—я могъ бы молчать и никогда не показываться тебѣ на глаза, но я въ долгу передъ тобою, и потому, даже подъ страхомъ быть проклятымъ тобою, рѣшился явиться тебѣ въ прежнемъ видѣ. Ты вѣдь сказалъ: *Въра отцовъ моихъ велитъ мнѣ простить ему, да къ тому же онъ несчастіе меня*. Вѣрь этому, другъ, и выслушай мое оправданіе.

Я долженъ начать издалека, чтобъ тебѣ было понятно. Родился я въ Александріи отъ христіанскихъ родителей. Мой отецъ, младшій представитель стариннаго французскаго рода, былъ консуломъ своей страны въ Александріи. На десятомъ году меня отправили во Францію къ брату матери и только вскорѣ послѣ начала революціи въ нашемъ отечествѣ я снова переплылъ море въ сопровожденіи дяди; онъ не чувствовалъ себя болѣе въ безопасности въ странѣ предковъ и искалъ убѣжища у моихъ родителей. Мы высадились съ нимъ въ полной надеждѣ снова найти въ отеческомъ домѣ миръ и спокойствіе, котораго лишило насъ народное возстаніе во Франціи, но жестоко ошиблись. Въ домѣ отца далеко не все было благополучно; внѣшнія волненія тяжелаго времени еще не успѣли дойти до нихъ, но тѣмъ неожиданнѣе и глубже поразило несчастіе всѣхъ членовъ нашей семьи. Братъ мой, молодой, способный человѣкъ, первый секретарь отца, незадолго до того обвинчался съ одною молодою дѣвушкою, дочерью флорентинскаго дворянина, проживавшаго по сосѣдству съ нами. И вдругъ дня за два до нашего приѣзда она исчезла и

исчезла такъ внезапно, что ни наша семья, ни даже ея отецъ не могли найти ни малѣйшихъ слѣдовъ ея. Рѣшили, что она какъ-нибудь зашла слишкомъ далеко отъ дома и попала въ руки разбойниковъ. Это, пожалуй, было бы утѣшительнѣе для брата, чѣмъ то, что онъ вскорѣ узналъ. Безчестная женщина бѣжала съ однимъ неаполитанцемъ, съ которымъ познакомилась въ домѣ отца. Братъ, до глубины души возмущенный коварствомъ жены, сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ привлечь виновную къ отвѣту: все было напрасно. Его розыски послужили лишь къ тому, чтобъ довершить наше несчастіе. Флорентинецъ тѣмъ временемъ вернулся въ свое отечество, якобы для того, чтобъ помочь брату, но въ сущности для того, чтобъ насъ погубить. Онъ затормозилъ во Флоренціи всѣ розыски, начатыя братомъ, и сумѣлъ такъ устроить, благодаря своимъ связямъ, что отецъ мой и братъ подпали подъ подозрѣніе своего правительства, были захвачены обманомъ, отвезены во Францію и тамъ казнены. Несчастливая мать моя помѣшалась съ горя и десять мѣсяцевъ спустя скончалась на моихъ рукахъ, прійдя въ полное сознаніе въ послѣдніе дни жизни. Я остался одинъ на бѣломъ свѣтѣ, но лишь одна мысль наполняла мое сердце, одна мысль вселяла въ меня мужество переносить горе: то было могучее пламя, вспыхнувшее отъ предсмертныхъ словъ матери.

Она послала за мною, когда почувствовала приближеніе смерти; она спокойно говорила о нашей судьбѣ и о своемъ концѣ и вдругъ сдѣлала всѣмъ знакъ удалиться, торжественно выпрямилась на жесткомъ ложѣ и потребовала съ меня клятву отомстить флорентинцу

и его вѣроломной дочери за всѣ несчастія нашей семьи.

Мысль о мести давно дремала въ груди моей, теперь же проснулась съ новою силою. Я собралъ кое-какія крохи отцовскаго состоянія и рѣшилъ положить все на задуманное дѣло, отомстить или умереть.

Скоро я прибылъ во Флоренцію, гдѣ счелъ необходимымъ тщательно скрыть свое имя. Положеніе моихъ враговъ значительно затрудняло исполненіе плана.

Старый флорентинецъ сдѣлался тѣмъ временемъ губернаторомъ и у него были въ рукахъ всѣ средства погубить меня при первомъ подозрѣніи. Мнѣ помогъ одинъ случай. Какъ-то разъ встрѣтилъ я на улицѣ человѣка въ знакомой ливреѣ. Онъ шелъ нетвердою поступью, мрачно уставивъ глаза въ землю и вполголоса бормоча что-то вродѣ «чортъ поberi» и «провались ты». Я узналъ стараго Піетро, слугу флорентинца. Очевидно, онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ своимъ господиномъ, а такое настроеніе было мнѣ очень кстати. Піетро чрезвычайно удивился моему появленію, сталъ жаловаться на судьбу, бранить своего господина, которому нѣтъ возможности угодить съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ губернаторомъ. Мое золото еще подогрѣло его гнѣвъ и онъ сдѣлался моимъ союзникомъ. Главная трудность была осилена: у меня былъ подъ рукою человѣкъ, который во всякую минуту могъ впустить меня въ домъ врага. Планъ мести назрѣлъ. Жизнь стараго флорентинца не казалась мнѣ достаточнымъ возмездіемъ за гибель нашего дома;

пусть онъ лишится того, что для него всего дороже, а именно Біанки, дочери своей. Разъ она такъ вѣроломно поступила съ братомъ, она и должна отвѣтить за все. Какъ разъ во время дошелъ до меня слухъ, что она собирается второй разъ выйти замужъ. Она должна умереть, но какъ? Самъ я не рѣшался выполнить кровавый замыселъ, Піетро тоже былъ на это неспособенъ; мы стали присматриваться, нѣтъ ли гдѣ подходящаго человѣка. Изъ флорентійцевъ ни на кого нельзя было положиться: противъ губернатора никто бы не пошелъ. Тутъ Піетро пришелъ въ голову тотъ планъ, который я потомъ выполнилъ: онъ же указалъ мнѣ на тебя, какъ на врача и иностранца. Дальше тебѣ все извѣстно. Ты также знаешь, какъ мое предпріятіе чуть не рухнуло изъ за твоей осмотрительности и честности. Тутъ вышла эта исторія съ краснымъ плащемъ.

Піетро открылъ намъ дверцу во дворецъ губернатора и выпустилъ бы насъ такъ же тайно, если бъ мы не бѣжали тогда въ ужасѣ отъ всего, что увидѣли въ полуприкрытую дверь. Гонимый ужасомъ и раскаяніемъ, я забѣжалъ далеко впередъ и упалъ на ступени какого то собора. Только тутъ я снова пришелъ въ себя и первую моею мыслию былъ ты и твоя судьба. если застанутъ тебя въ домѣ.

Я снова прокрался во дворецъ, но не нашелъ ни тебя, ни Піетро; дверка была однако открыта и я надѣялся, что ты успѣлъ бѣжать.

Когда же наступило утро, жгучее чувство раскаянія и страхъ передъ возмездіемъ заставили меня покинуть Флоренцію. Я бѣжалъ въ Римъ. Тамъ вскорѣ

услыхалъ я разсказъ объ ужасномъ убійствѣ Біанки съ прибавленіемъ, что нашли убійцу, какого-то греческаго врача. Я тотчасъ же вернулся во Флоренцію; если и безъ того мести казалась мнѣ черезчуръ жестокою, тутъ я проклиналъ ее, разъ она стояла жизни невиннаго человѣка. Я поспѣлъ въ тотъ день, когда отняли у тебя руку. Не стану передавать всего, что перечувствовалъ, когда ты такъ мужественно взошелъ на эшафотъ. Я съ ужасомъ видѣлъ, какъ высоко брызнула струя алой крови и далъ обѣтъ себѣ отнынѣ всю жизнь заботиться о тебѣ. Что было дальше ты знаешь самъ, мнѣ остается только объяснить, почему я предпринялъ это путешествіе.

Мысль, что ты все еще не простилъ меня, тяжелымъ бременемъ лежала на моей душѣ; я рѣшилъ провести съ тобою нѣсколько дней и открыто сознаться во всемъ».

Грекъ молча выслушалъ гостя, затѣмъ съ кротою улыбкою протянулъ ему руку. «Я же зналъ, что ты несчастнѣе меня. Это ужасное дѣло на вѣки темною тучею омрачило твои дни. Отъ всего сердца прощаю тебѣ. Но позволь одинъ вопросъ: какъ попалъ ты въ этомъ видѣ въ пустыни? что дѣлалъ ты съ тѣхъ поръ, какъ купилъ мнѣ домъ въ Константинополѣ?

«Я вернулся въ Александрію», отвѣчалъ тотъ; «въ груди моей кипѣла ненависть противъ всего человѣчества, особенно ненависть противъ тѣхъ націй, которыя считаютъ себя цивилизованными. Повѣрь, мнѣ было легче среди кочевниковъ! Я всего нѣсколько

мѣсяцевъ былъ въ Александріи, какъ произошла высадка моихъ земляковъ.

Я видѣлъ въ нихъ лишь палачей моего отца и моего брата; поэтому собралъ вокругъ себя одинаково настроенныхъ молодыхъ людей и примкнулъ съ ними къ мамелюкамъ, недавней грозѣ французскихъ войскъ. Когда походъ кончился, я не рѣшился вернуться къ мирнымъ занятіямъ. Я продолжалъ вести съ своими друзьями безпокойную, бродячую жизнь, посвященную битвамъ и охотѣ. Такъ живу я и теперь, довольный своею судьбою, среди людей, которые считаютъ меня своимъ княземъ. Видишь-ли, мои азіаты можетъ быть не такъ образованы, какъ ваши европейцы, но въ нихъ нѣтъ той страстной зависти и жажды клеветы, того себялюбія и корысти».

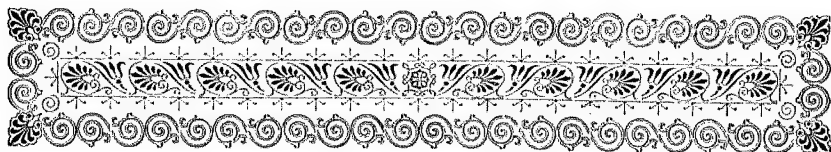
Зулейко благодарилъ незнакомца за сообщеніе, но не скрылъ, что онъ считалъ бы болѣе подходящимъ при его положеніи и образованіи жить и дѣйствовать среди христіанскихъ народовъ. Онъ схватилъ его руку и умолялъ ѣхать съ нимъ, жить у него до самой смерти.

Гость съ волненіемъ посмотрѣлъ на него: «Теперь я вижу, что ты отъ души простилъ меня. Прими мою искреннюю благодарность». Онъ стоялъ передъ грекомъ и тотъ почти съ робостью смотрѣлъ на высокую, статную фигуру, воинственную осанку, темный сверкающій взоръ незнакомца. «Твое предложеніе дѣлаетъ честь твоему сердцу, оно могло бы соблазнить всякаго другого, но я—я не могу его принять. Ужъ конь мой готовъ, слуги ждутъ меня; прощай, будь счастливъ, Зулейко!».

Друзья, такъ таинственно сведенные судьбою, крѣпко обнялись на прощанье. «Какъ звать мнѣ тебя? Какъ звать гостя, который навѣки будетъ жить въ моемъ воспоминаніи?» спросилъ грекъ.

Незнакомецъ пристально посмотрѣлъ на него, еще разъ пожалъ его руку и отвѣтилъ: «Меня зовутъ повелителемъ пустыни; я—разбойникъ Орбазанъ».

Шейхъ Александріи и его невольники.

Шейхъ Александріи, Али-Бану, былъ странный чело-вѣкъ. Всякій могъ видѣть, какъ онъ шелъ утромъ по ули-цамъ Багдада, въ великолѣп-номъ тюрбанѣ изъ доро-гой кашмирской ткани, въ богатой одеждѣ и поясѣ цѣною въ пять-десять верблюдовъ. Онъ выступалъ спокойнымъ, размѣреннымъ шагомъ, съ глубокими складками на лбу, сурово сдвинувъ

Такъ онъ шелъ въ мечеть.

брови, опустивъ глаза и каждые пять шаговъ задумчиво поглаживая свою длинную черную бороду. Такъ онъ

шелъ въ мечеть, гдѣ, какъ того требовалъ его санъ, читалъ правовѣрнымъ изрѣченія изъ Корана; а люди стояли на улицѣ, смотрѣли ему вслѣдъ и говорили между собою: Какой, однако, красивый, статный мужчина!— И богатый, очень богатый, добавлялъ другой. Слышали про его дворецъ въ гавани Стамбула? А имѣнья и поля, и тысячи скота, и сотни невольниковъ?—Да, да, вступался третій, тотъ татаринъ, что надняхъ пріѣзжалъ къ нему изъ Стамбула, отъ самого султана,— да хранить его Пророкъ—тотъ говорилъ, что нашъ шейхъ въ большомъ почетѣ у рейсъ-эффенди, у всѣхъ, даже у самого султана. Пророкъ благословилъ его. Онъ богатый, знатный господинъ, но-но—вы вѣдь знаете, про что я говорю?—Да, да! шептали всѣ, правда, у него тоже свое горе, завидовать нечего; онъ богатый, знатный господинъ; но... но!

У Али Бану былъ великолѣпный домъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ Александріи. Передъ домомъ шла огромная терраса, выложенная мраморомъ и окаймленная пальмами. Тамъ онъ часто сидѣлъ по вечерамъ и курилъ свой кальянъ. Въ почтительномъ разстояніи отъ него стояли наготовѣ двѣнадцать невольниковъ въ нарядныхъ одеждахъ. Одинъ несъ его бетель, другой держалъ зонтикъ, третій стоялъ съ сосудами кованого золота, наполненными шербетомъ, четвертый стоялъ съ опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ. чтобъ отгонять мухъ отъ господина; были тутъ и пѣвцы съ лютнями и духовыми инструментами, былъ и чтецъ съ свитками дорогихъ рукописей.

Но напрасно ждали они знака повелителя; онъ не требовалъ ни музыки, ни пѣнія; не просилъ ни шер-

бета, ни бетеля; даже опахальщикъ и тотъ стоялъ безъ дѣла: шейхъ даже и не замѣчалъ назойливыхъ мухъ.

Часто прохожіе останавливались, пораженные великолѣпіемъ дома, нарядомъ невольниковъ, всею роскошью обстановки; но когда видѣли шейха, неподвижно сидящаго подъ пальмами, видѣли его мрачный печальный взоръ, устремленный на голубоватый дымокъ кальяна, всѣ покачивали головою и думали про себя: «Воистину можно сказать, этотъ богачъ бѣднякъ. Онъ, имѣющій, много, бѣднѣе того, у кого ничего нѣтъ. Пророкъ не далъ ему способности наслаждаться радостями жизни».

Такъ говорили люди, посмѣивались и проходили.

Разъ вечеромъ шейхъ снова сидѣлъ на своемъ любимомъ мѣстѣ подъ пальмами, окруженный всѣмъ земнымъ великолѣпіемъ и, какъ всегда, печально и одиноко покуривалъ свой кальянъ. Невдалекѣ проходило нѣсколько молодыхъ людей. Они остановились, посмотрѣли въ его сторону и улыбнулись.

«Что ни говори, презабавный человѣкъ этотъ шейхъ Али-Бану», сказалъ одинъ. «Будь у меня его сокровища, я ужъ сѣумѣлъ бы употребить ихъ. Какъ бы весело проводилъ время! Я бы собиралъ къ себѣ друзей въ обширныхъ покояхъ дворца и эти угрюмыя стѣны огласились бы веселымъ смѣхомъ и ликованьемъ».

«Да», возразилъ другой «это было бы недурно, только пиры не мало сѣдаютъ добра, будь его столько, какъ у султана, да хранить его Пророкъ. Нѣтъ, если бъ я сидѣлъ вотъ такъ вечеромъ подъ пальмами, я бы призвалъ невольниковъ, велѣлъ имъ

пѣть и плясать передо мною, а самъ бы сидѣлъ, покуривалъ свой кальянъ, пилъ роскошный шербетъ и чувствовалъ бы себя счастливымъ какъ калифъ Багдадскій».

Тутъ вступился третій молодой человѣкъ, по занятію писецъ. «Шейхъ вѣроятно человѣкъ ученый и умный; его объясненія Корана доказываютъ глубокую начитанность и знакомство со всѣми поэтами и научными сочиненіями. А развѣ подходитъ его жизнь здравомыслящему человѣку? Вонъ стоитъ невольникъ съ цѣлою охапкою свитковъ. Я бы все отдалъ за то, чтобъ прочитать хоть одинъ изъ нихъ; навѣрное тамъ преинтересныя вещи. А онъ! Онъ сидитъ и курить и не смотритъ на книги. Будь я шейхъ Али-Бану, тому малому пришлось бы мнѣ читать пока горло не перехватитъ или пока ночь не наступитъ. И тогда онъ бы все читалъ, да читалъ, пока я отъ сна не свалюсь».

«Ого! Вотъ какъ вы понимаете прелесть жизни!» засмѣялся четвертый. «Задавать пиры, пѣть и танцевать, да читать изреченія и стихи всякихъ поэтовъ! Нѣтъ, я иначе бы устроился. У него есть чудеснѣйшіе кони, верблюды и золото въ изобиліи. Я бы на его мѣстѣ ѣздилъ, ѣздилъ на край свѣта, хотя бы къ москвитамъ или франкамъ. Мнѣ никуда не казалось бы слишкомъ далеко, я всѣ бы прелести міра осмотрѣлъ. Вотъ что бы я сдѣлалъ, будь я на его мѣстѣ».

«Юность—чудная пора жизни, блаженный возрастъ; тогда все веселье вокругъ», вступился какой то старичекъ невзрачнаго вида. Онъ стоялъ рядомъ съ ними и слышалъ все. «Но, позвольте замѣтить вамъ, юность

такъ же часто безразсудна и часто болтаетъ на вѣтеръ то, чего не знаетъ,

«Что ты этимъ хочешь сказать, старикъ? съ удивленіемъ спросили молодые люди. Ты про насъ говоришь? Что тебѣ до того, бранимъ или хвалимъ мы шейха?»

— «Если кто знаетъ что лучше, чѣмъ другой,— исправь ошибку его, сказалъ Пророкъ. Шейхъ, дѣйствительно, щедро надѣленъ земными благами и, казалось бы, что ему нечего болѣе желать. Но у него есть причина задумываться и тосковать. Вы думаете, что всегда такъ было? Нѣтъ, я видѣлъ его лѣтъ двѣнадцать тому назадъ; онъ былъ веселъ и бодръ какъ газель, жилъ широко и наслаждался жизнью. Тогда былъ у него сынъ, радость и гордость его жизни, красивый лицомъ и сильный умомъ. Ему было всего девять лѣтъ и онъ всѣхъ поражалъ своею начитанностью и ученостью, достойной двадцатилѣтняго юноши. Всѣ завидовали шейху: сынъ былъ лучшее сокровище его дома.

«И онъ умеръ? Бѣдный шейхъ!» воскликнули молодые люди.

— «Ему было бы утѣшительнѣе знать его мертвымъ. Онъ былъ бы счастливѣе въ селеніи праведныхъ, чѣмъ даже у отца въ Александріи. Но онъ не умеръ, а гораздо хуже. Это было время, когда французы рыскали по странѣ какъ голодные волки и воевали съ нами. Они взяли Александрію и отсюда шли все дальше въ глубь страны и тѣснили мамелюковъ. Шейхъ былъ умный человѣкъ и отлично умѣлъ уживаться съ ними. Но, потому ли, что они зарились на его

богатства, потому ли, что онъ заступался за своихъ единовѣрцевъ—въ точности не знаю; дѣло въ томъ, что они пришли однажды въ домъ и обвинили шейха въ томъ, что онъ тайно снабжалъ мамелюковъ оружіемъ, лошадьми и жизненными припасами. Какъ онъ ни оправдывался, франки слышать ничего не хотѣли; это грубый, жестокій народъ, когда дѣло идетъ о деньгахъ. Кончилось тѣмъ, что франки захватили съ собою заложникомъ маленькаго сына шейха, Кайрама. Онъ предлагалъ за него большой выкупъ, но они требовали все большаго и большаго. Тѣмъ временемъ имъ вдругъ пришелъ отъ какого то начальника приказъ плыть обратно. Никто въ Александріи ничего не подозрѣвалъ и вдругъ франки оказались въ открытомъ морѣ и, вѣроятно, утащили съ собою и сына шейха, такъ какъ съ тѣхъ поръ никто о немъ ничего не слыхалъ».

— «Вотъ несчастный! Какимъ горемъ наказалъ его Аллахъ!» воскликнули молодые люди и съ состраданіемъ обернулись въ сторону шейха, печальнаго и угрюмаго подъ тѣнюю пальмъ.

«Любимая жена его скончалась съ тоски по сынѣ. Самъ же онъ снарядилъ корабль и убѣдилъ одного врача, проживавшаго здѣсь, ѣхать съ нимъ въ страну франковъ, искать пропавшаго сына. Они странствовали долгое время, объѣхали много городовъ страны, но ничего не добились. Тамъ у франковъ произошло что то ужасное. Они умертвили своего султана и многихъ басса; всѣ богатые и бѣдные дрались между собою, рубили другъ другу головы и никакого порядка въ странѣ не было. Кайрамъ исчезъ безъ слѣда;

пришлось имъ бѣжать обратно къ морю, чтобъ не поплатиться своими головами въ общей свалкѣ.

Шейхъ вернулся на родину и съ тѣхъ поръ живетъ изо дня въ день, какъ вы сейчасъ видите, тоскуя о сынѣ. Ёсть ли онъ, пьетъ ли, его мучить мысль: можетъ, теперь мой бѣдный Кайрамъ голодаеть и терпитъ жажду? Облекается ли въ богатая шали и парчевыя одежды, какъ того требуетъ его достоинство, онъ думаетъ: есть ли у него лохмотья, чтобъ прикрыть наготу свою? Станутъ пѣть и плясать передъ нимъ невольники или развлекать его чтеніемъ, онъ сидитъ и тоскуетъ: бѣдный мой мальчикъ, можетъ быть, тоже пляшетъ передъ своимъ господиномъ и поетъ по его приказанію. А главное, чего онъ боится, это того, что маленькій Кайрамъ вдали отъ родины, среди невѣрныхъ, которые смѣются надъ нимъ, забудетъ вѣру отцовъ и не придется имъ встрѣтиться даже въ садахъ Пророка!».

«Вотъ почему онъ такъ кротокъ съ своими невольниками и такъ щедръ съ неимущими; онъ надеется, что Аллахъ зачтетъ его старанія и смягчитъ сердце того, кто теперь господинъ Кайрама. Ежегодно въ тотъ день, какъ исчезъ Кайрамъ, шейхъ отпускаетъ на волю 12 невольниковъ и молить Аллаха о дарованіи свободы его сыну».

— «Я слышалъ объ этомъ» сказалъ писецъ. «Но столько слышишь всякихъ странностей! Про его сына никто не упоминалъ, но всѣ говорятъ, что шейхъ странный человекъ и ужасно падокъ до рассказовъ. Говорятъ, что онъ ежегодно устраиваетъ состязаніе

между невольниками и, кто лучше расскажетъ, того отпускаетъ на свободу».

«Не вѣрьте всему, что люди болтають», сказалъ старикъ, «все такъ, какъ я вамъ сказалъ; мнѣ это хорошо извѣстно. Очень возможно, что онъ въ такой скорбный для него день желаетъ немного развлечься и слушаетъ рассказы; но освобождаетъ онъ невольниковъ ради сына. Однако, вечеръ становится прохладнымъ и я пойду... Салемъ алейкумъ, привѣтъ вамъ, молодежь, постарайтесь другой разъ лучше думать о добромъ шейхѣ».

Молодые люди сердечно благодарили старика за свѣдѣнія, еще разъ взглянули издали на печальнаго отца и разошлись, со словами: «Не отраднo живется шейху Али-Бану».

Вскорѣ послѣ того, тѣ же четверо молодыхъ людей проходили снова утреннею порою по той же улицѣ. Имъ вспомнились слова старика о шейхѣ и они невольно обратили взоры въ сторону дома Али-Бану. Каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли домъ убраннмъ съ необычайнымъ великолѣпіемъ. Они глазамъ своимъ не вѣрили. На крышѣ развѣвались пестрые знамена и флаги, тутъ же расхаживали толпы нарядныхъ невольниковъ; входъ въ домъ былъ убранъ драгоцѣнными коврами и увѣшенъ шелковыми тканями; широкія ступени террасы были затянуты сукномъ и даже по улицѣ было раскинуто такое прекрасное тонкое сукно, что всякій не прочь бы былъ сшить себѣ изъ такого платье или покрывало для ногъ.

«О-го-го, какая переѣзна за нѣсколько дней!» воскликнулъ молодой писецъ: «неужели шейхъ вздумалъ пиръ задавать? Или можетъ быть у него состязаніе пѣвцовъ и танцоровъ? Посмотрите, какіе ковры! есть ли подобные во всей Александріи! А сукно-то! Такое сукно на голой землѣ! Жалость смотрѣть».

«Не ждетъ ли шейхъ какого-нибудь важнаго гостя? Такъ встрѣчаютъ повелителя другой страны или ефенди султана, когда тотъ удостоиваетъ домъ своимъ посѣщеніемъ. Кто бы могъ пріѣхать сегодня?»

«Посмотрите, не нашъ ли старикъ тамъ бредетъ? Онъ-то все знаетъ и намъ расскажетъ. Эй, старый другъ, сюда, къ намъ! Подойдите поближе». Такъ кричали они, пока старикъ не замѣтилъ ихъ и не подошелъ къ нимъ: онъ, повидимому, узналъ молодыхъ людей. Они указали ему на дворецъ шейха и спросили, кого тамъ ждутъ?

«Такъ вы думаете, что у Али-Бану семейное торжество или встрѣча знатнаго гостя? Ничуть не бывало: сегодня двѣнадцатый день мѣсяца Рамазана, а въ этотъ день увели его сына».

«Но, клянусь бороною пророка! воскликнулъ одинъ изъ молодыхъ людей. По виду тутъ свадьба или пиршество, а тутъ какъ разъ годовщина такого печальнаго событія! Какъ же это согласовать? Признайтесь, что шейхъ немного не твердъ разсудкомъ?»

«Все такъ же скоры на рѣшеніе, юные друзья мои?» спросилъ съ улыбкою старикъ. «И на этотъ разъ, стрѣла отточена и остра, тетива натянута туго, а попали далеко въ сторону отъ цѣли. Да будетъ же вамъ извѣстно, что шейхъ ждетъ сегодня сына».

«Какъ, онъ нашелся?» воскликнули радостно юноши.

«Нѣтъ, и можетъ быть еще долго не найдется, но вотъ въ чемъ дѣло. Лѣтъ восемь или девять тому назадъ, когда шейхъ встрѣчалъ такой же день съ горькимъ плачемъ и стенаньемъ, отпускалъ на свободу невольниковъ, надѣлялъ нищихъ пищею и одеждою, въ числѣ прочихъ подалъ онъ милостыню одному дервишу, который лежалъ въ тѣни у самаго дома. То былъ святой человѣкъ, опытный въ чтеніи звѣздъ и пророчествѣ. Онъ сказалъ шейху: «Я знаю, что тебя гнететъ: вѣдь сегодня двѣнадцатый Рамазанъ, день пропажи твоего сына. Но утѣшься, другъ. День высшей печали будетъ также днемъ высшей радости; именно въ этотъ день отдастъ тебѣ Аллахъ сына». Вотъ что сказалъ дервишъ. Для всякаго мусульманина грѣхъ сомнѣваться въ словахъ святого человѣка. Печаль Али-Бану, конечно, не улеглась, но все же съ тѣхъ поръ онъ ждетъ сына именно въ этотъ день и потому украшаетъ по праздничному домъ и входитъ въ него, словно ежеминутно поджидая дорогого гостя».

«Удивительно! Вотъ интересно посмотреть на все это: великолѣпіе! И подумать, что самъ хозяинъ тоскуетъ среди такой роскоши! А еще интереснѣе послушать, что станутъ рассказывать невольники» — заявилъ писецъ.

«Нѣтъ ничего легче» — отвѣчалъ старикъ. — «Надсмотрщикъ невольниковъ мой другъ съ давнихъ лѣтъ и всегда оставляетъ мнѣ мѣстечко въ залѣ. Среди массы слугъ и гостей легко пройти незамѣченнымъ. Я переговорю съ нимъ; онъ позволитъ ввести васъ; будьте здѣсь въ девятомъ часу, я вамъ дамъ отвѣтъ».

Молодые люди благодарили его и ушли, съ любопытствомъ ожидая, что дальше будетъ.

Къ опредѣленному часу они снова были передъ домомъ Али-Бану. Тамъ вышелъ къ нимъ старикъ и пригласилъ идти за нимъ. Они пошли мимо богато убранной лѣстницы и главныхъ воротъ въ небольшую калитку, которую старикъ тщательно заперъ за собою. Внутри дома они долго шли разными ходами, пока вышли въ залу торжества. Тамъ была страшная тѣснота; были тутъ всѣ богатые и знатные люди города, друзья и родственники шейха, были и невольники всѣхъ странъ и народовъ. Всѣ смотрѣли озабоченно, несмотря на блестящія одежды; всѣ любили шейха и принимали участіе въ его горѣ. Въ концѣ зала на роскошномъ диванѣ сидѣли знатнѣйшіе друзья Али-Бану. Рядомъ съ ними на полу сидѣлъ самъ шейхъ: печаль о сынѣ не позволяла ему сѣсть на коверъ радости. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки и повидимому мало прислушивался къ утѣшеніямъ, которыя шептали ему друзья. Противъ него сидѣло нѣсколько невольниковъ. Старикъ пояснилъ, что это тѣ невольники, которыхъ Али-Бану отпускаетъ сегодня на свободу. Было между ними нѣсколько франковъ; изъ нихъ особенно привлекалъ вниманіе одинъ поразительно красивый и еще очень молодой человѣкъ, почти юноша. Шейхъ только наканунѣ купилъ его у одного работоторговца изъ Туниса и уже отпускалъ его, въ надеждѣ, что чѣмъ больше франковъ онъ освободитъ, тѣмъ скорѣе освободитъ пророкъ его сына.

Когда невольники обошли всѣхъ, предлагая освѣжительные напитки, шейхъ далъ знакъ и надсмотр-

щикъ невольниковъ подошелъ къ отпущенникамъ. Въ залѣ настала полная тишина. «Вы, которые отнынѣ свободны по милости господина нашего, шейха Александрии, Али-Бану, сдѣлайте то, чего требуетъ обычай дома: начните рассказывать». Тѣ пошептались немного между собою и старшій изъ нихъ началъ:

Карликъ-Нось.

Господинъ! Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что только во времена Аль-Рашида, повелителя Багдада, существовали феи и волшебники; неправы и тѣ, кто считаетъ пустою выдумкою похожденія геніевъ и ихъ повелителей. И въ наше время существуютъ феи; еще не такъ давно я самъ былъ свидѣтелемъ происшествія, гдѣ несомнѣнно играли роль духи и вотъ о немъ я хочу рассказать вамъ.

Въ одномъ изъ крупныхъ городовъ милаго отечества моего, Германіи, жилъ много лѣтъ тому назадъ башмачникъ съ женою. Онъ сидѣлъ весь день на углу улицы и чинилъ башмаки и туфли; могъ сдѣлать даже и новые, если кто заказывалъ, только въ такомъ случаѣ приходилось ему сперва покупать кожу, такъ какъ онъ былъ бѣденъ и запасовъ не держалъ. Жена его продавала на рынкѣ зелень и плоды. Она сама разводила ихъ въ небольшомъ садикѣ передъ домомъ и люди охотно покупали у нея; она всегда была опрятно одѣта и умѣла какъ-то особенно красиво раскладывать зелень.

Былъ у нихъ мальчикъ, очень хорошенькій, привѣтливый и довольно большой для своего возраста. Ему было тогда лѣтъ восемь. Онъ обыкновенно си-

дѣлѣ съ матерью на рынкѣ и часто разносилъ покупки по домамъ. При этомъ онъ почти никогда не возвращался съ пустыми руками: то какое-нибудь лакомство несеть, то монетку; господа любили красиваго мальчика и всегда дарили его.

Разъ сидѣла жена башмачника на своемъ обычномъ мѣстѣ и поджидала покупателей. Передъ нею стояла корзинка съ капустою и другою зеленью, всевозможными кореньями и пряностями, а рядомъ въ маленькой корзиночкѣ раннія груши, яблоки и абрикосы. Маленькій Яша сидѣлъ рядомъ съ матерью и веселымъ голоскомъ выкрикивалъ товаръ: «Сюда, сюда, господа! Посмотрите, какая чудная капуста, какіе душистые коренья. Раннія груши, яблоки, абрикосы! Кто желаетъ купить? Мать дешево отдастъ».

Въ это время по рынку шла старуха. Съ виду она казалась какою-то растерзанною, лицо ея было совсѣмъ маленькое, сморщенное, глаза красные, носъ острый, кривой, отвисшій къ подбородку. Она опиралась на длинную палку, но какъ она шла объяснить было трудно; она спотыкалась, скользила, металась, словно у нея колесики подъ ногами и каждую минуту чуть не тыкалась острымъ носомъ о мостовую.

Жена башмачника внимательно разсматривала женщину. Она лѣтъ шестнадцать торговала на базарѣ, а никогда еще такой не встрѣчала. Она невольно испугалась, когда старуха заковыляла къ ней и остановилась у ея корзинки.

«Вѣдь это ты, Анна, торговка зеленью?» спросила старуха неприятнымъ, надтреснутымъ голосомъ, причемъ голова ея все время кивала съ бока на бокъ.

«Да, это я», отвѣчала башмачница: «что вамъ угодно?»

«Вотъ увидимъ, увидимъ! Корешки посмотримъ, въ корешкахъ пороемся, есть ли то, что мнѣ надо?» отвѣчала старуха, нагнулась надъ корзинкою и залѣзла обѣими черными отвратительными лапами въ корзинку, стала перерывать нѣжную зелень костлявыми пальцами и каждую вѣточку подносить къ носу. У жены башмачника сердце заохлодѣло: ей жаль было помятаго товара, а сказать она ничего не смѣла: всякій покупатель имѣлъ право осматривать товаръ, да кромѣ того старуха внушала ей какой-то ужасъ. Перерывъ всю корзинку, та пробурчала: «Все дрянъ одна, никуда негодная зелень, ничего нѣтъ, что мнѣ нужно. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ много было лучше, теперь все дрянъ одна, дрянъ!»

Эта воркотня раздражила маленькаго Якова. «Послушай, ты, старуха безсовѣстная», закричалъ онъ. «Залѣзла въ нашъ чистенькій товаръ своими грязными пальцами и портишь, и мнешь его, да еще къ носу суешь, такъ что послѣ тебя никто не купитъ, да еще ругаешься! Скажите пожалуйста, дрянъ товаръ! Да самъ поваръ герцога у насъ покупаетъ».

Старуха посмотрѣла на бойкаго мальчика, противно засмѣялась и сказала хриплымъ голосомъ: «Сынокъ, сынокъ! Такъ тебѣ не нравится мой носъ, прекрасный, длинный носъ? Самъ такой же получишь, отъ лба до подбородка». Она полѣзла въ другую корзинку, гдѣ лежала капуста, стала вытаскивать лучшіе кочны, вертѣла, мяла ихъ въ рукахъ, заставляя поскрипывать, наконецъ всѣ побросала обратно въ корзинку, приговаривая: «Плохой товаръ, плохая капуста!»

«Да не мотай ты такъ противно головою!» воскликнулъ со страхомъ мальчикъ. «Твоя шея тонка какъ кочерыжка; вдругъ сломится и голова твоя въ корзину полетитъ. Ну, кто у насъ покупать станетъ?»

«Не нравятся тебѣ длинныя шейки?» пробормотала старуха. «Ну, можно и совсѣмъ безъ шеи обойтись: пусть голова изъ плечь торчитъ, чтобъ съ тѣльца не свалиться».

«Перестань вздоръ болтать съ ребенкомъ», вступилась башмачница, которой надоѣло долгое щупанье и обнюхиванье ея товара; «если хотите что купить, рѣшайте поскорѣе: вы мнѣ всѣхъ покупателей разогнали».

«Ну, ну, будь по твоему», заворчала старуха, злобно взглянувъ на нее; «я возьму у тебя эти шесть кочновъ. Только, видишь ли, мнѣ приходится опираться на посохъ и я ничего не могу нести: пусть сынокъ твой проводить меня, я заплачу ему».

Мальчикъ не хотѣлъ идти и заплакалъ: онъ боялся противной старухи. Тогда мать повторила свое приказаніе: она считала грѣхомъ не помочь старухѣ. Яша со слезами забралъ капусту въ платокъ и поплелся за старухою по рынку.

Двигались они очень медленно и только черезъ часъ добрались до невзрачнаго домика въ отдаленной части города. Старуха вытащила изъ кармана старый заржавленный ключъ, вложила его въ дверь и та тотчасъ же съ трескомъ отскочила. Маленькій Яша ротъ раскрылъ отъ удивленія. Домъ внутри былъ убранъ великолѣпно; потолокъ и стѣны были выложены мраморомъ, вся мебель изъ чернаго дерева

съ золотомъ и шлифованными камнями, а полъ изъ стекла и такой скользкій, что мальчикъ прошелъ нѣсколько шаговъ и упалъ. Старуха вынула серебряный свистокъ, свистнула... рѣзкій звукъ пронесся по всему дому и изъ всѣхъ дверей сбѣжались морскія свинки. Яша съ удивленіемъ замѣтилъ, что онѣ всѣ держатся на заднихъ лапкахъ, на копытцахъ у нихъ орѣховыя скорлупки, вся одежда человѣческая и даже модныя шляпы на головахъ. «Гдѣ туфли мои, бездѣльники?» кричала старуха и такъ взмахнула клюкою, что бѣдныя свинки съ визгомъ разсыпались во всѣ стороны. «Долго мнѣ здѣсь дожидаться?»

Яша со слезами забралъ капусту въ платокъ и поплелся за старухою.

Вмигъ появились туфли изъ кокосоваго орѣха, подбитые кожей, и свинки ловко надѣли ихъ на ноги старухи.

Куда дѣвалось хроманье и ковылянье! Старуха бросила клюку, взяла Яшу за руку и быстро пошла

по стеклянному полу. Она привела мальчика въ комнату, всю уставленную утварью на подобіе кухни, хотя богатые столы изъ краснаго дерева и великолѣпные ковры на мягкомъ софѣ скорѣе подходили къ нарядной пріемной. «Садись», сказала ласково старуха, усаживая его въ уголъ дивана и подставляя столъ такъ, что онъ уже не могъ вылѣзть. «Садись, вѣрно усталъ. Вѣдь человѣческія головы не такъ-то легки, не такъ легки!»

«Но, бабушка, какая ты забавная!» воскликнулъ мальчикъ: «я положимъ усталъ, но несъ-то я совсѣмъ не головы, а просто кочны капусты, что ты у мамы купила».

«Знаешь ты, да плохо», усмѣхнулась старуха, открыла крышку корзины и вынула оттуда голову. «Вотъ, смотри!» Мальчикъ замеръ отъ страха; онъ не могъ понять, какъ все это произошло, но подумалъ о матери: вдругъ узнаетъ кто о человѣческихъ головахъ, вѣдь, пожалуй, мать къ отвѣту потребуютъ?

«Надо тебѣ дать что нибудь за труды, за то, что ты такой умница», бормотала старуха, «подожди минутку, сварю тебѣ супецъ такой, что всю жизнь будешь помнить». Она снова свистнула. Показались морскія свинки въ человѣческомъ платьѣ; онѣ были въ передничкахъ, у всѣхъ за поясомъ висѣли мѣшалочки и поварскіе ножи. За ними появилось множество бѣлочекъ; онѣ были въ турецкихъ шароварахъ, ходили на заднихъ лапкахъ, а на головкахъ у нихъ были зеленныя бархатныя шапочки. То были повидимому поварята; они лазили очень искусно по стѣнамъ, доставали сковородки и блюда, яйца и масло, зелень

и муку и несли все старухѣ. Она мелькала у плиты въ своихъ тувелькахъ и мальчику казалось, что она дѣйствительно готовить ему что-то вкусное. Огонь весело потрескивалъ, что-то дымило и кипѣло на сковородкѣ, пріятный запахъ распространялся по комнатѣ. Старуха суетилась у плиты, она ежеминутно совала носъ въ кастрюлю; бѣлочки и морскія свинки бѣгали за нею по пятамъ. Наконецъ въ горшкѣ зашипѣло и загудѣло, густой дымъ повалилъ изъ-подъ крыши и бѣлая пѣ-

За ними появилось множество бѣлочекъ.

на выступила на краю. Старуха ловко подхватила горшокъ, отлила отъ него въ серебряную чашку и поставила передъ Яшею.

«Вотъ, сынокъ, вотъ, отвѣдай супца... все получишь, что тебѣ во мнѣ такъ нравилось. Будешь поваромъ, искуснымъ поваромъ—вѣдь надо же тебѣ чѣмъ нибудь быть,—ну, а корешокъ, корешокъ пожалуй никогда не найдешь... зачѣмъ у матери его не было?»

Мальчикъ не понималъ хорошенько словъ старухи, но за супъ принялся усердно. Онъ ему страшно нравился. Много вкусныхъ суповъ варила ему мать, но такого онъ и во снѣ не ѣдалъ. Запахъ кореньевъ и пряностей пріятно щекоталъ носъ, а на вкусъ супъ

былъ очень крѣпокъ и какой-то сладкій и кисловатый въ то же время. Онъ еще доѣдалъ послѣднія ложки чуднаго кушанья, когда морскія свинки зажгли передъ нимъ арабскія благовонія. Голубоватый дымокъ поднялся къ потолку, прозрачныя облачка становились все гуще и гуще, все ниже спускаясь къ полу; пары дѣйствовали на ребенка одуряющимъ образомъ. Напрасно онъ повторялъ себѣ, что мать давно его ждетъ; напрасно старался подбодриться и стряхнуть дремоту; усталая головка склонилась на подушки и Яша крѣпко заснулъ.

Странные снились ему сны. Сначала ему казалось, что старуха снимаетъ съ него одежду и наряжаетъ его въ бѣличью шкурку. Онъ могъ тогда прыгать и лазить какъ бѣлка. Онъ сошелся тогда съ остальными бѣлочками и морскими свинками, очень милыми, вѣжливыми существами, и вмѣстѣ съ ними сталъ справлять службу у старухи. Сперва ему поручили чистку башмаковъ, т. е. онъ долженъ былъ натирать масломъ и протирать кокосовыя скорлупы, которыя старуха носила вмѣсто туфель. Ему нерѣдко дома приходилось помогать отцу въ подобныхъ работахъ и дѣло прекрасно спорилось въ его рукахъ. Черезъ годъ, снилось Яшѣ, дали ему болѣе сложную работу; ему поручили съ другими бѣлочками собирать солнечныя пылинки и просѣивать ихъ сквозь особое сито. Старуха находила, что это прелестнѣйшая пища, а такъ какъ жевать она не могла за отсутствіемъ зубовъ, ей готовили хлѣбъ изъ такой муки.

Черезъ годъ снова дали ему повышеніе: его назначили въ число слугъ, которые готовили питьевую

воду для старухи. Не думайте, чтобъ былъ при этомъ какойнибудь водоемъ или хоть большой чанъ, для скопленія дождевой воды. Задача была гораздо сложнее: надо было вычерпывать крошечными скорлупками капли росы изъ розъ и вотъ эту-то воду пила старуха. Пила она довольно много и водоносамъ было не мало дѣла. Черезъ годъ Яша былъ приставленъ къ службѣ внутри дома; онъ долженъ былъ натирать полы, а такъ какъ полы были стеклянные и всякая пылинка на нихъ замѣтна, дѣло было нелегкое. Приходилось долго плясать по комнатамъ съ старою суконкою на ногахъ. На четвертый годъ онъ былъ переведенъ въ кухню. Это считалось почетною должностію, до которой доходили путемъ долгаго испытанія. Яша прошелъ тутъ всѣ степени отъ простаго поваренка до перваго паштетнаго мастера и достигъ такого совершенства во всемъ, что касается кухни, что самъ себѣ удивлялся. Всему, всему научился онъ: паштетамъ изъ двухъ сотъ эссенцій, супамъ изъ всевозможныхъ кореньевъ земли, все понималъ онъ съ перваго слова и готовилъ необычайно вкусно.

Прошло, какъ ему казалось, лѣтъ семь на службѣ старухи. Разъ она ушла изъ дома и заказала ему приготовить къ ея возвращенію цыпленка, начиненнаго разною зеленью; «да чтобъ подрумянился хорошенько», наказывала она. Онъ принялся за дѣло по всѣмъ правиламъ искусства; свернулъ цыпленку голову, ошпарилъ его, ошципалъ чистенько, соскоблилъ кожу до полной гладкости и вынулъ внутренности. Потомъ сталъ выбирать зелень для начинки. Въ кладовой

попался ему на глаза стѣнной шкапикъ, котораго онъ раньше не замѣчалъ. Дверка была полуотворена. Тамъ стояло нѣсколько корзиночекъ, изъ которыхъ распространялся пріятный нѣжный ароматъ. Въ одной изъ нихъ онъ нашелъ травку очень страннаго вида. Стебель и листья были синевато-зеленые, а наверху маленькій цвѣточекъ яркопунцовый съ желтымъ. Яша вынулъ травку и задумчиво сталъ разглядывать ее; она что-то напоминала ему и запахъ былъ какъ будто тотъ, какъ у того супа, что варила ему старуха. Яша понюхалъ еще разъ такъ усердно, что чихнулъ; чихнулъ разъ, чихнулъ другой и, чихая, проснулся.

Онъ лежалъ на той же софѣ и съ удивленіемъ озирался: «Ну, можно ли такъ живо видѣть во снѣ», думалъ онъ. «Вѣдь я готовъ поклясться, что былъ сейчасъ ничтожною бѣлочкою, товарищемъ морскихъ свинокъ и всякихъ уродцевъ, да еще великимъ поваромъ при этомъ. Вотъ посмѣется мама, когда я ей все расскажу! Но и выбрать же меня: такъ глупо спать въ чужомъ домѣ вмѣсто того, чтобъ помогать ей на рынкѣ». Онъ быстро вскочилъ, чтобъ идти домой. Но члены его вѣрно еще отяжелѣли отъ сна, особенно затылокъ; ему было какъ-то трудно поворачивать голову. «Фу, смѣшно быть такимъ сонеею!» посмѣивался онъ самъ надъ собою, ежеминутно покачиваясь и тыкаясь носомъ то о шкафъ, то о дверь. Бѣлочки и свинки съ визгомъ бѣгали вокругъ него, словно вызываясь проводить. Яша любилъ славныхъ звѣрьковъ и манилъ ихъ съ собою, выходя изъ дома, но онѣ испуганно вбѣжали обратно по лѣстницѣ и долго еще слышался мальчику ихъ жалобный вой внутри дома.

Старуха завела Яшу въ очень отдаленную часть города; онъ едва нашелъ дорогу среди безконечныхъ тѣсныхъ улицъ, да кромѣ того всюду его встрѣчала толпа. Вѣроятно, гдѣ-нибудь по близости карлика показываютъ, думалъ онъ. И дѣйствительно, всюду слышались крики: «Ей, ей, сюда! Посмотрите, что за уродъ! Откуда онъ? Вотъ такъ карликъ! А носъ-то, носъ... у-у... какой длинный. А голова-то... словно вбита въ плечи! А руки-то... фу-у... какія отвратительныя клешни!» Во всякое другое время онъ бы побѣждалъ за ними, онъ былъ очень падокъ на всякія диковинныя зрѣлища,—но тутъ было не до нихъ, надо было скорѣе къ матери бѣжать.

Ему стало совсѣмъ не по-себѣ, когда онъ вышелъ на базарную площадь. Мать еще сидѣла тамъ и зеленъ еще не вся была распродана; значитъ, онъ не такъ долго спалъ. Только издали ему показалось, что она какъ-то печальна; она не зазывала покупателей, а задумчиво сидѣла, опустивъ голову. Ему даже показалось, что она блѣднѣе обыкновеннаго. Минуту онъ колебался, потомъ собрался съ духомъ, пробрался къ ней и довѣрчиво положилъ ей руку на плечо: «Мамочка, что съ тобою? Ты сердишься на меня?»

Женщина обернулась на голосъ, но тотчасъ же откачнулася въ ужасѣ.

«Что тебѣ надо, уродъ! закричала она. Прочь, прочь! Терпѣть не могу такихъ шутокъ».

«Но, мама, что съ тобою?» спросилъ испуганный Яша: «ты нездорова, зачѣмъ гонишь меня?»

«Я ужъ сказала тебѣ, убирайся!» возразила съ

сердцемъ торговка. «У меня ты ничего не выманишь своимъ кривляньемъ, скверный выродокъ».

«Господи! У ней разумъ помутился!»—подумалъ про себя озабоченный мальчикъ: «какъ я ее теперь домой поведу? Мамочка, дорогая, будь же умница; взгляни на меня хорошенько; вѣдь я сынъ твой, твой Яша».

«Нѣтъ, ужъ это черезъ край, воскликнула Анна, обращаясь къ сосѣдкѣ: посмотрите, этотъ страшный карликъ стоитъ тутъ и разгоняетъ мнѣ покупателей, да еще смѣетъ смѣяться надъ моимъ горемъ. Говоритъ мнѣ: я твой сынъ, твой Яша! Вотъ безъ стыда человѣкъ».

Тутъ поднялись сосѣдки и принялись ругаться какъ умѣли, а ужъ торговли, всѣмъ извѣстно, ругаться умѣютъ. Яшѣ кричали, что онъ безъ совѣсти, чтобы такъ насмѣхаться надъ бѣдною Анною, что у той семь лѣтъ тому назадъ пропалъ мальчикъ, красавецъ, что если карликъ сейчасъ же не уйдетъ—онѣ ему глаза выцарапаютъ.

Бѣдный Яша не зналъ, что и думать. Ему казалось, что только сегодня утромъ онъ вышелъ на базаръ съ матерью, помогъ ей выставить зелень, потомъ пошелъ за старухою, покушалъ у нея супу, немного вздремнулъ и снова былъ на мѣстѣ. Однако, мать и сосѣдки говорятъ о какихъ-то семи годахъ! И называютъ его отвратительнымъ карликомъ! Что же съ нимъ такое произошло? У бѣднаго Яши слезы выступили на глазахъ, когда онъ убѣдился, что мать даже разговаривать съ нимъ не желаетъ; онъ тихонько отошелъ отъ нея и печально побрелъ къ той лавочкѣ,

гдѣ работалъ отецъ: «Посмотрю, неужели и отецъ меня не узнаетъ? Встану я у порога, поговорю съ нимъ».

Мастеръ былъ такъ занятъ работою, что не замѣтилъ Яши; когда же цоднялъ глаза и увидѣлъ странное существо у двери, онъ уронилъ башмакъ, дратву и шило и воскликнулъ: «Господи Боже мой, это что такое!»

— «Добраго вечера, мастеръ!» сказалъ Яша, входя въ лавку. «Какъ дѣла?»

«Плохо, плохо, господинчикъ!» отвѣчалъ отецъ къ великому удивленію мальчика. Очевидно сапожникъ тоже не узнавалъ сына.— «Нейдутъ мои дѣла. Я такъ одинокъ, да и старость подходитъ, а подмастерья слишкомъ дорого держать».

— «Развѣ нѣтъ у васъ сына отцу пособить?» продолжалъ спрашивать Яша.

«Былъ у меня сынокъ, Яшей звали.... Былъ бы теперь славный паренекъ лѣтъ пятнадцати, во многомъ бы ужъ могъ помочь. Да, что и говорить, совсѣмъ иная жизнь была бы! Онъ совсѣмъ ребенкомъ ужъ многое понималъ, а какой красивый и ласковый былъ! Будь онъ дома, не то что чинить, а новыхъ шить не поспѣвали бы. Видно ужъ судьба такая горькая!»

— «А гдѣ же сынъ вашъ?» дрожащимъ голосомъ спросилъ Яковъ.

«Богъ знаетъ!» отвѣтилъ сапожникъ. «Лѣтъ семь тому назадъ,—да, пожалуй что такъ,—его украли у насъ на рынкѣ».

— «Семь лѣтъ?» съ ужасомъ вскрикнулъ Яша.

«Да, господинчикъ, семь лѣтъ. Помню; какъ жена

вернулась домой вся въ слезахъ съ громкими воплями, что ребенокъ пропалъ, что она всюду искала и нигдѣ не находитъ. Я ее давно предупреждалъ, что такъ выйдетъ. Яша былъ такой красавчикъ; жена все гордилась имъ и ей нравилось, что люди хвалятъ сына, ну и посылала его часто съ зеленою по разнымъ знатымъ господамъ. Пусть бы такъ—тамъ дарили его хорошо—но я всегда говорилъ: городъ великъ, Анна, береги ребенка; мало ли по городу нехорошихъ людей! Вотъ такъ и вышло! Пришла разъ старая, уродливая старуха, потребовала зелени и накупила столько, что не въ силахъ была снести. А жена моя, добрая душа, отпустила съ нею мальчишку, и только и видѣли его».

— «И съ тѣхъ поръ семь лѣтъ уже прошло, говорите вы?»

«Да, ровно семь будетъ весною. Мы всюду о немъ объявляли, ходили изъ дома въ домъ, всюду о немъ спрашивали. Кто только зналъ мальчика, всѣ помогали намъ искать. Да только никто ту старуху не зналъ и даже не видалъ. Сказала тутъ одна бабушка,—лѣтъ девяносто ей,—не колдунья ли это, Травознайка? Она, говоритъ, каждая пятьдесятъ лѣтъ въ нашъ городъ приходитъ закупки дѣлать».

Такъ говорилъ сапожникъ, а самъ постукивалъ по сапогу и обѣими руками тянулъ дратву. Теперь Яша начиналъ понимать все, что произошло; онъ, значить, не спалъ, а дѣйствительно прослужилъ у старухи семь лѣтъ въ образѣ бѣлочki. Сердце его разрывалось отъ гнѣва и горести. Семь лучшихъ лѣтъ украла у него старуха, а что онъ получилъ взаменъ? Искусство чистить туфли изъ кокосоваго

орѣха, да натирать стеклянные полы? Позналъ среди морскихъ свинокъ всѣ тонкости стряпни? Онъ стоялъ, уничтоженный, и думалъ о своей судьбѣ.

«Можетъ вамъ что требуется отъ меня, молодой человѣкъ?» снова раздался голосъ отца. Парочку башмаковъ, а то, можетъ быть, футлярчикъ для носа?» добавилъ онъ улыбаясь.

«Для носа футлярчикъ?» спросилъ Яша. «Да зачѣмъ мнѣ футляръ?»

«Конечно, у каждого свой вкусъ... Только, долженъ вамъ сказать, будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы непременно заказалъ себѣ футлярчикъ изъ нѣжнорозовой глазированной кожи. Да вотъ у меня какъ разъ тутъ остаточекъ лежитъ; больше фута пожалуй не пойдетъ. А зато какая защита, господинчикъ! Бьюсь объ закладъ, вы за всѣ притолки, за всѣ стѣны носомъ задѣваете».

Мальчикъ стоялъ полуживой отъ ужаса; онъ дрожащею рукою ощупывалъ носъ и находилъ, что онъ дѣйствительно страшно толстъ и длиненъ. Такъ значить старуха и лицо ему обезобразила. Вотъ почему никто не узнаетъ его и всѣ ругаютъ карликомъ. «Мастеръ!» обратился онъ къ сапожнику, «нѣтъ ли у васъ зеркальца, чтобъ мнѣ на себя посмотреть?»

«Молодой человѣкъ», серьезно возразилъ тотъ. «Не такая у васъ наружность, чтобъ собою любоваться и, право, не стоитъ ежеминутно въ зеркало смотрѣться. Отвыкайте отъ этого, это совсѣмъ дурацкая привычка, особенно для васъ».

«Ахъ, да дайте же мнѣ взглянуть на себя», кричалъ карликъ почти со слезами, «ужъ конечно не изъ самомнѣнія я этого прошу!»

«Отстаньте, пожалуйста! у меня и зеркала-то нѣтъ. Было какое-то у жены, да и то не знаю, куда она засунула. Если ужъ очень не терпится, идите черезъ улицу къ Урбану-цирюльнику. У него есть зеркало вдвое больше вашей головы, вотъ въ него и смотрите. А пока до свиданья!»

Старикъ тихонько повернулъ его за плечи, вывелъ за дверь и снова сѣлъ за работу.

Несчастный карликъ пошелъ къ Урбану, котораго онъ раньше хорошо зналъ. «Добрый вечеръ, Урбанъ! Можно васъ попросить, позвольте мнѣ въ зеркало заглянуть».

«Съ удовольствіемъ, вонъ оно стоитъ», засмѣялся цирюльникъ, а вмѣстѣ съ нимъ засмѣялись всѣ бывшіе въ магазинѣ. «Какъ не дать посмотрѣться такому статному красавчику. Шейка лебединая, ручки, что у королевы, носикъ—краше не бываетъ! Чваниться не годится, но все же посмотритесь, полюбуйтесь: пусть не думаютъ, что я отъ зависти не даю вамъ смотрѣться». Новый взрывъ хохота встрѣтилъ его слова. Яша подошелъ къ зеркалу. Слезы выступили у него на глазахъ. «Да, ты могла не узнать меня, мама дорогая, сказалъ онъ себѣ, не таковымъ былъ твой Яша въ счастливые дни, когда ты гордилась имъ». Глазки его съузились, какъ у морской свинки, носъ неимоვნно разросся и прикрывалъ ротъ до подбородка, шея какъ бы совсѣмъ исчезла, голова плотно сидѣла въ плечахъ и только съ трудомъ могъ онъ повернуть ее на сторону. Тѣло было не больше, чѣмъ семь лѣтъ тому назадъ, но тоже разрослось въ ширину; спина и грудь высоко выгнулись и напоминали плотно набитый мѣ-

шокъ. Все это грузное туловище сидѣло на тоненькихъ дѣтскихъ ножкахъ. Зато руки висѣли какъ плети вдоль тѣла и были величиною какъ у взрослого человѣка: онъ почти могъ достать, не нагибаясь, до пола своими длинными, какъ паутиныя лапы, пальцами. Вотъ какимъ сталъ прелестный маленькій Яша.

Онъ вспомнилъ то утро, когда старуха подошла къ его матери на рынокъ. Все, что ему было такъ противно въ ней, длинный носъ, уродливые пальцы, все это было теперь у него; не хватало только длинной дрожащей шеи.

«Достаточно насмотрѣлись на себя, принцъ?» спросилъ цирюльникъ, подходя къ нему. «Право, на заказъ такого какъ вы не придумаешь. Знаете, что я вамъ предложу, крошка? Хотя цирюльня моя недурно идетъ, но съ нѣкотораго времени не такъ хорошо, какъ бы мнѣ хотѣлось. Дѣло въ томъ, что мой со-сѣдъ, цирюльникъ Таумъ, нашелъ себѣ гдѣ-то великана и переманиваетъ публику. Великаномъ быть не велико искусство, а вотъ такимъ какъ вы человѣчкомъ—иное дѣло. Поступайте ко мнѣ на службу: вы получите квартиру, ѣду, одежду, все что требуется. Стойте въ дверяхъ и приглашайте зайти. Будете мыльную пѣну взбивать, полотенца подавать... Увидите, мы прекрасно сойдемся. Ко мнѣ народъ валомъ повалить, а вы не мало на чаекъ выручите».

Предложеніе глубоко возмутило несчастнаго карлика. Пришлось, однако, молча стерпѣть насмѣшку. Онъ спокойно отвѣтилъ цирюльнику, что у него нѣтъ времени для подобныхъ услугъ, и вышелъ изъ магазина.

Хотя злая женщина подавила ростъ Яши, но развитія его духа задержать не могла; онъ слишкомъ хорошо это чувствовалъ. Онъ чувствовалъ, что сдѣлался гораздо умнѣе и сообразительнѣе, чѣмъ семь лѣтъ тому назадъ. Не потеря красоты, не уродство смущало его: онъ плакалъ лишь о томъ, что его какъ собаку прогнали изъ дома отца. Развѣ попытать еще разъ счастья у матери?

Онъ пришелъ снова на рынокъ и просилъ мать выслушать его терпѣливо. Онъ напомнилъ ей тотъ день, когда ушелъ за старухою, напомнилъ ей разные случаи изъ своего дѣтства, разсказалъ, что семь лѣтъ прослужилъ у колдуньи въ образѣ бѣлочки, что превратила она его въ наказаніе за его насмѣшки. Анна не знала, вѣрить или нѣтъ. Насчетъ дѣтства—все было вѣрно, но какъ повѣрить, что онъ семь лѣтъ былъ бѣлкою? Какія тамъ волшебницы? Все это выдумки однѣ. Къ тому же одинъ видъ карлика внушалъ ей отвращеніе и она не рѣшалась признать его за сына. Наконецъ, она рѣшила обо всемъ переговорить съ мужемъ, собрала свои корзины и велѣла Яшѣ идти за нею.

«Посмотри-ка», сказала она мужу, «вотъ этотъ чловѣкъ увѣряетъ, что онъ нашъ пропавшій Яша. Онъ мнѣ все разсказалъ: какъ былъ украденъ у насъ, какъ былъ заколдованъ злою волшебницею...»

«Вотъ какъ!» сердито крикнулъ сапожникъ. «Онъ все это тебѣ разсказалъ? Ахъ ты, негодяй. Я часъ тому назадъ все ему выболталъ, а теперь онъ къ тебѣ идетъ и за свое выдаетъ? Такъ ты былъ заколдованъ, сынокъ? Пстой-ка, я тебя расколдую!» Онъ схватилъ

пучекъ ремней и съ такою яростью набросился на карлика, что тотъ опрометью бросился вонъ.

Немного на свѣтѣ сострадательныхъ людей и рѣдко кто придетъ на помощь несчастному, особенно если въ немъ есть что-нибудь смѣшное. Бѣдный Яша весь день пробродилъ по городу; никто не приютилъ и не накормилъ его. Измученный и голодный онъ приткнулся къ ночи на ступенькахъ какой-то церкви.

Первые лучи солнца разбудили его; онъ серьезно сталъ раздумывать, какъ устроиться, чтобъ не голодать, разъ отецъ съ матерью не приняли его. Самолюбіе не позволяло ему служить вывѣскою у цирюльника, онъ не хотѣлъ обратиться въ шута или показываться за деньги. Такъ что же предпринять? И вдругъ вспомнилъ онъ про свое искусство на кухнѣ. Онъ чувствовалъ, что любого повара за поясъ заткнетъ, и рѣшилъ воспользоваться своими знаніями.

Онъ зашелъ въ церковь, помолился и пошелъ своею дорогою. Властителемъ той страны былъ одинъ герцогъ, извѣстный лакомка и хлѣбосоль; онъ любилъ изысканный столъ и сзывалъ къ себѣ поваровъ со всѣхъ странъ свѣта. Карликъ направился прямо къ его дворцу. У воротъ его остановили привратники, спросили, кого ему надо, и смѣялись надъ нимъ. Онъ, не смущаясь, потребовалъ, чтобъ его провели къ начальнику надъ поварами. Одинъ изъ привратниковъ вызвался его проводить; они пошли по разнымъ дворамъ и закоулкамъ, и всюду, гдѣ они проходили, люди останавливались, смѣялись и шли за ними; такъ что мало-по-малу образовалась цѣлая толпа. Конюха побросали скребницы, скороходы пустили въ ходъ

свои длинныя ноги, ковровщики забыли о своихъ коврахъ, всѣ кричали, толкались, шумѣли, давка была такая, словно непріятель стоялъ у воротъ. «Карликъ, карликъ! Видѣли вы карлика?» разносилось по воздуху.

На шумъ вышелъ смотритель дворца. Лицо его было сурово; въ рукахъ онъ держалъ огромный хлыстъ. «Эй вы, негодяи, чего раскричались? Не знаете развѣ, что его свѣтлость почиваетъ?» И онъ взмахнулъ бичемъ и мазнулъ имъ, не особенно, впрочемъ, нѣжно, по спинамъ ближайшихъ зрителей. «Ахъ, господинъ, да развѣ вы не видите? Мы карлика ведемъ, карлика, да какого уморительнаго!» загудѣла толпа. Смотритель взглянулъ и даже ротъ зажалъ, чтобъ не расхохотаться: онъ боялся уронить свое достоинство. Онъ разогналъ весь лишній народъ, увелъ Яшу къ себѣ и спросилъ, что ему надо. Тотъ заявилъ, что желалъ бы видѣть начальника поваровъ. «Ты ошибаешься, дружокъ! Ты вѣрно ко мнѣ направлялся; вѣдь ты просишься въ лейбъ-карлики къ его свѣтлости, не такъ ли?»

«О, нѣтъ, господинъ. Я поваръ и довольно искусный, сумѣю готовить всякія затѣйливыя кушанья. Можетъ быть, мои познанія пригодятся оберъ-кухмистеру».

— У каждаго свой вкусъ, человѣчекъ. Только безразсудный же ты малый. На кухню! Какъ карликъ его свѣтлости ты бы жилъ пригѣваючи, работы никакой, а ѣлъ бы, да пилъ всласть и одѣтъ на славу. А тутъ врядъ ли твоего искусства хватить на повара, а для поваренка ты слишкомъ хорошъ. А

впрочемъ, какъ знаешь!—И онъ повелъ его къ оберъ-кухмистеру.

«Господинъ», сказалъ карликъ и поклонился такъ низко, что носомъ почти коснулся ковра, «нуженъ вамъ хорошій поваръ?»

Оберъ-кухмистеръ окинулъ его взглядомъ съ головы до пятъ и разразился громкимъ смѣхомъ. «Какъ? Ты поваръ? Ты воображаешь, что у насъ такія плиты, что ты сможешь дотянуться до нихъ, даже на цыпочкахъ, даже если голова выскочитъ изъ плечъ? Ахъ ты, малютка! Кто тебя сюда направилъ, тотъ насмѣялся надъ тобою!» И оберъ-кухмистеръ залился смѣхомъ, а за нимъ и смотритель и всѣ слуги, что были по близости.

Но карликъ не растерялся. «Что за важность лишнее яйцо, да щепотка муки или чего другого въ домѣ, гдѣ полная чаша? Поручите мнѣ приготовить что нибудь изъ вкусныхъ блюдъ; доставьте мнѣ все необходимое; я на вашихъ же глазахъ все готовлю и придется вамъ сознаться: онъ настоящій поваръ по всѣмъ правиламъ искусства». Такъ говорилъ малютка и при этомъ глазенки его блестѣли, длинный носъ презабавно крутился изъ стороны въ сторону, а тонкіе пальцы судорожно двигались. «Ну, будь по твоему!» сказалъ, наконецъ, оберъ-кухмистеръ, взявъ подъ руку смотрителя, «будь по твоему, хотя бы шутки ради! Идемъ на кухню».

Кухня представляла огромное строеніе, богато обставленное: по срединѣ пылало до двадцати очаговъ; между ними былъ расположенъ бассейнъ чистой воды, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ садкомъ для рыбы;

вдоль стѣнъ стояли шкафы изъ мрамора и дорогого дерева: въ нихъ хранились тѣ запасы, которые надо было имѣть подъ рукою, а по обѣимъ сторонамъ кухни тянулось десять залъ; тамъ сложено было все, что только можно найти лакомаго во всѣхъ странахъ міра. Кухонная прислуга бѣгала во всѣ стороны, суетилась съ котлами и сковородками, ложками и поварешками. Всѣ разомъ застыли на своихъ мѣстахъ, какъ только появился оберъ-кухмистеръ; слышно было лишь потрескиванье огня, да журчаніе воды.

«Что сегодня къ завтраку?» рѣзко спросилъ оберъ-кухмистеръ у главнаго повара.

— «Датскій супъ и красные гамбургскіе клецки», былъ отвѣтъ.

— «Хорошо! Слышишь, что заказаноего свѣтлостью? Берешься приготовить эти сложные кушанья? Клецки ты врядъ-ли приготоновишь, это тайна».

«Нѣтъ ничего легче», возразилъ Яша ко всеобщему удивленію. Онъ не разъ готовилъ эти клецки еще бѣлочкою. «Дайте мнѣ для супа такихъ-то пряностей, кабаньяго жиру, кореньевъ, яицъ, а для клецокъ»,—онъ понизилъ голосъ, чтобъ слышалъ только оберъ-кухмистеръ и главный поваръ, — «для клецокъ требуется такое-то мясо такихъ-то сортовъ, немного вина, утиного сала, имбирю и травку, что зовется «усллада желудка».

«О-хо-хо. Клянусь Св. Бенедиктомъ! Да у какого волшебника ты учился?» воскликнулъ пораженный поваръ: «все, все онъ перечислилъ, а травку «услладу желудка» я даже и не зналъ; это вѣроятно еще лучший вкусъ придастъ. Вотъ чудо поваръ!»

— «Ну, ужъ признаться, не ожидалъ», сказалъ оберъ-кухмистеръ: «пусть начнетъ. Дайте ему, все, что нужно, посуду и припасы».

Вмигъ все было выставлено на плитѣ. Но оказалось, что карликъ едва доставалъ носомъ до края. Тогда поставили два стула, положили на нихъ мраморную доску и пригласили человѣчка показать свое искусство. Повара, поварята, вся кухонная прислуга и многіе другіе расположились кругомъ и смотрѣли и восторгались какъ все спорилось въ рукахъ карлика, какъ онъ быстро и красиво все продѣлывалъ. Заготовка кончилась, Яша приказалъ поставить кушанье на огонь и держать, пока онъ не велитъ снимать. Онъ сталъ считать про себя и вдругъ крикнулъ: «будеть!» Горшки сняли и карликъ просилъ оберъ-кухмистера попробовать.

Подали золотую ложку. Оберъ-кухмистеръ торжественно подошелъ къ очагу, попробовалъ, зажмурилъ глаза, прищелкнулъ языкомъ. «Восхитительно, клянусь всѣмъ на свѣтѣ, восхитительно! Не хотите ли попробовать, господинъ смотритель?» Тотъ поклонился, взялъ ложку, попробовалъ... и закатилъ глаза отъ восторга.

«Ужъ вы простите, милый другъ», обратился онъ къ главному повару, «вы очень искусны по своей части, но такъ даже вы не готовили!» Поваръ тоже попробовалъ, почтительно потрясъ руку карлику и замѣтилъ: «Ты, малютка, просто волшебникъ. Твоя травка какую-то особую прелесть придала».

Тутъ пришелъ на кухню камердинеръ и доложилъ, что герцогъ требуетъ завтракъ. Кушанье быстро пе-

реложили на серебряное блюдо и послали герцогу; оберъ-кухмистеръ же увелъ карлика къ себѣ. Не прошло пяти минутъ, какъ пришелъ посланный отъ его свѣтлости и потребовалъ оберъ-кухмистера къ герцогу.

Герцогъ былъ видимо въ духѣ. Онъ съѣлъ все, что было на блюдѣ, и благодушно утиралъ себѣ бо-роду, когда вошелъ оберъ-кухмистеръ. «Послушай, мой милый, я всегда доволенъ былъ твоими поварами, но скажи, кто изъ нихъ сегодня завтракъ готовилъ? Ни разу не ѣдалъ ничего подобнаго съ тѣхъ поръ, какъ сижу на престолѣ своихъ отцовъ; скажи, какъ зовутъ того повара, чтобы послать ему нѣсколько червонцевъ въ видѣ поощренія?»

Оберъ-кухмистеръ рассказалъ, какъ утромъ привели къ нему карлика, который напросился въ повара и какъ онъ всѣхъ въ кухнѣ поразилъ. Герцогъ тотчасъ же велѣлъ привести удивительнаго человѣчка и спросилъ, кто онъ такой и откуда. Бѣдный Яша не посмѣлъ сказать, что былъ околдованъ и служилъ поваромъ въ образѣ бѣлочки. Онъ сказалъ только, что круглый сирота, а учился стряпать у одной старухи. Герцогъ не сталъ больше расспрашивать. Его очень плѣнилъ необыкновенный видъ новаго повара.

«Оставайся у меня», сказалъ онъ, «получишь пятьдесятъ червонцевъ въ годъ, нарядный костюмъ и двѣ пары штановъ. За это долженъ ежедневно готовить мнѣ завтракъ, присмотрѣть за обѣдомъ и вообще слѣдить за всею кухнею. Потомъ, вотъ еще что, мой милый. Здѣсь во дворцѣ я всѣмъ даю свои собственные имена: ты будешь зваться Носомъ, а по должности помощникомъ кухмистера».

Карликъ Носъ преклонилъ колѣно передъ герцогомъ, поцѣловалъ кончикъ ноги его и обѣщалъ служить вѣрою и правдою.

Такимъ образомъ крошка былъ пристроенъ и, надо сказать, сдѣлалъ честь своему назначенію. Даже герцогъ сталъ совѣмъ другимъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ карликъ Носъ появился при дворѣ. Прежде нерѣдко случалось, что блюдо и подносы летѣли въ головы поваровъ; самъ оберъ-кухмистеръ чуть было не погибъ, отъ брошеннаго въ него телячьяго жаркого, недостаточно мягкаго по мнѣнію его свѣтлости. Несчастнѣйшій три дня пролежалъ въ постели съ обвязанною головою. Положимъ, герцогъ обыкновенно искупалъ свои вспышки пригоршнями дукатовъ, но все же никто не приближался къ нему безъ трепета. Съ тѣхъ поръ, какъ завелся на кухнѣ карликъ, все перемѣнилось какъ по волшебству. Герцогъ ѣлъ пять разъ въ день вмѣсто трехъ, чтобъ вполне насладиться искусствомъ крошки повара, а все же былъ всегда неизмѣнно веселъ, находилъ все прекраснымъ, былъ благосклоненъ и привѣтливъ со всѣми и изо дня въ день становился полнѣе.

Часто среди обѣда призывалъ онъ оберъ-кухмистера и карлика, садилъ ихъ по обѣ стороны стола и собственною рукою клалъ имъ въ ротъ кусочки какого-нибудь лакомаго блюда; такая высокая милость глубоко трогала ихъ.

Карликъ сдѣлался достопримѣчательностью города. Какъ милости, выпрашивали у оберъ-кухмистера позволенія посмотреть на его готовку; знатные люди добивались у герцога чести послать своихъ поваровъ

поучиться у карлика; доходъ былъ немалый: каждый платилъ не меньше полтъ-червонца въ день. Карликъ Носъ не гнался за наживою; онъ предоставлялъ весь доходъ остальнымъ поварамъ и всѣ были довольны и рады его успѣху.

Такъ жилъ себѣ Носъ года два, въ полномъ почетѣ и уваженіи, и былъ бы совсѣмъ счастливъ, еслибъ не тоска о родителяхъ. Все шло спокойно до слѣдующаго случая. Карликъ Носъ былъ необыкновенно искусенъ и счастливъ на покупки. Поэтому онъ, когда могъ, всегда самъ ходилъ на рынокъ закупать птицу и фрукты. Разъ утромъ пошелъ онъ гусей купить. Онъ нѣсколько разъ прошелъ по рынку, выискивая особенно жирныхъ и тяжслыхъ гусей, какъ любилъ ихъ герцогъ. Теперь карликъ свободно могъ ходить по городу. Видъ его не возбуждалъ болѣе смѣха: всѣ уважали въ немъ знаменитаго повара владѣтельнаго герцога.

Карликъ Носъ увидѣлъ въ концѣ ряда женщину съ корзинкою гусей. Она сидѣла спокойно и не зазывала покупателей какъ остальные. Яша подошелъ къ ней, нашелъ птицъ подходящими, купилъ три штуки вмѣстѣ съ клѣткою и взвалилъ ихъ себѣ на плечи. Птицы были всѣ на подборъ, только его удивило, что два гуся гоготали, а третья, гусыня, сидѣла какъ-то особенно тихо, вздыхала и словно тихо стонала какъ человѣкъ. «Она полубольная», подумалъ карликъ, «придется поскорѣе прикончить ее».

Вдругъ гусыня ясно прошипѣла за его спиною:

Ой, не тронь, смотри, меня:

Ущипну и я тебя.

Если-жъ шею мнѣ свернешь,
Самъ въ тотъ день ты пропадешь.

Испуганный Носъ спустилъ клѣтку на землю. Гусыня пристально смотрѣла на него умными глазами и вздыхала: «Тѣфу, пропасть!» воскликнулъ карликъ. «Умѣешь говорить, прекрасная гусыня? Ну, ну, не бойся! Сами умѣемъ жить и цѣну жизни знаемъ: такой рѣдкой птицы. Бьюсь объ закладъ, не всегда ты въ этой шкуркѣ была. Вѣдь былъ же и я бѣлочкою».

— «Правда твоя», отвѣтила тихо гусыня. «Не всегда я была въ этой гнусной оболочкѣ. Ахъ, кто бы повѣрилъ, что Мими, любуемая дочь могучаго Буревоя, покончить дни свои на кухнѣ герцога».

«Тѣфу, пропасть!» воскликнулъ карликъ. «Умѣешь говорить, прекрасная гусыня?»

— «Говорятъ тебѣ, не безпокойся, Мими, бѣдняжка», утѣшалъ карликъ. «Клянусь тебѣ честью, никто тебя не тронетъ. Я устрою тебѣ помѣщеніе въ

собственной комнатѣ и кормить буду всласть, а въ свободное время буду болтать съ тобою. Я скажу всѣмъ, что откармливаю тебя особымъ способомъ къ столу герцога, а при первомъ случаѣ освобожу тебя».

Гусыня со слезами благодарила его.

Карликъ, по приходѣ домой, закололъ другихъ гусей, а для Мими устроилъ помѣщеніе у себя, подѣ предлогомъ, что ему надо особымъ образомъ откормить птицу. Онъ снабжалъ ее въ изобиліи печеньемъ и всякими лакомствами. Каждую свободную минуту онъ бѣжалъ къ ней. Они рассказывали другъ другу свои приключенія; Носъ узналъ, что Мими дочь волшебника Буревоя, что живетъ онъ на островѣ Готландѣ. Онъ какъ-то поспорилъ съ одною волшебницею и та, чтобъ отомстить, превратила дочь его въ гуся и унесла далеко отъ родины. Карликъ Носъ рассказалъ ей про то, что съ нимъ случилось. «Я довольно свѣдущая по этой части», сказала Мими; «отецъ кое-что передавалъ мнѣ и сестрамъ изъ своего искусства. Споръ у корзины, внезапное пробужденіе, какъ только ты понюхалъ травку въ кладовой у старухи, все это доказываетъ, что ты заговоренъ на ту травку и заговоръ рушится, если ты нападешь на ту травку, которую задумала старуха». Утѣшеніе было слабое: какъ найти ту невѣдомую травку?

Къ тому времени пріѣхалъ къ герцогу погостить одинъ сосѣдній князь, его другъ. Карлика позвали къ герцогу. «Слушай, другъ», сказалъ тотъ, «теперь случай доказать, насколько ты мнѣ преданъ и преданъ своему дѣлу. Гость мой, насколько мнѣ извѣстно извѣстный знатокъ кухни и привыкъ къ тонкомъ

столу. Постарайся поразить своею стряпнею. Чтобы ни разу во время его пребыванія здѣсь не повторялось то же кушанье! Можешь брать отъ казначея сколько вздумается, можешь хотъ золото и брилліанты въ маслѣ топить, однимъ словомъ—дѣйствуй, не стѣсняясь. Я готовъ раззориться, лишь бы не краснѣть передъ гостемъ».

Карликъ почтительно поклонился герцогу. «Да будетъ по слову твоему, милостивый повелитель. Я всѣ силы употреблю, чтобъ угодить гостю—знатоку».

Крошка поваръ пустилъ въ ходъ все свое искусство. Онъ не жалѣлъ казны своего господина, но не жалѣлъ и своихъ трудовъ. Весь день онъ стоялъ въ облакахъ дыма и огня и голосъ его несмолчно тремѣлъ подъ сводами кухни. Вѣдь онъ полновластно распоряжался всѣми поварами и поварятами.

Чужой князь былъ уже двѣ недѣли у герцога и все шло какъ по маслу. Они ѣли разъ пять въ день и герцогъ не могъ нахвалиться искусствомъ карлика. Онъ видѣлъ по лицу гостя, что тотъ тоже доволенъ. На третью недѣлю карлика потребовали къ столу. Герцогъ представилъ его другу и спросилъ, какъ тотъ доволенъ его работою?

— «Ты замѣчательный поваръ», отвѣчалъ гость, «и понимаешь, что значитъ хорошо поѣсть. Ты еще ни разу не повторилъ ни одного кушанья и все превосходно готовилъ. Но скажи, почему до сихъ поръ не вижу царя всѣхъ паштетовъ, паштета Сузерень?» Карликъ смутился. Онъ никогда не слышалъ о подобномъ паштетѣ. Однако, онъ скоро оправился и отвѣчалъ:

«Ваша свѣтлость! Я надѣялся, что вашъ свѣтлый образъ еще долго будетъ освѣщать нашъ дворъ своимъ присутствіемъ, и приберегаю это кушанье. Какое же лучшее угощеніе, чѣмъ этотъ паштетъ, можетъ припасти поваръ ко дню разлуки?»

«Вотъ какъ?» засмѣялся герцогъ. «А для меня ты ждешь дня смерти, чтобы меня имъ привѣтствовать при переходѣ въ царство тѣней? Вѣдь ты и меня ни разу не угостилъ этимъ паштетомъ. Ну, другъ, придумывай другое блюдо на прощанье, а завтра подавай намъ паштетъ».

«Какъ прикажете, ваша свѣтлость», отвѣчалъ покорно карликъ. Но онъ сильно приунылъ. Онъ былъ посрамленъ. Онъ даже не зналъ, какъ взяться за этотъ паштетъ. Печально вошелъ онъ въ свою комнату и залился слезами. «Что случилось?» спросила Мими. Карликъ разсказалъ въ чемъ дѣло. «Не горюй», сказала птица, «я приблизительно знаю, какъ готовится этотъ паштетъ. Его часто подавали у моего отца. Надо взять того-то и того-то и если даже не все тутъ, врядъ ли у этихъ господъ достаточно тонкій вкусъ, чтобы это замѣтить». Карликъ прыгнулъ отъ радости, благословляя тотъ день, когда купилъ гусыню! Онъ тотчасъ же приготовилъ маленькій паштетъ на пробу: вышло очень удачно; оберъ-кухмистеръ былъ въ упоеніи отъ его искусства.

Насталъ слѣдующій день. Нарядный паштетъ, украшенный цвѣтами, только что пронесли къ столу; за нимъ, въ полной парадной формѣ, направился въ столовую самъ карликъ. Когда онъ входилъ, герцогъ только что подносилъ ко рту первый кусочекъ. Онъ

поднялъ глаза къ небу, причмокнулъ и сказалъ: «А-а-ахъ! вотъ такъ по истинѣ царь паштетовъ! Но вѣдь и поваръ мой—царь поваровъ, такъ вѣдь, любезный другъ?»

Гость, не спѣша, взялъ кусочекъ, пожевалъ, подумалъ и улыбнулся высокомерною и таинственною улыбкою. «Вещь очень порядочно сготовлена», вымолвилъ онъ, отставляя тарелку, «но это все-таки не настоящій Сюзеренъ, какъ я, впрочемъ, и былъ увѣренъ».

Герцогъ гнѣвно сдвинулъ брови и покраснѣлъ отъ стыда. «Ахъ ты, негодный карликъ! Ты смѣлъ такъ посрамить своего господина! Что жъ, мнѣ голу сь тебя снять за твою стряпню?»

«Ахъ, ваша свѣтлость! клянусь, я приготовилъ паштетъ по всѣмъ правиламъ искусства; не можетъ быть, чтобъ не такъ!» сказалъ карликъ дрожащимъ голосомъ.

— «Врешь, дуракъ!» возразилъ герцогъ, отталкивая его ногою. «Гость не сказалъ бы тогда, что чего-то не хватаетъ. самого тебя изрубить, да и зажарить въ паштетъ!»

— «Сжальтесь надо мною!» воскликнулъ бѣднякъ, падая на колѣни передъ гостемъ. «Скажите, чего же не хватаетъ въ паштетъ? Что вамъ не нравится въ немъ? Не обрекайте меня смерти изъ-за какой-нибудь горсточки мяса или муки».

— «Врядъ ли тутъ что поможетъ тебѣ, милый мой», насмѣшливо отвѣчалъ князь. «Я ужъ вчера думалъ», что этого кушанья ты не сготовишь, какъ мой поваръ. Тутъ не хватаетъ одной травки—ея совсѣмъ

здѣсь не знаютъ—травки «чихай на здоровье». Безъ нея нѣтъ въ паштетѣ пряности и не ѣсть его твоему господину, какъ ѣдалъ я».

Тутъ герцогъ совсѣмъ разсвирѣпѣлъ. «А вотъ поѣмъ во что бы то ни стало», крикнулъ онъ, сверкая глазами; «клянусь герцогскою честью, или угощу васъ завтра настоящимъ паштетомъ, или покажу всѣмъ голову этого уroda на воротахъ дворца! Иди, негодяй, дарую тебѣ двадцать четыре часа на раздумье».

Карликъ поспѣшно удалился къ себѣ. Спасенія нѣтъ, думалъ онъ: о травкѣ «чихай на здоровье» онъ даже не слыхалъ. Но гусыня не унывала. «Если только въ этомъ дѣло, я тебѣ помогу; меня отецъ всѣмъ травкамъ обучилъ. Къ счастью же теперь полнолуніе; травка эта какъ разъ цвѣтетъ въ это время. Есть тутъ гдѣ нибудь каштановыя деревья?»

— «О, да, не больше какъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ дворца цѣлая группа такихъ деревьевъ».

«Травка цвѣтетъ только подъ каштанами, продолжала Мими. «Нечего терять времени, бери меня и пойдемъ искать».

Карликъ Носъ подхватилъ гуся и спустился съ лѣстницы. У входа привратникъ загородилъ ему дорогу. «Бѣдный Носъ, пропалъ ты видно, изъ дворца нельзя! Строго приказано не пускать».

«Да я только въ садъ», возразилъ карликъ. «Пошли, голубчикъ, къ смотрителю, узнай, можно-ли мнѣ въ садъ, одну травку поискать?» Разрѣшеніе было дано. Садъ былъ обнесенъ высокою стѣною и не представлялъ возможности побѣга. Когда они подошли къ

озеру, Носъ спустилъ птицу въ траву и сталъ ждать. Онъ твердо рѣшился броситься въ прудъ въ случаѣ неудачи. Гусыня долго искала, бродила подъ каштанами, переворачивала носомъ всѣ травинки, а между тѣмъ начинало темнѣть и съ каждою минутою труднѣе было различать предметы. Тутъ карликъ крикнулъ ей: «Смотри, тамъ по той сторонѣ дерево стоитъ; можетъ тамъ притаилось мое счастье». Гусыня полетѣла, а карликъ побѣждалъ по берегу за нею. Каштановое дерево бросало отъ себя густую тѣнь и вокругъ почти ничего нельзя было различить. Вдругъ гусыня остановилась, радостно взмахнула крыльями, быстро нырнула головою въ густую траву и что-то сорвала. «Вотъ твоя травка!» сказала она. «Ея тутъ много, надолго ея хватить».

Карликъ схватилъ травку и поднесъ къ носу. Нѣжный запахъ пахнулъ на него и въ головѣ его разомъ воскресла картина его превращенія. Да, тотъ-же голубовато-зеленый стебель и листья, и ярко-красный цвѣтокъ съ желтою коронкою.

«Слава Богу!» воскликнулъ онъ, «вотъ чудо! Знаешь, мнѣ кажется, это та травка, что превратила меня изъ бѣлочки въ такого уroda. Попробовать, что-ли?»

— «Нѣтъ, нѣтъ», остановила Мими, «возьми горсточку травки, пойдемъ къ себѣ, а тамъ ужъ попробуемъ».

Сердце карлика учащенно билось. Онъ вернулся во дворецъ, собралъ въ узелокъ деньги и нужныя вещи, проговорилъ: «Если Богу угодно, я избавлюсь отъ этого бремени», сунулъ носъ въ травку и сильно втянулъ въ себя ея запахъ.

Затрещали суставы, раздвинулись кости, голова потянулась изъ плечъ; онъ скосилъ глаза на носъ и видѣлъ, какъ тотъ уменьшается; спина и грудь распрямились, ноги стали длиннѣе и тоньше.

«Ой, да какой ты рослый, красивый сталъ!» воскликнула Мими. «Ничего изъ прежняго не осталось!» Яша былъ внѣ себя отъ радости, онъ прижималъ къ сердцу Мими, называлъ ее своею спасительницею и, какъ не стремился скорѣе повидать родителей, но, рѣшилъ онъ, благодарность прежде всего. «Кому какъ не тебѣ обязанъ я спасеніемъ, дорогая Мими? Безъ тебя я вѣкъ бы остался уродомъ или, всего вѣроятнѣе, погибъ бы отъ руки палача. Поѣдемъ къ твоему отцу; онъ, можетъ быть, сумѣетъ расколдовать дочь. Мими плакала отъ радости. Они вмѣстѣ вышли изъ дворца и, конечно, никто не узналъ въ красивомъ юношѣ безобразнаго карлика Носа.

Больше, кажется, нечего рассказывать. Путешественники благополучно добрались до Буревой; обрадованный волшебникъ расколдовалъ дочь и щедро наградилъ Яшу. Тотъ вернулся на родину, родители безъ труда признали его. Они зажили снова вмѣстѣ счастливо и покойно. Яша на свои деньги завелъ лавочку и скоро сдѣлался богатымъ и всѣми уважаемымъ человѣкомъ.

Надо еще сказать, что исчезновеніе карлика возбудило страшный переполохъ во дворцѣ. Когда на другой день герцогъ вспомнилъ о поварѣ и хотѣлъ его казнить, карлика нигдѣ не могли найти. Чужеземный же князь увѣрялъ, что герцогъ нарочно пряталъ его, чтобы не потерять лучшаго повара, и

упрекалъ его въ нарушеніи даннаго слова. Послѣдствіемъ всего этого произошла война между обоими владѣтелями, война, извѣстная въ исторіи подъ именемъ «травяной войны». Немало было славныхъ сраженій и доблестныхъ подвиговъ съ обѣихъ сторонъ. Потомъ заключили миръ подъ названіемъ *Паштетнаго* мира. Въ день заключенія его, поваръ князя подалъ великолѣпный паштетъ Сузеренъ и герцогъ вкушалъ его съ полнѣйшимъ наслажденіемъ.

Такъ, нерѣдко, малыя причины приводятъ къ большимъ слѣдствіямъ. И вотъ, о милостивый повелитель, вся повѣсть о Карликѣ Носѣ.

Невольникъ кончилъ; шейхъ Али-Бану приказалъ угостить фруктами его и его товарищей. Нѣкоторое время всѣ гости мирно разговаривали, потомъ снова подали знакъ и второй невольникъ началъ свой рассказъ.

* *
*

Абнеръ, еврей, который ничего не видалъ.

Господинъ, я родомъ изъ Могадора, на берегу большого моря, и то, что я сейчасъ расскажу, произошло во времена владычества могущественнаго повелителя Феца и Марокко, Мулея Измаила.

Жида, какъ тебѣ извѣстно, водятся всюду и всюду они тѣ же: пронырливые, хитрые, страшно прозорливые на всякую выгоду, забитые и приниженные, тѣмъ приниженнѣе, чѣмъ хуже съ ними обращаются; они даже свою приниженность возводятъ въ какую-то добродѣтель. Но случается и имъ, несмотря на умъ, попадаться въ просакъ. Вотъ это-то и случилось съ жидомъ Абнеромъ во время прогулки за стѣнами Марокко.

Онъ шелъ себѣ спокойнымъ шагомъ по полю; на головѣ остроконечная шляпа, на тѣлѣ скромный, не слишкомъ опрятный халатъ, а въ карманѣ золотая табакерка. Онъ отъ времени до времени осторожно вытаскивалъ ее — вѣдь такія вещи нельзя на показъ выставлять — бралъ щепотку, препровождалъ въ носъ и умиленно поглаживалъ себѣ бороду. Вообще, несмотря на блуждающій взоръ съ искоркою какого-то страха передъ чѣмъ-то и исканіемъ чего-то, вся фizioномія еврея свѣтилась довольствомъ. Ему удалось сегодня обдѣлать хорошее дѣльце. Онъ и врачъ, и купецъ, и все что угодно, разъ дѣло идетъ о деньгахъ. Онъ продалъ сегодня раба съ тайнымъ порокомъ, необыкновенно дешево пріобрѣлъ цѣлый грузъ гумми, да помогъ отправиться къ праотцамъ одному богатому больному.

Онъ выходилъ изъ небольшой рощицы, когда услышалъ громкій крикъ бѣжавшихъ за нимъ людей. То бѣжали царскіе конюха съ обершталмейстеромъ во главѣ. Они бѣжали и оглядывались, словно искали кого-то или что-то.

— «Эй ты, мудрецъ», крикнулъ запыхавшійся обершталмейстеръ. «Не видалъ ли царскаго коня съ сѣдломъ и уздою?»

Абнеръ остановился. «Скакунъ какихъ мало, крошечное копыто, подковы чистаго серебра, масти золотистой, какъ свѣтильники въ школѣ въ день шабаша, ростъ пятнадцать пядей, хвостъ три съ половиною фута, удила чистаго золота двадцати трехъ каратовъ?»

— «Онъ самый!» радостно закричалъ обершталмейстеръ. «Онъ самый!» крикнули хоромъ всѣ ко-

нюха. «Это несомнѣнно Эмиръ», кричалъ старый берейторъ. «Я двадцать разъ твердилъ принцу Абдалла, что нельзя на Эмирѣ ѣздить съ трензелемъ. Я знаю Эмира, я всегда предсказывалъ, что онъ сбросить и придется мнѣ своею головою отвѣтить за ушибы принца, все то же повторю. Но скорѣе, куда онъ дѣлся?»

— Да я никакого коня не видалъ, отвѣчалъ улыбаясь Абнеръ. Откуда мнѣ знать, гдѣ онъ, этотъ конь?

Удивленные такимъ противорѣчіемъ, конюха обступили Абнера, требуя объясненія, но тутъ случилось еще нѣчто.

Вдали показалась толпа черныхъ невольниковъ и уже издали слышались крики: «Гдѣ она, гдѣ? Не видалъ ли кто царицыной собачки?» Оказалось, что пропала комнатная собачка султанши.

— Вы собачку ищете? спросилъ Абнеръ.

«Ну, да, собачку, Алину, гдѣ она?»

— Небольшого роста, уши длинныя, хвостъ пушистый, хромаетъ на правую переднюю ножку?

— «Вотъ, вотъ, какъ живая стоитъ передъ глазами!» воскликнули всѣ хоромъ. «Это Алина! Султанша въ обморокѣ, всѣ сбились съ ногъ во дворцѣ. Гдѣ Алина? Какъ вернуться въ гаремъ безъ нея? Скорѣй, скорѣй, куда она побѣжала?»

— Я не видалъ никакой собачки, не зналъ даже, что у нашей султанши, да хранить ее Богъ, есть собачка.

Тогда конюха и гаремные невольники пришли въ бѣшенство отъ безстыдства жида, который шутилъ надъ собственностью султана, и ни минуты не сомнѣ-

вались, какъ ни казалось это неправдоподобнымъ, что онъ укралъ и коня, и собачку. Часть людей осталась продолжать поиски, а шталмейстеръ и главный евнухъ схватили Абнера и потащили къ султану.

Наскоро былъ созванъ совѣтъ и, въ виду важности событія, Мулей Исмаиль самъ предсѣдательствовалъ. Для начала присудили виновному съ полсотни ударовъ по пяткамъ. Какъ ни кричалъ и ни визжалъ Абнеръ, какъ ни увѣрялъ въ своей невинности, какъ ни обѣщалъ рассказать все чистосердечно, какъ ни зывалъ: «Немилость султана, что рычаніе молодого льва, а милость его, что роса для травы!» или «не опускай длани своей, пока очи и уши твои закрыты» — Мулей Исмаиль далъ знакъ и поклялся бородою Пророка и своею собственною, что жидъ заплатитъ головою за страданія принца и обмороки султанши, если не найдутся бѣглецы.

Еще не смолкли крики несчастнаго Абнера, какъ пришла вѣсть, что и конь, и собачка найдены. Алину застали въ обществѣ нѣсколькихъ мопсовъ, особъ приличныхъ, но все же общество неподходящее для нея, придворной дамы; а Эмиръ, набѣгавшись вволю, нашелъ, что травка на берегу сосѣдняго ручья много вкуснѣе овса придворныхъ конюшенъ.

Мулей Исмаиль потребовалъ отъ жида объясненія. Тотъ обрадовался случаю, хотя нѣсколько поздно, высказаться, трижды прикоснулся лбомъ къ подножію трона и началъ.

«Великій государь, царь царей, повелитель востока, звѣзда правды, зеркало истины, пучина премудрости. Ты, сверкающій какъ золото, сіяющій какъ

алмазъ, твердый какъ сталь, выслушай меня, разъ дозволено рабу твоему возвысить голосъ предъ свѣтлымъ престоломъ твоимъ. Клянусь Богомъ отцовъ своихъ, Моисеемъ и пророками, не видалъ я ни священнаго коня твоего, ни прелестной собачки кроткой повелительницы нашей. Выслушай, какъ было дѣло.

Я спокойно прогуливался послѣ дневныхъ трудовъ, ровно ни о чемъ не думая, когда, выходя изъ рощи, удостоился чести встрѣтить его великолѣпіе, господина обершталмейстера, и его бдительность, чернаго стража твоего благословеннаго гарема. На мелкомъ пескѣ между пальмъ я замѣтилъ слѣды какаго-то животнаго; насчетъ слѣдовъ меня не проведешь: я тотчасъ же узналъ слѣды маленькой собачки; другой слѣдъ, рядомъ съ передними ногами, слѣдъ какъ бы слегка замеченнаго песка, указалъ мнѣ, что у собачки чудные длинные уши; а такъ какъ мѣстами на большихъ промежуткахъ песокъ былъ нѣсколько взрытъ, я подумалъ: вѣрно у крошки длинный пушистый хвостъ и она порою обмахивалась имъ. Отъ меня не ускользнуло и то, что одинъ слѣдъ все время былъ мельче, чѣмъ остальные; значитъ, собачка, если смѣю такъ выразиться, прихрамываетъ.

Что касается до коня твоей свѣтлости, я замѣтилъ слѣдъ его на одной тропинкѣ. Какъ только я увидѣлъ крошечное, благородное копыто, тонкую, но рѣзкую стрѣлку, я сказалъ себѣ: это конь изъ породы ченнеръ, благороднѣйшей изъ всѣхъ. Вѣдь еще четырехъ мѣсяцевъ нѣтъ, какъ милостивый мой государь и повелитель продалъ одному чужеземному

принцу цѣлый табунъ этой породы; братъ Рубень присутствовалъ при торгѣ и мой милостивый повелитель еще большую прибыль получилъ. Такъ вотъ, видя, что слѣды равномѣрны и далеко другъ отъ друга, я невольно подумалъ: вотъ галопъ благородный! такой конь лишь царю въ пору! Я вспомнилъ того коня, о которомъ поется въ пѣснѣ: «Онъ бьетъ копытомъ и ликуетъ въ гордомъ сознаниіи своей силы; онъ смѣется надъ опасностью и не знаетъ страха, не бѣжитъ отъ меча, хоть грозно звенятъ вокругъ колчаны и ярко блещутъ пики и копья». Что-то заблестѣло на землѣ; я нагнулся, какъ всегда дѣлаю, когда вижу что-нибудь блестящее, и поднялъ камень. На немъ остался слѣдъ копыта и по немъ я узналъ, что подкова серебряная; вѣдь одной черты съ меня довольно, чтобъ знать—чистый ли металлъ или нѣтъ. Тропинка, по которой я шелъ, была семи футовъ ширины и мѣстами пыль съ пальмъ была стряхнута. Конь хвостомъ смахнулъ, подумалъ я, значить хвостъ трехъ съ половиною футовъ длины. Подъ деревьями, крона которыхъ начиналась футовъ пять отъ земли, валялись свѣже-сорванные листья; вѣроятно быстроногій бѣглець стеръ ихъ своею спиною. Тутъ же попалось нѣсколько золотистыхъ волосковъ, значить конь золотистой масти. А какъ вышелъ я изъ кустовъ, вижу по дорогѣ утесъ, а на утесѣ черта. Ну, ужъ эта черта тебѣ знакома, думаю, не такъ ли? Тоненькая какъ волосъ черточка, а все же золотая. Вѣроятно, животное при скачкѣ задѣло за камень удиломъ. Какъ тутъ ошибиться? Развѣ не знаетъ весь свѣтъ твою благородную любовь къ ро-

скоши, о величайшій изъ властителей? Развѣ послѣдній изъ твоихъ коней не устыдится прикоснуться къ другому удилу, какъ изъ чистаго золота? Такъ вотъ и оказалось, что...»

— Ну, клянусь Меккою и Мединою! воскликнулъ Мулей Исмаиль, вотъ это называются глаза! Тебѣ бы такіе не помѣшали, оберъ-егермейстеръ; они замѣнили бы тебѣ стаю гончихъ, а ты, министръ полиціи, пожалуй больше бы ими высмотрѣлъ, чѣмъ своими сыщиками да сторожами. Ну, мудрецъ, на этотъ разъ мы съ тобою милостиво поступимъ ради твоей необыкновенной проницательности. Намъ она по сердцу. Тѣ пятьдесятъ ударовъ, что ты получилъ, зачтутся тебѣ въ пятьдесятъ цѣхиновъ, на пятьдесятъ, значить, меньше изъ твоего кармана; остается доплатить пятьдесятъ. Тащи свой кошель и впредь воздержись отъ насмѣшки надъ нашею собственностью. Впрочемъ, пребываемъ къ тебѣ всегда благосклонны.

Весь дворъ восторгался проницательностью Абнера; вѣдь самъ султанъ клялся, что его искусство несравненно. Но развѣ это могло выкупить его страданія, развѣ могло вернуть драгоценныя цѣхины. Со стономъ и вздохами вынималъ онъ одну за другою красивыя монеты, взвѣшивалъ каждую на прощанье на кончикѣ пальца, а придворный шутъ, Шнури, смѣясь допытывался, выдержали ли бы его цѣхины пробу на камнѣ, какъ удила златогриваго коня принца Абдалла. «Мудрость твоя тебѣ славу принесла, но быюсь объ закладъ, тебѣ было бы отраднѣе промолчать. Что сказалъ пророкъ? Вылетѣвшее слово не догонитъ колесница, хоть впряги въ нее четверо крылатыхъ ко-

ней. Да и борзая не догонитъ его, любезный Абнеръ, будь она и не хромая».

Вскорѣ послѣ такого чувствительнаго для Абнера происшествія, шелъ онъ снова по зеленой долинѣ въ предгоріяхъ Атласа. Опять, какъ тотъ разъ, наткнулся онъ на толпу вооруженныхъ людей. Предводитель крикнулъ ему:

— «Эй, дружище, не видалъ ли чернаго Горо, лейбъ-стрѣлка нашего повелителя? Онъ убѣжалъ, онъ вѣрно этою дорогою въ горы удралъ».

«Право, не могу сказать, генералъ», отвѣчалъ Абнеръ.

— «Эй, да развѣ ты не тотъ мудрецъ, что не видалъ коня и собачки? Не ломайся: здѣсь пробѣжалъ невольникъ. Не слышишь развѣ въ воздухѣ запаха его пота? Не видишь слѣдовъ его быстрыхъ ногъ на травѣ? Говори скорѣе! Онъ единственный въ своемъ родѣ и мы пропали, если вернемся безъ него. Говори, а то сейчасъ свяжемъ тебя».

«Да не могу я сказать, что видѣлъ то, чего не видалъ».

— «Жидъ, послѣдній разъ: куда скрылся рабъ? Вспомни свои пятки, пожалѣй свои цѣхины!»

«Ой, вай, бѣда! Ну, ужъ если вамъ непременно надо, чтобъ я видѣлъ вашего стрѣлка, бѣгите вотъ туда; если онъ не тамъ, то въ другомъ мѣстѣ».

— «Такъ ты его видѣлъ?» проревѣлъ солдатъ.

«Ну, да, господинъ, разъ ужъ вамъ такъ хочется».

Солдаты поспѣшно бросились по указанному направленію. Абнеръ же, довольный своею хитростью,

вернулся домой. Не прошло сутокъ, какъ толпа придворной стражи ворвалась къ нему въ домъ, оскверняя его своимъ присутствіемъ, такъ какъ былъ день шабаша. Несчастнаго потащили къ владѣтелю Марокко.

«Какъ смѣлъ ты, негодяй, направить мою стражу въ горы, когда бѣглець бросился къ морю и чуть не уплылъ на испанскомъ кораблѣ? Сто ударовъ тебѣ по пяткамъ и сто цѣхиновъ изъ кармана. Берите его, ведите: чѣмъ сильнѣе вспухнутъ подошвы, тѣмъ шире раскроется карманъ!»

Въ Фецѣ и Марокко съ правосудіемъ не медлятъ и бѣдный Абнеръ отстрадалъ, не успѣвъ даже выразить своего несогласія. Но онъ проклялъ свою злую участь вѣчно чувствовать пятками и кошелькомъ всякую потерю грознаго султана. Ворча и прихрамывая, пошелъ онъ домой, сопровождаемый хохотомъ грубой дворцовой прислуги. Тутъ подскочилъ къ нему Шнури, придворный шутъ. «Благодари судьбу, Абнеръ, неблагодарный Абнеръ! Развѣ не честь тебѣ, что всякая потеря, всякое горе нашего милостиваго повелителя такъ чувствительно отзывается на тебѣ? А впрочемъ, если ты общаешь приличное вознагражденіе, я готовъ каждый разъ предупреждать тебя, когда что нибудь пропадетъ во дворцѣ. Приду и скажу: сиди въ своей норѣ, Абнеръ, самъ знаешь почему; запишись въ своей каморкѣ до солнечнаго заката, запишись на всѣ запоры и крючки».

Вотъ, о господинъ, повѣсть объ Абнерѣ еврей, который ничего не видалъ.

Кончилъ невольникъ и сѣлъ на свое мѣсто. За нимъ поднялся другой и началъ.

Молодой англичанинъ.

Я нѣмецъ по происхожденію и очень недавно въ здѣшнихъ странахъ. Я не знаю ни персидскихъ сказокъ, ни занимательныхъ разсказовъ о калифахъ и визирияхъ. Позвольте ужъ мнѣ разсказать что нибудь изъ воспоминаній о родинѣ и это, можетъ быть, васъ позабавитъ. Къ сожалѣнію, я долженъ оговориться, что наши разсказы не такъ высокоблагородны какъ ваши, т. е. въ нихъ говорится не о султанахъ и визирияхъ или, по нашему, о короляхъ и министрахъ, но о самыхъ простыхъ смертныхъ, солдатахъ или скромныхъ мирныхъ гражданахъ.

Въ южной части Германіи стоитъ городокъ, гдѣ я родился и воспитывался. Это городокъ какъ всѣ городки. Посреди базарная площадь съ фонтаномъ, сбоку маленькая, старая ратуша; вокругъ площади дома мирового судьи и именитыхъ купцовъ, да нѣсколько узенькихъ улицъ, гдѣ пріютились остальные граждане. Всѣ обыватели знаютъ другъ друга, всѣ освѣдомлены, что въ какомъ домѣ происходитъ и если, напримѣръ, у пастора или у бургомистра, или у доктора окажется лишнее блюдо за обѣдомъ, объ этомъ уже всюду сообщается какъ о важномъ событіи. Около полудня женщины обходятъ другъ друга, что называется «съ визитомъ» и за чашкою крѣпкаго кофе съ печеньемъ разсуждаютъ о семъ важномъ происшествіи. Въ концѣ концовъ выходитъ, что пасторъ «вѣроятно» не похристіански много выигралъ гдѣ нибудь; что бургомистеръ допускаетъ «смазыванье»;

что докторъ получилъ нѣсколько червонцевъ отъ аптекаря, чтобъ прописывать дорогіе рецепты.

Легко себѣ представить негодованіе такого благоустроеннаго города, когда въ одинъ прекрасный день появился въ немъ челоуѣкъ, о которомъ никто ничего не зналъ: ни откуда онъ, ни кто онъ, ни что ему надо, ни чѣмъ онъ живетъ. Бургмистеръ видѣлъ его паспортъ—это такая бумага, которую каждый изъ насъ долженъ имѣть при себѣ.

— «Развѣ такъ безпокойно въ вашихъ городахъ», перебилъ одинъ изъ слушателей, «что требуется фирманъ султана, чтобъ устрашить разбойниковъ?»

— О, нѣтъ, господинъ, дѣло не въ томъ; бумаги эти воровъ не устрашаютъ, а просто требуются для порядка, чтобъ знать съ кѣмъ имѣешь дѣло. Ну, вотъ бургмистеръ осмотрѣлъ бумаги пріѣзжаго и выразился какъ-то у доктора въ гостяхъ, что бумаги всѣ въ порядкѣ, визированы отъ Берлина до нашего Грюнвизеля, но что все же тутъ что-то кроется. Пріѣзжій смотрѣлъ какъ-то подозрительно. Бургмистеръ пользовался большимъ почетомъ въ городкѣ; немудрено, что слава «личности подозрительной» такъ и осталась за незнакомцемъ. Образъ жизни послѣдняго дѣйствительно какъ бы оправдывалъ мнѣніе моихъ согражданъ. Онъ нанялъ себѣ за хорошую плату цѣлый домъ, стоявшій къ тому времени пустымъ, выписалъ цѣлую подводу разныхъ странныхъ приспособленій въ родѣ печей, очаговъ, большихъ тигелей и пр. и зажилъ въ полнѣйшемъ одиночествѣ. Онъ даже стряпалъ самъ и ни одна челоуѣческая душа въ его домъ не входила, кромѣ одного

старика, который закупалъ ему мясо, зелень и прочіе припасы. Но и того пускалъ только на порогъ и самъ выходилъ отбирать у него покупки.

Я былъ еще въ это время мальчишкою лѣтъ десяти и живо представляю себѣ тотъ переполохъ, который произвело въ городкѣ его появленіе. Онъ не выходилъ послѣ обѣда, какъ всѣ остальные, на кегельбанъ; не шелъ по вечерамъ въ гостинницу выкурить трубочку и поболтать о политикѣ. Напрасно приглашали его поочереді бургмистеръ, мировой судья, докторъ, пасторъ то къ обѣду, то на чашку кофе: онъ вѣжливо, но упорно отказывался. Одни считали его за сумасшедшаго, другіе за жида, третьи утверждали, что это безусловно колдунъ. Мнѣ исполнилось ужъ 18 лѣтъ, а иностранецъ все еще прозывался въ городѣ «чужой господинъ».

Случилось однажды, что въ городъ заѣхали фокусники съ учеными звѣрями. Это такой сборный народъ, у котораго имѣется верблюдъ, который кланяется, медвѣдь, который танцуетъ, нѣсколько собакъ, нѣсколько обезьянъ въ человѣческихъ костюмахъ. Всѣ они прыгаютъ, кривляются, дѣлаютъ всевозможные фокусы и выходятъ иногда очень забавно. Труппа ходитъ изъ города въ городъ, останавливается на площадяхъ и перекресткахъ; барабанъ гремитъ, дудка свиститъ, получается что-то невозможное и подъ эту музыку звѣри скачутъ и выдѣлываютъ свои штуки, а по окончаніи представленія собираютъ деньги подъ окнами. Въ нашей труппѣ особенно выдѣлялся орангутангъ почти человѣческаго роста. Онъ прекрасно ходилъ на заднихъ ногахъ и продѣлывалъ всякіе за-

бавные фокусы. Такое представлѣніе шло между прочимъ передъ домомъ «чужого господина». При первыхъ звукахъ барабана, за однимъ изъ потускнѣвшихъ отъ времени оконъ появилась недовольная старческая фizioномія; но мало-по-малу лицо прояснилось и скоро, ко всеобщему удивленію, голова незнакомца показалась изъ окна: онъ отъ души смѣялся надъ продѣлками орангъ-утанга! Да, онъ даже далъ за представлѣніе такую крупную монету, что весь городъ объ этомъ заговорилъ.

На слѣдующій день звѣринецъ покинулъ городъ. На верблюдѣ были привѣшены корзины, гдѣ сидѣли собаки и мелкія обезьяны, а погонщикъ и орангъ-утангъ шли пѣшкомъ за повозкою. Нѣсколько часовъ послѣ ихъ отъѣзда старый незнакомецъ послалъ на почту за каретою, чѣмъ привелъ въ неописуемое удивленіе почтмейстера, и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ города. Всѣ злились, что никому не было извѣстно, куда? Когда онъ вернулся, ночь уже наступила. Въ каретѣ сидѣлъ еще кто-то съ огромною шапкою, надвинутою на глаза, и шелковымъ платкомъ вкругъ рта и ушей. Караульный у воротъ счелъ нужнымъ освѣдниться насчетъ второго господина и потребовать его паспортъ; но онъ отвѣтилъ крайне грубо, пробормотавъ что-то на непонятномъ языкѣ.

— «Это мой племянникъ», сказалъ привѣтливо «чужой господинъ» привратнику, опуская ему въ руку нѣсколько монетъ. «Онъ еще плохо понимаетъ по нѣмецки. Онъ просто ругнулся на своемъ нарѣчій, что насъ долго задерживаютъ».

— Если это племянникъ вашей милости, отвѣчалъ

съ поклономъ привратникъ, онъ можетъ и безъ паспорта проѣхать. Вѣдь онъ, вѣрно, у васъ остановится?

— О, конечно! и пробудетъ довольно долго.—Привратникъ безпрепятственно пропустилъ карету и дядя съ племянникомъ вѣѣхали въ городокъ. Бургмистеръ и весь городъ негодовали на привратника. Вѣдь могъ бы онъ хоть запомнить нѣсколько словъ изъ того, что говорилъ племянникъ. По нимъ можно было бы сообразить къ какой національности принадлежать и онъ, и дядя. Но привратникъ могъ только объяснить, что это ни по французски, ни по италіански, а скорѣе по англійски; что молодой человекъ буркнулъ нѣчто вродѣ «Goddam!» Такъ выпутался изъ затрудненія привратникъ и по всему городку заговорили о молодомъ англичанинѣ.

Оказалось, что молодой англичанинъ былъ столь же невидимъ какъ дядя; но разговоровъ о немъ въ городѣ было не мало. Да и какъ было не говорить? Прежде домъ стараго чудака былъ нѣмъ какъ могила, теперь нерѣдко оттуда неслись такіе неистовые крики, такой страшный гамъ, что испуганные обыватели толпами сбѣгались къ дому и безъ стыда заглядывали въ окна. Видѣли, какъ молодой англичанинъ въ красномъ фракѣ и зеленыхъ брюкахъ, со всклокоченными волосами и разъяреннымъ лицомъ, съ невѣроятною быстротою мелькалъ передъ окнами, а дядя его въ красномъ халатѣ и хлыстомъ въ рукѣ бѣгалъ за нимъ по комнатамъ, часто промахивался, но иногда и попадалъ, судя по жалобнымъ крикамъ племянника. Женщины города прониклись такимъ состраданіемъ

къ несчастному юношѣ, что убѣдили бургмистра вмѣшаться въ дѣло. Тотъ написалъ «чужому господину» записку, гдѣ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ его въ истязаніи племянника и грозилъ взять юношу подъ свое особое покровительство.

Каково же было удивленіе бургмистра, когда, въ отвѣтъ на его записку, явился къ нему самъ «чужой господинъ», въ первый разъ послѣ десятилѣтняго пребыванія въ городѣ! Старикъ очень извинялся, что потревожилъ общество грубымъ обращеніемъ съ племянникомъ, но что онъ вынужденъ такъ поступать по просьбѣ родителей юноши; что племянникъ умный и милый молодой человѣкъ, но туго усваиваетъ языки. А, между тѣмъ, такъ необходимо обучить его нѣмецкому, чтобъ имѣть возможность современемъ представить его пріятному обществу Грюнви-зеля. Что подѣлаешь? иногда только силою заставишь его внимательнѣе относиться къ дѣлу! Бургмистеръ вполне согласился съ доводами любезнаго старичка, а вечеромъ всѣ въ пивной знали, что «чужой господинъ» самый милый и образованный человѣкъ; жаль только, что не приходится видѣть его въ обществѣ. «Но, терпѣніе, господа», закончилъ бургмистеръ, «какъ только племянникъ научится нѣмецкому языку, оба появятся на нашихъ собраніяхъ».

Случай этотъ совсѣмъ перемѣнилъ взгляды общества. Стали считать незнакомца образцомъ вѣжливости, жаждаютъ ближайшаго знакомства съ нимъ и перестали содрагаться, слыша крики въ старомъ домѣ. «А, вѣрно урокъ нѣмецкаго идетъ», говорили прохожіе и спокойно проходили.

Мѣсяца черезъ три обученіе нѣмецкому прекратилось; старикъ пошелъ дальше. Жилъ въ городѣ старый разслабленный французъ, который преподавалъ танцы молодежи. Чужой господинъ послалъ за нимъ и предложилъ обучать племянника танцамъ. Онъ любезно предупредилъ его, что племянникъ хотя и очень понятливъ, но довольно упрямъ во всемъ, что касается ученія. Къ тому же онъ раньше бралъ уроки у другого танцмейстера и тотъ обучилъ его турамъ окончательно непригоднымъ для общества; племянникъ же вообразилъ себя великимъ танцоромъ, хотя его танцы не представляли ни малѣйшаго сходства съ общепринятыми танцами. Танцмейстеру обѣщали теперь талеръ за часъ и онъ съ восторгомъ взялся обучать молодого сорванца.

Французъ потомъ увѣрялъ, что въ жизни ничего не видалъ забавнѣе этихъ уроковъ. Племянникъ, довольно высокій, стройный молодой человѣкъ, хотя ноги его были нѣсколько коротки, — появлялся въ красномъ фракѣ, надушенный, завитой, въ зеленыхъ штанахъ и перчаткахъ глянсе. Онъ говорилъ мало и съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ и сначала былъ всегда очень милъ и приличенъ; потомъ начиналъ дурачиться, скакать, вертѣлся какъ изступленный и выкидывалъ такіе антраша, что у танцмейстера духъ занимало. Когда тотъ хотѣлъ его остановить, племянникъ швырялъ въ голову французу башмакъ, а самъ на четверенкахъ кружился по комнатѣ. Въ такихъ случаяхъ внезапно появлялся старикъ въ широкомъ красномъ халатѣ, съ ермолкою изъ золотой бумаги на головѣ и хлыстомъ въ рукѣ. Племянникъ

начиналъ выть, прыгалъ по столамъ и комодамъ, взбирался даже на подоконники и что-то мычалъ на какомъ-то странномъ языкѣ. Старикъ въ красномъ халатѣ не смущался, стаскивалъ его за ногу, стегалъ хлыстомъ и поправлялъ ему галстухъ; послѣ этого племянникъ утихалъ и урокъ танцевъ продолжался безпрепятственно.

Когда же танцмейстеръ довелъ воспитанника до того, что тотъ могъ танцевать подъ музыку, племянникъ преобразился. Пригласили музыканта. Его усаживали на столъ. Танцмейстеръ изображалъ изъ себя даму и надѣвалъ шелковую юбку и остъ-индскую шаль; племянникъ подходилъ къ нему съ приглашеніемъ и начиналъ вальсировать. Это былъ неутомимый танцоръ, надо сказать; онъ не выпускалъ танцмейстера изъ своихъ цѣпкихъ объятій; какъ тотъ не кряхтѣлъ, не стоналъ и не вырывался, онъ долженъ былъ танцевать, пока не падалъ, или пока у музыканта не сводило рукъ отъ усталости. Француза эти уроки совсѣмъ изводили, но талеръ, который аккуратно выплачивалъ ему старикъ, и вино, которымъ онъ каждый разъ подчивалъ его, производили надлежащее дѣйствіе; танцмейстеръ каждый день клялся покинуть несноснаго ученика и каждое утро возвращался къ нему.

Добродушные обыватели Грюнвизеля смотрѣли на дѣло иначе, чѣмъ старикъ-французъ. Они находили, что молодой человѣкъ прямо созданъ для жизни въ обществѣ, а дамы и дѣвицы, вздыхавшія о недостаткѣ мужчинъ на балахъ, радовались такому ловкому танцору.

И вотъ, однажды, служанки, возвращаясь съ рынка, доложили своимъ господамъ о необыкновенномъ событіи. Передъ домомъ «чужого господина» стояла роскошная карета съ чудными лошадьми и лакей въ красной ливреѣ держалъ подножку. Всѣ видѣли какъ двери дома растворились и оттуда вышло двое господъ. Одинъ, постарше, былъ дядя, а другой, вѣроятно, племянникъ, что такъ туго обучался языку и такъ бѣшено танцевалъ. Оба вошли въ карету, дверцы захлопнулись и карета—ну, кто бы это ждалъ—покатила прямо къ дому бургомистра.

Такое сообщеніе переполошило всѣхъ хозяекъ. Мигомъ всѣ сбросили фартуки, стащили не совсѣмъ чистые чепцы и привели себя въ порядокъ. Въ домахъ поднялась кутерьма, разставляли, прибирали, подчищали все въ гостиныхъ. «Несомнѣнно», говорили во всѣхъ семьяхъ, «несомнѣнно, чужой господинъ поднялся вывозить въ свѣтъ племянника. Старый чудакъ десять лѣтъ не могъ носа никуда показать; ну, да простится ему вина ради племянника: тотъ, говорятъ, прелестный молодой человѣкъ».

Всюду не могли нахвалиться рѣдкими гостями. Старикъ дядя оказался очень достойнымъ, очень разумнымъ господиномъ; онъ только какъ-то странно посмѣивался, когда говорилъ, такъ что нельзя было сказать серьезно ли онъ говорить или нѣтъ; но въ общемъ онъ разговаривалъ обо всемъ, о погодѣ, о мѣстности, о лѣтнихъ увеселеніяхъ въ горахъ и все такъ пріятно, такъ прочувственно, что всѣ были очарованы. Но племянникъ! Тотъ очаровалъ съ перваго взгляда всѣ сердца. Назвать красивымъ его было

нельзя; нижняя часть лица, особенно подбородокъ, какъ-то черезчуръ сильно выступала, да и цвѣтъ лица былъ смугловатъ; кромѣ того, его портила странная гримаса: онъ какъ-то изрѣдка щурилъ глаза и чавкалъ зубами. Въ общемъ же находили его довольно интереснымъ. Но фигура! Это было одно движеніе, одна грація. Платье не сидѣло, а какъ-то особенно красиво висѣло на немъ; онъ не ходилъ, а носился по комнатамъ, то бросался на софу, то разсаживался въ креслѣ, далеко выставивъ ноги. Это могло бы считаться, пожалуй, неприличнымъ для всякаго другого молодого человѣка, но на всемъ лежалъ такой отпечатокъ геніальности! «Вѣдь онъ англичанинъ», говорили всѣ, «вѣдь они всѣ такъ: англичанинъ спокойно разляжется и вздремнетъ на диванѣ, нимало не смущаясь, что десять дамъ стоятъ изъ-за него; англичанину такихъ мелочей нельзя ставить въ упрекъ. Посмотрите, какъ онъ предупредителенъ съ дядей». И дѣйствительно, достаточно было взгляда дяди, чтобъ остановить разшалившагося племянника, когда тотъ начиналъ подсказывать по комнатѣ или забираться съ ногами на диванъ; да и какъ тутъ винить его, когда дядя въ каждомъ домѣ повторялъ, обращаясь къ хозяйкѣ съ обворожительною улыбкою: «Племянникъ немного грубъ и невоспитанъ, но, надѣюсь, вы не откажетесь принять его подъ свое особое покровительство; онъ не можетъ не измѣниться подъ такимъ благотворнымъ вліяніемъ».

Такъ былъ введенъ въ свѣтъ знаменитый племянникъ и весь Грюнвизель нѣкоторое время ни о чемъ другомъ не говорилъ. Старый господинъ на этомъ не

остановился; онъ, казалось, въ корень измѣнилъ свои убѣжденія и образъ жизни. Послѣ обѣда онъ отправлялся съ племянникомъ въ горы, въ погребокъ, гдѣ собиралось все избранное общество, пили пиво, играли въ кегли. Племянникъ и тутъ оказался несравненнымъ: онъ никогда не сбивалъ меньше пяти или шести. Только на него иногда нападалъ какой-то странный капризъ: онъ вдругъ бросался за шаромъ прямо въ кегли и съ грохотомъ всѣ ихъ разшвыривалъ; или, собьетъ короля и отъ радости живо голову внизъ, а ноги вверхъ и перекувырнется. Или, не успѣютъ оглянуться, онъ ужъ гдѣ-нибудь на козлахъ рядомъ съ зазѣвавшимся кучеромъ; сидитъ и строитъ всѣмъ гримасы.

Старикъ дядя всегда въ такихъ случаяхъ вѣжливо извинялся передъ обществомъ за повѣсу; но всѣ смѣялись, приписывали все юношескому пылу, увѣряли, что въ его возрастѣ сами были не лучше, и всѣ страшно любили веселаго «кузнечика», какъ его называли.

Были, впрочемъ, минуты, когда на него злились и всетаки ничего не смѣли сказать, такъ какъ племянникъ всюду слылъ образцомъ ума и воспитанія. Старикъ приходилъ иногда съ племянникомъ въ гостиницу «Золотой Олень». Хотя племянникъ былъ еще очень юнъ, онъ уже велъ себя какъ старикъ; надѣвалъ огромныя очки, вытаскивалъ здоровую трубку и курилъ, курилъ больше, чѣмъ всѣ остальные. Заходили разговоры о политикѣ; бургомистеръ выражалъ одно мнѣнiе, докторъ другое; всѣ удивлялись глубинѣ ихъ познанiй, а племяннику вдругъ впадетъ на

умъ совсѣмъ противоположное мнѣніе: вскочить, ударить рукой по столу и очень ясно дать понять бургмистеру и доктору, что они ровно ничего не смыслятъ, что онъ все лучше знаетъ. Начнетъ что-то такое болтать на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, всѣ слушаютъ съ восторгомъ, къ великой досадѣ бургмистера. Кому же и знать все, какъ не англичанину?

Бывало и такъ: сядутъ бургмистеръ съ докторомъ за шахматы; подсядетъ къ нимъ племянникъ, смотреть своими огромными очками черезъ плечо бургмистера, заглянетъ къ доктору, подаетъ совѣты, представляетъ фигуры, путаетъ ходы, однимъ словомъ, доводитъ игроковъ до остервененія. Предложить ему послѣ этого бургмистеръ сыграть партію, чтобъ разбить забіяку въ пухъ и прахъ, тотъ сейчасъ согласится; старикъ дядя подтянетъ ему галстухъ, племянникъ остепенится и играетъ такъ, что дѣлаетъ мать бургмистеру.

До того времени всѣ въ Грюнвизелѣ играли почти каждый день въ карты «по маленькой»; племянникъ нашелъ это глупымъ, выбрасывалъ талеры и дукаты, увѣрялъ, что никто не играетъ такъ, какъ онъ. Впрочемъ, ему легко прощали: онъ проигрывалъ огромныя суммы. Никто не стѣснялся обыгрывать его: «Вѣдь онъ англичанинъ, такъ богатъ отъ природы», говорили всѣ и спокойно укладывали деньги въ карманъ.

Слава о племянникѣ разнеслась по всѣмъ окрестностямъ. Никто съ незапамятныхъ временъ не помнилъ такого чуднаго молодого человѣка и при томъ такого оригинальнаго. Знаніями онъ не отличался; о латыни и греческомъ понятія не имѣлъ; пришлось ему писать

что-то во время игры и оказалось, что онъ имени своего подписать не умѣетъ; по географіи онъ былъ совсѣмъ невѣжда; онъ ничего не читалъ, ни-чему не учился и пасторъ покачивалъ головою, говоря о юношѣ. Но все, что онъ дѣлалъ или говорилъ, всѣ находили прекраснымъ; онъ тоже считалъ себя умнѣе всѣхъ и каждая его рѣчь кончалась словами: «Я это лучше знаю!»

Настала, наконецъ, зима и тутъ-то племянникъ оказался во всей славѣ. Всякое общество казалось очень скучное, когда его тамъ не было, всякое разумное слово встрѣчалось зѣвкомъ; а когда племянникъ раскрывалъ ротъ и болталъ пустяки на своемъ ломаномъ языкѣ, все обращалось въ слухъ. Говорили, что молодой человѣкъ поэтъ, онъ иногда вытаскивалъ изъ кармана бумажку и читалъ стихотвореніе. Были люди разумные, которые увѣряли, что иные стихи плохи и безъ смысла, другіе откуда-то взяты; но племянникъ не смущался, читалъ себѣ и читалъ и каждый разъ вызывалъ бурные аплодисменты.

Тріумфомъ племянника были балы. Какъ танцоръ онъ былъ прямо недосыгаемъ; никто не могъ танцовать съ такою стремительностью и неутомимостью, никто не дѣлалъ такихъ смѣлыхъ и необычайно изящныхъ прыжковъ. При этомъ дядя не скупился на его одежду; онъ былъ всегда одѣтъ нарядно и по самой послѣдней модѣ. Платье не особенно гладко сидѣло на немъ, но всѣ находили, что онъ всегда очарователенъ. Находили это главнымъ образомъ дамы; мужчины же нерѣдко негодовали. Прежде бывало бургомистеръ открывалъ балъ, а знатнѣйшимъ моло-

дымъ. людямъ предоставлялось право устраивать остальныя танцы. Теперь же все пошло иначе. Племянникъ, не дожидаясь никого, бралъ за руку ближайшую даму, становился съ нею впереди всѣхъ, дѣлалъ все такъ, какъ ему вздумается, и невольно дѣлался распорядителемъ бала. Женщинамъ это нравилось, значитъ — мужчинамъ оставалось только молчать и никто не оспаривалъ у племянника произвольно присвоеннаго права.

Такіе балы доставляли, повидимому, несказанное удовольствіе старому господину: онъ глазъ не сводилъ съ племянника, все время самъ себѣ улыбался, а когда подходили къ нему поздравлять съ такимъ милымъ, благовоспитаннымъ юношей, старикъ прямо собою не владѣлъ отъ восторга, начиналъ хохотать и вообще велъ себя дуракомъ. Горожане приписывали такія странныя выходки необычайной любви дяди къ племяннику и умилялись ею. Приходилось иногда дядѣ журить по отечески милого повѣсу. Случалось, напримѣръ, что вдругъ среди танцевъ племянникъ неожиданно бросался въ сторону, вскакивалъ на эстраду къ музыкантамъ, выхватывалъ контрабасъ у органиста и принимался отчаянно пилить на немъ; или неожиданно бросался на голову и танцевалъ ногами вверхъ. Тогда дядя отводилъ его въ сторону, дѣлалъ строгій выговоръ и нѣсколько поправлялъ галстухъ, послѣ чего юноша смирялся.

Вотъ какъ велъ себя племянникъ въ обществѣ и на балахъ. Но, къ сожалѣнію, не разъ замѣчалось, что плохія привычки прививаются скорѣе, чѣмъ хорошія, и всякая новая, хотя бы забавная, мода страшно

заразительно дѣйствуетъ на молодежь. Такъ случилось и тутъ. Странныя манеры племянника не могли не отозваться на окружающихъ. Увидѣла молодежь, что его неуклюжее обращеніе, грубый смѣхъ, безтолковая болтовня, полное пренебреженіе къ старшимъ, все это вмѣняется не въ вину, а въ добродѣтель, даже многіе находятъ это чуть не гениальнымъ. «Ну, такой-то гениальностью быть не трудно!» сообразили остальные молодые люди. Раньше нѣкоторые изъ нихъ учились, занимались прилежно. «Къ чему всякая премудрость, когда съ невѣжествомъ дальше уйдешь?» заговорили теперь. Молодежь побросала книги и стала вертѣться съ утра до вечера на площадяхъ и улицахъ. Раньше молодые люди вели себя вѣжливо со всѣми, ждали, чтобъ ихъ спросили, прежде чѣмъ подавать свой совѣтъ, теперь сочли себя взрослыми, болтали вкривь и вкосъ, всюду совались со своимъ мнѣніемъ, смѣялись прямо въ носъ бургомистеру и увѣряли, что все знаютъ лучше его.

Прежде молодежь всячески протестовала противъ грубыхъ манеръ. Теперь находили пристойнымъ распѣвать невозможныя пѣсни, курить трубку, толкаться по простымъ кабакамъ; даже очковъ себѣ накупили, хотя всѣ превосходно видѣли, насаживали ихъ на носъ и воображали себя интересными, такъ какъ походили на знаменитаго племянника. Дома или въ гостяхъ они забирались съ ногами на диваны, качались на стулѣ, ложились съ локтями на столъ, что считалось особенно восхитительнымъ. Напрасно ихъ матери и друзья пробовали доказывать, что все это глупо и неприлично; юноши ссылались на блестящій

примѣръ племянника. Но, представляли имъ, племянникъ англичанинъ, англичанину можно простить извѣстную національную грубость. Молодежь ничего слышать не хотѣла и утверждала, что не хуже всякаго англичанина имѣеть право на геніальную невоспитанность. Однимъ словомъ, до отчаянія было жалко смотрѣть, какъ соблазнительный примѣръ племянника испортилъ нравы и скромныя привычки мирныхъ горожанъ.

Къ счастью, недолго продолжался грубый, разнузданный образъ жизни молодыхъ грюнвизельцевъ. Зимній сезонъ предполагалось закончить большимъ концертомъ, въ которомъ принимали участіе не только городскіе музыканты, но и искусные любители Грюнвизеля. Бургмистеръ игралъ на віолончели, докторъ на фаготѣ, аптекарь, хотя и безъ особаго таланта, на флейтѣ; нѣсколько барышень разучили романсы и все шло прекрасно. Только старый господинъ замѣтилъ, что недостаетъ дуэта, а дуэтъ почти необходимая принадлежность всякаго порядочнаго концерта. Такое заявленіе всѣхъ разстроило. Какъ теперь горю пособить? Дочь бургмистера пѣла какъ соловей, но гдѣ достать мужской голосъ? Подумывали было пригласить стараго органиста: у него когда-то былъ чудный басъ. Но старый господинъ заявилъ, что этого совсѣмъ не нужно, что у его племянника очаровательный голосъ. Пригласили молодого человѣка пропѣть что-то; манеры, какъ всегда, были немного странны, но пѣніе вызвало восторгъ. Дуэтъ некогда было разучивать; выбрали что-то, по увѣренію дяди, извѣстное его племяннику. Насталъ знаме-

нательный день концерта; грюнвизельцы приготовились восторгаться.

Старый господинъ, къ великому сожалѣнію своему, не могъ присутствовать при триумфѣ племянника, такъ какъ былъ нездоровъ. Онъ далъ бургомистру нѣсколько указаній относительно юноши. «Племянникъ мой добрый малый», сказалъ онъ, «но на него нападаютъ разныя странныя фантазіи и онъ начинаетъ дурачиться; вотъ потому-то особенно непріятно, что я не могу присутствовать при концертѣ; при мнѣ-то онъ сдерживается, онъ уже знаетъ почему! Впрочемъ, надо къ чести его сказать, что тутъ дѣло не въ умственной, а въ физической его природѣ, органической, такъ сказать, недостатокъ. Пожалуйста, будьте такъ добры, господинъ бургомистеръ, если на него нападетъ чтонибудь такое—сядетъ вдругъ на пюпитеръ, захватитъ контрабасъ или что либо подобное—отпустите ему немного высокій галстухъ и даже, если онъ не успокоится, совсѣмъ снимите его; вы увидите, какъ онъ сразу притихнетъ.

Бургмистеръ благодарилъ больного за довѣріе и обѣщалъ сообразоваться съ его указаніями.

Концертный залъ былъ биткомъ полонъ; тамъ собрался весь городокъ и окрестности. Всѣ охотники, пасторы, чиновники, помѣщики, всѣ явились съ семьями наслаждаться музыкою. Музыканты сыграли на славу; за ними выступилъ бургомистеръ съ своею виолончелью, аптекарь съ флейтою. Органистъ пропѣлъ басовую арію при всеобщемъ одобреніи; немало рукоплесканій досталось и на долю доктора съ его факготомъ.

Первое отдѣленіе прошло благополучно; напряженно ждали второго, гдѣ выступала дочь бургмистера съ молодымъ англичаниномъ. Послѣдній только что появился въ блестящемъ нарядѣ и сразу привлекъ вниманіе публики. Онъ преспокойно усѣлся въ великолѣпное кресло, приготовленное для одной пріѣзжей графини, вытянулъ ноги во всю длину, безцеремонно разглядывалъ публику въ огромный бинокль и все время игралъ съ чудною собакою, которую привелъ съ собою, несмотря на запрещеніе вводить собакъ въ залу. Явилась графиня, для которой было приготовлено кресло, но племянникъ не высказалъ ни малѣйшаго желанія уступить ей мѣсто; знатной дамѣ пришлось скромненько сѣсть на обыкновенный соломенный стулъ среди прочихъ дамъ. Нельзя сказать, чтобъ она была довольна!

Во время нѣжной игры бургмистера, величественной аріи органиста, красивой фантазіи доктора на фэготѣ, племянникъ не слушалъ, затаивъ дыханіе, какъ остальная публика. Онъ все время игралъ съ собакою, заставлялъ ее носить поноску или болталъ съ сосѣдями. Всѣ, кто не зналъ молодого человѣка, были поражены его странными манерами.

Немудрено, что всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его дуэта. Началось второе отдѣленіе; оркестръ что-то проигралъ, потомъ бургмистёръ взялъ дочь за руку, подвелъ ее къ юношѣ и сказалъ, подавая ему ноты:

«Молодой другъ, не угодно ли будетъ вамъ начать?» Молодой человѣкъ захохоталъ, чавкнулъ зубами, вскочилъ и бросился на эстраду. Органистъ сталъ отбивать тактъ и подаль знакъ начинать. Пле-

мянникъ заглянулъ черезъ очки въ ноты и испустилъ пронзительный звукъ. «Два тона ниже, голубчикъ, два тона ниже!» крикнулъ ему органистъ.

Но, о, ужасъ! Племянникъ скинулъ башмакъ и швырнулъ имъ въ голову органисту, да такъ ловко, что пудра облакомъ взвилась. Видя это, бургмистеръ подумалъ: «Ай, ай, это его органическій припадокъ», бросился къ нему, схватилъ за шею и отпустилъ немного галстухъ. Молодому человѣку только хуже стало. Онъ уже заговорилъ не на нѣмецкомъ языкѣ, а на какомъ-то странномъ, котораго никто не понималъ, и пустился въ припрыжку по залѣ. Бургмистеръ былъ въ отчаяннѣйшій отъ такой неожиданной помѣхи; онъ рѣшилъ совсѣмъ снять галстухъ съ молодого человѣка; съ тѣмъ, очевидно, приключилось что-то особенное.

Но не успѣлъ онъ прикоснуться къ нему, какъ отскочилъ въ ужасѣ: вмѣсто человѣческой кожи вкругъ шеи оказался темнобурый мѣхъ! А племянникъ скакалъ все выше и выше, залѣзъ своими чудными перчатками—онъ никогда не снималъ ихъ—въ волосы, рванулъ ихъ... Завитой парикъ полетѣлъ въ лицо бургмистеру, а на головѣ племянника показался тотъ же бурый мѣхъ.

Онъ скакалъ черезъ столы и скамьи, опрокидывалъ попитры, топталъ скрипки и кларинеты, однимъ словомъ, вертѣлся какъ бѣшеный. «Ловите его, ловите!» кричалъ въ изступленнѣйшій бургмистеръ, «онъ съ ума сошелъ, ловите его скорѣе!»

Не тутъ-то было! Племянникъ стащилъ перчатки, а подъ перчатками оказались когти, которыми онъ

всѣхъ хваталъ за лицо и пребольно царапалъ. Наконецъ, одному охотнику удалось овладѣть имъ. Онъ схватилъ его за руки и прижалъ такъ, что тотъ только ногами дрыгалъ и кричалъ хриплымъ голосомъ. Вокругъ собралась толпа; всѣ смотрѣли на страннаго молодого человѣка, который теперь совсѣмъ не походилъ на человѣка. Подошелъ вмѣстѣ съ другими одинъ господинъ, очень ученый, у котораго былъ свой естественно-историческій кабинетъ и всевозможныя чучела; подошелъ ближе, внимательно осмотрѣлъ его и воскликнулъ: «Господи! да какъ вы это допустили звѣря въ свое почтенное общество, милостивые государи и государыни? Вѣдь это обезьяна, Homo Troglodytes Linnaei, отдайте мнѣ его, сейчасъ шесть талеровъ дамъ и набью изъ него чучело для кабинета.

Какъ описать негодованіе горожанъ! «Что? Обезьяна? Орангъ-утангъ въ нашемъ обществѣ? Молодой англичанинъ простая обезьяна?» кричали всѣ. Никто и вѣрить не хотѣлъ, никто ушамъ своимъ не довѣрялъ. Мужчины бросились осматривать племянника: онъ былъ и остался самою естественною обезьяною.

«Но это прямо невозможно!» кричала бургомистерша. Сколько разъ онъ мнѣ стихи читалъ? Сколько разъ онъ, какъ самый настоящій человѣкъ, обѣдалъ у насъ?»

«Что?» волновалась докторша. «Да вѣдь онъ пилъ и ѣлъ съ нами, не разъ курилъ и спорилъ съ моимъ мужемъ».

«Да что вы, какъ это возможно!» вступались мужчины: «вѣдь онъ въ кегли не разъ съ нами игралъ,

не разъ какъ равный съ равными спорилъ о политикѣ».

«Не можетъ быть», чуть не плакали дѣвицы. «Да вѣдь онъ на всѣхъ нашихъ балахъ танцевалъ! Обезьяна, обезьяна! Это просто навожденіе какое-то!»

«Да, да, дьявольское навожденіе и колдовство», сказалъ бургмистеръ, подавая галстухъ племянника. «Посмотрите, все волшебство въ этомъ платкѣ и чрезъ него онъ всѣмъ намъ сталъ милъ. Видите, тамъ эластичный пергаментъ, а на немъ странные знаки. Полагаю, что по латыни; кто съумѣетъ прочесть?»

Главный пасторъ, человѣкъ очень образованный, который не разъ игралъ въ шахматы съ несчастною обезьяною, подошелъ, прочелъ пергаментъ и сказалъ:

«Весьма забавна обезьяна,
Подчасъ какъ яблоки грызетъ».

«Да, да, это чертовскій обманъ, почти колдовство», продолжалъ онъ, «и подлежитъ строгому наказанію!»

Бургмистеръ былъ того же мнѣнія и тотчасъ же направился къ дому стараго господина. За нимъ шесть солдатъ несли обезьяну. Рѣшено было тотчасъ же допросить незнакомца.

Около пустыннаго дома собралась огромная толпа. Каждый хотѣлъ видѣть, чѣмъ дѣло кончится. Звонили, стучали въ дверь; отвѣта не было, никто не показывался. Тогда бургмистеръ приказалъ выломать дверь и вошелъ въ домъ. Въ домѣ тоже ничего не нашли, кромѣ разнаго стараго хлама. Незнакомецъ пропалъ безъ вѣсти. Только на рабочемъ столѣ лежалъ большой запечатанный пакетъ на имя бургмистра. Взбѣшенный бургмистеръ прочелъ слѣдующее:

«Милые мои Грюнвизельцы! Когда вы это прочтете, меня уже не будетъ въ городѣ, а къ тому времени вы уже успѣете обстоятельно узнать, къ какому роду и племени принадлежитъ мой милый племянникъ. Примите продѣланную мною надъ вами шутку какъ добрый урокъ не тащить къ себѣ насильно въ общество человѣка, разъ онъ желаетъ жить самъ по себѣ. Я считалъ для себя неудобнымъ выносить вашу вѣчную болтовню, ваши странные нравы, вашъ забавный образъ жизни. Вотъ почему я воспиталь на свое мѣсто молодого орангъ-утанга, который вамъ пришелся такъ по душѣ. Будьте здоровы и да пойдетъ вамъ на пользу мой урокъ».

Непріятно было горожанамъ выставить себя въ такомъ свѣтѣ передъ сосѣдями. Они утѣшались мыслью, что тутъ не обошлось безъ нечистой силы. Особенно стыдно было молодежи, перенявшей всѣ изысканныя манеры обезьяны. Теперь ужъ пошло не то: они не разставляли болѣе локтей на столѣ, не качались въ креслѣ, умѣли молчать, когда ихъ не спрашивали, бросили очки и стали скромны и воспитаны какъ прежде. Когда же кто снова принимался за старое, всѣ смѣялись и говорили: «Вотъ обезьяна!» Обезьяна же, такъ долго игравшая роль молодого человѣка, была отдана ученому. Онъ пускаетъ ее бѣгать по двору, кормить ее и показываетъ какъ рѣдкость пріѣзжимъ. Можетъ и теперь еще орангъ-утангъ благополучно здравствуетъ.

Громкій хохотъ прокатился по залѣ; наши молодые люди смѣялись съ остальными. «Презабавный на-

родъ эти франки и, право, пріятнѣе жить съ нашими шейхами и муфти въ Александріи, чѣмъ съ ихъ бургомистрами, пасторами и глупыми женщинами въ Грюнвизелѣ!»

«Истину высказалъ, другъ», вставилъ молодой купецъ. «Не желалъ бы я умирать въ странѣ невѣрныхъ. Франки грубый, дикій народъ и для образованнаго перса или турка должно быть ужасно жить тамъ».

«А вотъ увидите», сказалъ старикъ, «судя по словамъ смотрителя, вотъ тотъ красивый молодой человѣкъ разскажетъ намъ о Франкистанѣ. Онъ долго жилъ тамъ, хотя по рожденію мусульманинъ».

«Какъ, тотъ, который сидитъ послѣднимъ въ ряду? Право, грѣхъ, что шейхъ такого отпускаетъ! Вѣдь это красивѣйшій невольникъ во всей странѣ. Взгляните на это оживленное лицо, смѣлый взоръ, стройный станъ. Ему можно дать самую легкую обязанность, хотя бы, напр., опахальщика или хранителя трубки. Такая служба совсѣмъ пустяки, а вѣдь такой невольникъ украшеніе всего дома. И только вчера купленъ и сегодня уже отпускаютъ? Это прямо глупость, безуміе!»

«Перестаньте осуждать его, его, мудрѣйшаго во всемъ Египтѣ», сказалъ старикъ. «Я уже вамъ объяснялъ: онъ отпускаетъ невольника, чтобъ снискать благословеніе Аллаха. Вы находите, что этотъ невольникъ такъ красивъ и статенъ? Да вѣдь сынъ шейха былъ прелестный мальчикъ и теперь тоже, вѣроятно, статенъ и красивъ, если Аллахъ сохранилъ его въ живыхъ. Что-жь? По вашему, разумнѣе беречь деньги

и отпускать на волю старыхъ разслабленныхъ невольниковъ? Кто что-нибудь дѣлаетъ на семъ свѣтѣ, тотъ лучше пусть ничего не дѣлаетъ или дѣлаетъ хорошо».

«Посмотрите, шейхъ глазъ не сводить съ этого невольника. Я весь вечеръ слѣжу за нимъ. Пока другіе рассказывали, онъ нерѣдко отводилъ взоръ въ ту сторону и подолгу всматривался въ благородныя черты вольноотпущенника. Можетъ, все же сердце болитъ у него немного, отпуская его?»

«И зачѣмъ такъ думать о человѣкѣ! Неужели значать что-нибудь для него тысячу томановъ, для него, который ежедневно тратитъ втрое. Онъ, можетъ, смотрѣлъ на юношу и мечталъ о своемъ сынѣ, который изнываетъ на чужбинѣ; онъ думаетъ, найдется ли тамъ сострадательный человѣкъ, который доставитъ его на родину».

«Пожалуй, ты правъ, старикъ», согласился молодой купецъ. «Мнѣ совѣстно, что я всегда какъ-то склоненъ видѣть въ людяхъ все пошлое и неблагородное, а ты, напротивъ, во всемъ находишь хорошую сторону. А все-таки, согласись, люди въ общемъ скверны, не такъ ли, старичина?»

«Вотъ именно потому, что я этого не нахожу, я и думаю о людяхъ хорошо. Прежде со мною было то же, что теперь и съ вами. Жилъ я изо дня въ день; много слышалъ о людяхъ дурного, многое на себѣ испыталъ и сталъ считать всѣхъ людей дурными. Но, пришло мнѣ на умъ, Аллахъ такъ же мудръ, какъ благъ, какъ же онъ терпитъ, чтобъ такой испорченный родъ жилъ на землѣ? Сталъ я думать о томъ,

что видѣлъ, что пережилъ, и что же оказалось? я считался только со зломъ, а доброе забывалъ. Я не придавалъ значенія какомунибудь дѣлу милосердія; я считалъ только естественнымъ, когда кто жилъ по совѣсти и вполне добродѣтельно. А все злое и дурное я тотчасъ же примѣчалъ. Сталъ смотрѣть я на дѣло другими глазами. Меня радовало, что добро совсѣмъ не такъ рѣдко, какъ казалось мнѣ сначала; я сталъ меньше замѣчать злое или совсѣмъ не замѣчать его. И я научился любить людей, научился хорошо думать о нихъ и, право, я въ теченіе долгихъ лѣтъ рѣже ошибался, когда хорошо отзывался о комънибудь, чѣмъ когда предполагалъ въ комъ всевозможные недостатки.

Тутъ подошелъ къ старику смотритель и сказалъ: «Господинъ мой, шейхъ Александрии, Али-Бану, съ удовольствіемъ увидѣлъ васъ въ залѣ и проситъ васъ пройти къ нему и сѣсть рядомъ съ нимъ».

Молодые люди были поражены неожиданною честью, выпавшею на долю ихъ невзрачнаго знакома; они приняли его за нищаго. Когда старикъ удалился, молодые люди задержали смотрителя и спросили, кто этотъ человѣкъ?

«Какъ», воскликнулъ тотъ, всплеснувъ руками, «вы не знаете, кто онъ?»

«Нѣтъ, понятія не имѣемъ».

«Да я видѣлъ не разъ, какъ вы разговаривали съ нимъ на улицѣ, и даже шейхъ это замѣтилъ и недавно сказалъ: «Вѣрно это хорошіе молодые люди, что такой человѣкъ удостоиваетъ ихъ разговоромъ».

«Такъ скажи же, кто онъ!» воскликнулъ нетерпѣливо купецъ.

«Подите вы, вы меня просто морочите», отвѣчалъ смотритель. «Сюда никто не попадаетъ, кромѣ тѣхъ, кто лично приглашенъ, а старикъ сегодня послалъ сказать шейху, что просить разрѣшенія привести нѣсколько знакомыхъ молодыхъ людей, на что шейхъ отвѣтилъ, что старикъ можетъ располагать его домомъ какъ своимъ собственнымъ».

«Не томи насъ такъ долго неизвѣстностью. Клянусь жизнью, я не знаю кто онъ; мы случайно познакомились съ нимъ и говорили съ нимъ».

«Ну, такъ счастливы же вы! Вы говорили съ самымъ мудрымъ, самымъ знаменитымъ человѣкомъ Александріи и всѣ присутствующіе завидуютъ вамъ и чтутъ васъ за это. Это никто другой какъ Мустафа, ученый дервишъ».

«Мустафа! мудрый Мустафа, который воспитывалъ сына шейха, написалъ такъ много ученыхъ книгъ, совершилъ такъ много путешествій по всѣмъ частямъ свѣта? Это мы съ нимъ говорили? И говорили безъ всякаго почтенія, какъ со своимъ человѣкомъ?»

Молодые люди продолжали разговаривать между собою. Они чувствовали себя крайне польщенными, что такой знаменитый человѣкъ удостоилъ ихъ своимъ вниманіемъ и даже не разъ снисходилъ спорить съ ними. И вдругъ снова подошелъ смотритель, на этотъ разъ прямо къ нимъ, и пригласилъ ихъ слѣдовать за нимъ къ шейху. У юношей сильно забилось сердце. Никогда еще не приходилось имъ говорить съ такимъ знатнымъ господиномъ даже наединѣ,

тѣмъ болѣе на глазахъ цѣлаго общества. Они собрались съ духомъ, чтобы не разыграть изъ себя дураковъ, и пошли. Али-Бану сидѣлъ на богатой подушкѣ и пилъ шербетъ. По правую руку отъ него сидѣлъ старикъ дервишъ; его невзрачная одежда раскинулась на роскошныхъ подушкахъ, изношенные сандалии стояли на чудномъ персидскомъ коврѣ; но достаточно было взглянуть на благородныя черты и полный спокойный мудрости взоръ старика, чтобъ понять, что ему по праву принадлежитъ первое мѣсто.

Шейхъ смотрѣлъ печально, а старикъ, казалось, убѣждалъ его быть бодрѣе. Молодые люди заподозрили, что ихъ призывъ къ шейху не болѣе какъ хитрость старика: ему вѣрно хотѣлось доставить небольшое развлеченіе тоскующему шейху.

«Добро пожаловать, молодые люди», сказалъ шейхъ, «добро пожаловать въ домъ Али-Бану. Мой старый другъ доставилъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ здѣсь, но мнѣ жаль, что онъ раньше не познакомилъ меня съ вами. Кто изъ васъ молодой писецъ?»

«Это я, господинъ! весь къ вашимъ услугамъ!» отвѣчалъ юноша, скрестивъ руки на груди и низко кланяясь.

«Ты любитель всякихъ разсказовъ и охотно читаешь книги съ хорошими стихами и изрѣченіями?»

Молодой человѣкъ покраснѣлъ. «О, господинъ, для себя лично я лучшаго занятія не знаю; оно развиваетъ умъ и сокращаетъ время. Но вѣдь у каждаго свой вкусъ, я совсѣмъ не осуждаю тѣхъ...»

«Хорошо, хорошо», остановилъ его съ улыбкою шейхъ и обратился къ слѣдующему.

«Ты кто?» спросилъ онъ.

«Господинъ, я по должности помощникъ врача и самъ уже нѣкоторыхъ лѣчилъ».

«Такъ. И ты тотъ, который любить пріятную жизнь? Тебѣ бы нравилось устраивать пиры для друзей и вообще веселиться съ ними? Такъ вѣдь, я угадалъ?»

Молодой человѣкъ былъ сильно смущенъ; онъ видѣлъ, что старикъ предалъ его. «Да, господинъ», отвѣчалъ онъ, оправившись, «я считаю въ числѣ благъ земныхъ возможность повеселиться изрѣдка съ друзьями. Средства мои не велики и ихъ хватаетъ лишь на такое угощеніе какъ арбузы или другія дешевыя лакомства; но это нашему веселью не мѣшаетъ, такъ, значить, намъ было бы еще веселѣе, будь у меня больше денегъ».

Шейху такъ понравился чистосердечный отвѣтъ, что онъ не могъ удержаться отъ смѣха. «Который изъ васъ молодой купецъ?» спросилъ онъ.

Молодой купецъ съ достоинствомъ поклонился шейху. «А ты?» продолжалъ шейхъ. «Ты любишь музыку и танцы? Тебѣ нравится хорошее пѣніе и игра, ты любишь смотрѣть на красивые танцы?»

Молодой купецъ скромно отвѣчалъ: «Я вижу, господинъ, что твой старый другъ, чтобъ развлечь тебя, предалъ насъ съ нашими глупостями. Если ему удалось доставить тебѣ удовольствіе, я радъ шуткѣ. Что же касается музыки и танцевъ, сознаюсь, ничто такъ не радуешь меня. Но не думай, господинъ, что я осмѣливаюсь порицать тебя, если...»

«Довольно, довольно!» воскликнулъ шейхъ, от-

махиваясь рукою. «Каждый по своему, ты вѣдь это хотѣлъ сказать? Но вотъ тамъ еще одинъ, это вѣрно тотъ, который любитъ путешествовать? Ты кто, собственно, молодой другъ?»

«Я художникъ», отвѣчалъ молодой человѣкъ. «Я рисую ландшафты, частью на полотнѣ, частью на стѣнахъ залъ. Я люблю видѣть прекрасныя мѣстности, чтобъ заносить ихъ на картину; а то, что видишь и списываешь, во всякомъ случаѣ, прекраснѣе, чѣмъ то, что самъ выдумываешь».

Шейхъ задумался; онъ смотрѣлъ на веселыхъ, бодрыхъ молодыхъ людей и взглядъ его становился все печальнѣе. «У меня тоже былъ сынъ», вымолвилъ онъ наконецъ; «онъ былъ бы теперь одного возраста съ вами. Вы бы могли быть его товарищами и каждый изъ васъ имѣлъ бы то, что ему нравится. Съ однимъ бы онъ читалъ, съ другимъ бы слушалъ музыку, съ третьимъ угощалъ друзей, съ четвертымъ бы путешествовалъ. Аллахъ не захотѣлъ этого и я покоряюсь безъ ропота его велѣнію. Но все же въ моей власти доставить вамъ то, что вы желаете, и вы не уйдете отъ Али-Бану съ пустыми руками. Ты, ученый другъ мой, продолжалъ онъ, обращаясь къ писцу, живи въ моемъ домѣ и занимайся моими рукописями. Разрѣшаю пополнять мои собранія всѣмъ, что найдешь нужнымъ и интереснымъ; единственная обязанность—разсказать мнѣ, если что встрѣтится особенно хорошаго. Ты, любитель удовольствій, будь распорядителемъ моихъ пріемовъ. Я самъ живу одиноко и не могу веселиться, но мое положеніе требуетъ отъ времени до времени приглашать гостей. Вотъ тутъ-то всѣ заботы слагаю

на тебя; приглашай кого хочешь изъ своихъ друзей и угощай всѣмъ, чѣмъ угодно, конечно, чѣмъ-нибудь лучше арбузовъ. Молодого купца я не стану отрывать отъ занятій; но каждый вечеръ къ его услугамъ мои танцоры, пѣвцы и музыканты. Забавляйся, другъ, сколько душѣ угодно. А ты, обратился онъ къ художнику, можешь ѣздить по чужимъ краямъ и изощрять глазъ и опытность. Казначей выдастъ тебѣ на первый случай тысячу золотыхъ, да пару коней и невольника. Поѣзжай куда сердце укажетъ, а найдешь что либо хорошаго, изобрази для меня».

Молодые люди были внѣ себя отъ удивленія, безгласны отъ восторга и благодарности; они бросились цѣловать полы у ногъ великодушнаго шейха, но тотъ остановилъ ихъ. «Благодарите не меня», сказалъ онъ, «а того, кто разсказалъ мнѣ о васъ. Онъ мнѣ доставилъ большое удовольствіе, познакомилъ съ такими славными молодыми людьми».

Но дервишъ Мустафа отклонилъ благодарность.

«Вѣрите теперь, что не слѣдуетъ судить опрометчиво: развѣ я преувеличилъ вамъ достоинства этого благороднаго человѣка?»

«Теперь пусть еще разскажетъ намъ что-нибудь одинъ изъ отпущенныхъ сегодня невольниковъ», сказалъ шейхъ и молодые люди заняли свои мѣста.

Изъ среды товарищей поднялся тотъ, который уже возбуждалъ всеобщее вниманіе своею красотою и смѣлымъ взглядомъ. Онъ почтительно поклонился шейху и началъ звучнымъ голосомъ:

Повѣсть объ Альмансорѣ.

«Господинъ! Тѣ, кто до меня рассказывалъ, сообщали много чудесныхъ приключеній изъ разныхъ странъ; я же къ стыду своему сознаюсь, что ничего не знаю достойнаго вашего вниманія. Но, если вамъ не будетъ скучно слушать меня, я вамъ расскажу о замѣчательныхъ похожденіяхъ одного моего друга.

На томъ самомъ алжирскомъ кораблѣ, съ котораго вы такъ милостиво выкупили меня, былъ молодой человѣкъ моего возраста. По всему было видно, что онъ не рожденъ быть невольникомъ. Другіе всѣ были люди грубые, съ которыми я не могъ ужиться, или такіе, языкъ которыхъ я не понималъ, такъ что я все свободное время проводилъ съ тѣмъ юношей. Звали его Альмансоръ. Родомъ онъ былъ изъ Египта. Когда мы ближе познакомились, мы стали рассказывать другъ другу про свою прежнюю жизнь и его повѣсть оказалась много интереснѣе моей.

Альмансоръ былъ сыномъ знатнаго человѣка въ одномъ изъ городовъ Египта, въ которомъ — онъ не называлъ. Дѣтство его прошло беззаботно, среди роскоши и всякихъ благъ земныхъ. Но онъ не былъ избѣженъ и умъ его былъ развитъ не по возрасту; отецъ его повидимому былъ очень умный человѣкъ. Онъ самъ много занимался сыномъ, да еще, кромѣ того, приставилъ къ нему въ наставники одного знаменитаго ученаго. Тотъ обучалъ его всему, что нужно знать молодому человѣку. Альмансору было

около десяти лѣтъ, когда разгорѣлась война между франками и его народомъ.

Вѣроятно, отецъ мальчика чѣмъ-нибудь не угодилъ франкамъ; въ одинъ прекрасный день они ворвались къ нему въ домъ, стали требовать отъ него въ залогъ жену, а когда онъ отказался наотрѣзъ, схватили его сына и силою потащили мальчика въ лагерь».

При этихъ словахъ невольника, шейхъ внезапно закрылъ лицо руками. Въ залѣ поднялся ропотъ негодованья. «Какъ!» кричали друзья шейха, «молодой человѣкъ совсѣмъ сумасшедшій. Онъ только растрavляетъ своимъ разказомъ раны Али-Бану. Какъ ему не стыдно раздувать горе господина, вмѣсто того, чтобъ постараться утѣшить его?» Смотритель надъ невольниками гнѣвно подошелъ къ юношѣ и приказалъ ему замолчать. Молодой человѣкъ съ удивленіемъ осмотрѣлъ всѣхъ и спросилъ шейха, чѣмъ имѣлъ онъ неосторожность огорчить своего господина? Шейхъ выпрямился при этихъ словахъ и сказалъ, обращаясь къ друзьямъ. «Оставьте, друзья! Какъ можетъ юноша знать о моемъ горѣ, когда онъ не болѣе сутокъ подъ этою кровлею? Развѣ не можетъ быть другого такого же происшествія? При грубости франковъ всего можно ожидать. Да, наконецъ, можетъ быть, тотъ Альмансоръ... но разказывай, разказывай дальше, юный другъ!» Молодой невольникъ низко поклонился и продолжалъ:

«И такъ Альмансоръ былъ отведенъ въ французскій лагерь. Въ общемъ ему тамъ было хорошо; одинъ изъ начальниковъ взялъ его въ свою палатку

и любилъ разговаривать съ нимъ черезъ переводчика; онъ заботился также, чтобъ мальчикъ не терпѣлъ недостатка въ пищѣ и одеждѣ. Но тоска о родителяхъ отравляла жизнь мальчика. Онъ плакалъ, не осушая глазъ, но его слезы не трогали этихъ жестокихъ людей. Наконецъ, лагерь снялся и Альмансоръ надѣялся, что его отпустятъ, но не тутъ-то было. Отрядъ двигался то туда, то сюда, велъ войну съ мамелюками и всюду таскалъ за собою Альмансора. На всѣ просьбы и мольбы ему отвѣчали, что онъ взять залогомъ вѣрности отца и долженъ оставаться въ лагерь. Такъ продолжалось довольно долго.

Разъ произошло какое-то движеніе въ войскѣ; говорили объ укладкѣ, о сборахъ къ отъѣзду, о нагрузкѣ. Альмансоръ былъ внѣ себя отъ радости. Теперь, думалось ему, его отпустятъ на свободу. Вотъ кони и повозки потянулись къ берегу, уже въ отдаленіи виднѣлись корабли, стоявшіе на якорѣ. Войска стали садиться на корабль; настала ночь, а еще большая часть оставалась на берегу. Альмансоръ рѣшилъ не спать, такъ какъ ежеминутно ждалъ приказа освободить его, но, наконецъ, не могъ преодолѣть дремоты и крѣпко заснулъ. Онъ подозрѣваетъ, что франки подсыпали ему чего-нибудь въ питье. Когда онъ проснулся, солнце ярко свѣтило въ маленькой комнаткѣ, которой онъ еще никогда не видалъ. Онъ соскочилъ съ кровати. Полъ какъ-то странно колыбался подъ его ногами; все казалось шаталось и кружилось вокругъ. Придерживаясь за стѣнку, онъ выбрался за дверь.

Странное жужжаніе и шумъ раздавались вокругъ него. Онъ не зналъ, спитъ ли онъ или на яву; никогда ничего подобнаго онъ не видѣлъ и не слышалъ. Вотъ онъ добрался до маленькой лѣстницы, съ трудомъ поднялся по ней и, о, ужасъ! Надъ нимъ небо, вокругъ одна вода: онъ былъ на кораблѣ! Онъ неистово зарыдалъ, требовалъ, чтобы ѣхали назадъ, пробовалъ броситься въ воду, чтобъ доплыть до родины. Но его крѣпко держали и повели къ начальнику. Тотъ ласково заговорилъ съ нимъ, обѣщалъ, если онъ успокоится, вернуть его въ скоромъ времени на родину; говорилъ, что послѣднее время невозможно было доставить его къ отцу, а бросить одного на берегу было бы слишкомъ жестоко, такъ какъ они были слишкомъ далеко отъ его родного города.

Нечего и говорить, что франки слова не сдержали; корабль долго еще плылъ по морю, а когда присталъ къ берегу, то, конечно, не къ берегамъ Египта, а къ берегамъ Франкистана. Альмансоръ во время путешествія, да еще раньше въ лагерѣ франковъ, научился понимать ихъ языкъ и это очень пригодилось ему теперь, когда никто не понималъ его родного нарѣчія. Его долго вели по странѣ и много народа стекалось смотрѣть на него. Спутники Альмансора всюду говорили, что это сынъ египетскаго султана, посланный къ нимъ для образованія. Солдаты нарочно такъ говорили, чтобы народъ думалъ, что Египетъ покоренъ и съ нимъ заключенъ прочный миръ. Наконецъ, добрались до большого города, цѣли путешествія, и тамъ Альмансора сдали какому-то врачу,

который взялся обучить его нравамъ и обычаямъ страны.

Прежде всего на мальчика надѣли узкое и страшно неудобное платье, далеко не такое красивое, какъ его египетское. Ему не велѣли больше кланяться обычнымъ поклономъ, т. е. скрестивъ руки на груди; теперь, чтобъ выразить кому-нибудь свое почтеніе, онъ долженъ былъ одною рукою сорвать съ головы безобразную войлочную шляпу, которую всѣ тамъ носятъ, а другую опустить внизъ, да еще при этомъ шаркнуть правою ногою. Ужъ нельзя было сидѣть скрестивши ноги на полу; приходилось садиться на долгоногіе стулья, а ноги свѣшивать на полъ. Да и ѣда ему доставляла немалое мученіе: всякій кусокъ, прежде чѣмъ поднести ко рту, приходилось насаживать на желѣзную вилку.

Докторъ былъ очень строгій, даже злой человѣкъ; онъ жестоко обращался съ мальчикомъ и каждый разъ какъ тотъ забывался и встрѣчалъ посѣтителя обычнымъ «салемъ алейкумъ», онъ колотилъ его тростью. Надо было говорить: «вашъ покорный слуга». Мальчику не позволялось ни читать, ни писать на родномъ языкѣ, пожалуй, даже и думать бы запретили, если бы могли. Онъ положительно забылъ бы современемъ родной языкъ, не сведи его случай съ однимъ человѣкомъ, который оказалъ ему немалую пользу.

То былъ старый, но очень ученый человѣкъ, который зналъ много языковъ, арабскій, персидскій, коптскій, даже китайскій, понемногу всякаго. Онъ слылъ въ той странѣ чудомъ учености и ему пла-

тили большія деньги за обученіе этимъ языкамъ. Этотъ старикъ какъ-то прослышалъ про Альмансора и сталъ его брать къ себѣ разъ въ недѣлю, угощалъ рѣдкими фруктами и всякими лакомствами и такъ привѣтливо обращался съ нимъ, что мальчикъ чувствовалъ себя у него какъ дома. Этотъ старикъ былъ престранный человѣкъ. Онъ заказалъ для Альмансора такую одежду, какъ носятъ знатные люди въ Египтѣ и хранилъ эту одежду въ особой комнатѣ. Какъ только Альмансоръ приходилъ, онъ его посылалъ переодѣться, затѣмъ оба шли въ особую залу, которую старикъ ученый называлъ «Малою Аравіей».

Зала эта была уставлена всевозможными деревьями, красивыми пальмами, молодыми кедрами и разными пышными цвѣтами, какія можно встрѣтить на востокѣ. Полъ былъ устланъ персидскими коврами, а по стѣнамъ лежали подушки; нигдѣ ни одного ни стула, ни стола. На одну изъ подушекъ сѣлся старый ученый, но не такой какъ всегда. Вкругъ головы онъ обматывалъ тонкую турецкую шаль въ видѣ тюрбана; надѣвалъ кафтанъ, сдѣланный изъ парчевого халата, широкіе турецкіе шаровары, желтыя туфли, подвязывалъ себѣ длинную сѣдую бороду до самаго пояса и смотрѣлъ совсѣмъ почтеннымъ человѣкомъ. Онъ даже, несмотря на свой миролюбивый характеръ, затыкалъ кинжалъ за поясъ и подвѣшивалъ кривую саблю. При немъ была также трубка чуть не двухъ локтей длины, а прислуживали имъ слуги одѣтые по персидски, изъ которыхъ многіе подкрашивали себѣ чернымъ лицо и руки.

Сначала все это казалось Альмансору очень забав-

нымъ, но скоро онъ увидѣлъ, что можетъ извлечь большую пользу отъ такихъ посѣщеній. У доктора онъ не смѣлъ сказать слова по египетски, здѣсь, наоборотъ, первое условіе было: ни слова по французски. Альмансоръ долженъ былъ привѣтствовать старика по восточному и въ отвѣтъ получалъ также привѣтствіе. Потомъ оба садились и начинали разговаривать, причемъ старикъ перемѣшивалъ всѣ языки, арабскій, персидскій, коптскій и пр. Это называлъ онъ «ученый восточный разговоръ». Передъ нимъ стоялъ слуга, въ такихъ случаяхъ именуемый невольникомъ, и держалъ толстую книгу. То былъ словарь. Чуть старикъ затруднится въ словѣ, сейчасъ подаетъ знакъ «невольнику», быстро найдетъ что нужно и спокойно продолжаетъ разговоръ.

«Невольники» разносили въ восточной посудѣ шербетъ и т. п. и когда Альмансоръ хотѣлъ особенно польстить старику, онъ говорилъ, что все у него точь въ точь какъ на востокѣ. Альмансоръ прекрасно читалъ по персидски и это особенно плѣняло стараго ученаго. Онъ давалъ ему разбирать старинныя рукописи и замѣчалъ правильное произношеніе.

То были счастливые дни для бѣднаго Альмансора; ученый никогда не отпускалъ его съ пустыми руками и часто дарилъ его не только золотомъ, но и разными необходимыми вещами, въ которыхъ отказывалъ мальчику скряга докторъ. Такъ жилъ Альмансоръ нѣсколько лѣтъ въ столицѣ Франціи. Тоска по родинѣ ни на минуту не утихала въ немъ. Ему только что исполнилось пятнадцать лѣтъ, когда произошелъ случай, имѣвшій огромное вліяніе на дальнѣйшую его судьбу.

Франки, оказывается, къ тому времени выбрали себѣ въ султаны и повелители того полководца, съ которымъ Альмансоръ такъ часто бесѣдовалъ въ Египтѣ. Альмансоръ слышалъ и даже видѣлъ по разнымъ празднествамъ въ городѣ, что что-то произо-

«Салемъ алейкумъ, Маленькій Капралъ», проговорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

шло. Но онъ не могъ себѣ и представить, чтобъ выбрали именно того: онъ ему казался слишкомъ молодъ.

Разъ шелъ Альмансоръ черезъ одинъ изъ мостовъ, соединяющихъ этотъ городъ; вдругъ онъ увидѣлъ

недалеко отъ себя человѣка въ простомъ солдатскомъ платьѣ; онъ стоялъ, облокотясь на перила и смотрѣлъ въ рѣку. Альмансору показалось что-то знакомое въ чертахъ солдата; онъ сталъ рыться въ своихъ воспоминаніяхъ и вдругъ вспомнилъ! Это былъ тотъ самый начальникъ франковъ, съ которымъ онъ такъ часто разговаривалъ и который всегда такъ заботился о немъ. Какъ его звали, онъ не помнилъ, но вспомнилъ то прозвище, которое дали ему между собою солдаты, собрался съ духомъ и прямо подошелъ къ незнакомцу: «Салемъ алейкумъ, «Маленькій Капралъ!» проговорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ и всталъ передъ нимъ, скрестивъ руки на груди.

Человѣкъ удивленно оглянулся, проницательнымъ взоромъ окинулъ юношу, подумалъ немного и сказалъ: «Возможно-ли? Ты здѣсь, Альмансоръ? Гдѣ твой отецъ? Какъ дѣла въ Египтѣ? Что привело тебя сюда?»

Тутъ Альмансоръ не выдержалъ и разрыдался: «Такъ ты не знаешь, что злодѣи, твои соотечественники, сдѣлали со мною, Маленькій Капралъ? Ты не знаешь, что я ужъ много лѣтъ оторванъ отъ земли своихъ отцовъ?»

— «Надѣюсь», сказалъ незнакомецъ и брови его сурово сдвинулись: «надѣюсь, что тебя не насильно увезли сюда?»

«Ахъ, да, конечно, насильно», отвѣчалъ Альмансоръ. «Въ тотъ день, какъ ваши солдаты сажались на корабли, въ тотъ день исчезла съ глазъ моихъ родина. Они увлекли меня съ собою. Одинъ полковникъ сжалился надо мною: онъ выплачиваетъ за мое

содержаніе одному злѣшнему доктору, проклятому скрягѣ; тотъ только бьетъ меня и моритъ голодомъ. Знаешь-ли, Маленькій Капраль, я очень радъ, что встрѣтилъ тебя. Ты долженъ мнѣ помочь».

Тотъ улыбнулся и спросилъ, какого рода помощь требуется.

«Видишь-ли», сказалъ Альмансоръ, «мнѣ было бы стыдно чтонибудь просить у тебя. Ты всегда былъ добрѣ ко мнѣ, но вѣдь я знаю, ты человѣкъ бѣдный и даже, когда полководцемъ былъ, всегда былъ одѣтъ хуже другихъ. Да и теперь, судя по одеждѣ, твои дѣла идутъ неважно. Но, видишь-ли, говорятъ у франковъ есть теперь король; можетъ, ты знаешь кого-нибудь изъ тѣхъ, кто къ нему поближе, какого-нибудь янычаръ-ага, рейсъ-эффенди или кого другого. Правда, вѣдь?»

— «Пожалуй», отвѣчалъ незнакомецъ, «что же дальше?»

«Ты бы имъ шепнулъ словечко про меня, Маленькій Капраль. Пусть попросятъ короля меня отпустить на родину. Придется еще попросить немного денегъ на дорогу. Но только обѣщай прежде всего ни словомъ не обмолвиться ни доктору, ни арабскому профессору».

— «Это еще что за арабскій профессоръ?» спросилъ тотъ.

«Ахъ, это совсѣмъ особенный человѣкъ. Но про него я въ другой разъ тебѣ расскажу. Если они узнаютъ, ни за что мнѣ не выбраться изъ Франкистана. Вѣдь ты поговоришь насчетъ меня съ своими агами? Скажи по совѣсти?»

— «Пойдемъ со мною», сказалъ незнакомецъ, «я пожалуй и сейчасъ могу быть тебѣ полезенъ».

«Сейчасъ?» воскликнулъ юноша съ испугомъ. «Сейчасъ нечего и думать, меня докторъ исколотитъ. Я долженъ спѣшить; мнѣ необходимо домой».

— «Что у тебя тутъ въ корзинкѣ?» спросилъ тотъ, задерживая его. Альмансоръ покраснѣлъ и сперва не хотѣлъ показывать, но потомъ сказалъ: «Видишь-ли, Маленькій Капраль, мнѣ приходится тутъ такую службу исправлять, какъ послѣдній рабъ у моего отца. Докторъ страшный скряга и каждый день посылаетъ меня на край города, на зеленой и рыбный рынокъ, гдѣ все нѣсколько дешевле, чѣмъ въ нашей части. Изволь изъ-за какой-то тухлой селедки, да щепотки салата бѣжать часа два, да толкаться среди грязныхъ торговыхъ. Ахъ, еслибъ отецъ мой зналъ!»

Незнакомецъ, видимо, былъ тронутъ горемъ юноши и повторилъ рѣшительно: «Иди со мною и ни о чемъ не беспокойся. Ручаюсь, что докторъ ничего тебѣ не сдѣлаетъ, даже если совсѣмъ останется сегодня безъ селедки и салата. Успокойся и иди».

Съ этими словами онъ взялъ мальчика за руку и пошелъ. У Альмансора замирало нѣсколько сердце при мысли о докторѣ, но въ тонѣ и въ выраженіи незнакомца было столько увѣренности, что онъ рѣшилъ слѣдовать за нимъ. Онъ шелъ съ корзиночкою на рукѣ по улицамъ и ужасно удивлялся, что всѣ по дорогѣ снимали передъ ними шляпы и молча провожали ихъ глазами. Онъ обратилъ на это вниманіе спутника; но тотъ только засмѣялся и ничего не сказалъ.

Они дошли до великолѣпнаго зѣмка. Туда вошелъ незнакомецъ.

«Ты развѣ здѣсь живешь, Маленькій Капраль?» спросилъ пораженный Альмансоръ.

— «Да, это мой домъ», отвѣчалъ тотъ. «Я веду тебя къ женѣ».

«Ахъ, да какъ же ты хорошо устроился!» продолжалъ Альмансоръ. «Вѣрно тебѣ твой султанъ квартиру далъ?»

— «Ты угадалъ, квартира дѣйствительно у меня отъ короля», отвѣчалъ незнакомецъ, поднимаясь съ нимъ по широкой нарядной лѣстницѣ. Въ одной изъ залъ онъ велѣлъ Альмансору оставить корзинку, а затѣмъ провелъ его дальше въ богато убранный покой, гдѣ на диванѣ сидѣла нарядно одѣтая женщина. Спутникъ Альмансора заговорилъ съ нею на какомъ-то непонятномъ языкѣ; потомъ дама стала разспрашивать юношу объ Египтѣ. Подъ конецъ, Маленькій Капраль сказалъ Альмансору: «Знаешь-ли, что всего лучше? Я сейчасъ самъ сведу тебя къ королю и поговорю съ нимъ о тебѣ».

Альмансоръ сильно испугался, но подумалъ о своемъ горѣ и о милой родинѣ. «Аллахъ даетъ мужество несчастному въ часъ нужды и я вѣрю, что онъ не оставитъ меня, бѣднаго. Я готовъ, я пойду къ королю. Но скажи, Маленькій Капраль, надо-ли мнѣ пасть ницъ передъ нимъ, надо-ли коснуться лбомъ пола. Что мнѣ дѣлать?»

Оба громко засмѣялись и увѣрили мальчика, что всего этого совсѣмъ не надо.

«Онъ грозенъ, величественъ на видъ?» спраши-

валъ мальчикъ. «Длинная у него борода? Сверкаетъ онъ глазами? Скажи, какой онъ на видъ?»

Спутникъ его снова засмѣялся. «Я лучше не стану тебѣ его описывать, Альмансоръ. Ты самъ угадай, который онъ. Пожалуй, открою тебѣ одну примѣту: когда король въ залѣ, всѣ почтительно обнажаютъ голову, только одинъ король не снимаетъ шляпы». Онъ взялъ юношу за руку и повелъ въ залу короля. Чѣмъ ближе они подходили, тѣмъ сильнѣе билось у бѣдняги сердце и даже колѣни начали дрожать, когда они подошли къ двери. Двери широко распахнули имъ навстрѣчу и они оказались среди полукруга по меньшей мѣрѣ изъ тридцати мужчинъ, все прекрасно одѣтыхъ и увѣшанныхъ золотомъ и звѣздами, по обычаю знатныхъ лицъ той страны. Альмансоръ тотчасъ же подумалъ, оглянувшись на невзрачную одежду своего спутника, что тотъ вѣрно самый ничтожный изъ всѣхъ по положенію. Всѣ разомъ обнажили головы и Альмансоръ сталъ искать глазами того, у котораго шляпа на головѣ. Но напрасно онъ искалъ. У всѣхъ шляпы были въ рукахъ, значитъ, короля не было между ними; вдругъ взглядъ его случайно упалъ на спутника и—шляпа оказалась у того на головѣ!

Юноша отступилъ, пораженный. Онъ долго смотрѣлъ на своего знакома, наконецъ поспѣшно снялъ шляпу и сказалъ: «Салемъ алейкумъ, Маленькій Капраль. Насколько мнѣ извѣстно, самъ я не султанъ франковъ и мнѣ не подобаетъ стоять съ покрытою головою, но ты—ты не снимаешь шляпы... Маленькій Капраль, неужели ты король?»

«Отгадалъ», отвѣчалъ тотъ, «да еще кромѣ того другъ твой. Не считай меня виновникомъ своего несчастія, это просто печальное недоразумѣніе. Будь спокоенъ, первый же корабль отвезетъ тебя назадъ въ отечество. А теперь иди къ моей женѣ, расскажи ей про арабскаго профессора и про что тамъ знаешь. Селедки и салатъ мы ужъ отошлемъ доктору, а самъ оставайся до отъѣзда въ моемъ дворцѣ».

Такъ говорилъ повелитель франковъ. Альмансоръ упалъ на колѣни, цѣловалъ его руки и просилъ прощенія, что не узналъ его; онъ не могъ догадаться, что это самъ король.

«Ты пожалуй правъ», возразилъ тотъ смѣясь; «когда всего нѣсколько дней королемъ, объ этомъ на лбу не написано». И онъ сдѣлалъ ему знакъ удалиться.

Съ этого дня Альмансоръ зажилъ счастливо и спокойно. Арабскаго профессора еще пришлось ему повидать, но къ доктору онъ уже болѣе не показывался. Черезъ нѣсколько недѣль императоръ призвалъ его и объявилъ, что готовъ тотъ корабль, который повезетъ его въ Александрію.

Императоръ щедро снабдилъ Альмансора деньгами и цѣнными подарками и мальчикъ отплылъ на родину, преисполненный благодарности къ своему высокому покровителю.

Но нескоро еще было суждено Альмансору увидѣть берега отчизны. Аллахъ хотѣлъ закалить духъ юноши и посылалъ ему испытаніе за испытаніемъ. Другой народъ воевалъ съ франками на морѣ. Тотъ корабль, на которомъ ѣхалъ Альмансоръ, былъ окруженъ врагами и принужденъ сдаться. Весь экипажъ

пересадили на маленькій корабль и повезли дальше. Случилась буря, маленькій корабль отбило отъ остальныхъ, а вѣдь въ морѣ не спокойнѣе чѣмъ въ пустынѣ, гдѣ всегда можно ожидать нападенія. На франкскій корабль напали морскіе разбойники; весь экипажъ былъ взятъ въ плѣнъ и проданъ въ неволю въ Алжирѣ.

Альмансору посчастливилось сначала; онъ попалъ въ довольно легкое рабство, но все же потерялъ надежду вернуться на родину. Ему пришлось жить у очень богатаго человѣка и тотъ приставилъ его ухаживать за садомъ; такъ продолжалось 5 лѣтъ. Богачъ скоро умеръ безъ наслѣдниковъ, имѣнье его было расхищено, невольники проданы въ другія руки. Альмансоръ достался торговцу невольниковъ. Тотъ какъ разъ въ это время снаряжалъ корабль, чтобъ гдѣ-нибудь повыгоднѣе сбыть свой живой товаръ. По случайности, на этомъ кораблѣ я и встрѣтился съ Альмансоромъ. Тутъ мы съ нимъ познакомились, тутъ я отъ него и узналъ все, что теперь рассказываю. Но вотъ мы пристали къ берегу и тутъ я убѣдился въ неисповѣдимости путей Аллаха! Мы стояли у береговъ отечества того юноши. Насъ вывели на рынокъ—то былъ рынокъ его родного города; къ нему подошелъ покупатель и, прости, господинъ, я разомъ скажу,—его купилъ родной его отецъ!»

Шейхъ Али-Бану напряженно слѣдилъ за рассказомъ невольника; грудь его высоко вздымалась, глаза горѣли, онъ нѣсколько разъ порывался перебить говорящаго. Но конецъ рассказа видимо не удовлетворилъ его.

— «Ты говоришь, ему около двадцати лѣтъ?» спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— «Да, господинъ, онъ въ моемъ возрастѣ: ему двадцать одинъ годъ».

— «А какой городъ называлъ онъ мѣстомъ рожденія, ты еще этого намъ не сказалъ?»

— «Если не ошибаюсь, Александрія», отвѣчалъ тотъ.

— «Александрія!» воскликнулъ шейхъ. «Такъ это сынъ мой! Гдѣ онъ остался? Не звали-ли его Кайрамомъ? Темные у него волосы, темные глаза?»

— «Да, въ часы дружбы онъ звалъ себя Кайрамомъ, а не Альмансоромъ».

— «Но, Аллахъ, Аллахъ, скажи же мнѣ... Ты говоришь, что на твоихъ глазахъ его купилъ собственный отецъ... Призналъ онъ своего отца? Такъ это не мой сынъ!»

— «Онъ сперва сказалъ мнѣ: «Хвала Аллаху, это рынокъ моего родного города!» Потомъ вдали показался знатный человѣкъ; онъ воскликнулъ: «Хвала Пророку! Я вижу своего отца!» Потомъ тотъ человѣкъ подошелъ, осмотрѣлъ всѣхъ и купилъ того, о комъ я рассказываю. Тотъ вознесъ Аллаху пламенную молитву и шепнулъ мнѣ: «Я снова вступаю въ палаты счастья: меня купилъ мой собственный отецъ».

— «Такъ это не мой сынъ, не мой Кайрамъ!» проговорилъ глубоко тронутый шейхъ.

Тутъ юноша не могъ долѣе сдержаться; стремительно бросился онъ на колѣни передъ шейхомъ и воскликнулъ: «Нѣтъ, это твой сынъ, Кайрамъ-Альмансоръ; ты самъ его купилъ!»

— «Аллахъ, Аллахъ! Чудо, чудо свершилось!» кричали присутствующіе и всѣ вскочили съ мѣста.

Но шейхъ безмолвно стоялъ и смотрѣлъ на юношу, на его благородное, поднятое вверхъ лицо. «Другъ Мустафа», проговорилъ онъ, «сиди сюда; передъ моими глазами завѣса слезъ; я не могу различить черты; черты-ли это его матери, матери моего Кайрама? Посмотри, взглядишь въ него».

Старикъ подошелъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на юношу, положилъ ему руку на лобъ и сказалъ: «Кайрамъ! помнишь ты стихъ, которымъ напутствовалъ я тебя въ тотъ несчастный день?»

— «Дорогой учитель», отвѣчалъ юноша, прижимая къ губамъ руку старца. «Ты сказалъ мнѣ: кто любитъ Аллаха и хранитъ чистую совѣсть, тотъ и въ пустынѣ бѣдствій не одинъ; у него всегда при себѣ два спутника, утѣшающіе его въ несчастіи». Старикъ съ благоговѣніемъ поднялъ глаза къ небу, прижалъ юношу къ груди своей и передалъ шейху: «Бери его! Какъ истинно было горе твое, такъ истинно и то, что это сынъ твой, Кайрамъ».

Шейхъ не могъ прійти въ себя отъ счастья. Онъ не могъ отвести глазъ отъ лица вновь обрѣтеннаго сына и съ каждой минутой узнавалъ въ немъ все несомнѣннѣе черты Кайрама въ дѣтствѣ. И всѣ присутствующіе раздѣляли радость шейха; всѣ любили его и каждый чувствовалъ себя такъ, словно и ему вернули сына.

Снова пѣніе и смѣхъ огласили нѣкогда мрачные покои. Кайраму пришлось много разъ все съ большими подробностями рассказывать свою повѣсть; всѣ

славили арабскаго профессора и императора и всѣхъ, кто принималъ участіе въ юношѣ. До поздней ночи никто не расходился, а когда, наконецъ, поднялись, шейхъ щедро одѣлилъ подарками всѣхъ своихъ друзей въ память незабвеннаго дня.

Онъ представилъ сыну тѣхъ четырехъ молодыхъ людей и пригласилъ ихъ посѣщать его. Было рѣшено, что одинъ будетъ читать, другой путешествовать, третій дѣлать съ нимъ часы досуга, четвертый заботиться о пріятномъ препровожденіи времени. Ихъ тоже богато одарили и отпустили домой.

— Кто бы могъ это предвидѣть?—говорили они, уходя. Кто бы могъ предвидѣть, какое счастье ждетъ насъ въ этомъ домѣ?

— А давно-ли мы стояли здѣсь и злословили насчетъ шейха?

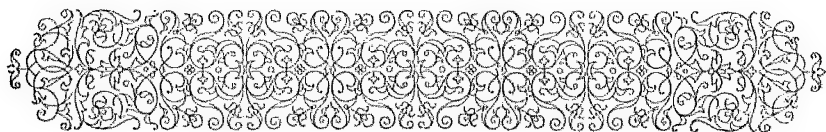
— А кому мы всѣмъ этимъ обязаны? Кому какъ не мудрому старику? Что бы случилось съ нами, еслибы мы пренебрегли его совѣтами?

— Да, что бы случилось съ нами?

И они счастливые и довольные разошлись по домамъ, громко прославляя шейха и мудраго друга его, Мустафу.

Преданіе о золотомъ.

Въ Обершвабіи стоятъ еще до настоящаго времени развалины замка, когда-то красивѣйшаго въ той странѣ. То замокъ Гогенцоллернъ. Онъ возвышался на круглой, почти отвѣсной скалѣ, откуда открывался далекій видъ на окрестности. И всюду, откуда можно было видѣть замокъ и даже далеко за предѣлами мѣстности, боялись и чтили славный родъ Цоллернъ.

Много столѣтій тому назадъ, вѣроятно вскорѣ послѣ изобрѣтенія пороха, жилъ въ томъ замкѣ одинъ изъ Цоллерновъ, человѣкъ очень странный. Нельзя было сказать, чтобъ онъ черезчуръ притѣснялъ своихъ подданныхъ или враждовалъ съ сосѣдями, но все же довѣрія къ себѣ онъ не внушалъ, благодаря мрачному взгляду, хмурому лбу и какой-то односложной рѣзкой манерѣ говорить. Рѣдко кому удавалось слышать, чтобы онъ говорилъ почеловѣчески; ѣдетъ, на примѣръ, по долиנѣ, встрѣтится ему кто-нибудь, поклонится, скажетъ: «Добраго вечера, графъ, прекрасная сегодня погода», графъ буркнетъ: «Глупости», или «Знаемъ ужъ». Сдѣлаютъ-ли что ему не по нраву или крестьянинъ съ повозкою не успѣетъ во-время свернуть съ дороги и задержитъ его коней, графъ разразится потокомъ отборнѣйшихъ руга-

тельствъ. Никто однако не слышалъ, чтобъ онъ когда-нибудь ударилъ крестьянина. Въ странѣ, тѣмъ не менѣе, его звали «Гроза Цоллерна».

У Грозы Цоллерна была супруга, прямая противоположность мужу, кроткая и ласковая, какъ майскій день. Часто люди, оскорбленные грубымъ обращеніемъ графа, снова примирались съ нимъ, благодаря ея ласковымъ словамъ и добрымъ взглядамъ. Бѣднымъ же она всюду помогала, гдѣ только могла; въ знойный-ли жаръ или въ снѣжную выюгу, она безропотно спускалась съ крутизны посѣтить бѣдную лачугу или безпомощнаго больного. Встрѣтитъ ее въ такихъ случаяхъ графъ, буркнетъ бывало: «Знаемъ ужъ! Глупости!» и прокатитъ мимо.

Всякую другую женщину такое обращеніе запугало бы или оттолкнуло; многія изъ самолюбія и съ досады охладѣли бы къ такому супругу, но Гедвигъ все было нипочемъ. Она продолжала любить графа, нерѣдко бѣлою ручкою своею разглаживала складки на его смугломъ лбу и всячески выказывала ему уваженіе. Появленіе маленькаго графчика не охладило любви Гедвиги къ супругу; она нѣжно ухаживала за малюткою сыномъ, но продолжала такъ же нѣжно заботиться объ отцѣ. Прошло три года. Графъ фонъ-Цоллернъ видѣлъ сына только по воскресеньямъ послѣ обѣда, когда онъ являлся въ залу на рукахъ кормилицы. Онъ бралъ его на минуту къ себѣ, что-то бормоталъ себѣ подъ носъ и снова отдавалъ ребенкѣ. Когда же ребенокъ въ первый разъ сказалъ «папа», графъ подарилъ кормилицѣ червонецъ, а ребенку даже не улыбнулся.

Когда ребенку исполнилось три года, графъ велѣлъ натянуть ему первые штанишки и великолѣпно разодѣлъ его въ шелкъ и бархатъ; потомъ приказалъ осѣдлатъ себѣ коня и еще другую лошадь, взялъ ребенка на руки и сталъ, звеня шпорами, спускаться съ лѣстницы. Гедвига удивленно смотрѣла на него. Она давно отвыкла спрашивать, куда онъ ѣдетъ и надолго-ли, но на этотъ разъ съ нимъ былъ ребенокъ и она превозмогла робость. «Ты уѣзжаешь, графъ?» спросила она. Отвѣта не было. «Зачѣмъ ты берешь ребенка?» продолжала она. «Куно пойдетъ гулять со мною». — «Знаемъ ужъ», проронилъ Гроза Цоллерна и пошелъ дальше. На дворѣ онъ быстро подбросилъ ребенка за ножку въ сѣдло, крѣпко прикрутилъ его платкомъ, самъ взмахнулъ на коня и поѣхалъ къ воротамъ замка, держа въ поводу лошадь сына.

Малюткѣ сначала понравилась ѣзда; онъ хлопалъ ладошами, смѣялся и понукалъ коня за гриву. Графъ видимо былъ доволенъ и нѣсколько разъ крикнулъ: «Будешь славный малый!» Когда же они выѣхали на равнину и графъ поѣхалъ рысью, мальчикъ оробѣлъ. Онъ сначала кротко просилъ отца ѣхать тише, но тотъ пустилъ лошадь въ галопъ. У ребенка духъ захватывало отъ быстрой ѣзды, онъ сталъ плакать сперва тихо, потомъ громче, наконецъ, сталъ кричать во все горло.

«Знаемъ ужъ! Глупости!» пробурчалъ отецъ. «Всѣ режутъ для перваго раза; молчи или...» Но въ тотъ моментъ какъ онъ собирался подбодрить сына крѣпкимъ словомъ, конь его сталъ на дыбы, поводъ

другого выпалъ изъ его руки; пока онъ справлялся съ своимъ конемъ, крошка всадникъ исчезъ. Графъ тревожно оглянулся и увидѣлъ какъ конь одинъ безъ всадника несясь обратно къ замку.

Какъ ни былъ твердъ и сумраченъ графъ фонъ-Цоллернъ, у него сердце содрогнулось. Онъ рѣшилъ, что ребенокъ лежитъ гдѣ-нибудь при дорогѣ раздавленный. Суровый графъ схватилъ себя за бороду и застоналъ. Онъ бросался во всѣ стороны, но нигдѣ не было видно мальчика; графъ уже съ ужасомъ представлялъ себѣ, что испуганный конь сбросилъ ребенка въ водяной ровъ при дорогѣ. Вдругъ услышалъ онъ сзади себя дѣтскій голосъ, и, оглянувшись, увидѣлъ старуху подъ деревомъ въ сторонѣ отъ дороги, а на колѣняхъ у нея маленькаго Куно.

— «Гдѣ ты мальчишку достала, старая вѣдьма?» крикнулъ графъ, «скорѣе давай его сюда!»

— «Не такъ-то скоро, не такъ-то скоро, сѣятельный графъ», засмѣялась старуха, «не то еще бѣда случится съ вашимъ гордымъ скакуномъ. Какъ я молодчика поймала? Ну, конь несясь мимо, а крошка еще болтался одною ножкой въ сѣдлѣ, а волосики почти по землѣ тащились. Ну, я и поймала его въ передникъ.—Знаемъ ужъ!» воскликнулъ Цоллернъ. «Давай его сюда: я не могу сойти, конь бѣсится, можетъ его зашибить».

— «Киньте старухѣ червонецъ, милостивецъ!» просила женщина.

— «Глупости!» крикнулъ графъ и бросилъ ей нѣсколько мелкихъ монетъ.

— «Ну, это что! А вотъ червонецъ бы пригодился!» продолжала старуха.

— «Червонецъ! Ты вся-то червонца не стоишь!» горячился графъ. «Скорѣй ребенка давай, или я спущу собакъ!»

— «Вотъ какъ! Я червонца не стою?» отвѣчала насмѣшливо та. «Ну-у, посмотримъ, *стоитъ-ли червонецъ все твое наслѣдство*. Гроши можешь себѣ оставить!» Она подбросила монетки и такъ ловко, что онѣ одна за другой прямо упали въ кошель, который графъ все еще держалъ въ рукѣ.

Графъ сначала оторопѣлъ отъ неожиданности, но тотчасъ же ярость смѣнила удивленіе. Онъ схватилъ пистоль, взвелъ курокъ и прицѣлился въ старуху. А та спокойно продолжала ласкать и цѣловать маленькаго графа и держала его такъ, что пуля неминуемо попала бы сперва въ ребенка. «Ты славный мальчикъ», приговаривала она, «будешь всегда такимъ, ни въ чемъ не будетъ тебѣ недостатка». Она спустила его съ колѣнъ, погрозила графу пальцемъ: «Цоллернъ, Цоллернъ, червонецъ за тобою остается!» крикнула она и, не обращая вниманія на ругательства графа, побрела къ лѣсу. Конюхъ Конрадъ, дрожа, сошелъ съ коня, принялъ въ сѣдло графчика, сѣлъ сзади и робко поѣхалъ за своимъ господиномъ обратно въ замокъ.

Первый и послѣдній разъ бралъ съ собою сыночка Гроза Цоллерна. Онъ рѣшилъ, что мальчишка плакса и что ничего хорошаго изъ него не выйдетъ; онъ не взлюбилъ сына и каждый разъ какъ ребенокъ ласково подходилъ къ нему, онъ грубо отстранялъ его сло-

вами: «Знаемъ ужъ! Глупости!» Кроткая графиня безропотно сносила дурное расположеніе духа супруга, но его грубое обращеніе съ невиннымъ ребенкомъ глубоко огорчало ее. Она заболѣвала отъ страха, когда сумрачный графъ наказывалъ ребенка за какую-нибудь ничтожную провинность и, наконецъ, не выдержала постоянныхъ волненій и умерла въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, горько оплакиваемая всѣмъ окрестнымъ народомъ.

Безъ нея жизнь мальчика стала еще тяжелѣе.

Отецъ почти забылъ о его существованіи, предоставилъ его всецѣло кормилицѣ, а затѣмъ замковому капеллану на воспитаніе, а самъ почти не видѣлъ его. Къ тому же онъ вскорѣ женился на красивой и богатой дѣвушкѣ и черезъ годъ въ замкѣ появились на свѣтъ два близнеца, два маленькихъ графчика.

Любимою прогулкою Куно было посѣщать старушку, когда-то спасшую ему жизнь. Она много рассказывала ему о покойной матери и о томъ, какъ та была добра и какъ всѣ ее любили. Слуги замка часто предостерегали мальчика, говорили, что онъ напрасно ходитъ часто къ знахаркѣ, что она самая настоящая колдунья. Ребенокъ, однако, не боялся; капелланъ объяснилъ ему, что колдуній на свѣтѣ нѣтъ, что это вздоръ болтають, будто есть такія женщины, которыя верхомъ на ухватѣ ѣздятъ на Брокенъ. Случалось ему, конечно, видѣть у знахарки такія вещи, которыхъ онъ не понималъ; онъ хорошо помнилъ и тотъ фокусъ съ мѣдными монетками; видѣлъ онъ также, что у нея есть разныя мази и снадобья, кото-

рыми она лѣчила людей и скотину. Но насчетъ флюгера, который она яко-бы вѣшала надъ огнемъ и тѣмъ вызывала страшную грозу—это была уже прямая ложь. Старуха учила графа многому, что могло быть ему полезно; учила его, напримѣръ, какъ лѣчить больныхъ лошадей, чѣмъ поить отъ бѣшенства, какъ готовить приманку для рыбъ и пр. Скоро единственною собесѣдницею мальчика оказалась знахарка: няня умерла, а мачиха совсѣмъ не заботилась о пасынкѣ.

Когда братья подросли, жизнь Куно стала еще печальнѣе. Братьямъ посчастливилось не свалиться съ лошади при первой прогулкѣ и Гроза Цоллерна остался доволенъ своими сыновьями. Онъ полюбилъ ихъ, каждый день выѣзжалъ съ ними, обучалъ ихъ всему, что самъ зналъ. Не многому научились они: читать и писать графъ самъ не умѣлъ, такъ что не считалъ нужнымъ утруждать наукою своихъ любимцевъ, зато передалъ имъ въ совершенствѣ всѣ свои ругательства. Къ десяти годамъ мальчики сыпали на всѣ стороны проклятія, ссорились со всѣми, жили между собою какъ кошка съ собакою и дѣйствовали сообща лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда собирались чѣмъ-нибудь насолить Куно.

Мать очень спокойно относилась ко всему; она считала, что здоровымъ и сильнымъ мальчикамъ очень полезно драться. Но разъ слуга донесъ объ этомъ графу. Тотъ хотъ проворчалъ по обыкновенію: «Знаемъ ужъ! Глупости!» но все же призадумался и рѣшилъ принять мѣры, чтобы сыновья не убили другъ друга до смерти: угроза знахарки все еще тревожила

его. Разъ, когда онъ охотился въ окрестностяхъ замка, онъ обратилъ вниманіе на двѣ горы, словно предназначенныя для замковъ. Онъ тотчасъ же отдалъ приказаніе строиться тамъ. Одинъ изъ замковъ предназначилъ онъ младшему изъ близнецовъ, «маленькому плуту», какъ назвалъ онъ его за разныя продѣлки, и окрестилъ его Шалькбергъ (отъ слова шалькъ—плутъ). Другой получилъ названіе Гиршбергъ. Оба замка стоятъ тамъ и до сихъ поръ, всякій путешественникъ по Альбу можетъ ихъ видѣть.

Гроза Цоллерна собирался завѣщать старшему сыну Цоллернъ, младшему Шалькбергъ, а третьему Гиршбергъ. Но это совсѣмъ не входило въ расчеты его жены. «Дуракъ Куно», такъ звала она пасынка, «дуракъ Куно и безъ этого богатъ со стороны матери и ему еще достанется прекрасный Цоллернъ? А можемъ сыновьямъ тѣ скверныя замки и голый лѣсъ?»

Какъ ни доказывалъ ей графъ, что надо же за Куно признать хоть право первородства, графиня плакала, спорила, настаивала и добилаь того, что графъ уступилъ и завѣщалъ близнецамъ Цоллернъ и Шалькбергъ, а Гиршбергъ старшему сыну. Ему же достался городокъ Балингенъ. Вскорѣ затѣмъ старый графъ заболѣлъ. Когда врачъ объявилъ ему, что пришелъ конецъ, графъ отвѣчалъ по прежнему: «Знаемъ ужъ», а духовнику, который увѣщевалъ его смириться передъ смертью, буркнулъ: «Глупости», выругался и умеръ, какъ жилъ, нераскаяннымъ грѣшникомъ.

Еще тѣло его не было предано погребенію, какъ графиня явилась съ духовною и, обращаясь къ Куно,

насмѣшливо предложила ему примѣнить къ дѣлу свою ученость и посмотреть, что стоитъ въ завѣщаніи, а именно, что ему нечего больше дѣлать въ Цоллернѣ.

Куно безропотно покорился волѣ покойнаго и съ горькими слезами простился съ замкомъ, гдѣ родился и гдѣ оставилъ все, что было ему мило: могилу матери, старика капеллана и единственнаго друга своего, знахарку.

Замокъ Гиршбергъ былъ очень красивъ и хорошо обставленъ, но Куно чувствовалъ себя тамъ слишкомъ одинокимъ и чуть не заболѣлъ съ тоски по Гогенцоллернѣ.

Графиня и близнецы—имъ было тогда лѣтъ восемнадцать — сидѣли разъ на балконѣ и смотрѣли вдаль. По дорогѣ показался статный рыцарь; за нимъ великолѣпныя носилки на двухъ мулахъ и нѣсколько слугъ. Долго разсматривали молодые графы, кто бы это могъ быть, вдругъ Плутъ захохоталъ: «Да это сіятельный братъ нашъ съ Гиршберга!»

— «Дуракъ Куно?» съ удивленіемъ отозвалась графиня. «Неужели онъ собрался оказать намъ честь къ себѣ пригласить, даже носилки для меня приготовить? Ну, признаться сказать, такой любезности и великодушія не ждала я отъ любезнаго сына нашего, дурака Куно. Что-жъ? Вѣжливость за вѣжливость. Сойдемъ къ воротамъ встрѣчать его. Постарайтесь смотрѣть полюбезнѣе; можетъ, онъ что-нибудь преподнесетъ намъ въ Гиршбергѣ; тебѣ коня, а тебѣ сбрую, а я бы не прочь получить ожерелье его матери».

— «Совсѣмъ мнѣ не нужно подарковъ отъ этого дурня!» возразилъ Вольфъ,—«и пріятнаго лица тоже дѣлать не буду. По моему, самое любезное съ его стороны было бы отправиться къ почтенному родителю, и предоставить намъ Гиршбергъ со всѣми угодыями. А мы ужъ вамъ, маменька, уступимъ ожерелье по дешевой цѣнѣ».

— «Вотъ какъ, змѣснышъ! Я стану покупать у васъ ожерелье? Это въ благодарность за мои хлопоты о васъ насчетъ Цоллерна? Правда, вѣдь, плутишка, я даромъ получу ожерелье?»

— «Даромъ только смерть, любезная маменька»,—смѣясь отвѣчалъ младшій. «Если правда, что ожерелье дороже любого зѣмка, надо быть дуракомъ, чтобъ даромъ вамъ его на шею повѣсить. Закроетъ Куно на наше счастье глаза—мы поѣдемъ туда, все подѣлимъ и свою половину ожерелья я продаю. Дадите за него больше чѣмъ жидъ—оно ваше, дорогая родительница».

Тѣмъ временемъ они дошли до воротъ и графинѣ стоило большого труда подавить досаду насчетъ ожерелья: графъ Куно уже вѣзжалъ на подъемный мостъ. При видѣ мачихи и братьевъ, графъ остановился, сошелъ съ коня и вѣжливо поклонился имъ. Хотя они ему много дѣлали зла, но онъ все же не могъ забыть, что отецъ его когда-то любилъ эту злую женщину и что сыновья ея ему братья.

— «Какъ отрадно видѣть, что сынъ не забываетъ насъ», начала графиня вкрадчивымъ голосомъ, мило-стиво улыбаясь пасынку. «Какъ дѣла въ Гиршбергѣ? Удалось-ли тебѣ тамъ прилично устроиться? И даже

паланкинъ пріобрѣли? О-о! да какое великолѣпіе, королевѣ не стыдно прокатиться! Теперь не хватаетъ въ немъ только молодой прекрасной хозяйки. Но, можетъ быть, любезный сынъ уже подумываетъ объ этомъ?»

— «Простите, я еще не думалъ объ этомъ, любезная матушка», отвѣчалъ спокойно Куно: «я хочу застаться другого рода обществомъ и собственно за этимъ пріѣхалъ сюда».

— «Это крайне мило и любезно съ вашей стороны», перебила графиня съ пріятною улыбкою.

— «Вѣдь патеръ Іосифъ не въ состояніи болѣе сѣсть на коня», продолжалъ Куно. «Я беру его къ себѣ: это давно условлено между нами, какъ только рѣшилось, что я не остаюсь въ Цоллернѣ. Внизу подъ горою я прихвачу еще своего друга, знахарку. Она теперь ужъ очень стара, а вѣдь она когда-то спасла мнѣ жизнь. Комнатъ въ Гиршбергѣ достаточно; пусть живетъ у меня до смерти».—Съ этими словами онъ направился по двору къ помѣщенію старика капеллана.

Графъ Вольфъ отъ злости прикусилъ губу до крови; графиня позеленѣла отъ гнѣва, а маленькій Плуть громко расхохотался:

«Что дашь за коня, что мнѣ братецъ преподнесъ? Братъ Вольфъ, давай въ обмѣнъ свою сбрую! Ха, ха, ха! Такъ это онъ стараго патера и вѣдму къ себѣ беретъ? Вотъ такъ парочка! Что-жъ? Утромъ греческимъ позаймется съ капелланомъ, вечеромъ колдовству поучится у вѣдмы. И чего только не придумаетъ этотъ дурень Куно!»

— «Онъ просто неприличный человѣкъ», возразила злобно графиня. «Смѣяться тутъ нечему, маленькій Плутъ. Это позоръ для всей семьи. Всѣ насъ на смѣхъ поднимутъ, когда узнаютъ, что графъ фонъ-Цоллернъ явился съ торжественнымъ поѣздомъ за вѣдьмою знахаркою и поселилъ ее у себя въ домѣ. Весь въ мать: та никогда не умѣла себя вести, вѣчно возилась съ больными и всякимъ сбродомъ. Отецъ его, бѣдный, въ гробу бы перевернулся, еслибъ зналъ».

— «М-да», прибавилъ маленькій Плутъ. «Отецъ и въ могилѣ бы сказалъ: «Знаемъ ужъ. Глупости».

— «Пойдемте, вотъ онъ идетъ назадъ съ патеромъ и не стыдится, самъ его подъ руки ведетъ!» съ ужасомъ воскликнула графиня. «Идемъ, я не хочу съ нимъ встрѣчаться».

Куно довелъ старика до моста и самъ усадилъ въ паланкинъ. Подъ горою поѣздъ остановился захватить старуху знахарку, которая ужъ ждала ихъ съ своими узелками, баночками и сткляночками.

Однако, предположенія графини не оправдались въ томъ, что касается Куно. Никто по всей окрестности не порицалъ благороднаго рыцаря Куно. Всѣхъ умиляло его желаніе скрасить послѣдніе дни старухи знахарки; всѣ уважали его за почтительное отношеніе къ престарѣлому наставнику. Только мачиха и братья продолжали негодовать. Этимъ они вредили только себѣ; всѣ возмущались такой противоестественной враждою братьевъ; ходила молва, что они не въ ладу даже съ родною матерью, что даже между собою живутъ какъ кошка съ собакою. Графъ Куно

всячески старался примирить съ собою братьевъ; онъ невыносимо страдалъ, когда они, встрѣчаясь съ нимъ, едва кланялись и не отвѣчали на его вѣжливое привѣтствіе. Наконецъ, онъ, какъ ему казалось, напалъ на средство покорить злобныя сердца братьевъ. Почти въ серединѣ между тремя замками лежалъ прудъ, но такъ, что онъ всетаки приходился во владѣніяхъ Куно. Въ этомъ пруду водились лучшіе карпы и щуки во всей мѣстности. Братья очень любили рыболовство и потому не разъ злились, что отецъ забылъ приписать прудъ на ихъ долю. Гордость мѣшала имъ ѣздить удить туда безъ вѣдома брата, а просить разрѣшенія они не хотѣли. Куно зналъ, что мысль о прудѣ не даетъ имъ покоя, и рѣшилъ воспользоваться этимъ.

Однажды онъ послалъ братьямъ приглашеніе съѣхаться къ пруду къ опредѣленному часу.

Былъ чудный лѣтній день, спокойный и ясный; братья почти одновременно прискакали изъ своихъ замковъ къ берегамъ пруда. «Вотъ такъ штука», закричалъ маленькій Плутъ. «Какъ сошлись. Я выѣхалъ изъ замка ровно въ семь часовъ».

— «И я тоже». — «И я» — заявили остальные.

— «Ну, такъ значитъ прудъ какъ разъ по серединѣ», продолжалъ младшій. «Чудная вода.»

— «Да, вотъ поэтому я васъ сюда и призвалъ. Я зналъ, вы большіе любители рыбы; я тоже люблю иногда закинуть удочку, но вѣдь въ пруду рыбы довольно на троихъ, да и мѣста на берегу хватитъ, если даже удить въ одно время. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ отнынѣ прудъ этотъ считался нашимъ общимъ

достояніемъ и каждый изъ насъ имѣлъ на него равныя права».

— «Выходитъ, братецъ порядочно таки великодушнень!» сказалъ Плутъ, насмѣшливо улыбаясь: «предлагаетъ намъ шесть дней лова и нѣсколько сотъ рыбешекъ! Ну, а что съ насъ взамѣнъ? Вѣдь даромъ только смерти!»

— «Нѣтъ, я даромъ предлагаю», заявилъ Куно. «Единственное, что мнѣ хотѣлось бы, это видѣть васъ здѣсь изрѣдка, да иногда поболтать съ вами. Вѣдь мы всѣ дѣти одного отца».

— «Дѣло неподходящее», возразилъ Плутъ. «Какая ловля въ обществѣ? Только рыбъ болтовнею разгонять. Лучше такъ: выберемъ себѣ дни; ты, Куно, бери хоть понедѣльникъ и четвергъ, ты, Вольфъ, вторникъ и пятницу, я среду и субботу. Такъ я вполне согласенъ».

— «А мнѣ даже и такъ не надо», мрачно вставилъ Вольфъ. «Подарковъ я не хочу и дѣлиться тоже ни съ кѣмъ не намѣренъ. Ты правъ, Куно, предлагая намъ прудъ: онъ одинаково нуженъ всѣмъ намъ. Самое лучшее бросимъ кости, кому ему принадлежать отнынѣ. Если счастье окажется на моей сторонѣ, согласенъ дать вамъ разрѣшеніе удить въ немъ».

— «Я никогда не играю въ кости!» сказалъ Куно. Его печалила черствость братьевъ.

— «Ну, конечно», засмѣялся маленькій Плутъ. «Братецъ слишкомъ благочестивъ и богобоязненъ, онъ считаетъ игру въ кости смертнымъ грѣхомъ. Я предложу нѣчто другое; тутъ ужъ самый благочестивый отшельникъ ничего не найдетъ. Возьмемъ

удочки и сядемъ удить: кто наудить больше всѣхъ до 12 часовъ, тотъ будетъ считаться владѣльцемъ пруда».

— «Въ сущности глупо съ моей стороны», сказалъ Куно, «спорить о томъ, что мнѣ по праву принадлежить. Но я пойду за своими снастями, хотя бы для того, чтобъ убѣдить васъ, что я отъ чистаго сердца предлагалъ дѣлежъ».

Они поскакали каждый въ свой замокъ. Близнецы разослали поспѣшно слугъ выворачивать старые камни и доставать пожирнѣе червяковъ для приманки. Куно же взялъ обычную свою удочку и ту приманку, которую учила его готовить знахарка, и первымъ оказался на мѣстѣ. Онъ предоставилъ братьямъ выбрать лучшія мѣста, потомъ устроился самъ. Казалось, рыбы на этотъ разъ сговорились признать въ немъ хозяина пруда. Щуки и карпы цѣлыми вереницами кишѣли вокругъ его удочекъ. Каждую минуту вытягивалъ онъ что-нибудь, а вокругъ цѣлые десятки какъ бы ждали очереди. Не прошло двухъ часовъ, весь берегъ около него былъ усыянъ крупными рыбами. Онъ бросилъ удочку и пошелъ къ братьямъ. У маленькаго Плута было всего два карпа, да еще какія-то двѣ рыбки. У Вольфа всего три пискарчика. Оба тоскливо смотрѣли на прудъ; съ ихъ мѣстъ отлично было видно уловъ брата. При видѣ Куно, Вольфъ яростно вскочилъ, рванулъ лесу, искрошилъ удилище въ куски и бросилъ ихъ въ прудъ: — «Чортъ бы ихъ побралъ!» крикнулъ онъ внѣ себя. «Будь у меня тысяча крючковъ, я бы желалъ, чтобъ на каждомъ болталось по такой животинѣ! Да что говорить: въ правомъ дѣлѣ

всегда такъ! Тутъ колдовство, да всякіе наговоры. Иначе, какъ могъ бы ты, Куно, достать въ часть больше рыбы, чѣмъ намъ въ годъ наловить?»

— «Да, да, припоминаю теперь», вставилъ маленькій Плуть, «вѣдь онъ учился удить у старой вѣдьмы, знахарки, а мы-то дураки, сѣли съ нимъ состязаться! Онъ скоро завзятымъ колдуномъ сдѣлается».

— «Ахъ вы, люди негодные!» вспылилъ Куно. «Я сегодня имѣлъ время убѣдиться въ вашей алчности, вашемъ безстыдствѣ и грубости. Идите и не возвращайтесь больше. Повѣрьте, для спасенія вашихъ душъ весьма было бы вамъ полезно поучиться великодушію и благочестію у той, кого вы считаете колдуньей».

— «Ну, колдунья-то, пожалуй, не колдунья!» возразилъ смѣясь Плуть. «Колдуньи умѣютъ предсказывать, а твоя знахарка настолько же пророчица, насколько гусь на лебедя похожъ. Вѣдь сказала же она отцу, что изъ его наслѣдства добрую часть на золотой купишь, т. е. по просту говоря, что онъ обнищаетъ. Однако до самой смерти онъ преспокойно владѣлъ всѣмъ, насколько глазъ хватаетъ съ высотъ Цоллерна! Поди ты, твоя знахарка просто глупая баба, а ты—дуракъ, Куно!»

Съ этими словами малышъ поспѣшилъ удалиться: онъ нѣсколько побаивался сильной руки брата. Вольфъ поскакалъ за нимъ, выгрузивъ всѣ проклятія, которымъ только научился отъ отца.

Куно вернулся домой глубоко опечаленный и оскорбленный безсердечнымъ отношеніемъ братьевъ. Происшествіе такъ сильно взволновало его, что онъ слегъ

въ постель. Только утѣшенія достойнаго патера и сильныя снадобья знахарки спасли его отъ смерти.

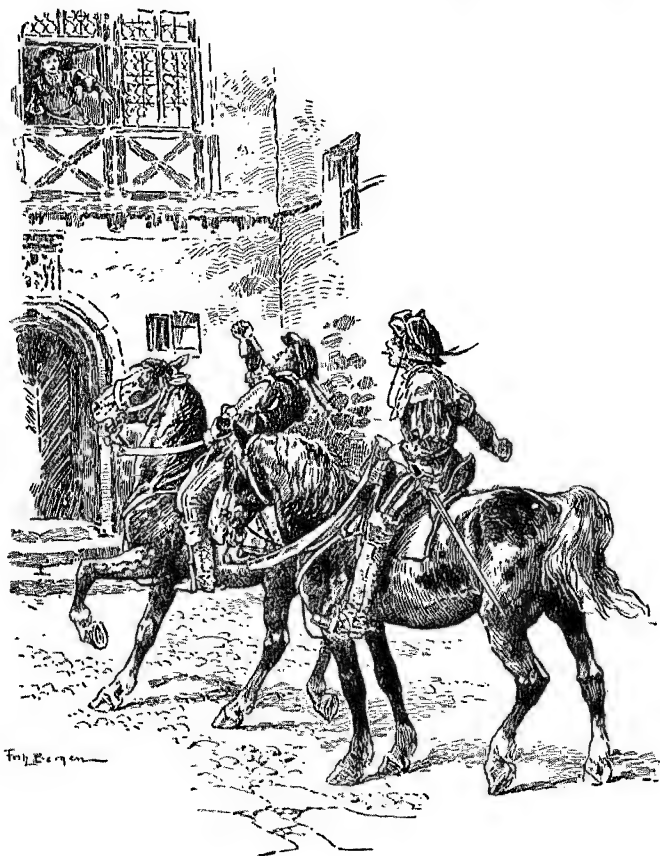
Какъ только вѣсть о болѣзни Куно дошла до Цоллерна, братья устроили на радостяхъ пиръ и, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, рѣшили, что если глупый Куно умретъ, тотъ, кто первый объ этомъ узнаетъ, дастъ залпъ изъ пушекъ, чтобъ увѣдомить другого, а кто первый выпалитъ, тотъ получитъ не въ счетъ лучшую бочку вина изъ погребовъ Куно. Вслѣдъ затѣмъ, Вольфъ распорядился держать слугу на караулѣ вблизи Гиршберга, а маленькій Плутъ подкупилъ одного изъ слугъ Куно, чтобы тотчасъ дать ему знать, какъ только господинъ его будетъ при послѣднемъ издыханіи.

Но слуга этотъ былъ сильнѣе преданъ своему кроткому благочестивому графу, чѣмъ злему владѣльцу Шалькберга. Онъ, однажды, участливо спросилъ у знахарки, въ какомъ положеніи здоровье господина, и когда узналъ, что онъ совсѣмъ поправляется, онъ рассказалъ ей о предложеніи изъ Шалькберга и о томъ, что братья сговорились дать залпъ въ знакъ радости въ случаѣ смерти графа Куно. Старуха была внѣ себя отъ гнѣва. Она вскорѣ все рассказала графу, а такъ какъ тотъ не вѣрилъ въ такое безсердечіе братьевъ, она предложила ему испытать ихъ. Пусть они подумаютъ, что онъ умираетъ, и тогда самъ увидитъ. Тотчасъ же дали знать подкупленному слугѣ и приказали ему немедленно скакать въ Шалькбергъ и возвѣстить о близкомъ концѣ графа Куно.

Слуга Вольфа, караулившій на границѣ владѣній, замѣтилъ спѣшившаго всадника и спросилъ, какія

вѣсти. «Ахъ, господинъ мой умираетъ; онъ не переживетъ ночи! Всѣ ужъ тамъ отступились!» крикнулъ посланный и исчезъ по направленію къ Шалькбергу.

— «Вотъ оно что!» воскликнулъ тотъ, живо

«Я думалъ, что ты умеръ!» крикнулъ Вольфъ.

вскочилъ на коня и стрѣлою пустился къ Цоллерну. Конь палъ у воротъ, а гонецъ самъ успѣлъ только прокричать: «графъ Куно умираетъ» и лишился чувствъ. Разомъ загремѣли пушки Гогенцоллерна;

графъ Вольфъ ликовалъ съ матерью насчетъ наслѣдства, вина, пруда и ожерелья, и восторгался грознымъ эхомъ, вторившимъ пушкамъ. Но что онъ принималъ за эхо, то были пушки Шалькберга и Вольфъ, смѣясь, замѣтилъ матери: «Видно у малыша тоже былъ шпионъ. Придется подѣлить вино!»

Тогда онъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ замку Гиршбергъ; онъ опасался, что братъ предупредитъ его и успѣетъ перехватить кое-какія драгоцѣнности.

У пруда оба брата встрѣтились и имъ стало немного неловко другъ передъ другомъ. Имени Куно они не упоминали, но по дружески стали обсуждать кому и на какихъ условіяхъ владѣть Гиршбергомъ. Когда же они вѣхали на мостъ и оттуда взглянули на замокъ, въ одномъ изъ оконъ представилось имъ гнѣвное лицо Куно. Братья страшно испугались, принявъ его за привидѣніе, и принялись усиленно креститься. Но, нѣтъ! то былъ самъ Куно въ плоти и крови, здоровый, бодрый какъ всегда, но съ сверкающимъ отъ негодованія взоромъ. «Ей, поглядите-ка! Вотъ чудеса! Я думалъ, что ты умеръ», крикнулъ ему Вольфъ.

— «Ну, что отложено еще не потеряно», пробормоталъ младшій, посылая Куно вверхъ ядовитые взгляды.

Но тутъ раздался громовой голосъ Куно:

«Отнынѣ порваны между нами всѣ узы родства. Я слышалъ ваши сигнальные залпы. Посмотрите, у меня тоже такихъ пять страшилищъ во дворѣ и тоже туго заряжены въ вашу честь. Убирайтесь съ пути, пока цѣлы, не то узнаете, каковы пушки Гиршберга!»

Не пришлось повторять приглашенія дважды: братья убѣдились, что Куно не шутитъ. Они пришпорили коней и пустились обратно. Графъ Куно, чтобъ попугать ихъ, пустилъ надъ ихъ головами залпъ изъ пушки и оба въ нѣмомъ страхѣ низко пригнулись въ сѣдлахъ.

— «Зачѣмъ ты стрѣлялъ?» спросилъ съ досадою Плутъ, когда они въѣхали въ лѣсъ. «Болванъ! Я слышу, ты палишь, ну и я выстрѣлилъ».

«Вотъ ужъ неправда, спроси у матери!» возразилъ Вольфъ. «Ты первый далъ залпъ и ты весь позоръ на насъ навлекъ, противная ящерица».

Тотъ не остался у брата въ долгу. Проклятiя такъ и сыпались у нихъ какъ изъ мѣшка и братья разстались, пылая ненавистью и злобой другъ къ другу.

На слѣдующій день Куно написалъ свое завѣщанiе и знахарка, узнавъ объ этомъ, шепнула патеру: «Бьюсь объ закладъ, стрѣлки останутся довольны». Но какъ ни была она любопытна и какъ ни приставала къ своему любимцу, тотъ не открылъ ей, что, собственно, заключало завѣщанiе. Старуха никогда этого не узнала; черезъ годъ она умерла. Тутъ ужъ ни мази, ни снадобья не помогли: она умерла даже не отъ болѣзни, а просто отъ того, что дожила до 98 лѣтъ. Графъ Куно похоронилъ ее какъ родную мать. Вскорѣ затѣмъ умеръ старый капелланъ и Куно остался одинъ на свѣтѣ.

Одиночество недолго тяготило его. Благородный графъ скончался на двадцать восьмомъ году отъ роду и злые языки говорили, что маленькiй Плутъ ухитрился подсыпать ему яда.

Какъ бы то ни было, нѣсколько часовъ послѣ его смерти снова загремѣли орудія. «На этотъ разъ пришлось ему имѣть это въ виду», сказалъ Плутъ, встрѣчаясь съ братомъ по дорогѣ.

— «Да!» отвѣчалъ Вольфъ, «и если онъ теперь вздумаетъ возстать изъ гроба и ругаться изъ окна, у меня съ собою пистоль, научить его вѣжливости и молчанію».

При вѣздѣ въ замокъ къ нимъ присоединился всадникъ съ своею свитою. Сначала они думали, что это какой-нибудь другъ ихъ брата и спѣшить на погребеніе. Братья притворились огорченными, хвалили покойника, сожалѣли о его преждевременной кончинѣ; маленькій Плутъ ухитрился даже выжать слезу. Рыцарь ничего не отвѣчалъ и молча вѣхалъ во дворъ. «Ну, теперь расположимся поудобнѣе и прежде всего потребуемъ вина. Ей, слуги! Вина намъ скорѣе и самаго лучшаго!» крикнулъ Вольфъ, слѣзая съ коня. Молодые люди поднялись по витой лѣстницѣ въ главную залу замка; незнакомецъ шелъ за ними по пятамъ. Близнецы усѣлись за столъ и пригласили его слѣдвать то же. Но тотъ торжественно вынулъ изъ кармана золотой, бросилъ его на столъ такъ сильно, что монета со звономъ отскочила и завертѣлась и промолвилъ: «Вотъ! Получите свое наслѣдство; какъ разъ золотой!» Братья переглянулись, захохотали и спросили, что все это значить.

Рыцарь вынулъ пергаментъ со многими печатями; тамъ перечислены были всѣ гоненія братьевъ на Куно, всѣ непріязненныя дѣйствія ихъ противъ него, затѣмъ объявлялось, что все имущество и всѣ владѣ-

нія графа Куно въ случаѣ смерти переходятъ въ сосѣднее графство Вюртембергъ за одинъ ничтожный золотой. Ожерелье матери Куно не включалось въ завѣщаніе: на него графъ завѣщалъ построить богадѣльню въ городкѣ Балингенѣ.

Братья онѣмѣли отъ неожиданности. Имъ было теперь не до смѣха. Гнѣвно стиснувъ зубы, близнецы поднялись изъ-за стола. Что могли они противъ Вюр-

«Вотъ, получите свое наслѣдство: какъ разъ золотой!»

темберга? Вольфъ упрямо сунулъ въ карманъ золотой, нахлобучилъ шапку и, не кивнувъ даже на прощанье Вюртембергскому рыцарю, исчезъ изъ замка. За нимъ слѣдомъ, такъ же молча, выѣхалъ маленькій Плутъ.

— «А вѣдь сбылось таки предсказаніе старой вѣдьмы!» процѣдилъ Вольфъ, возвращаясь съ братомъ

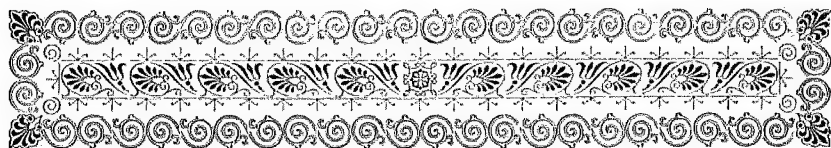
изъ сосѣдняго городка, гдѣ они только что роспили свое «наслѣдство».

— «Знаемъ ужъ!» отвѣчалъ Плутъ.

— «Глупости все!» пробурчалъ фонъ-Цоллернъ и, негодуя на себя и на весь міръ, поскакалъ въ замокъ.

Стинфольдская пещера.

Шотландское преданіе.

Въ давнія времена на одномъ изъ скалистыхъ острововъ Шотландіи жили въ блаженной простотѣ два рыбака. Оба были одного возраста, оба не женаты, у обоихъ не было никого близкихъ, оба трудились по мѣрѣ силъ, и общаго заработка ихъ хватало на безбѣдное существованіе.

Трудно было найти людей менѣе подходящихъ другъ другу по наружности и нраву. Каспаръ былъ коротенькій, толстенъкій человѣчекъ съ лицомъ широкимъ какъ полнолуніе и съ вѣчно улыбающимися добродушными глазками. Казалось, онъ никогда не зналъ ни горя, ни заботы. Вѣчно сонный и немного лѣнивый, онъ предпочелъ взять на себя работы по дому: стряпаль, убираль, плелъ сѣти для себя и на продажу, обрабатываль принадлежавшій имъ небольшой клочекъ земли. Товарищъ былъ прямая противоположность ему: длинный, худой, съ смѣлымъ ястребинымъ носомъ и пронизательнымъ взглядомъ, необыкновенно отважный и ловкій, онъ слылъ самымъ предприимчивымъ и дѣятельнымъ рыбакомъ въ той мѣстности; никто лучше его не умѣлъ лазить за птичьимъ пухомъ, никто отважнѣе его не пускался въ море. За то и на рынкѣ не встрѣчалось болѣе

корыстолюбиваго продавца; но такъ какъ товаръ его былъ всегда отмѣнно хорошъ и торговалъ онъ безъ обмана, всѣ охотно обращались къ нему. Вильмъ Соколъ, такъ звали его земляки, несмотря на свою жадность, честно дѣлился барышемъ съ добродушнымъ Каспаромъ и пріятели не только жили безбѣдно, но были даже на пути къ извѣстному благосостоянію.

Но не того надо было алчному Соколу; онъ мечталъ о богатствѣ, о богатствѣ настоящемъ, а такъ какъ скоро убѣдился, что обыденными путями богатства не достигнешь, онъ сталъ надѣяться на разныя необыкновенныя случайности и до того увлекся этою мыслью, что ни о чемъ другомъ думать не могъ. Всѣ разговоры его съ Каспаромъ вертѣлись вокругъ того же. Каспаръ благоговѣлъ передъ другомъ; онъ каждое слово съ восторгомъ передавалъ сосѣдямъ и скоро распространился слухъ, что Вильмъ Соколъ продалъ душу черту, а если еще не продалъ, то, во всякомъ случаѣ, ужъ получилъ предложеніе продать ее за золото.

Сперва Вильмъ только смѣялся надъ этими слухами, но постепенно имъ овладѣла мысль, что вѣдь можетъ же какой-нибудь духъ открыть ему кладъ. Онъ сталъ прислушиваться къ толкамъ земляковъ и пересталъ ихъ опровергать. Дѣло свое онъ хотя и продолжалъ, но уже далеко не съ прежнимъ усердіемъ и проводилъ нерѣдко драгоценныя для работы часы въ безцѣльномъ блужданіи, въ поискахъ за какимъ-то невѣдомымъ приключеніемъ, отъ котораго внезапно разбогатѣешь. Надо же на его несчастіе, чтобъ однажды, когда онъ стоялъ на пустынномъ берегу и съ неопредѣленною надеждою смотрѣлъ на

бушующее море, къ ногамъ его подкатилась волна и среди массы камней и тины оставила за собою желтый шарикъ, шарикъ изъ чистаго золота!

Вильмъ стоялъ какъ очарованный. Такъ значить надежды его не пустая мечта? Море послало ему золота, чуднаго чистаго золота, вѣроятно остатокъ тяжелаго слитка; долго хранила его морская пучина, долго катали его бурныя волны, пока не стерли до объема ружейной пули. Ему стало ясно, что гдѣ-то здѣсь на этомъ берегу потерпѣло крушеніе какое-то богатое судно и что именно ему предназначено добыть со дна моря потопленные сокровища. Съ тѣхъ поръ онъ не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ тщательно спряталъ свою находку, ничего не сказалъ даже другу, чтобъ никто не могъ напасть на слѣдъ предполагаемаго открытія; всякая работа была заброшена, Вильмъ дни и ночи проводилъ на берегу и неустанно закидывалъ въ мутныя волны не неводъ, но особо приспособленный черпакъ — за золотомъ. Но онъ ничего не находилъ; богатство не являлось, а бѣдность все ближе подкрадывалась къ нему. Вильмъ давно пересталъ зарабатывать, а вялыя усилія Каспара не въ состояніи были прокормить двоихъ. Мало-по-малу таяли сбереженія друзей, исчезло и найденное золото, стало исчезать и скопленное добро. Каспаръ безропотно переносилъ непонятное бездѣйствіе друга. Въ былое время онъ молча пользовался трудами Вильма, теперь такъ же молча и равнодушно смотрѣлъ на близкое разореніе. Кроткая преданность друга только сильнѣе разжигала безумную погоню Сокола за богатствомъ. Онъ жилъ

какъ въ чадѣ, а ночью, когда засыпалъ, въ ушахъ его все звучало какое-то слово; онъ ясно слышалъ его и каждый разъ все то же, но удержать его въ памяти онъ не могъ. Вильмъ не зналъ, имѣеть-ли оно отношеніе къ его постоянной мечтѣ, но таинственный шопотъ только сильнѣе убѣдилъ его, что ему суждено великое счастье, а счастье для него представлялось лишь въ видѣ золотыхъ слитковъ.

Однажды буря застала его на томъ берегу, гдѣ онъ нашелъ золотое ядро. Онъ принужденъ былъ искать убѣжища въ ближайшей пещерѣ. Пещера эта носила въ народѣ названіе Стинфольдской. Она состояла изъ длиннаго подземнаго хода, который выходилъ къ морю двумя устьями. Волны съ глухимъ гуломъ врывались туда и крутились и бѣшено пѣнились вокругъ камней. Пещера была доступна лишь въ одномъ мѣстѣ, а именно чрезъ небольшую трещину сверху и рѣдко кто попадалъ туда, кромѣ мальчишекъ сорванцевъ; спускъ не лишенъ былъ опасности, да кромѣ того, пещера съ давнихъ временъ пользовалась недоброю славою. Вильмъ осторожно спустился въ пещеру. Тамъ, на двѣнадцати футахъ глубины отъ поверхности, торчалъ изъ воды огромный камень, защищенный небольшимъ выступомъ скалы. Вильмъ расположился на немъ. У ногъ его ревѣло море, надъ головою свирѣпствовала буря, а онъ сидѣлъ погруженный въ свои обычныя думы и, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ. Въ головѣ его все вертѣлась мечта о погибшемъ кораблѣ и о томъ, что это могъ быть за корабль; тщетно собиралъ онъ справки у самыхъ старѣйшихъ

людей острова, никто никогда не слышалъ о какомъ либо кораблекрушеніи на этомъ берегу. Онъ впалъ въ забытѣе. Сколько времени онъ такъ сидѣлъ, онъ не помнилъ; когда онъ очнулся, буря уже улеглась и онъ вскочилъ, чтобъ подняться снова на поверхность, какъ вдругъ слово «Кар-мил-ланъ» ясно прозвучало гдѣ-то въ глубинѣ. Онъ остановился и въ ужасѣ смотрѣлъ на зіявшую у ногъ его пучину. «Кар-мил-ланъ» снова застонало гдѣ-то въ глубинѣ. «Великій Боже! Вотъ то слово, которое преслѣдуетъ меня во снѣ! Ради всего святого, что бы это могло значить?» — «Кармилланъ!» еще разъ донеслось изъ пещеры. Вильмъ стоялъ уже одной ногою на поверхности; не помня себя отъ ужаса, онъ пустился бѣжать какъ спуганный олень.

Однако, Вильмъ далеко не былъ трусомъ; его испугала скорѣе неожиданность, чѣмъ мысль объ опасности. Къ тому же алчность настолько завладѣла всѣмъ его существомъ, что никакая опасность не въ силахъ была заставить его отступить. Вскорѣ послѣ того, когда онъ снова ночью удилъ при лунномъ свѣтѣ, удилъ съ лодки своимъ черпакомъ недалеко отъ входа въ пещеру, черпакъ за что-то зацѣпился. Онъ потянулъ изо всѣхъ силъ, но веревка не поддавалась. Тѣмъ временемъ поднялся вихрь, темныя тучи заволокли мѣсяцъ; лодку сильно качало и каждую минуту грозило опрокинуть. Вильмъ не растерялся; онъ продолжалъ тянуть и тянулъ пока внезапно не прекратилось сопротивленіе; Вильмъ съ досадою подумалъ, что веревка не выдержала. Но нѣтъ, все было цѣло! Снова на минуту блеснулъ мѣсяцъ, что-то

круглое, черное заколебалось на поверхности и снова прозвучало из пучины таинственное слово: «Кармилланъ!» Вильмъ быстро протянулъ руку, чтобъ схватить предметъ, но волны уже поглотили его. Съ новою силою разразилась буря и заставила, наконецъ, безумца искать пристанища въ прибрежныхъ скалахъ. Тамъ онъ вскорѣ заснулъ отъ утомленія, но сонъ его, какъ всегда, былъ тревоженъ и разнузданное воображеніе мучило его неясными образами. Когда онъ проснулся, море было спокойно и первые лучи солнца золотили зеркальную поверхность. Вильмъ спустилъ лодку и принялся было за обычную работу, какъ вдругъ замѣтилъ, что къ нему теченіемъ что-то несетъ изъ далека. Это что-то оказалась маленькая лодка, а въ ней человѣческая фигура. Вильма особенно удивляло то, что лодка движется безъ паруса и весель, прямо носомъ къ берегу, а, между тѣмъ, сидящій въ ней нимало не заботился о рулѣ, будь даже таковой у лодки. Лодочка все приближалась, наконецъ остановилась бокъ-о-бокъ съ лодкою Вильма. Тотъ съ любопытствомъ сталъ разглядывать сидящую въ ней фигуру. То былъ маленькій, весь сморщенный, старый человѣчекъ, въ желтой полотняной курткѣ, съ остроконечнымъ краснымъ колпакомъ на головѣ; глаза его были закрыты и весь онъ скорѣе походилъ на засушенный трупъ, чѣмъ на живое существо. Вильмъ сперва окликнулъ, потомъ слегка подтолкнулъ его; человѣкъ не шевельнулся. Тогда рыбакъ закинулъ веревку, чтобъ подтянуть лодку къ берегу, какъ вдругъ человѣчекъ открылъ глаза и началъ по-

тягиваться, но такъ странно, что даже отважнаго Вильма морозъ пробралъ по кожѣ.

«Гдѣ я?» спросилъ тотъ съ глубокимъ вздохомъ по голландски. Соколъ немного зналъ этотъ языкъ, благодаря сношеніямъ съ сельдепромышленниками. Онъ назвалъ ему островъ и спросилъ, что ему надо.

«Я пришелъ Кармилланъ поискать».

— «Кармилланъ? Ради Бога? Что это такое?» воскликнулъ рыбакъ.

«Я не отвѣчаю на вопросы, когда мнѣ ихъ такимъ образомъ предлагаютъ», возразилъ человѣчекъ, видимо смущенный.

— «Ну, такъ», крикнулъ Соколъ, «что за Кармилланъ такой?»

«Кармилланъ теперь ничто, а былъ когда-то чуднымъ кораблемъ и грузъ на немъ былъ богатѣйшій, какъ ни у кого: одного золота сколько!»

— «Когда онъ погибъ, и гдѣ?»

«Лѣтъ сто тому назадъ; гдѣ—не знаю навѣрное, но гдѣ-то здѣсь по близости. Я хочу отыскать мѣсто и выудить сокровища. Хочешь помочь мнѣ — подѣлимъ находку».

— «Всей душою готовъ. Скажи, что для этого сдѣлать?»

«То, что ты долженъ сдѣлать, на то нужно только мужество. Иди къ полуночи въ какое-нибудь дикое, уединенное мѣсто острова; бери съ собою корову, тамъ заколи ее, сдери шкуру и пусть кто-нибудь закрутитъ тебя въ нее. Спутникъ долженъ положить тебя и сейчасъ же удалиться и меньше

чѣмъ черезъ часть ты будешь знать, гдѣ сокровища Кармиллана».

— «Такъ погубилъ тѣло и душу свою старый Энгроль!» съ ужасомъ воскликнулъ Вильмъ. «Нѣтъ, нѣтъ, ты самъ нечистый», продолжалъ онъ, быстро отталкиваясь весломъ, «проваливай въ преисподнюю! Я не хочу связываться съ тобою!»

Человѣчекъ засопѣлъ, забормоталъ, сталъ осыпать его проклятіями; но рыбакъ гребъ изо всѣхъ силъ и скоро скрылся изъ вида.

Однако, открытіе, что злой духъ подстерегаетъ его и хочетъ заманить въ свои сѣти, нимало не отрезвило ослѣпленнаго алчностью Вильма. Напротивъ; онъ рѣшилъ, что можетъ воспользоваться сообщеніемъ желтаго человѣка, не предавая себя въ руки нечистаго. Онъ продолжалъ безуспѣшно разыскивать кладъ вдоль пустыннаго побережья. Его не плѣнялъ болѣе богатый уловъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ моря; онъ пренебрегалъ всѣми способами заработка и, весь погруженный въ свою безумную мечту, все глубже и глубже впадалъ въ нищету. Дошло до того, что друзья стали нуждаться въ самомъ необходимомъ. Теперь забота о ихъ скудномъ пропитаніи всецѣло лежала на Каспарѣ; но онъ попрежнему не ропталъ на упорство друга и ни разу не дѣлалъ ему ни малѣйшаго упрека; онъ продолжалъ относиться къ нему съ тою же раболѣпною покорностью и съ тѣмъ же благоговѣйнымъ довѣріемъ какъ въ былые счастливые дни. Вильма трогала такая преданность друга; онъ мечталъ вознаградить его за всѣ лишенія и еще съ большимъ жаромъ продолжалъ свои

поиски. А во снѣ попрежнему преслѣдовало его дьявольское нашептываніе рокового имени и лишало его послѣдней возможности очнуться отъ безумія. Словомъ, нужда, обманутыя ожиданія, алчность въ концѣ концовъ довели его почти до сумасшествія и онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту желтаго человѣчка, хотя и зналъ, что такимъ поступкомъ отдаетъ себя во власть нечистой силы.

Напрасно увѣщевалъ его Каспаръ. Чѣмъ болѣе онъ умолялъ, тѣмъ сильнѣе горячился Вильмъ и тѣмъ сильнѣе упорствовалъ въ своемъ отчаянномъ предпріятіи. Доброе, безвольное существо, наконецъ, сдѣлось: Каспаръ обѣщалъ другу проводить его и помочь ему выполнить планъ. У обоихъ сердце болѣзненно сжалось, когда они вывели со двора чудную молодую корову, послѣднее свое достояніе. Они вырастили ее теленкомъ и, несмотря на горькую нужду, не рѣшались продать, чтобы не отдать любимое животное въ чужія руки. А теперь? Каспаръ не въ силахъ былъ противорѣчить Вильму, а Вильмъ ничего слышать не хотѣлъ: злой духъ, овладѣвшій имъ, заглушилъ въ немъ всякое чувство.

Дѣло было въ сентябрѣ; уже наступили длинные ночи шотландской зимы. Свинцовыя тучи медленно катились по небу, подгоняемая рѣзкимъ ночнымъ вѣтромъ; онѣ сталкивались и нагромождались другъ на друга, какъ ледяныя горы въ Маельстрѣмѣ; глубокія тѣни ложились въ овраги надъ сырыми торфяными болотами, а мутныя волны горныхъ потоковъ зловѣще чернѣли по отлогамъ горъ. Вильмъ шелъ впередъ, а Каспаръ за нимъ. Бѣдняга ужасался соб-

ственной храбрости и заплывшіе глаза его заволакивались слезою при мысли о бѣдномъ животномъ, которое такъ довѣрчиво и кротко шло рядомъ съ нимъ, не сознавая, что смерть грозитъ ему отъ той руки, что всегда съ такою любовью прикасалась къ нему. Наконецъ, забрались они въ узкую болотистую долину, кое-гдѣ поросшую мхомъ и верескомъ; тамъ и сямъ мелькали крупные камни; вокругъ тѣсною стѣною тянулись дикія горы, теряясь вдаль въ сѣроватомъ туманѣ. Друзья вышли на середину; тамъ стоялъ большой камень; высоко надъ ихъ головами взвился орелъ и громкій крикъ его эхомъ пронесся по долинѣ. Корова глухо мычала, словно проникаясь зловѣщимъ видомъ мѣстности и ужасомъ предстоящей судьбы. Каспаръ отвернулся, чтобъ смахнуть слезу. Онъ посмотрѣлъ внизъ на расщелину, откуда они вышли, оттуда издали доносился глухой рокотъ прибоя. Онъ оглянулся на вершины горъ: черная какъ уголь туча нависла надъ ними и временами сверкали по ней тонкія огненные змѣйки. Когда онъ снова перевелъ глаза на Вильма, тотъ успѣлъ ужъ привязать корову къ камню и уже замахнулся надъ нею топоромъ.

Ужасъ искажилъ черты Каспара. Заломивъ руки, онъ бросился на колѣни. «Ради Бога, Вильмъ!» съ отчаяніемъ закричалъ онъ, «не губи себя, не губи корову! пожалѣй себя и меня, пожалѣй свою душу!— Не искушай Господа!—оставь—если ужъ непременно нужно, положи до завтра — я достану другую — оставь Буренку!»

— «Каспаръ, ты съ ума сошелъ?» кричалъ обезу-

мѣвшій Вильмъ, все еще держа топоръ на готовѣ: «Что жъ по твоему? Корову жалѣть, а самому съ голоду подыхать!»

— «Нѣтъ, нѣтъ, не умремъ съ голоду!» кричалъ Каспаръ. Голосъ его звучалъ смѣло и рѣшительно. «Пока у меня руки цѣлы, ты голодать не будешь. Я день и ночь готовъ работать на тебя! Не губи свою душу, отпусти несчастное животное!»

— «Такъ бери топоръ и разможжи мнѣ голову», воскликнулъ съ отчаяніемъ Вильмъ. «Я не сдвинусъ съ мѣста, пока не получу, что хочу. — Можешь ты развѣ добыть за меня сокровища Кармиллана? Можешь ты развѣ добыть больше, чѣмъ требуется на самое необходимое?—Но покончить со мною ты въ силахъ—иди, приноси меня въ жертву!»

— «Вильмъ, убей корову, убей меня! Меня не то страшитъ, мнѣ страшно за твою душу! Господи! вѣдь это чортовъ жертвенникъ и жертва твоя — жертва нечистому».

— «Я ничего такого не знаю», кричалъ Вильмъ съ дикимъ хохотомъ. «Каспаръ, ты съ ума сошелъ и меня съ ума сводишь — бери, на», продолжалъ онъ, далеко отбрасывая топоръ и хватаясь за ножъ, «бери свою корову и оставь меня!»

Каспаръ въ одно мгновеніе былъ около друга, выхватилъ ножъ, схватилъ топоръ и прежде чѣмъ Вильмъ успѣлъ опомниться, съ такою силою опустилъ смертоносное орудіе на голову любимого животного, что корова, даже не вздрогнувъ, упала мертвая къ его ногамъ.

Раздался оглушительный ударъ грома, сверкнула

молнія. Вильмъ широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на друга: такъ смотритъ взрослый на ребенка, свершившаго то, на что у самого не хватало духа. Каспаръ, казалось, не слышалъ грозы, не видѣлъ нѣмого оцѣпененія Вильма; онъ склонился надъ коровою и судорожно снималъ съ нея шкуру. Когда Вильмъ опомнился, онъ тоже сталъ молча помогать другу, но съ видимымъ усиліемъ. Все воодушевленіе его пропало; ему претило отъ свершенной жертвы. Тѣмъ временемъ гроза разразилась съ полною силою; громъ не смолкая ревѣлъ въ горахъ, молніи яркими змѣями извивались вкругъ камня, огненные языки лизали мохъ, ущелья, а вихрь, еще не достигшій высотъ, дико завывалъ въ окрестныхъ долинахъ. Наконецъ, кожа была снята и тутъ только рыбаки замѣтили, что промокли до костей.

Шкуру разложили, Каспаръ старательно обмоталъ ею Вильма, прикрутилъ веревкою и подтянулъ его поближе къ камню. Бѣдняга сострадательно взглянулъ на безумнаго друга и спросилъ дрожащимъ голосомъ, черезъ силу прерывая молчаніе: «Что еще могу сдѣлать для тебя, Вильмъ?»

— «Ничего», отвѣчалъ тотъ, «иди теперь!»

— «Прощай», сказалъ грустно Каспаръ, «да хранить тебя Богъ и да проститъ Онъ тебѣ, какъ прощаю я!»

То были послѣднія его слова; въ ту же минуту толстякъ скрылся въ окружающей темнотѣ.

Тутъ закрутила такая гроза съ вихремъ и ливнемъ, какую Вильмъ отъ роду не помнилъ. Сверкнула молнія такая, словно все небо разверзлось надъ нимъ

и Вильмъ ясно различилъ не только окрестныя горы, но и долину внизу, и бушующее море, и скалистые острова вдоль бухты, а между ними какъ бы призракъ страннаго судна безъ мачтъ. Снова все погрузилось въ темноту. Удары грома становились все чаще и оглушительнѣе. Обломки камней скатывались съ горъ и грозили задавить распростертаго у камня Вильма. Ливень лилъ съ такою силою, что скоро узкая долина обратилась въ бурный потокъ. Вода достигала уже плечъ безумца; къ счастью Каспаръ имѣлъ предосторожность втянуть его головою на возвышеніе, иначе онъ легко могъ бы захлебнуться. Вода поднималась все выше и выше; тщетно пытался Вильмъ высвободиться изъ путъ: мокрая шкура все сильнѣе сжимала его. Тщетно звалъ онъ Каспара. Каспаръ былъ уже далеко. Къ Богу взывать онъ не смѣлъ, а ужасъ охватывалъ его при одной мысли воззвать къ тѣмъ силамъ, во власть которыхъ онъ чувствовалъ, что предалъ себя.

Ужъ вода доходила ему до ушей, уже тонкія струйки касались его губъ. «Господи! я погибъ!» вырвалось стономъ изъ устъ его. Въ ту же минуту до него долетѣлъ слабый звукъ какъ бы далекаго водопада и вода тотчасъ же отхлынула съ его лица. Потокъ прорвался черезъ скалы и ринулся въ долину. Въ то же время дождь началъ затихать и небо слегка разъяснилось. Надежда снова закралась въ его сердце. Несмотря на только что испытанный ужасъ смерти и страстное желаніе избавиться отъ путъ, онъ сознавалъ, что цѣль безумнаго предпріятія еще не достигнута и, когда исчезла непосредственная

опасность, въ немъ снова съ прежнею страстью воскресли алчныя мечты. Онъ зналъ, что надо выждать, чтобъ достигъ того, къ чему стремился; потому старался лежать спокойно и скоро крѣпко заснулъ отъ холода и утомленія.

Онъ спалъ около двухъ часовъ, когда его внезапно вывелъ изъ забытья холодный порывъ вѣтра и шумъ какъ бы приближающагося прибоя. Небо снова все заволочло черными тучами. И вотъ снова блеснула молнія, озаряя мѣстность далеко вокругъ и снова, на вершинѣ волны близъ Стинфольдской пещеры мелькнуло судно, мелькнуло и исчезло въ морской глубинѣ. Вильмъ все еще слѣдилъ за видѣніемъ, такъ какъ молнія почти безостановочно сверкала надъ нимъ, какъ вдругъ исполинская волна хлынула съ долины и съ такою силою отбросила его къ утесамъ, что несчастный лишился чувствъ. Когда онъ очнулся, погода улеглась, небо прояснилось, но вдали все еще сверкала зарница. Онъ лежалъ у подножія скалъ, огибающихъ ущелье, и чувствовалъ себя настолько разбитымъ, что едва могъ пошевелиться. Онъ все еще слышалъ тихій шумъ прибоя, а среди него какъ бы торжественные звуки церковнаго пѣнія. Звуки сначала были такъ слабы, что онъ счелъ ихъ за обманъ чувствъ. Но нѣтъ! Они неслись все яснѣе и яснѣе, все ближе и ближе; ему казалось, что онъ уже различаетъ мелодію псалма, что даже слышалъ этотъ псаломъ лѣтомъ на суднѣ голландскихъ сельдепромышленниковъ.

Онъ уже различалъ голоса, уже слышалъ слова гимна. Голоса звучали теперь въ самой долині. Вильмъ

съ трудомъ приподнялъ голову и увидѣлъ длинное шествіе, медленно подвигавшееся къ нему. Лица людей были грустны и озабоченны; вода струилась потоками съ ихъ одеждъ.

Во главѣ шли музыканты, за ними матросы, а сзади нихъ крупный сильный человѣкъ въ старомодномъ богатомъ одѣяніи, съ кинжаломъ у пояса и длинною толстою испанскою тростью съ золотымъ набалдашникомъ въ рукѣ. По лѣвую руку его шелъ негритенокъ и несъ длинную трубку. Отъ времени до времени тотъ бралъ ее, торжественно потягивалъ изъ нея нѣсколько разъ и шелъ дальше. Онъ остановился какъ свѣчка передъ Вильмомъ; за нимъ встали другіе, менѣе роскошно одѣтые; у всѣхъ были въ рукахъ трубки, но не такія драгоценныя какъ трубка толстяка. Сзади стояла еще толпа людей, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ съ дѣтьми. Всѣ были одѣты богато, но въ какія-то невѣдомыя одежды. Кучка голландскихъ матросовъ завершала шествіе. У всѣхъ былъ полонъ ротъ табаку и коротенькая трубка въ зубахъ.

Рыбакъ съ ужасомъ смотрѣлъ на это странное сборище; онъ старался прибодриться, не зная, что дальше произойдетъ. Долго стояли люди вокругъ него, стояли и курили, и дымъ ихъ трубокъ легкимъ облачкомъ носился надъ толпою, застывая временами мерцающія звѣзды. Кругъ все стягивался вокругъ Вильма, трубки пыхтѣли все сильнѣе и облако дыма все ниже и тяжелѣе спускалось надъ нимъ. Соколъ былъ по природѣ отважный человѣкъ, да онъ и приготовился къ самому необыкновенному; но непо-

нятная толпа, все сильнѣе надвигавшаяся на него, словно готовясь раздавить его своею тяжестью, смущала его. Крупный потъ выступилъ у него на лбу; онъ почти терялъ сознаніе отъ страха. Каковъ же былъ его ужасъ, когда, случайно повернувъ голову, онъ увидѣлъ надъ собою неподвижную сидящую фигурку. То былъ желтый человѣчекъ, застывшій и сморщенный, съ трубкою во рту. Смертельный ужасъ обуялъ Вильма. «Именемъ того, кому вы служите, кто вы такіе?» вскричалъ онъ. «Кто вы и что вамъ нужно отъ меня?» Толстый мужчина пыхнулъ три раза изъ трубки, передалъ трубку слугѣ и произнесъ леденящимъ душу голосомъ: «Я Альфредъ Францъ фонъ Свельдеръ, владѣлецъ и командиръ корабля Кармиллана изъ Амстердама. Онъ пошелъ ко дну со всѣмъ грузомъ и экипажемъ здѣсь, у этихъ скалъ, по пути изъ Батавіи; вотъ мои офицеры, а вотъ мои пассажиры, а вотъ мои brave матросы, погибшіе со мною. Зачѣмъ вызвалъ ты насъ изъ глубины? Зачѣмъ нарушилъ нашъ покой?»

— Я хочу знать, гдѣ сокровища Кармиллана?

— «На днѣ морскомъ».

— Гдѣ?

— «Въ Стинфольдской пещерѣ».

— Какъ ихъ получить?

— «Ныряеть же утка за селедкою; неужели сокровища Кармиллана того не стоятъ?»

— Сколько удастся мнѣ добыть?

— «Больше чѣмъ сможешь прожить». Желтый человѣчекъ злорадно усмѣхнулся; зловѣщій хохотъ пронесся по собранію.

— «Все спросилъ?» продолжалъ капитанъ.

— Все. Можешь идти!

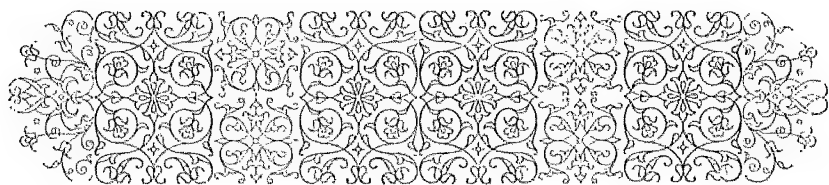
— «Будь здоровъ и до свиданія», отвѣчалъ голландецъ. Онъ повернулся, музыканты прошли впередъ и все шествіе двинулось въ прежнемъ порядкѣ, подъ звуки того же торжественнаго гимна. Все слабѣе и глуше раздавалось пѣніе, пока, наконецъ, не слилось съ отдаленнымъ рокотомъ прибоя. Вильмъ напрягъ всѣ силы, чтобы высвободить руку, наконецъ, это ему удалось. Онъ кое-какъ распуталъ веревку и выбился изъ шкуры. Безъ оглядки побѣждалъ онъ домой и наткнулся въ хижинѣ на неподвижно распростертаго Каспара. Съ трудомъ удалось Вильму привести его въ чувство и еще труднѣе убѣдить въ своемъ существованіи: бѣдняга считалъ друга погибшимъ и принялъ его за призракъ. Добродушный толстякъ рыдалъ отъ радости, видя Вильма здоровымъ и невредимымъ, но радость эта сразу омрачилась, какъ только онъ понялъ, что у того теперь на умѣ.

— «Пойми, я скорѣе брошусь въ пасть самому черту, чѣмъ смотрѣть на эти голыя стѣны и терпѣть эту нужду.—Идешь или нѣтъ со мною,—я одинъ пойду». Съ этими словами онъ схватилъ факель, огниво, веревку и выбѣжалъ за дверь. Каспаръ бросился за нимъ. Онъ настигъ его уже на томъ утесѣ, гдѣ онъ въ тотъ первый разъ укрылся отъ грозы; безумецъ уже прикрѣпилъ веревку и собирался спускаться въ зіяющую подъ нимъ черную пропасть. Тщетно пытался Каспаръ остановить друга; онъ уже хотѣлъ спускаться за нимъ, но Соколы рѣзко крикнули ему не мѣшать, а только держать веревку. Съ страшными

усиліями, подгоняемый непомѣрною алчностью, полѣзъ Вильмъ въ пещеру и добрался до выступа скалы, подъ которымъ бѣшено крутились волны, выкидывая бѣлую пѣну. Онъ засвѣтилъ факель, зорко вглядываясь въ воду и, наконецъ, различилъ что-то прямо подъ собою. Вильмъ отложилъ факель въ сторону и ринулся въ волны. Онъ скоро появился на поверхности, съ тяжелымъ ящикомъ въ рукахъ. Въ ящикѣ оказалось золото. Вильмъ съ торжествомъ сообщилъ о находкѣ товарищу. Каспаръ, рыдая, умолялъ его вернуться, но Соколъ по прежнему былъ глухъ къ его мольбамъ. «Начало недурно, но то ли еще впереди?» думалось ему. Онъ снова нырнулъ въ пучину.— Громкій хохотъ раскатился по морю.— Вильмъ Соколъ больше не появлялся. Каспаръ долго сидѣлъ и ждалъ на краю пропасти, наконецъ пошелъ домой, но уже совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Слабая голова его и любящее сердце не вынесли потрясенія: онъ лишился разсудка. Цѣлыми днями бродилъ онъ по берегу, бессмысленно вперивъ взглядъ въ одну точку; все рушилось вокругъ него, онъ даже не замѣчалъ разрушенія. Прежніе знакомцы жалѣли его и, насколько могли, заботились о немъ. Въ одинъ прекрасный день разнесся слухъ, что кто-то ночью, во время грозы, видѣлъ Вильма на берегу въ числѣ экипажа Кармиллана. Въ тотъ же день исчезъ Каспаръ.

Его всюду искали, но нигдѣ не могли найти. Однако, преданіе гласитъ, что съ тѣхъ поръ нерѣдко видятъ его рядомъ съ Вильмомъ среди людей затонувшаго корабля, въ бурныя ночи у пещеры Стинфольда.

Приключенія Саида.

Во времена Гаруна-аль-Рашида, повелителя Багдада, жилъ былъ въ Бальсорѣ почтенный человѣкъ по имени Бенезаръ. Онъ былъ достаточно богатъ, чтобъ жить себѣ спокойно, не занимаясь ни торговлею, ни какимъ-либо другимъ дѣломъ. Рожденіе сына нисколько не измѣнило его образа жизни. «Къ чему мнѣ на старости лѣтъ тревожиться и промышлять?» говорилъ онъ сосѣдямъ. «Стоитъ трудиться, чтобъ пріобрѣсти Саиду какую-нибудь лишнюю тысячу, если дѣло пойдетъ, или столько же потерять, въ случаѣ неудачи? Гдѣ двое сыты, тамъ и на третьяго хватитъ, говоритъ пословица. Будетъ онъ добрымъ малымъ, ни въ чемъ не будетъ у насъ недостатка». Бенезаръ сдержалъ слово. Онъ не приспособилъ сына ни къ торговлѣ, ни къ какому другому ремеслу, но тщательно заботился о его воспитаніи; пріучилъ его читать мудрыя книги, относиться съ уваженіемъ къ старшимъ и искусно владѣть оружіемъ. Это знаніе онъ почему-то считалъ необходимымъ украшеніемъ для молодого человѣка и скоро Саидъ прослылъ за искуснаго бойца среди товарищей, въ верховой же ѣздѣ и плаваньи ему не было равнаго.

Когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, отецъ послалъ его въ Мекку ко гробу Пророка закончить

на мѣстѣ свое религиозное образованіе, какъ того требуетъ законъ. Передъ отъѣздомъ отецъ призвалъ его къ себѣ, снабдилъ его золотомъ и сказалъ: «вотъ что, сынъ мой! Я лично стою выше предразсудковъ толпы. Мнѣ пріятно слушать разныя сказки и преданія о феяхъ и волшебникахъ, но я далекъ отъ того, чтобъ вѣрить всему этому и не допускаю, какъ многіе другіе невѣжественные люди, чтобъ они имѣли вліяніе на людскую судьбу. Но мать твоя твердо вѣрила въ нихъ и даже разъ, взявъ съ меня клятву, что я никому про это не скажу, созналась, что сама съ самаго рожденія въ постоянномъ сношеніи съ одною волшебницею. Я посмѣялся надъ нею и значенія словамъ ея не придалъ. А все же, Саидъ, при твоёмъ рожденіи произошло не мало удивительныхъ вещей. Весь день лилъ дождь и гремѣлъ громъ и небо было черно какъ уголь; читать даже нельзя было безъ огня. Около четырехъ часовъ пришли сказать мнѣ, что родился сынъ. Я поспѣшилъ къ твоей матери посмотреть ребенка и благословить его; но у дверей ея комнаты встрѣтилъ всѣхъ ея прислужницъ; онѣ объявили, что сейчасъ никакъ нельзя войти, что Земира, мать твоя, всѣхъ удалила и что ей необходимо остаться одной. Я постучалъ въ дверь; все было тихо и дверь не отворилась».

«Мнѣ стало досадно и я хотѣлъ уже удалиться, какъ вдругъ небо неожиданно прояснилось и, что всего удивительнѣе, оно прояснилось только надъ нашимъ городомъ, а вокругъ лежали все тѣже черныя тучи и по прежнему гремѣлъ громъ и сверкали молніи. Пораженный, я любовался невиданнымъ зрѣли-

щемъ. Въ это время дверь въ комнату Земиры широко раскрылась; я сдѣлалъ знакъ служанкамъ подождать и вошелъ одинъ къ твоей матери, спросить, зачѣмъ она заперлась. Когда я вошелъ, меня сразу охватилъ одуряющій запахъ розъ, фіялокъ и гіацинтовъ, у меня сразу закружилась голова. Мать твоя показала на тебя: вокругъ твоей шейки, на тоненькой какъ ниточка золотой цѣпочкѣ, висѣлъ серебряный свистокъ. «Добрая волшебница, о которой я тебѣ рассказывала, была у меня», радостно сказала она, «она подарила вотъ это твоему сыну». — «Такъ это твоя колдунья небо намъ расчистила и такое благоуханіе по себѣ оставила?» засмѣялся я и недовѣрчиво покачалъ головою. «Ну, насчетъ подарка, могла бы что-нибудь получше припасти чѣмъ свистокъ; мѣшокъ золота, или коня, или что-либо такое». Мать твоя испуганно умоляла меня не смѣяться надъ волшебницею, чтобъ ея благословеніе не обратилось въ погибель».

«Я замолчалъ, чтобъ не тревожить ее и у насъ больше не было объ этомъ разговора. Шесть лѣтъ спустя она умерла въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, а передъ смертью отдала мнѣ таинственный свистокъ и поручила отдать его тебѣ, когда тебѣ исполнится двадцать лѣтъ. До этого времени она умоляла никуда не отпускать тебя отъ себя. Вотъ подарокъ», продолжалъ Бенезаръ, вынимая изъ шкатулки небольшой серебряный свистокъ на длинной золотой цѣпочкѣ. «Хоть тебѣ только восемнадцать лѣтъ, но право не вижу разумнаго основанія задерживать тебя еще на два года, какъ того желала твоя мать. Ты юноша скромный, честный, оружіемъ владѣешь не хуже взрослого,

могу тебя хоть сейчасъ объявить совершеннолѣтнимъ. Поѣзжай себѣ съ миромъ и да хранишь тебя Богъ. Въ счастья ли, въ бѣдѣ ли, не забывай отца».

Саидъ нѣжно простился съ отцомъ, повѣсилъ свистокъ себѣ на шею, сѣлъ на коня и поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ собирался караванъ въ Мекку. Собралось до 80 верблюдовъ и нѣсколько сотъ всадниковъ; караванъ двинулся въ путь и Саидъ выѣхалъ изъ города.

Новизна положенія и новыя впечатлѣнія сначала разсѣяли его немного. Когда же выѣхали въ пустыню и мѣстность стала печальна и однообразна, ему больше оставалось времени на размышленіе и онъ задумался надъ словами отца.

Онъ вынулъ свистокъ изъ за-пояса, осмотрѣлъ его внимательно, приложилъ ко рту, попробовать хорошій ли дастъ тонъ; свистокъ не издалъ ни звука. Саидъ надулъ щеки и дунулъ что было силы: свистокъ по прежнему остался нѣмъ. Онъ съ досадою сунулъ его обратно за поясъ. Однако, вскорѣ Саидъ вспомнилъ таинственныя слова матери; ему не разъ приходилось слышать о волшебницахъ и волшебникахъ, но никогда не приходилось видѣть человѣка, который бы дѣйствительно зналъ таковыхъ. Обыкновенно всѣ таинственныя приключенія происходили гдѣ-то въ невѣдомыхъ странахъ и съ невиданными людьми; онъ думалъ, что тѣ времена давно прошли и феи исчезли со свѣта или перестали заниматься судьбою смертныхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ какъ-то былъ склоненъ вѣрить тому сверхъестественному и таинственному, что произошло съ его матерью и такъ

углубился въ подобныя мысли, что цѣлый день ѣхалъ какъ во снѣ, не принимая участія ни въ шуткахъ, ни въ разговорахъ товарищей.

Саидъ былъ очень красивый юноша; красиво очерченный ротъ, прекрасные смѣлые глаза, какое то прирожденное достоинство, довольно рѣдкое въ такомъ юномъ возрастѣ, все располагало въ его пользу. Его статная фигура въ полномъ воинскомъ нарядѣ и изящество съ которымъ онъ легко, но увѣренно управлялъ конемъ, невольно приковывали къ нему взоры спутниковъ. Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ членовъ каравана ѣхалъ рядомъ съ нимъ, любясь юношей, и старался разными вопросами испытать развитіе его духа. Саидъ привыкъ съ почтеніемъ относиться къ старости; онъ отвѣчалъ скромно, но съ достоинствомъ и осмотрительностью, такъ что старикъ пришелъ отъ него въ восторгъ. Но мало по малу, такъ какъ юноша не могъ отдѣлаться отъ занимавшей его мысли, разговоръ перешелъ на міръ таинственности, на геніевъ и волшебницъ. Саидъ спросилъ старика, вѣритъ ли тотъ въ существованіе фей, добрыхъ или злыхъ духовъ, и могутъ ли они, по его мнѣнію, имѣть какое нибудь вліяніе на жизнь людей.

Старикъ погладилъ бороду, покачалъ головою. «Нельзя отрицать», сказалъ онъ, наконецъ, «что бываетъ нѣчто подобное, хотя, по совѣсти признаюсь, что до сихъ поръ ни раза не встрѣчалъ ни карлика-духа, ни генія въ видѣ великана, ни какого-нибудь волшебника или волшебницу». Тутъ старикъ принялся рассказывать юношѣ столько чудесныхъ исторій, что у того голова закружилась и онъ ни о чемъ

другомъ не могъ думать, какъ о таинственныхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ его рожденіе. Ему казалось, что и внезапная переменѣна погоды, и благоуханіе цвѣтовъ въ комнатѣ Земиры—все это имѣетъ глубокое и счастливое значеніе; что онъ самъ стоитъ подѣ особымъ покровительствомъ могучей, благодѣтельной волшебницы и что свистокъ данъ ему на случай, если ему почему-либо понадобится помощь покровительницы.

Всю ночь онъ бредилъ о замкахъ, волшебныхъ коняхъ, геніяхъ и т. п. и жилъ какъ въ волшебномъ царствѣ.

Къ сожалѣнію, на слѣдующій же день ему пришлось убѣдиться, насколько ничтожны сны сравнительно съ дѣйствительностью. Караванъ прошелъ уже большую часть дневного пути, и Саидъ спокойно ѣхалъ рядомъ со своимъ спутникомъ, когда на краю горизонта показалась темная тѣнь; одни сочли ее за песчаный холмъ, другіе за тучу, третьи за новый караванъ. Но старикъ, который много путешествовалъ на своемъ вѣку, предупреждалъ быть осторожнѣе, такъ какъ это вѣроятно шайка арабовъ разбойниковъ. Мужчины схватились за оружіе, женъ и товары поставили посреди и всѣ приготавились къ нападенію. Темная масса медленно двигалась по равнинѣ и напоминала собою стаю журавлей на отлетѣ. Постепенно толпа ускорила движеніе и не успѣли различить отдѣльныхъ людей и оружіе, какъ разбойники вихремъ налетѣли на караванъ и врѣзались въ ряды.

Мужчины отчаянно защищались, но разбойники значительно превышали ихъ числомъ. Они окружили

ихъ со всѣхъ сторонъ, многихъ убили издалека, потомъ пустили въ ходъ копья. Въ эту ужасную минуту Саидъ, все время сражавшійся впереди, схватилъ свистокъ, дунулъ въ него и съ тоскою выпустилъ его: свистокъ по прежнему не издалъ ни звука. Въ отчаяніи отъ разочарованія онъ ринулся впередъ съ копьемъ въ рукѣ и всею силою всадилъ его въ грудь ближайшему арабу. Тотъ покачнулся и упалъ съ коня.

«О Аллахъ, Аллахъ, что ты надѣлалъ!» крикнулъ старикъ. «Теперь мы всѣ погибли!» И онъ не ошибся. Какъ только остальные увидѣли паденіе того араба, они подняли страшный крикъ и съ такою яростью врѣзались въ ряды осажденныхъ, что скоро одолѣли немногихъ оставшихся въ цѣлости людей. Саидъ оказался окруженнымъ пятью или шестью людьми.

Онъ такъ искусно дѣйствовалъ копьемъ, что никто не осмѣливался приблизиться къ нему. Наконецъ, одинъ остановился, натянулъ лукъ и уже собирался спустить тетиву, но другой подаль ему знакъ. Юноша приготовился уже къ нападенію, какъ вдругъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ замѣтить, одинъ изъ арабовъ накинулъ ему на голову петлю. Какъ онъ ни старался разорвать веревку, петля все сильнѣе стягивалась вокругъ его плечъ. Саидъ былъ захваченъ въ плѣнъ.

Караванъ былъ разбитъ и оставшихся въ живыхъ забрали въ плѣнъ; арабы—они не всѣ принадлежали къ одному племени—подѣлили добычу и людей и направились одни къ югу, другіе на востокъ. Рядомъ съ Саидомъ ѣхало четверо вооруженныхъ всадниковъ;

они злобно поглядывали на него и время отъ времени посылали ему проклятія; онъ сообразилъ, что вѣроятно убитый былъ кто нибудь изъ ихъ знати или можетъ изъ ихъ князей. Рабство, ожидавшее его, казалось ему гораздо хуже смерти, и онъ радовался, что навлекъ на себя гнѣвъ всей шайки и что потому его непременно казнятъ въ лагерѣ. Всадники слѣдили за каждымъ его движеніемъ и, каждый разъ, какъ онъ оглядывался, угрожали ему копьями. Онъ успѣлъ, однако, замѣтить, что старикъ, спутникъ его, ѣдетъ тутъ же; а онъ уже считалъ его погибшимъ.

Наконецъ, вдали показались деревья и палатки; когда же они подъѣхали ближе, къ нимъ навстрѣчу высыпала цѣлая толпа женщинъ и дѣтей. Не успѣли они обмѣняться нѣсколькими словами съ разбойниками, какъ страшный вопль огласилъ воздухъ и вся толпа съ проклятіями и поднятыми кулаками обступила Саида. «Вотъ онъ!» кричали всѣ, «вотъ тотъ, кто убилъ великаго Альмансора, храбрѣйшаго изъ смертныхъ. Смерть ему! Бросимъ мясо его на съѣденіе шакаламъ». Они такъ страшно наступали на Саида съ камнями, комями земли и дубинами, что разбойники едва успѣвали оборонять его. «Прочь, ребята, прочь, женщины!» кричали они, разгоняя копьями толпу: «онъ убилъ Альмансора въ бою и долженъ умереть, но не отъ руки женщины, а отъ кинжала храбраго воина».

Они остановились на небольшой полянѣ среди палатокъ. Плѣнныхъ связали по двое и по трое; добычу убрали въ палатки, а Саида повели къ большой палаткѣ нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ. Тамъ

сидѣлъ пожилой, богато одѣтый человѣкъ. Суровый, гордый видъ его сразу указывалъ, что онъ глава племени. Арабы, сопровождавшіе Саида, встали передъ нимъ и печально поникли головами. «Вопли женщинъ уже сказали мнѣ все», сказалъ величественный старикъ, поочередно оглядывая присутствующихъ; «ваши взоры подтверждаютъ это—Альмансоръ погибъ».

— «Альмансоръ погибъ», печально отвѣчали люди, «а вотъ, Селимъ, повелитель пустыни, вотъ его убійца. Мы привели его къ тебѣ на судъ. Какою смертью долженъ онъ умереть? Поразить-ли его издали стрѣлами, прогнать его сквозь ряды копій, или вздернуть на веревку, или привязать къ конскому хвосту?»

— «Кто ты такой?» спросилъ Селимъ, мрачно глядя на плѣнника. Тотъ спокойно ждалъ смерти и ни одна черта его не дрогнула.

Саидъ просто и чистосердечно отвѣтилъ на вопросъ.

— «Убилъ-ли ты моего сына вѣроломнымъ путемъ? Пронзилъ-ли его сзади копьемъ или поразилъ стрѣлою издали?»

— «Нѣтъ», отвѣчалъ Саидъ. «Я убилъ его въ честномъ бою, защищая товарищей. Убилъ его грудь къ груди за то, что онъ на моихъ глазахъ убилъ до восьми изъ нашихъ».

— «Такъ-ли было дѣло?» снова спросилъ Селимъ у сопровождавшихъ.

— «Да, господинъ. Онъ убилъ Альмансора въ открытомъ бою»,—былъ отвѣтъ.

— «Такъ онъ сдѣлалъ ни больше, ни меньше,

чѣмъ каждый изъ насъ сдѣлалъ бы,—возразилъ Селимъ. — Онъ убилъ врага, покушавшагося на его жизнь и свободу. Освободите его».

Мужчины удивленно переглянулись и нехотя принялись исполнять приказаніе. «Такъ убійца сына твоего, храбраго Альмансора, лучшаго изъ нашихъ воиновъ, не умретъ?» спросилъ одинъ, сверкая глазами. «Жаль, что мы не убили его на мѣстѣ».

— «Онъ долженъ жить», крикнулъ Селимъ, «я беру его себѣ, какъ справедливую часть добычи. Онъ будетъ моимъ рабомъ».

Саидъ не зналъ какъ благодарить великодушнаго старика. Мужчины сердито удалились изъ палатки. Когда женщины и дѣти, ожидавшія у входа палатки, узнали о рѣшеніи Селима, они громко завопили и поклялись отмстить смерть Альмансора, хотя бы самъ отецъ отказался отъ кровавой мести.

Остальныхъ плѣнныхъ подѣлили между членами шайки; однихъ отпустили, чтобъ требовать выкупа отъ родственниковъ наиболѣе богатыхъ, а другихъ поставили пастухами къ стадамъ и заставили нести всякія тяжелыя домашнія работы. Саиду досталась иная доля. Смѣлый ли, воинственный видъ его плѣнилъ старца или не обошлось тутъ безъ вліянія благодѣтельной феи? Только Саидъ жилъ скорѣе какъ сынъ, а не какъ слуга, въ палаткѣ грознаго вождя. Непонятное расположеніе къ нему старика возбуждало, однако, ненависть другихъ слугъ. Всюду встрѣчалъ онъ лишь враждебные взгляды, а если шелъ одинъ по лагерю, нерѣдко слышалъ онъ за собою проклятія и бранныя слова, даже не разъ жужжали

вкругъ него стрѣлы, очевидно, предназначенныя ему. Если ни одна изъ нихъ въ цѣль не попала, это объяснялось лишь невидимымъ заступничествомъ могучей покровительницы или таинственной силой серебрянаго свистка, съ которымъ онъ не разставался. Саидъ часто жаловался Селиму на такія покушенія на его жизнь, но тотъ никакъ не могъ найти зачинщиковъ, такъ какъ все племя было противъ чужеземца. Тогда Селимъ рѣшился отпустить его: «Я надѣялся», сказалъ онъ Саиду, «что ты замѣнишь мнѣ сына. Ни ты, ни я неповинны, что это оказалось невозможнымъ. Всѣ озлоблены противъ тебя и я не въ силахъ тебя ограбить. Да и что пользы для насъ, если тебя убьютъ изъ-за угла, а затѣмъ виновныхъ привлекутъ къ отвѣту? Лучше, когда вернутся люди съ набѣга, я скажу, что отецъ твой прислалъ выкупъ, и отпущу тебя съ вѣрными людьми».

— «Да могу-ли я положиться на кого-нибудь кромѣ тебя?» спросилъ смущенно Саидъ. «Вѣдь меня убьютъ дорогой».

— «Этого не посмѣютъ. Я возьму съ нихъ клятву: ея никто еще въ пустынѣ не нарушалъ»,—отвѣчалъ спокойно Селимъ. Нѣсколько дней спустя Селимъ сдержалъ свое слово. Онъ одѣлилъ юношу одеждою, оружіемъ, подарилъ ему коня, собралъ все племя, выбралъ пятерыхъ людей, заставилъ ихъ поклясться страшною клятвою, что не убьютъ юношу, и со слезами отпустилъ Саида.

Пять всадниковъ угрюмо ѣхали по пустынѣ и Саидъ чувствовалъ, насколько неохотно исполняютъ они возложенное на нихъ порученіе. Его немало

заботило и то обстоятельство, что двое изъ нихъ присутствовали при томъ бою, когда онъ убилъ Альмансора. Когда они отъѣхали часовъ на восемь пути, Саидъ услышалъ, что арабы о чемъ-то перешептываются и замѣтилъ, что лица ихъ еще мрачнѣе обыкновеннаго. Онъ сталъ вслушиваться. Говорили они на особомъ нарѣчїи, въ ходу у этого племени при всякаго рода таинственныхъ или опасныхъ предпрїятїяхъ. Саиду нарѣчіе это было нѣсколько знакомо. Селимъ, мечтавшій навсегда оставить при себѣ юношу, нерѣдко цѣлыми часами обучалъ его таинственнымъ словамъ, и вотъ что теперь услышалъ Саидъ:

— «Вотъ то мѣсто», говорилъ одинъ, «тутъ мы напали на караванъ и тутъ палъ храбрѣйшій изъ нашихъ отъ руки мальчишки».

— «Вѣтеръ разметалъ слѣды его коня», вставилъ другой, «но я не забылъ его».

— «И на нашъ стыдъ продолжаетъ жить и пользоваться свободою тотъ, кто поднялъ на него руку? Когда же слыхано, чтобъ отецъ не мстилъ за смерть единственнаго сына?»

— «Но Селимъ старѣетъ и впадаетъ въ дѣтство».

— «А разъ отецъ объ мести не заботится», вступилъ четвертый, «друзья должны вступить за убитаго. Вотъ тутъ на этомъ мѣстѣ надо его прикончить. Такъ водится и водилось искони вѣковъ».

— «Но мы клялись старику», воскликнулъ пятый, «мы не имѣемъ права убивать его; клятва не можетъ быть нарушена».

— «Правда», согласились остальные, «мы клялись, и убійца безнаказанно ускользнетъ изъ нашихъ рукъ».

— «Стой», воскликнулъ одинъ самый мрачный изъ всѣхъ. «Селимъ уменъ, да не такъ уменъ, какъ полагають: вѣдь мы ему не клялись, что доставимъ малаго туда или сюда? Нѣтъ, онъ взялъ съ насъ клятву не убивать его, ну мы и пощадимъ его жизнь. Предоставимъ мечь палящему зною и острому зубу шакала. Вотъ тутъ свяжемъ его и оставимъ». Саидъ не далъ ему договорить; онъ уже былъ на готовѣ, рванулъ коня въ сторону, поднялъ его въ галопъ и стрѣлою помчался по равнинѣ. На минуту разбойники растерялись, но, привычные къ подобнымъ преслѣдованіямъ, быстро раздѣлились, помчались справа и слѣва, а такъ какъ они лучше бѣглеца были знакомы съ ѣздою по пустыни, они скоро нагнали его. Онъ бросился въ сторону, но тамъ встрѣтилъ еще двухъ и пятого съ тыла. Клятва препятствовала имъ пустить въ ходъ оружіе; они арканомъ стащили его съ лошади, связали его по рукамъ и по ногамъ, и бросили среди дороги на раскаленный песокъ.

Саидъ молилъ сжалиться надъ нимъ, обѣщалъ крупный выкупъ, но они съ хохотомъ взмахнули на коней и исчезли. Еще нѣсколько секундъ слышалъ онъ легкій топотъ ихъ коней, потомъ все смолкло: онъ былъ одинъ среди знойной равнины. Саидъ съ отчаяніемъ вспомнилъ о своемъ отцѣ. Не подозрѣвалъ старикъ, что единственный сынъ его мученически кончаетъ жизнь среди раскаленного песка подъ голодною пастью шакала! Спасенія юноша уже не ждалъ. Солнце нестерпимо жгло ему голову; съ безконечнымъ трудомъ ему удалось перевернуться, но облегченіе было не велико. При этомъ усиліи свистокъ на

цѣпочкѣ выпаль у него на песокъ; Саидъ кое-какъ дотянулся до него губами, но даже въ такомъ отчаянномъ положеніи свистокъ не издалъ ни звука.

Саидъ очнулся, услыша шорохъ надъ собою; кто-то схватилъ его за плечо.

Въ отчаяніи онъ откинулъ голову назадъ и скоро потерялъ сознаніе отъ зноя.

Нѣсколько часовъ спустя Саидъ очнулся, услыша шорохъ надъ собою; кто-то схватилъ его за плечо.

Онъ дико вскрикнулъ, воображая, что шакалъ собирается растерзать его. Кто-то подхватилъ его подъ ноги; тутъ уже онъ почувствовалъ, что это не когти хищнаго животнаго, а руки человѣка. Незнакомецъ заботливо возился около него, а двое и трое другихъ тихо разговаривали. «Онъ живъ», шептали они, «только принимаетъ насъ за враговъ».

Наконецъ, Саидъ открылъ глаза и увидѣлъ надъ собою улыбающееся лицо толстаго человѣчка съ маленькими глазами и огромною бородою. Онъ ласково заговорилъ съ нимъ, помогъ ему сѣсть, накормилъ и напоилъ его. Саидъ узналъ, что спаситель его купецъ изъ Багдада, что зовутъ его Калумъ-Бекъ и что онъ торгуетъ шальями и покрывалами для женщинъ. Онъ возвращался изъ торговаго путешествія и нашелъ его замертво лежащимъ на пескѣ. Роскошная одежда Саида и сверкающая рукоятка кинжала обратили его вниманіе; онъ всячески старался привести его въ чувство и, хвала Пророку, это удалось ему. Юноша отъ души благодарилъ купца за спасеніе; онъ чувствовалъ, что погибъ бы непременно безъ участія этого человѣка. Онъ съ благодарностью принялъ предложенное ему мѣсто на одномъ изъ верблюдовъ каравана; у него не было ни силъ, ни средствъ самому выбраться изъ пустыни, да и немного бы онъ выдержалъ пѣшкомъ. Рѣшено было, что онъ отправится съ Калумъ-Бекомъ въ Багдадъ, а тамъ присоединится къ какому-нибудь каравану въ Бальсору.

Дорогою купецъ много рассказывалъ Саиду о великомъ повелителѣ Багдада мудромъ калифѣ Гарунѣ-

аль-Рашидѣ. Онѣ говорилъ о его любви къ правосудію, о его проникательности; какъ онѣ умѣло и просто распутывалъ самыя сложныя дѣла, разбиралъ самыя невѣроятныя тяжбы. «Повелитель нашъ», продолжалъ купецъ, «совсѣмъ необыкновенный человекъ. Если вы воображаете, что онѣ спитъ какъ всѣ люди, вы жестоко ошибаетесь: можетъ, какихъ нибудь два три часа передъ разсвѣтомъ. Мнѣ это извѣстно черезъ Мессура, перваго камерарія калифа. Онѣ мнѣ двоюродный братъ и, знаете, хоть онѣ молчаливъ какъ могила въ томъ, что касается тайнъ господина, но все же по родству прорывается иногда кое-что. Такъ вотъ, вмѣсто того, чтобы спать, калифъ ночью блуждаетъ по улицамъ Багдада и рѣдко недѣля проходитъ, чтобы онѣ не натолкнулся на какое-нибудь необычайное приключеніе. Вѣдь онѣ свой обходъ совершаетъ не въ полномъ парадѣ и верхомъ на конѣ, со стражею вокругъ и факельщиками впереди, но переодѣтый то купцомъ, то солдатомъ, то муфтіемъ. Онѣ ходитъ и смотритъ, все-ли въ порядкѣ въ городѣ.

Поэтому по ночамъ у насъ всѣ въ городѣ необыкновенно вѣжливы со всякимъ дуракомъ, на котораго случайно натолкнешься въ темнотѣ. Это такъ же легко можетъ быть калифъ, какъ какой-нибудь бродяга изъ пустыни, а лѣса довольно вокругъ Багдада, чтобы проучить за ошибку».

Такъ говорилъ купецъ и, какъ не стремился Саидъ успокоить отца, онѣ все же былъ радъ случаю повидать Багдадъ и знаменитаго Гарунъ-аль-Рашида.

Черезъ десять дней они пріѣхали въ Багдадъ.

Саидъ любовался на великолѣпіе города, тогда въ полной силѣ процвѣтанія. Купецъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ и Саидъ съ радостью согласился; тутъ только, среди толкотни людской, пришло ему на умъ, что, кромѣ воздуха, да воды въ Тигрѣ, врядъ ли найдется здѣсь что-либо даровое.

На слѣдующій день онъ только что одѣлся и собирался выйти, не безъ удовольствія сознавая, что даже въ Багдадѣ, пожалуй, обратитъ на себя вниманіе своимъ пышнымъ воинственнымъ нарядомъ—какъ Калумъ-Бекъ вошелъ въ его комнату. Онъ лукаво оглядѣлъ молодого человѣка, погладилъ себѣ бороду и заговорилъ: «Все это прекрасно, молодой человѣкъ! Но что же вы думаете изъ себя предпринять? Вы, насколько мнѣ чудится, большой мечтатель и ни мало не думаете о завтрашнемъ днѣ. Или, можетъ, у васъ достаточно денегъ, чтобъ жить сообразно такому дорогому наряду?»

— «Видите-ли, господинъ Калумъ-Бекъ!» сказалъ застѣнчиво юноша и покраснѣлъ. «Денегъ у меня собственно совсѣмъ нѣтъ, но вы, можетъ быть, одолжите мнѣ немного, чтобъ доѣхать до дома; отецъ мой, конечно, тотчасъ же вышлетъ».

— «Отецъ твой, молодчикъ?» воскликнулъ Калумъ-Бекъ. «Мнѣ кажется солнце опалило тебѣ мозгъ. Ты воображаешь, что я дѣйствительно повѣрилъ твоей нелѣпой сказкѣ, что отецъ твой богатъ, что ты единственный сынъ; и какъ на тебя напали арабы, и какъ ты жилъ у нихъ и все такое. Меня и тогда злила твоя наглая ложь и безстыдство. Я знаю, что въ Бальсорѣ всѣ богатые люди—купцы и я со всѣми

имѣлъ дѣла, и, конечно бы, слышалъ о какомъ-нибудь Бенезарѣ, будь у него хоть крохотное состояніе. Значить, или ты навралъ, что изъ Бальсоры, или отецъ твой просто бѣднякъ и гроша мѣднаго нельзя тебѣ повѣрить. А потомъ это нападеніе въ пустынѣ! Слыханное ли дѣло, съ тѣхъ поръ, какъ мудрый Гарунъ-аль-Рашидъ своимъ словомъ укрѣпилъ торговыя дороги по пустынѣ, чтобъ шайка разбойниковъ осмѣлилась напасть на караванъ и увести въ плѣнъ людей? Наконецъ, это было бы извѣстно, и нигдѣ по всему пути и даже здѣсь въ Багдадѣ, куда стекаются люди со всего свѣта, нигдѣ ничего подобнаго не слышно. Значить, все это ложь, отъявленная ложь, молодой безстыдникъ!»

Блѣдный отъ гнѣва, Саидъ пытался перебить рѣчь злого старика, но тотъ не унимался, кричалъ вдвое громче и неистово размахивалъ руками. «А третья ложь, наглый лгунишка, это насчетъ Селима. Селима знаетъ всякій, кто только слышалъ о разбойникахъ, и Селимъ извѣстенъ какъ самый безжалостный и страшный извергъ, а ты смѣешь утверждать, что убилъ его сына и онъ тебя не растерзалъ въ клочки. Ты болтаешь такія невѣроятныя небылицы, будто Селимъ защищалъ тебя отъ всего племени, держалъ въ своей палаткѣ и отпустилъ безъ выкупа, вмѣсто того, чтобъ повѣсить тебя на первомъ деревѣ. И это тотъ, кто вѣшалъ проѣзжихъ просто ради удовольствія посмотрѣть, какъ они будутъ корчиться? Ахъ, ты отчаянный обманщикъ!»

— «Клянусь душою своею и бородою Пророка, что я сказалъ истинную правду»,—воскликнулъ юноша.

— «Какъ! ты клянешься своею душою?» кричалъ купецъ, «своею черною, лживою душою? Да кто тебѣ повѣритъ? И бороною Пророка, ты, мальчишка без-бородый? Да кто тебѣ повѣритъ?»

— «Конечно, у меня нѣтъ свидѣтелей, продолжалъ Саидъ,—но вѣдь вы нашли меня связаннымъ и брошеннымъ въ пустынь?»

— «Это еще ничего не доказываетъ», сказалъ тотъ. «Ты одѣтъ какъ богатый разбойникъ; легко могло случиться, что ты напалъ на болѣе сильнаго и тотъ одолѣлъ и связалъ тебя».

— «Хотѣлъ бы я посмотрѣть на того, который одинъ или даже вдвоемъ одолѣетъ меня и свяжетъ, развѣ что арканъ на голову накинута!»—возразилъ Саидъ. «Гдѣ вамъ на своемъ базарѣ знать, что можетъ одинъ человѣкъ, владѣющій оружіемъ. Но вы спасли мнѣ жизнь и я долженъ быть вамъ признателенъ. Но что же теперь намѣрены вы дѣлать со мною? Если вы не поддержите меня, мнѣ придется милостыню просить, а у себѣ равнаго я просить не стану, значитъ, мнѣ придется обратиться къ калифу».

— «Вотъ какъ?» съ усмѣшкою промолвилъ Калумъ-Бекъ. «Ни къ кому не удостоите обратиться, кромѣ къ нашему всемилостивѣйшему калифу? Это, что называется, благородное нищенство! Ей, ей! Поразсудите, однако, молодой человѣкъ, что дорога къ калифу идетъ мимо вѣрнаго Мессура, моего двоюроднаго брата, и что достаточно мнѣ шепнуть слово, чтобъ обратить вниманіе каммерарія на вашу чудеснѣйшую способность врать.—Но мнѣ жалко молодости твоей; Саидъ. Ты еще можешь исправиться, изъ тебя еще

можетъ путное выйти. Я возьму тебя къ себѣ на базаръ въ лавку; прослужи у меня годъ и если ты не пожелаешь дольше оставаться, я выплачу тебѣ что слѣдуетъ и отпущу на всѣ четыре стороны. Ступай тогда въ Бальсору или Алеппо, Медину или Стамбулъ, или хоть къ невѣрнымъ—мнѣ все равно. До обѣда даю тебѣ время на раздумье; хочешь—отлично; не хочешь—вычислю тебѣ по дешевой цѣнѣ расходы по путешествію, мѣсто на верблюдѣ, ѣда и пр., расплачусь твоими вещами и вытолкаю за дверь. Можешь идти тогда просить милостыни у калифа или муфти на базарѣ, или у мечети».

Съ этими словами скряга удалился. Саидъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ былъ страшно возмущенъ низостью этого человѣка, который намѣренъ завлечь его въ домъ, чтобъ воспользоваться его безпомощнымъ положеніемъ. Онъ попробовалъ, нельзя-ли убѣжать, но окна были съ рѣшетками, а двери на замкѣ. Наконецъ, послѣ долгаго колебанія, онъ рѣшилъ на первое время принять предложеніе купца и прослужить у него въ лавкѣ. Ему собственно ничего другого не оставалось; даже, еслибъ ему удалось бѣжать, безъ денегъ до Бальсоры добраться было нельзя. Онъ затаилъ въ душѣ мысль при первой возможности обратиться къ калифу.

На слѣдующій день новый слуга былъ водворенъ въ лавку Калумъ-Бека. Купецъ показалъ Саиду всѣ шали и покрывала и объяснилъ ему, въ чемъ должна состоять его служба. Она состояла въ томъ, что Саидъ, одѣтый приказчикомъ, становился у дверей лавки, съ шалью на одной рукѣ и покрываломъ въ

другой. Онъ долженъ былъ зазывать покупателей, мужчинъ и женщинъ, показывать свой товаръ, говорить цѣну и приглашать въ лавку. Теперь Саидъ понялъ, чѣмъ имѣлъ счастье привлечь вниманіе Калумъ-Бека. Купецъ былъ некрасивый, скверный старикашка, и нерѣдко сосѣди или прохожіе отпускали на его счетъ остроты, а женщины прямо звали его пугаломъ; зато всѣ съ удовольствіемъ засматривались на красиваго, статнаго Саида и находили, что онъ особенно красиво держитъ товаръ и съ достоинствомъ зазываетъ покупателей.

Калумъ-Бекъ скоро убѣдился, что торговля пошла много прибыльнѣе со времени появленія молодого человѣка; онъ сталъ привѣтливѣе относиться къ нему, лучше кормить его и заботиться о томъ, чтобъ одежда его была какъ можно красивѣе. Саида весьма мало трогала такая корыстная заботливость хозяина и денно и нощно мечталъ онъ лишь о томъ, какъ бы поскорѣе вернуться на родину.

Однажды торговля у Калума шла особенно бойко и всѣ мальчики, разносившіе товары, были разосланы. Вошла еще какая-то женщина и что-то купила. Она просила отнести ей товаръ на домъ. «Черезъ полчаса все будетъ у васъ», отвѣчалъ Калумъ-Бекъ, «а теперь, къ сожалѣнію, ни одного свободнаго мальчика нѣтъ. Подождите, пожалуйста, или позвольте взять носильщика изъ другой лавки».

— «Какой же вы купецъ, что предлагаете покупателямъ чужихъ разносчиковъ?» воскликнула женщина. «Не можетъ развѣ малый исчезнуть въ толкотнѣ съ моею покупкою? И къ кому мнѣ тогда обратиться?»

Нѣтъ, нѣтъ, ваша обязанность, по правиламъ базара, доставить мнѣ пакетъ на домъ и я имѣю право это требовать».

— «Такъ подождите же полчасика, сударыня!» продолжалъ купецъ, боязливо озираясь. «Всѣ мои разносчики заняты».

— «Это не лавка, разъ нѣтъ разносчиковъ», возразила гнѣвно женщина. «Да вотъ тамъ какой-то лѣнтяй стоитъ; иди сюда, молодецъ, бери пакетъ и неси за мною».

— «Стой, стой!» крикнулъ Калумъ-Бекъ въ ужасѣ. «Это моя вывѣска, мой зазывальщикъ, мой магнитъ! Ему нельзя отходить отъ лавки!»

— «Вотъ еще глупости!» рѣшила женщина и безъ дальнѣйшихъ разсужденій сунула Саиду свой свертокъ. «Что за купецъ и какіе это товары, которые сами за себя не стоятъ и гдѣ требуется такой верзила для вывѣски. Иди, иди, голубчикъ, вѣрно судьба твоя получить на чай сегодня».

— «Такъ бѣги во имя Аримана и всѣхъ бѣсовъ», злобно шепнулъ Калумъ-Бекъ своему магниту, «и смотри, скорѣе возвращайся. Старая вѣдьма весь бы базаръ сюда согнала, вздумай я долѣе противорѣчить ей».

Саидъ шелъ за женщиною и удивлялся, какъ легко и быстро неслась она по тѣснымъ улицамъ. Они остановились у великолѣпнаго дома; она постучала, двери распахнулись; она поднялась по мраморной лѣстницѣ и кивнула Саиду слѣдовать за нею. Она вошла въ высокую обширную залу и Саидъ былъ пораженъ невиданнымъ великолѣпіемъ убран-

ства. Женщина опустилась на подушку, велѣла юношѣ положить свертокъ рядомъ, подала ему серебряную монетку и отпустила домой.

Онъ уже удалялся, когда чистый серебристый голосъ окликнулъ его: «Саидъ!» Пораженный, онъ остановился. вмѣсто пожилой женщины на подушкахъ сидѣла молодая, чудно красивая женщина, окруженная цѣлою свитою невольницъ.

Саидъ молча скрестилъ руки и почтительно поклонился.

— «Саидъ, милый мальчикъ», заговорила красавица, «я очень сожалею о всѣхъ невзгодахъ, которыя привели тебя въ Багдадъ, но это единственное мѣсто, гдѣ можетъ разрѣшиться твоя судьба, разъ ты имѣлъ неосторожность покинуть домъ до двадцатилѣтняго возраста. Саидъ, свистокъ у тебя?»

— «Конечно, у меня», радостно воскликнулъ онъ, вынимая золотую цѣпочку; «а вы вѣрно благодѣтельная фея, которая меня имъ наградила при рожденіи».

— «Я—другъ твоей матери», уклончиво отвѣчала фея, «а также и твой, пока ты останешься такимъ, какъ есть. Ахъ, еслибъ легкомысленный отецъ твой послѣдовалъ моему совѣту. Ты многого бы избѣгнулъ!»

— «Да ужъ вѣрно такъ суждено!» беззаботно возразилъ Саидъ. «А теперь, благодѣтельная фея, запрягите-ка хорошій сѣверовосточный вѣтеръ въ свою облачную колесницу, прихватите меня и помчимся къ отцу. Я тамъ спокойно выжду остальные шесть мѣсяцевъ и общаю никуда не выѣзжать».

Волшебница улыбнулась. «Вотъ ты какъ съ на-

шей сестрою разговариваешь», сказала она, «но, бѣдный мой Саидъ! Внѣ твоего отечества я ничего сверхъестественнаго для тебя сдѣлать не могу. Даже не могу избавить тебя отъ презрѣннаго Калумъ-Бека! Онъ стоитъ подъ покровительствомъ твоего могучаго врага».

— «Такъ у меня даже врагъ есть?» воскликнулъ Саидъ. «Ну, его вліяніе я довольно таки испыталъ. А совѣтомъ можете мнѣ помочь. Не пойти ли мнѣ къ калифу просить защиты? Онъ умный человѣкъ, онъ избавить меня отъ Калумъ-Бека».

— «Да, Гарунъ мудрый человѣкъ», возразила фея. «Но онъ, къ сожалѣнію, тоже человѣкъ. Онъ довѣряетъ своему Мессура, какъ самому себѣ, въ чемъ онъ, пожалуй, правъ, такъ какъ имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ честности и преданности вѣрнаго камерарія. Мессуръ же тоже довѣряетъ своему брату, какъ самому себѣ, и въ этомъ, конечно, неправъ, такъ какъ Калумъ-Бекъ совсѣмъ скверный человѣкъ, хотя и родственникъ Мессура. Калумъ человѣкъ хитрый и тотчасъ по пріѣздѣ переговорилъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ и наплелъ, Аллахъ вѣдаетъ что, про тебя; все это уже передано калифу и, явись ты сейчасъ во дворецъ Гаруну, ты будешь плохо принятъ, такъ какъ довѣріе къ тебѣ подорвано. Но есть другіе пути приблизиться къ нему и въ звѣздахъ написано, что ты современемъ будешь въ большой милости у него».

— «Скверно, если такъ!» печально проговорилъ Саидъ. «Придется мнѣ видно еще нѣкоторое время стеречь лавку противнаго Калумъ-Бека. Но, можетъ,

вамъ возможно оказать мнѣ небольшую милость, милостивая покровительница? Я привыкъ владѣть оружіемъ и любимое мое удовольствіе—это воинскія игры, гдѣ состязаются въ борьбѣ тупыми мечами, копьями, стрѣльбою изъ лука. Здѣсь каждую недѣлю происходятъ такія состязанія между благороднѣйшими юношами города. Но въ ряды принимаются только люди хорошо одѣтые и свободные, а не слуга съ базара. Такъ вотъ, еслибъ вы могли устроить, чтобъ разъ въ недѣлю я могъ явиться туда, да чтобъ меня не сразу узнали по лицу».

«Желаніе вполне подходящее для всякаго благороднаго молодого человѣка», привѣтливо сказала фейя; «отецъ твоей матери былъ храбрѣйшимъ человѣкомъ въ Сиріи и духъ его, повидимому, перешелъ къ тебѣ. Замѣть этотъ домъ. Каждую недѣлю здѣсь будетъ готова для тебя лошадь и два конныхъ конюха, оружіе, одежда и вода для лица, которая сдѣлаетъ тебя неузнаваемымъ для всѣхъ. А теперь, Саидъ, иди домой! Выжди спокойно время, будь уменъ и добродѣтеленъ по прежнему. Черезъ шесть мѣсяцевъ твой свистокъ загудитъ и Зулейма всюду услышитъ его».

Юноша, глубоко тронутый, простился съ своею благодѣтельницею. Онъ замѣтилъ себѣ домъ и улицу и пришелъ обратно къ Калумъ-Беку.

Онъ поспѣлъ на базаръ какъ разъ во-время, чтобъ спасти своего хозяина. Вокругъ лавки стояла огромная толпа, мальчишки прыгали и кривлялись вокругъ купца, взрослые смѣялись. Самъ онъ стоялъ блѣдный отъ злости, въ полномъ замѣшательствѣ, съ шалью въ одной рукѣ и покрываломъ въ другой. Эта стран-

ная сцена была вызвана слѣдующимъ. Когда Саидъ ушелъ, Калумъ вздумалъ самъ занять мѣсто приказчика у лавки и сталъ выкрикивать товаръ, но долго никто не подходилъ къ старому непривлекательному торговцу. Шли двое мужчинъ по базару, намѣреваясь купить подарки для своихъ женъ. Они уже раза три прошли взадъ и впередъ по улицѣ и видимо кого-то или что-то искали.

Калумъ-Бекъ думалъ воспользоваться случаемъ и крикнулъ: «Господа, что вамъ угодно? Господа, сюда, ко мнѣ! Что вы ищете? Покрывала, шали, дорогіе товары?»

«Другъ мой, старина», возразилъ одинъ, «твои товары можетъ великолѣпны, но жены наши привередливы, а теперь вошло въ моду ни у кого не покупать покрываль, кромѣ у красавца Саида. Мы вотъ съ полчаса здѣсь расхаживаемъ, а его не находимъ. Не можешь-ли указать, гдѣ эта рѣдкость скрывается. Другой разъ мы у тебя купимъ».

«Хвала Аллаху!» воскликнулъ радостно ослабляясь Калумъ. «Пророкъ привелъ васъ какъ разъ къ надлежащему мѣсту. Вамъ надо красавца приказчика, покрывала у него купить? Сюда, сюда, здѣсь его лавка».

Одинъ изъ мужчинъ захохоталъ надъ уродливою фигуркою Калума: неужели онъ считаетъ себя красавцемъ? А другой разсердился: онъ подумалъ, что Калумъ смѣется надъ нимъ и потому выругалъ его изрядно. Калумъ-Бекъ былъ внѣ себя; онъ звалъ сосѣдей въ свидѣтели, что именно его лавку зовутъ лавкою прекраснаго приказчика. Сосѣди, давно точившіе на него

зубы за необыкновенный прилив покупателей, отнѣживались со смѣхомъ и оба мужчины серьезно принялись отдѣлывать стараго лгуна. Калумъ защищался больше крикомъ и бранью, чѣмъ кулаками. Полбазара сбѣжалось на его крикъ, всѣ знали его за скупого, отъявленнаго плута, всѣ радовались, что нашелся че-

Уже одинъ изъ нападающихъ схватилъ его за бороду...

ловѣкъ отплатить ему за все. Уже одинъ изъ нападающихъ схватилъ его за бороду, какъ вдругъ кто-то рванулъ того за руку и однимъ ударомъ повергъ на землю, такъ что тюрбанъ отлетѣлъ въ одну сторону, а туфли въ другую.

Толпа громко негодовала; всѣ были рады поражению Калумъ-Бека. Товарищъ упавшаго обернулся посмотреть, кто позволилъ себѣ смѣлость опрокинуть его друга, но когда увидѣлъ красиваго, статнаго юно-

шу съ сверкающимъ взоромъ и воинственной осанкою, онъ не рѣшился напасть на него. Къ тому же Калумъ, въ восторгѣ отъ неожиданнаго спасенія, крикнулъ что было силы, указывая на Саида: «Ну, ну, что скажете теперь? Вотъ онъ, вотъ онъ, господа, вотъ Саидъ, прекрасный приказчикъ». Громкій хохотъ прокатился по толпѣ. Упавшій смущенно озирался; онъ понялъ, что былъ неправъ и поспѣшилъ удалиться со своимъ товарищемъ, не купивши ни шали, ни покрывала.

— «О, звѣзда приказчиковъ, жемчужина базара», кричалъ Калумъ, отводя Саида въ лавку: «Вотъ, что называется прійти во-время, вотъ что называется руку къ дѣлу приложить! Какъ ты ловко его на землю бросилъ, словно онъ никогда стоять не умѣлъ! А я-то! Приди ты минутою позднѣе, не пришлось бы мнѣ больше къ цирюльнику ходить, бородку чесать да холить. Чѣмъ отблагодарить мнѣ тебя?»

Надо сознаться, что если Саидъ помогъ злему купцу, то сдѣлалъ это единственно изъ чувства состраданія; теперь же, когда это чувство улеглось, онъ почти раскаивался, что помѣшалъ отдѣлать хорошенько стараго скрягу. Лишняя прядка волосъ на недѣлку бы его угомонила, подумалъ онъ про себя. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился воспользоваться неожиданнымъ благоволеніемъ купца и попросилъ милости отпустить его разъ въ недѣлю на прогулку или куда ему вздумается. Калумъ согласился, онъ убѣдился, что произвольный слуга его слишкомъ благоразуменъ, чтобъ бѣжать безъ денегъ и безъ приличной одежды.

И такъ желаніе Саида исполнилось. Въ слѣдующую же среду, день, когда знатные люди города собирались на состязаніе, Саидъ отпросился у хозяина. Онъ пошелъ къ дому волшебницы, постучался и двери тотчасъ же распахнулись. Очевидно, его ждали. Слуги сразу провели его въ обширный покой и прежде всего подали ему волшебную воду для умыванья. Онъ омочилъ ею лицо и посмотрѣлся въ зеркало: онъ почти самъ себя не узналъ: кожа его стала совсѣмъ смуглая, вокругъ лица появилась окладистая черная борода и весь онъ выглядѣлъ лѣтъ на десять старше обыкновеннаго.

Потомъ его провели въ другую комнату, гдѣ разложено было такое великолѣпное платьѣ, что самъ калифъ не посовѣстился бы его надѣть въ день парадъ. Помимо тюрбана изъ тончайшей ткани съ застежкой изъ крупныхъ брилліантовъ и высокимъ султаномъ, кафтана изъ тяжелаго пунцоваго шелка, затканнаго серебромъ, тутъ же лежала кольчуга изъ серебряныхъ колець; она была такъ тонко сработана, что свободно гнулась при каждомъ движеніи тѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ плотна, что ни одно копье или мечъ не могли проникнуть сквозь нее. Дамасская сабля въ богатыхъ ножнахъ и съ рукояткою, усаженною драгоценными камнями, дополняла нарядъ. Когда онъ былъ совсѣмъ готовъ, одинъ изъ слугъ подаль ему шелковый платокъ отъ имени своей госпожи; имъ надо было вытереть лицо, чтобъ принять прежній видъ.

Во дворѣ стояли осѣдланные кони. Саидъ сѣлъ на самаго красиваго изъ нихъ, на другихъ сѣли слуги и всѣ весело поскакали къ мѣсту состязанія.

Невольно всѣ взоры обратились на блестящаго всадника, когда онъ вѣхалъ въ кругъ, предназначенный для бойцовъ. Тамъ собрался цвѣтъ Багдадской молодежи; даже братья калифа выѣхали на своихъ гордыхъ скакунахъ, нетерпѣливо потряхивая копьями. При появленіи незнакомца отъ толпы всадниковъ отдѣлился сынъ великаго визиря съ нѣкоторыми друзьями, почтительно привѣтствовалъ его, пригласилъ принять участіе въ играхъ и спросилъ кто онъ и изъ какихъ странъ. Саидъ отвѣчалъ, что зовутъ его Альмансоромъ, что онъ ѣдетъ изъ Каира, путешествуетъ для своего удовольствія и столько слышался о храбрости и ловкости молодежи Багдада, что горитъ нетерпѣніемъ ближе познакомиться съ ними. Молодымъ людямъ очень понравилась мужественная осанка Саида-Альмансора и его благородная внѣшность. Ему тотчасъ же подали копье и предоставили выбрать партію: все общество обыкновенно дѣлилось на двѣ части и фехтовало другъ съ другомъ по одиночкѣ и группами.

Если уже внѣшность Саида обратила всеобщее вниманіе, тѣмъ сильнѣе привела всѣхъ въ восторгъ его необыкновенная ловкость и изящество движеній. Конь его леталъ какъ стрѣла, а мечъ сверкалъ еще быстрѣе. Онъ такъ легко, увѣренно и мѣтко бросалъ копье, словно то была стрѣла, пущенная изъ тугого лука. Онъ побѣдилъ всѣхъ храбрѣйшихъ изъ партіи противниковъ и въ концѣ состязанія былъ единогласно провозглашенъ побѣдителемъ. Одинъ изъ братьевъ калифа и сынъ великаго визиря, которые сражались въ одной съ нимъ партіи, просили состязаться съ нимъ.

Али, братъ калифа, былъ побѣжденъ имъ, а сынъ великаго визиря такъ мужественно защищался, что послѣ долгой борьбы рѣшено было оставить продолженіе до слѣдующаго раза.

На слѣдующій день во всемъ Багдадѣ ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о богатомъ, храбромъ и красивомъ незнакомцѣ, всѣ, даже побѣжденные, увлекались его благородными манерами; въ лавкѣ Калумъ-Бека только и было толка, что о немъ. Всѣ напереывъ сожалѣли, что никто не зналъ, гдѣ онъ живетъ. На слѣдующую среду Саидъ снова былъ на играхъ. Платье и вооруженіе его были еще великолѣпнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Пол-Багдада толпилось за барьеромъ; самъ калифъ съ балкона любовался на зрѣлище. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ незнакомца и, по окончаніи игръ, самъ возложилъ на него въ знакъ милости золотую цѣпь съ медалью. Такой необычайный знакъ отличія не замедлилъ возбудить зависть въ другихъ участникахъ борьбы. «Не стыдѣ-ли намъ», говорили они, «что чужеземецъ является въ Багдадъ лишать насъ чести, славы и побѣды? Потомъ онъ станетъ хвастать въ другихъ мѣстахъ, что среди цвѣта Багдадской молодежи не нашлось ему достойнаго соперника?» Они сговорились на слѣдующій разъ, будто случайно, напасть на него въ пятеромъ или шестеромъ.

Отъ проницательнаго взгляда Саида не укрылись признаки неудовольствія вокругъ него. Онъ видѣлъ какъ тѣ шептались въ углу и указывали на него свирѣпыми взглядами; онъ справедливо предполагалъ, что кромѣ брата калифа и сына великаго визиря всѣ

нѣкоторымъ образомъ настроены противъ него. Даже и тѣ тяготили его вопросами: куда можно прійти навѣстить его, чѣмъ онъ занимается, что нравится ему въ городѣ и пр.

По странному совпаденію, одинъ изъ молодыхъ людей, замышлявшихъ недоброе противъ Саида, былъ никто иной, какъ тотъ, кого онъ повалилъ передъ лавкою Калумъ-Бека, когда онъ собирался вцѣпиться въ бороду злополучнаго купца. Человѣкъ этотъ всегда какъ-то особенно пристально провожалъ его завистливымъ взоромъ. Саидъ нѣсколько разъ побѣждалъ его въ бою, но все же это не была достаточная причина для такой упорной враждебности; юноша опасался, не догадался-ли тотъ какъ-нибудь по росту или по голосу, кто его противникъ. Подобное открытіе было бы очень некстати и могло вызвать большія непріятности для Саида.

Заговоръ завистниковъ искуснаго бойца рушился о предусмотрительность и отважность Саида. Много помогли ему также друзья его, братъ калифа и сынъ визиря. Когда они замѣтили, что Саидъ окруженъ по меньшей мѣрѣ шестью всадниками, которые всѣ пытаются свалить его съ коня или обезоружить, благородные молодые люди бросились въ толпу нападающихъ, разогнали ее и пригрозили совсѣмъ удалить изъ круга тѣхъ, кто способенъ на такой предательскій образъ дѣйствій.

Уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ возбуждалъ такимъ образомъ Саидъ удивленіе жителей Багдада, когда однажды, возвращаясь домой съ ристалища, услышалъ какіе-то голоса, которые показались ему зна-

комыми. Передъ нимъ шли четверо мужчинъ и пови-
димому о чемъ-то совѣщались. Саидъ подошелъ по-
ближе; онъ узналъ нарѣчіе шайки Селима и заподо-
зрилъ, что эти четверо вышли на грабежъ. Первое
его движеніе было удалиться, но потомъ онъ сооб-
разилъ, что, можетъ быть, ему удастся помѣшать ка-
кому-нибудь злодѣйству, и сталъ вслушиваться.

— «Привратникъ ясно сказалъ, что по улицѣ влѣво
отъ базара. Онъ будетъ тамъ ночью съ великимъ ви-
зиремъ».

— «Ладно», отвѣчалъ другой «Великаго визиря
нечего бояться: онъ старъ и не изъ храбрецовъ, но
у калифа мечъ остеръ и я ему не довѣряю. Вѣрно
за нимъ гдѣ-нибудь слѣдомъ крадутся человекъ де-
сять тѣлохранителей».

— «Ни души», возразилъ третій, «кому только
случалось встрѣчать его ночью, тотъ всегда видѣлъ
его одного или вдвоемъ съ великимъ визиремъ или
Мессуромъ. Сегодня онъ будетъ нашъ, только чуръ!
Чтобъ вреда ему не причинять!»

— «Полагаю, что самое лучшее набросить ему
арканъ на голову. Убить его нѣтъ смысла: за трупъ
врядъ-ли большой выкупъ дадутъ, да еще дадутъ-ли?»

— «Такъ, значить, въ часть по полуночи!» рѣшили
они и разошлись въ разныя стороны.

Саидъ былъ ошеломленъ открытіемъ. Онъ по-
вернулъ было ко дворцу, чтобъ предупредить ка-
лифа объ опасности, но во-время вспомнилъ слова
волшебницы о томъ, что калифъ настроенъ противъ
него. Его или осмѣютъ, или посмотрятъ на его слова,
какъ на попытку втереться въ милость къ повели-

телю Багдада. Саидъ рѣшилъ, что лучше всего положитьсь на добрый мечъ свой и лично спасти калифа отъ злодѣевъ.

Онъ не вернулся къ Калумъ-Беку, а пристѣлъ на ступени мечети и сталъ ждать наступленія ночи. Когда стало темно, онъ прошелъ мимо базара въ ту улицу, о которой упоминали разбойники, и притаился тамъ за выступомъ дома. Онъ стоялъ тамъ около часа, когда услышалъ шаги и увидѣлъ двѣ темныя фигуры. Сначала онъ принялъ ихъ за калифа и его спутника, но одинъ изъ мужчинъ хлопнулъ въ ладоши и въ то же мгновеніе двое другихъ неслышно спустились по улицѣ отъ базара. Злодѣи пошептались съ минутою, потомъ раздѣлились: трое притаились недалеко отъ Саида, а одинъ сталъ медленно прохаживаться по улицѣ. Ночь была очень темна, хотя спокойна, и Саиду пришлось положиться единственно на свой тонкій слухъ.

Прошло еще полчаса; со стороны базара послышались шаги. Разбойники тоже, вѣроятно, слышали ихъ; тотъ, кто ходилъ по улицѣ, осторожно направился къ базару. Шаги приближались и скоро Саидъ различилъ нѣсколько темныхъ фигуръ. Вдругъ кто-то хлопнулъ въ ладоши и всѣ трое ринулись изъ засады. Повидимому, противники были вооружены. Саидъ услышалъ звукъ скрещенныхъ мечей. Онъ выхватилъ мечъ и съ крикомъ: «Да падутъ враги великаго Гаруна!» бросился на разбойниковъ, сшибъ первымъ же ударомъ одного на землю и схватился съ двумя другими, которые пытались обезоружить пойманнаго ими въ арканъ человѣка. Саидъ съ быстротою молніи пе-

перубилъ веревку, но размахъ былъ такъ силенъ, что онъ тѣмъ же ударомъ перерубилъ руку державшаго веревку разбойника. Тотъ упалъ на колѣни съ громкимъ воплемъ. Четвертый, занятый другимъ плѣнникомъ, бросился на Саида, но тотъ, на котораго накинута арканъ, быстро сбросилъ съ себя петлю и ударомъ кинжала поразилъ разбойника въ бокъ. Оставшійся на ногахъ бросилъ саблю и убѣжалъ.

Саидъ недолго оставался въ неизвѣстности относительно того, кого онъ спасъ. Одинъ изъ мужчинъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— «Одно удивительнѣе другого: покушеніе на мою жизнь или свободу и неожиданная помощь или спасеніе. Откуда ты узналъ кто я? Зналъ ты о намѣреніи этихъ людей?»

— «Повелитель правовѣрныхъ», отвѣчалъ Саидъ, — «теперь я не сомнѣваюсь, что это именно ты. Я шелъ вечеромъ по улицѣ Эль-Молекъ и встрѣтилъ четверыхъ людей, таинственное нарѣчіе которыхъ случайно знакомо мнѣ. Они сговаривались взять тебя въ плѣнъ, а почтеннаго спутника твоего убить. Было слишкомъ поздно, чтобъ предупредить тебя и мнѣ оставалось только идти на условленное мѣсто и попытаться спасти тебя».

— «Благодарю тебя», сказалъ Гарунъ. «Тутъ нехорошо застѣиваться; возьми этотъ перстень и приходи съ нимъ завтра во дворецъ. Мы поговоримъ о тебѣ и увидимъ, что можно сдѣлать, чтобъ отблагодарить тебя за спасеніе. Идемъ, визирь, опасно здѣсь долго стоять: они могутъ вернуться».

Визирь обернулся къ юношѣ и, протягивая удив-

ленному юношѣ тяжелый кошелекъ, взволнованно сказалъ: «Молодой человѣкъ! Повелитель нашъ, калифъ, можетъ произвести тебя во все, что ему угодно, назначить даже преемникомъ моимъ, но я очень немного могу сдѣлать для тебя, а что могу — лучше сдѣлать сейчасъ, чѣмъ завтра. Возьми это золото. Но этимъ не исчерпана моя благодарность. Если чѣмъ могу быть полезнымъ тебѣ, смѣло иди ко мнѣ».

Наверху блаженства Саидъ пошелъ домой. Здѣсь ждала его буря. Калумъ-Бекъ сперва безпокоился о его отсутствіи, потомъ вообразилъ, что его прекрасная вѣвка пропала и пришелъ въ ярость. Онъ рвалъ и металъ и осыпалъ Саида бранью и упреками. Саидъ не остался у него въ долгу. Онъ успѣлъ заглянуть въ кошелекъ и убѣдился, что даже безъ милости калифа — ужъ тотъ, конечно, не окажется менѣ благодаренъ, чѣмъ визирь его — можетъ вернуться на родину. Слово за слово онъ раздраженно заявилъ Калуму, что ни минуты болѣе не останется у него въ домѣ. Калумъ-Бекъ сначала испугался, потомъ захохоталъ: «Ахъ, ты, оборванецъ, бродяга, презрѣнный негодяй! Да куда ты дѣнешься, если я брошу о тебѣ заботиться? Ктѣ накормить тебя? Куда ты голову преклонишь?»

— «Объ этомъ, пожалуйста, не безпокойтесь, милостивый Калумъ-Бекъ», упрямо возразилъ Саидъ, «живите себѣ на здоровье, а меня больше вамъ въ глаза не видать».

Онъ выбѣжалъ за дверь, а Калумъ-Бекъ такъ и остался съ раскрытымъ отъ изумленія ртомъ. На слѣдующее утро, хорошенько обдумавъ дѣло, онъ ра-

зослалъ по городу своихъ посыльныхъ разузнать, куда скрылся бѣглець. Долго искали Саида, наконецъ, одинъ донесъ, что видѣлъ красавца приказчика выходящимъ изъ мечети; онъ шелъ въ каравансарай. «Только онъ уже совсѣмъ не тотъ», добавилъ мальчикъ; «на немъ чудный кафтанъ, кинжалъ и сабля и великолѣпный тюрбанъ».

Калумъ-Бекъ былъ внѣ себя. «Онъ обокралъ меня и одѣлся на эти деньги. О, несчастный я чело-вѣкъ!» Онъ побѣжалъ къ начальнику полиціи, а такъ какъ тотъ зналъ, что Калумъ родственникъ Мессура, любимца калифа, купцу нетрудно было добиться приказа арестовать Саида.

Саидъ сидѣлъ у каравансарая и спокойно договаривался съ однимъ купцомъ насчетъ путешествія въ Бальсору. Вдругъ на него неожиданно напало нѣсколько чело-вѣкъ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, связали ему руки за спиною. На его вопросъ, съ какого права они рѣшаются на такое насиліе среди бѣлаго дня, ему отвѣчали, что это дѣлается во имя полиціи, по требованію законнаго хозяина его Калумъ-Бека. Тутъ подошелъ самъ гнусный скряга, обыскалъ связаннаго юношу и съ торжествомъ вытащилъ у него изъ-за пояса кошелекъ съ золотомъ.

Окружающіе съ удивленіемъ смотрѣли на него. «Посмотрите, посмотрите! Вотъ онъ, мошенникъ, сколько накралъ у меня!» кричалъ Калумъ. И люди съ отвращеніемъ глядѣли на Саида и говорили: «Какая гадость! Такой молодой, такой красивый и такъ испорченъ! Къ суду, къ суду его, пусть хоро-

шенько батогами его!» Саида увели и толпа все росла вокругъ него и всѣ кричали: «Посмотрите! Вотъ красавецъ Саидъ съ базара. Онъ обокралъ хозяина и бѣжалъ! Цѣлыхъ двѣсти червонцевъ укралъ!»

Начальникъ полиціи грубо встрѣтилъ арестованнаго. Саидъ хотѣлъ объясниться, но тотъ не далъ ему рта открыть и выслушалъ лишь купца. Онъ поднялъ кошелекъ и спросилъ—эти-ли деньги украдены у него. Калумъ-Бекъ поклялся. Но, увы! ложная клятва дала ему двѣсти червонцевъ, но похитила приказчика, котораго онъ цѣнилъ въ пять разъ дороже. Судья вынесъ приговоръ: «По закону, только что изданному милостивымъ повелителемъ нашимъ калифомъ, всякое воровство, превышающее сто червонцевъ и совершенное на базарѣ, наказуется ссылкой на пустынный островъ. Этотъ мошенникъ является какъ разъ во-время; онъ является двадцатымъ такимъ молодцомъ; завтра ихъ посадятъ на барку и вывезутъ въ море».

Саидъ былъ въ отчаяніи: онъ умолялъ выслушать его, дать ему возможность сказать слово калифу. Судья былъ глухъ къ его мольбамъ. Калумъ-Бекъ, горько раскаиваясь въ своей клятвѣ, тоже просилъ за него, но судья строго остановилъ его: «Ты получилъ свои деньги и ступай себѣ домой. Остальное до тебя не касается, не то наложу на тебя штрафъ за противорѣчіе». Калумъ замолчалъ и Саида увели.

Его бросили въ темную, сырую тюрьму, гдѣ на соломѣ, на полу, валялось девятнадцать несчастныхъ заключенныхъ. Они встрѣтили новаго товарища грубымъ хохотомъ и проклятіями противъ калифа и его

судей. Какъ ни ужасна была ожидающая его судьба и какъ ни ужасна мысль очутиться на необитаемомъ островѣ, но онъ все же утѣшался мыслью, что уже завтра покинетъ эту смрадную, душную яму. Несчастный не подозрѣвалъ, что на морѣ будетъ еще хуже. Заключенныхъ бросили въ трюмъ, гдѣ даже нельзя было стоять и тутъ поднялась страшная возня и драка изъ-за лучшихъ мѣстъ.

Подняли якорь. Саидъ заплакалъ горькими слезами, когда корабль пришелъ въ движеніе. Разъ въ день несчастнымъ подавали немного хлѣба и плодовъ и по глотку воды, и такъ темно было въ ихъ помѣщеніи, что всегда вносили свѣтъ, чтобы раздавать имъ пищу. Несчастные прямо задыхались. Каждые два, три дня уносили мертвыхъ отъ недостатка воздуха и Саидъ выжилъ исключительно благодаря своей молодости и здоровью.

Они плыли уже около четырнадцати дней, когда однажды почувствовали, что волны сильнѣе плещутъ о стѣны и какое-то необычное движеніе и бѣготня поднялись на палубѣ.

Саидъ сообразилъ, что начинается буря, ему стало даже пріятно: онъ надѣялся умереть.

Корабль бросало все сильнѣе и сильнѣе; послышался страшный трескъ и корабль сѣлъ. Крики и дикіе вопли раздались на палубѣ и мѣшались съ завываніемъ бури. Наконецъ, все стихло, но тутъ одинъ изъ заключенныхъ замѣтилъ течъ въ кораблѣ. Они стали стучаться въ западную наверхъ, но никто не откликнулся. Тогда общими усиліями они налегли на дверь и выломали ее.

Несчастные вбѣжали навѣрхъ, но тамъ уже никого не было. Весь экипажъ спасся на лодкахъ. А между тѣмъ буря становилась все сильнѣе, корабль трещалъ и накренился. Заключенные пришли въ отчаяніе. Они сбились въ кучу на палубѣ и ждали смерти. Когда немного стихло, они пообѣдали вмѣстѣ остатками запасовъ на кораблѣ; но вотъ снова налетѣлъ вихрь, корабль сорвало съ утеса, на которомъ онъ сидѣлъ и онъ тутъ же исчезъ въ волнахъ. Саидъ успѣлъ ухватиться за мачту и все еще держался за нее, когда корабль погрузился въ воду. Волны бросали его во всѣ стороны, но онъ, насколько возможно, управлялъ ногами и все-таки держался надъ водою. Такъ плавалъ онъ съ опасностью жизни около часа и уже начиналъ терять силы, когда цѣпочка со свисткомъ снова выпала у него изъ-за ворота и онъ рѣшилъ еще разъ попытать счастья. Онъ крѣпко ухватился одною рукою за мачту, другою поднесъ свистокъ ко рту и вдругъ—раздался ясный, чистый звукъ и въ то же мгновеніе буря улеглась, а волны сгладились, словно на нихъ масла вылили. Саидъ вздохнулъ съ облегченіемъ и оглянулся, не видно-ли гдѣ земли. Земли нигдѣ не оказалось, но онъ почувствовалъ, что мачта подъ нимъ какъ-то странно вытягивается, начинаетъ двигаться... Онъ сидѣлъ уже не на обломкѣ мачты, а на огромномъ дельфинѣ. Въ первую минуту онъ растерялся, но скоро самообладаніе вернулось къ нему, особенно, когда онъ увидѣлъ, что дельфинъ быстро, но вполне спокойно и увѣренно продолжаетъ свой путь. Онъ понялъ, что обязанъ спасеніемъ серебряному свистку и благодарной

волшебницѣ, и, ликуя, пропѣлъ ей благодарственный гимнъ.

Чудный водяной конь неся стрѣлою по волнамъ и еще до вечера Саидъ увидѣлъ вдали землю и устье широкой рѣки. Дельфинъ завернулъ въ нее. Вверхъ по теченію онъ поплылъ тише, а такъ какъ Саидъ умиралъ съ голода, онъ рѣшилъ попробовать, нельзя-ли тѣмъ путемъ, какъ обыкновенно дѣлается въ сказкахъ, добыть себѣ пообѣдать. Онъ свистнулъ въ свой свистокъ и пожелалъ хорошее угощеніе. Тотчасъ же дельфинъ остановился, а изъ воды вынырнулъ столъ такой сухой, словно онъ недѣлю стоялъ на солнцѣ. Онъ весь былъ уставленъ отборнѣйшими яствами. Саидъ обильно закусилъ, а когда насытился, благодарилъ невидимаго духа; столъ нырнулъ въ глубину, а Саидъ подтолкнулъ ногою дельфина и тотъ спокойно поплылъ далѣе.

Солнце уже садилось, когда Саидъ увидѣлъ вдали большой городъ, который напомнилъ ему Багдадъ своими минаретами. Мысль о Багдадѣ не особенно улыбалась ему, но довѣріе его къ могучей покровительницѣ было такъ велико, что онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что она никогда не предастъ его въ руки презрѣннаго Калумъ-Бека. Въ сторонѣ отъ города, на берегу рѣки, онъ увидѣлъ роскошный загородный дворецъ и съ удивленіемъ замѣтилъ, что дельфинъ несетъ его прямо въ ту сторону.

На крышѣ дома стояло нѣсколько богато одѣтыхъ мужчинъ, а на берегу собралась большая толпа слугъ и всѣ смотрѣли на него и съ удивленіемъ размахивали руками. Дельфинъ остановился у широкой мра-

морной лѣстницы, спускавшейся къ морю, и не успѣлъ Саидъ встать на первую ступень, какъ рыба исчезла. Тотчасъ же подошли къ нему слуги и отъ имени владѣльца дворца пригласили слѣдовать за ними. Ему подали другое платье и провели на крышу. Тамъ встрѣтилъ онъ трехъ богато одѣтыхъ мужчинъ; одинъ изъ нихъ привѣтливо выступилъ къ нему: «Кто ты, чудный незнакомецъ?», заговорилъ онъ, «ты, что управляешь морскими чудовищами, какъ лучший всадникъ своимъ конемъ? Волшебникъ ты или простой смертный?»

— «Господинъ», отвѣчалъ Саидъ, «мнѣ очень плохо жилось это время, но, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе, расскажу свои невѣроятныя приключенія». И онъ началъ рассказывать все, что пережилъ съ той минуты, какъ выѣхалъ изъ родительскаго дома до чудеснаго спасенія на дельфинѣ. Часто присутствующіе прерывали его удивленными возгласами. Когда же онъ кончилъ, хозяинъ дома сказалъ: «Я вѣрю тебѣ, Саидъ! Но ты говорилъ, что на состязаніи получилъ золотую цѣпь, а потомъ перстень отъ калифа. Цѣпы у тебя еще эти вещи?»

— «Здѣсь, на груди моей, хранятся онѣ», отвѣчалъ юноша, «и только съ жизнью удалось бы ихъ вырвать у меня. Для меня слишкомъ дорога память о спасеніи великаго Гаруна-аль-Рашида!» Онъ досталъ цѣпь и перстень и подалъ ихъ незнакомцу.

— «Клянусь бородою Пророка! Это тотъ самый перстень, мой перстень», воскликнулъ высокій мужчина. «Великій визирь, обними его, вотъ нашъ спаситель». Саидъ былъ какъ во снѣ. Онъ мигомъ очу-

тился въ объятіяхъ калифа, потомъ великаго визиря и совсѣмъ растерялся. Но вотъ онъ опомнился и бросился ницъ передъ Гаруномъ: «Прости раба, повелитель правовѣрныхъ, что я такъ просто говорилъ о тебѣ. Теперь вижу, что ты самъ Гарунъ-аль-Рашидъ, великій калифъ Багдада».

— «Я самый и другъ твой!» отвѣчалъ Гарунъ. «Теперь конецъ твоимъ несчастіямъ. Ты поѣдешь со мною въ Багдадъ и останешься навсегда при мнѣ. Та ночь доказала, что я тебѣ не безразличенъ, а пожалуй, не всякій изъ моихъ вѣрныхъ слугъ выдержалъ бы такое испытаніе!»

Тронутый Саидъ благодарилъ калифа и общалъ до гроба не разставаться съ нимъ, но просилъ разрѣшенія съѣздить сперва къ отцу, успокоить старика. Калифъ не могъ не согласиться на такое справедливое желаніе. Они сѣли на коней и до заката солнца прибыли въ Багдадъ. Калифъ отвелъ Саиду длинный рядъ комнатъ въ собственномъ дворцѣ и общалъ въ скоромъ времени выстроить для него отдѣльный домъ.

При первой вѣсти о радостномъ событіи, старые друзья по оружію, братъ калифа и сынъ визиря, явились къ Саиду. Они обнимали спасителя дорогихъ имъ людей и предлагали свою дружбу. «Мы давно друзья», сказалъ Саидъ и показалъ цѣпь, полученную имъ на состязаніи. Они сначала не повѣрили, такъ какъ видѣли его всегда съ бородою и очень смуглаго, а теперь передъ ними стоялъ безбородый и блѣлый юноша. Саидъ, смѣясь, велѣлъ принести тупое оружіе, началъ фехтовать съ ними и еще разъ

доказалъ, что онъ никто иной, какъ храбрый Альмансоръ. Друзья съ восторгомъ привѣтствовали товарища и Саидъ тутъ же разсказалъ зачѣмъ и какъ мѣнялъ онъ видъ свой.

На слѣдующій день Саидъ сидѣлъ у калифа, когда вошелъ Мессуръ, камерарій и доложилъ: «Повелитель правовѣрныхъ, если разрѣшишь, я бы просилъ тебя объ одной милости».

«Выслушаемъ сперва», отвѣчалъ Гарунъ.

— «Тамъ ждетъ мой любимый двоюродный братъ Калумъ-Бекъ, извѣстный купецъ Багдада. У него странное препирательство съ однимъ человѣкомъ изъ Бальсоры. Сынъ того служилъ у Калумъ-Бека, обокралъ его и бѣжалъ, никто не знаетъ куда. Теперь отецъ требуетъ сына своего отъ Калума, а у того его нѣтъ. Калумъ какъ великой милости просить тебя выслушать его, и своимъ свѣтлымъ умомъ и мудростью рѣшить споръ его съ чужеземцемъ».

«Хорошо», согласился калифъ. «Черезъ полчаса пусть идетъ твой братъ съ своимъ противникомъ въ залу суда».

Мессуръ вышелъ, а Гарунъ сказалъ: «Это навѣрное твой отецъ, а такъ какъ, къ счастью, я знаю все какъ было, судъ мой будетъ настоящій судъ Соломона. Ты, Саидъ, спрячься за завѣсу трона и не показывайся, пока я не позову, а ты, великій визирь, пошли за неправеднымъ судьей. Мнѣ онъ понадобится при допросѣ».

Оба послѣдовали приказанію. Сердце Саида забилося сильнѣе, когда онъ увидѣлъ блѣдную, исхудалую фигуру отца, нетвердыми шагами входящаго въ

залу. Отъ него не ускользнула также самоувѣренная, хитрая улыбка Калума, который, проходя, что-то шепнулъ Мессуру. Саида взяло такое зло, что онъ чуть не выпрыгнулъ изъ-за занавѣски. Всѣ его бѣды и несчастія проистекали отъ гнуснаго старикашки.

Въ залѣ собралось много народа: всѣ жаждали слышать праведный судъ калифа. Великій визирь подалъ знакъ молчанія; повелитель Багдада взошелъ на тронъ и велѣлъ выступить истцу.

Калумъ-Бекъ нахально выступилъ впередъ и началъ: «Нѣсколько дней тому назадъ я стоялъ у дверей своей лавки, какъ вдругъ прошелъ глашатай съ кошелькомъ въ рукѣ, а за нимъ этотъ человѣкъ. Глашатай кричалъ: «Кошель золота тому, кто можетъ доставить свѣдѣнія о Саидѣ изъ Бальсоры!» Этотъ Саидъ былъ у меня въ услуженіи, почему я крикнулъ: «Сюда, другъ, я могу заслужить твой кошель». Тотъ человѣкъ, что теперь такъ свирѣпо на меня смотритъ, привѣтливо подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что извѣстно мнѣ о его сынѣ. Я спросилъ: «Вы, Бенезаръ, его отецъ?» А когда онъ радостно утвердилъ это, я разсказалъ ему все, что зналъ, какъ я спасъ молодого человѣка въ пустынѣ, какъ привезъ его въ Багдадъ. На радости онъ отдалъ мнѣ кошель. Но не безумный-ли это человѣкъ? Когда я сталъ разсказывать дальше и сказалъ, что сынъ его служилъ у меня и надѣлалъ глупостей и обокралъ меня, а потомъ скрылся, онъ ничего слышать не хотѣлъ, и вотъ теперь пристаесть ко мнѣ, требуетъ съ меня сына и деньги назадъ. А я не могу отдать ни того, ни другого. Деньги—мой по праву за новость, а его негодяй сынъ пропалъ».

Заговорилъ Бенезаръ. Онъ описалъ сына, говорилъ, насколько тотъ благороденъ и добръ, и что прямо невозможная вещь, чтобъ онъ укралъ. Онъ умолялъ калифа строго разслѣдовать дѣло.

— «Надѣюсь», началъ Гарунъ, обращаясь къ купцу, «что ты заявилъ о кражѣ?»

— «О, конечно», отвѣчалъ тотъ улыбаясь, «я сдалъ его судѣ».

— «Привести судью», приказалъ калифъ. Ко всеобщему удивленію тотъ тотчасъ же появился словно по волшебству. Калифъ спросилъ его, помнитъ-ли онъ этотъ случай, и тотъ припомнилъ.

— «Выслушалъ ты молодого человѣка? Сознался онъ въ кражѣ?» спросилъ Гарунъ.

— «Нѣтъ, онъ былъ такъ нахаленъ, что хотѣлъ сознаться только вамъ», возразилъ судья.

— «Но я не помню, чтобъ видѣлъ его», сказалъ калифъ.

— «Да зачѣмъ же! Такъ пришлось бы ежедневно цѣлую толпу къ вамъ пригонять; всѣ хотятъ лично съ вами говорить».

— «Ты долженъ, кажется, знать, что слухъ мой всегда открытъ для всѣхъ», отвѣчалъ Гарунъ. «Но, вѣроятно, доказательства кражи были такъ несомнѣнны, что совсѣмъ не требовалось вести ко мнѣ молодого человѣка? У тебя были свидѣтели, что деньги, украденныя у тебя, принадлежали тебѣ, Калумъ?»

— «Свидѣтели?» переспросилъ тотъ, блѣднѣя. «Нѣтъ, свидѣтелей у меня не было, да вѣдь вамъ извѣстно, милостивый повелитель, что всѣ деньги на одно ли-

цо. Какъ могутъ свидѣтели знать, что именно *этихъ* золотыхъ не хватаетъ въ моей кассѣ».

— «Такъ какъ же ты узналъ, что тѣ деньги принадлежатъ именно тебѣ?» спросилъ калифъ.

— «По кошельку, въ которомъ онѣ были», возразилъ Калумъ.

— «Кошелекъ у тебя?»

— «Вотъ онъ», сказалъ купецъ, торжественно подавая великому визирю кошелекъ для передачи калифу.

Тогда визирь вскричалъ съ поддѣльнымъ удивленіемъ: «Клянусь бородою пророка! Ты смѣешь увѣрять, что это твой кошелекъ? Ахъ, ты, обманщикъ! Это *мой* кошелекъ и далъ я его съ двумястами золотыхъ честному, отважному юношѣ, который спасъ меня отъ большой опасности».

— «Можешь ты поклясться въ этомъ?» спросилъ калифъ.

— «Спасеніемъ души своей готовъ поклясться», отвѣчалъ визирь: «мнѣ его собственная дочь вязала».

— «Ой-ли!» воскликнулъ калифъ: «такъ ты какъ же судилъ, праведный судья? Отчего ты такъ увѣровалъ, что кошелекъ принадлежитъ купцу?»

— «Онъ поклялся», отвѣчалъ смущенный судья.

— «Такъ ты далъ ложную клятву?» прогремѣлъ калифъ, обращаясь къ купцу. Тотъ блѣдный и дрожащій стоялъ передъ нимъ.

— «Аллахъ, Аллахъ!» кричалъ тотъ. «Конечно, я ничего не смѣю возразить великому визирю, не смѣю ему не вѣрить, но, право же, кошелекъ я считалъ своимъ и негодный Саидъ укралъ его. Право, далъ бы тысячу золотыхъ, чтобъ этотъ мошенникъ былъ налицо».

— «А куда ты дѣвалъ Саида?» спросилъ калифъ. «Скажи, куда послать за нимъ, чтобъ произвести дознание?»

— «Я послалъ его на необитаемый островъ», отвѣчалъ судья.

— «О, Саидъ! Несчастный сынъ мой!» съ рыданіемъ воскликнулъ Бенезаръ.

— «Такъ онъ сознался въ преступленіи?» спрашивалъ Гарунъ.

Судья поблѣднѣлъ. Онъ испуганно поводилъ глазами, и, наконецъ, сказалъ: «Насколько мнѣ помнится— да».

— «Такъ ты даже навѣрное не знаешь?» продолжалъ калифъ громовымъ голосомъ: «такъ мы сами его спросимъ. Выходи, Саидъ, а ты, Калумъ-Бекъ, изволь-ка выплатить тысячу золотыхъ: онъ здѣсь налицо».

Калумъ-Бекъ и судья вообразили, что видятъ призракъ. Оба упали на колѣни и громко взывали: «Пощади, пощади!» Бенезаръ же почти безъ чувствъ упалъ на руки подоспѣвшаго Саида. Калифъ продолжалъ ледянымъ голосомъ: «Судья, вотъ Саидъ, сознался онъ въ преступленіи?»

— «Нѣтъ, нѣтъ», ревѣлъ судья, «я даже не выслушалъ его: я слушалъ только Калума, онъ занимаетъ такое видное положеніе!»

— «Развѣ для того поставилъ я тебя судьей, чтобъ судить людей по ихъ положенію?» съ благороднымъ гнѣвомъ воскликнулъ калифъ. «Ссылаю тебя на десять лѣтъ на пустынный островъ, чтобъ ты тамъ хорошенько раздумалъ о справедливости. А ты, дрянный че-

ловѣкъ, который спасаетъ погибающихъ для того, чтобъ обращать ихъ въ своихъ рабовъ, выплати, какъ уже сказано, тысячу золотыхъ, разъ ты обѣщалъ выплатить ихъ, если явится Саидъ».

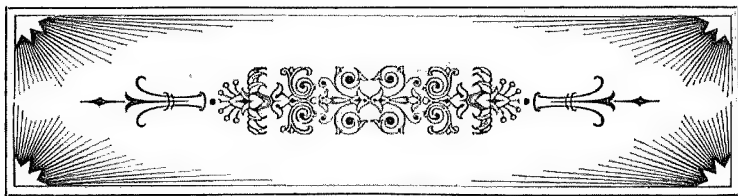
Калумъ было обрадовался, что такъ дешево отдѣлался, но не тутъ-то было. Калифъ продолжалъ: «За ложную клятву у судьи получишь сотню ударовъ по пятамъ. Затѣмъ предоставляю Саиду выбрать, что ему болѣе пріятно: всю твою лавку и тебя въ посыльные или десять золотыхъ за каждый день, что онъ провелъ у тебя?»

— «Отпустите его, пусть идетъ!» воскликнулъ юноша, «мнѣ ничего не надо отъ него».

— «Нѣтъ, нѣтъ», отвѣчала Гарунъ, «я хочу, чтобъ ты получилъ должное вознагражденіе. Выбираю за тебя десять золотыхъ въ день, а ты ужъ потрудишься вычислить, сколько дней провелъ въ его когтяхъ. Теперь уберите его».

Калифъ всталъ и провелъ Саида и Бенезара въ другую залу; тамъ разсказалъ старику, какъ спастъ его Саидъ и пригласилъ Бенезара переселиться въ Багдадъ.

Тотъ согласился и поѣхалъ только домой собрать имущество. Саидъ же зажилъ въ собственномъ дворцѣ, выстроенномъ для него благодарнымъ калифомъ. Братъ калифа и сынъ великаго визиря стали его постоянными спутниками и въ Багдадѣ сложилась пословица: «Будь счастливъ какъ Саидъ, сынъ Бенезара».

Холодное сердце.

Кто задумаетъ посѣтить Швабію, пусть не преминетъ заглянуть въ Шварцвальденъ; не ради лѣса,— хотя нигдѣ нѣтъ такого необъятнаго количества стройныхъ сосенъ,—а ради народа. Трудно себѣ представить; насколько этотъ народъ рознится отъ всѣхъ другихъ представителей человѣческаго рода. Шварцвальденцы крупнѣе обыкновенныхъ людей, широкоплечи, мускулисты, съ гибкими, сильными членами. Можно подумать, что укрѣпляющій ароматъ сосенъ съ юности придаетъ какую-то особую мощь ихъ дыханію, изошряетъ глазъ, закаляетъ духъ, отчего они кажутся нѣсколько грубѣе обитателей рѣчныхъ долинъ и равнинъ. И не только осанкою и ростомъ, но даже нравомъ и одеждою рѣзко отличаются они отъ жителей по ту сторону лѣса. Всего красивѣе нарядъ баденскаго шварцвальденца; мужчины отпускаютъ бороду, какъ подобаетъ ей расти по законамъ природы; носятъ черныя куртки, объемистыя шаровары мелкою складкою, красныя чулки и остроконечныя шляпы съ широкимъ бортомъ. Все это придаетъ имъ степенный, внушительный видъ. Занимаются они большею частью стекляннымъ производствомъ, а

также издѣліемъ часовъ, которые и разносятъ по всему свѣту.

По другую сторону лѣса живетъ другая часть того же племени, но уже нравы и обычаи у нихъ не тѣ, какъ у стекольщиковъ. Эги торгуютъ лѣсомъ; они рубятъ и пилятъ свои сосны, сплавляютъ ихъ въ Некаръ, а изъ Некара въ Рейнъ и такъ до самой Голландіи. Приморскіе жители хорошо знаютъ шварцвальденцевъ и ихъ длинные плоты; они останавливаются у каждаго города и гордо ждутъ, не нужны-ли кому балки и доски. Но 'лучшія бревна и доски приберегаютъ они для Голландіи. Тамъ строятъ изъ нихъ корабли. Люди эти привыкли къ грубой кочующей жизни. Счастье ихъ въ томъ, чтобъ спускаться съ лѣсомъ по рѣкѣ, бѣда ихъ—тянуться обратно по берегу. Нарядъ ихъ совсѣмъ не тотъ, что у стекольщиковъ. Они носятъ куртки изъ темнаго полотна, широкія зеленыя подтяжки черезъ грудь, и штаны изъ черной кожи, изъ кармана которыхъ непременно торчитъ мѣдная мѣрка въ видѣ почетнаго знака отличія. Но гордость и блаженство ихъ это сапоги, сапоги удивительнѣйшихъ размѣровъ, когда-либо виданныхъ на свѣтѣ; они пяди на двѣ торчатъ надъ колѣномъ и потому «плотовщики» могутъ спокойно расхаживать по водѣ футовъ трехъ глубины безъ боязни промочить ноги.

Еще въ недавнее время обитатели лѣса вѣрили въ существованіе лѣсныхъ духовъ и немалого труда стоило искоренить въ нихъ нелѣпое суевѣріе. Но странно то, что даже присущіе Шварцвальдену духи раздѣлились на двѣ партіи. Такъ, увѣряютъ, что

Стеклянный Человѣчекъ, добрый маленькій духъ, футовъ четырехъ высоты, никогда не появлялся иначе какъ въ черной курткѣ съ шароварами, красныхъ чулкахъ и остроконечной шляпѣ съ широкимъ бортомъ. А Голландецъ Михель, жившій по ту сторону лѣса, представлялъ изъ себя широкоплечаго парня—великана въ одеждѣ сплавщика; многіе, яко бы видѣвшіе его, увѣряли, что всего достоянія ихъ не хватило бы на уплату кожи, изъ которой сшиты эти сапоги. «Ужъ такіе огромные, что любой человѣкъ съ головой въ нихъ уйдетъ», говорили всѣ и клялись, что нимало не преувеличиваютъ.

Съ этими лѣсными духами приключилась однажды, какъ сказываютъ, престранная исторія съ однимъ молодымъ шварцвальденцемъ. Жила въ лѣсу бѣдная вдова, по имени Барбара Мункъ. Мужъ ея былъ угольщикомъ и послѣ его смерти она мало-по-малу втянула молоденькаго сына въ то же ремесло. Молодой Петеръ Мункъ, стройный парень лѣтъ шестнадцати, ничего противъ не имѣлъ; онъ и при отцѣ привыкъ вѣчно сидѣть надъ дымнымъ костромъ, а отъ времени до времени черный и закоптѣлый какъ пугало спускаться въ городъ продавать уголь. Однако, у угольщика много времени на размышленіе о себѣ и о другихъ, и вотъ, нерѣдко, Петеръ Мункъ сидѣлъ надъ своимъ костромъ и думалъ. Темныя деревья вокругъ, безмолвная лѣсная глушь, все навѣвало на его душу невѣдомую тоску. Ему хотѣлось плакать—онъ самъ не зналъ о чемъ; хотѣлось злиться—онъ самъ не зналъ на что. Наконецъ, вопросъ выяснился въ его душѣ: всему виною его положеніе.

«Черный, вѣчно одинокій угольщикъ!» стоналъ онъ. «И какая это жизнь! Въ какомъ почетѣ стекольщики, часовщики, даже музыканты по воскреснымъ вечерамъ! А появится Петеръ Мункъ, чисто умытый, нарядный, въ отцовской курткѣ съ серебряными пуговицами и ярко-красными чулками—идетъ кто-нибудь сзади и думаетъ, кто этотъ стройный молодецъ? Хвалятъ чулки, хвалятъ и легкую поступь, а зайдетъ кто спереди и посмотритъ, навѣрняка скажетъ: ахъ, да это просто угольщикъ Петеръ Мункъ!»

Плотовщики по ту сторону лѣса тоже служили немалымъ предметомъ зависти красиваго парня. Когда лѣсные великаны важно проплывали мимо него, увѣшанные цѣлымъ грузомъ серебра въ видѣ пуговицъ, пряжекъ и цѣпей; когда они, разставивъ ноги, высокомерно смотрѣли на шлюзы, перебранивались по голландски и гордо покуривали длинныя кельнскія трубочки, Петеру казалось, что сплавщики это воплощеніе счастливѣйшаго въ мірѣ человѣка. А когда эти счастливцы лѣзли въ карманъ и пригоршнями выгребали оттуда крупные талеры, да выбрасывали пять туда, да семь сюда на игорный столъ, у бѣдняги захватывало духъ и онъ тоскливо плелся домой. Вѣдь подчасъ любой изъ этихъ «дровяниковъ» проигрывалъ въ вечеръ больше, чѣмъ Петеръ могъ заработать въ годъ! Особенно выдѣлялись трое изъ этой компаніи; Петеръ затруднялся даже, кому отдать предпочтеніе. Одинъ изъ нихъ былъ толстый краснощекій мужчина и считался богатѣйшимъ во всемъ округѣ. Звали его толстый Эзекиль. Онъ ежегодно раза два ѣздилъ съ лѣсомъ въ Амстердамъ и такъ выгодно сбывалъ

свой товаръ, что преспокойно ѣхалъ назадъ въ то время, какъ другіе плелись пѣшкомъ. Другой былъ страшно длинный и худой. Звали его длинноногій Шлуркеръ; онъ особенно плѣнялъ Мунка своею беззастѣнчивостью: онъ противорѣчилъ всѣмъ, не стѣсняясь ихъ положеніемъ, занималъ въ харчевнѣ одинъ больше мѣста чѣмъ четверо, сколько бы народу тамъ не было. Сядетъ и разляжется локтями по столу, а длинныя ноги растянетъ на лавку и никто не смѣетъ ничего сказать: онъ былъ неимовѣрно богатъ. Третій—тотъ былъ красивъ и молодъ и обворожительно танцевалъ. Его прозвали Король-Плясунъ. Онъ былъ когда-то бѣдный человѣкъ, служилъ сподручнымъ у какого-то плотовщика; и вдругъ сдѣлался безбожно богатъ. Говорили, что онъ нашелъ подъ сосною горшокъ съ золотомъ; нѣкоторые увѣряли, что онъ выудилъ на Рейнѣ тюкъ съ золотыми монетами и что этотъ тюкъ часть огромнаго клада Нибелунговъ, скрытаго тамъ; какъ бы то ни было, онъ сразу разбогатѣлъ и сразу всѣ стали ухаживать за нимъ какъ за сказочнымъ принцемъ.

Угольщикъ Петеръ часто думалъ объ этихъ трехъ, сидя одиноко у своего костра. Одно его немного смущало, а именно: всѣ три были непомѣрно скупы и безжалостны къ бѣднымъ. Шварцвальденцы вообще народъ жалостливый и не терпятъ черствости. Но что подѣлаешь? Ихъ ненавидѣли за скупость, но уважали за деньги; вѣдь не у всякаго, какъ у нихъ, сыпались талеры, какъ иглы съ сосенъ!

«Нѣтъ, такъ не можетъ продолжаться», сказалъ себѣ однажды Петеръ. Наканунъ былъ праздникъ и

весь народъ перебивалъ въ харчевнѣ. «Если не устроюсь какъ-нибудь иначе, я покончу съ собою. Что бы мнѣ быть богатымъ, какъ Эзекииль, или хоть безшабашнымъ, какъ длинноногій Шлуркеръ, или хоть ловкимъ, какъ нашъ Король-Плясунъ? И откуда у нихъ столько денегъ!» Онъ перебиралъ всѣ извѣстные ему способы разбогатѣть, но ни одинъ не подходилъ. Вдругъ ему впади на умъ преданія о людяхъ, которымъ помогали лѣсные духи, Стекланный Человѣчекъ и Голландецъ Михель. Когда еще отецъ былъ живъ, къ нимъ заходили иногда другіе бѣдняки и разсуждали о богатыхъ людяхъ и о томъ, какъ и кто разбогатѣлъ; тутъ часто упоминали о Стекланномъ Человѣчкѣ. Онъ даже съ нѣкоторымъ усиліемъ могъ припомнить стишокъ, нѣчто вродѣ заклинанія, который произносили тамъ на холмѣ среди сосенъ, чтобъ вызвать маленькаго духа.

Онъ начинался такъ:

Ты, духъ лѣсной, незримый живешь въ тѣни лѣсовъ
И надъ тобой безслѣдно несется рядъ вѣковъ,
Куда здѣсь взоръ лишь кинешь—держава все твоя...

Дальше онъ положительно не помнилъ, какъ ни напрягалъ памяти. Часто онъ подумывалъ, не разспросить-ли объ этомъ кого-нибудь изъ старожилловъ, но его удерживала извѣстная робость и боязнь выдать свою тайну. Онъ сообразилъ также, что преданіе о Стекланномъ Человѣчкѣ, очевидно, не очень распространено и стишокъ врядъ-ли кому извѣстенъ, такъ какъ богатыхъ людей вокругъ было немного. Вѣдь почему-либо не пришлось отцу его и другимъ бѣднякамъ попытать счастья? Разъ какъ-то завелъ

онъ съ матерью разговоръ о Стеклянномъ Человѣчкѣ и узналъ все то, что уже раньше слышалъ, да еще кромѣ того, что духъ показывается лишь тѣмъ, кто явился на свѣтъ въ воскресенье около полудня. Мать тоже не помнила стишка и пожалѣла объ этомъ. Петеръ очень подходилъ бы подъ условіе: онъ родился въ воскресенье, ровно въ полдень.

Петеръ Мункъ былъ внѣ себя отъ восторга. Ничто не мѣшало ему попытать счастья. Онъ рѣшилъ, что разъ рожденъ въ воскресенье—хватить ему и половины заклинанія; человѣчекъ и такъ долженъ показаться. И вотъ однажды, вернувшись изъ города съ продажи, онъ не раздулъ костра какъ обыкновенно, а нарядился въ отцовскую куртку и красные чулки, надѣлъ праздничную шляпу, захватилъ палку и пошелъ проститься съ матерью. «Надо мнѣ по дѣлу въ городъ», сказалъ онъ. «Скоро къ призыву пора, такъ я хочу напомнить, что я единственный сынъ вдовы». Мать похвалила его за предусмотрительность и они разстались. Петеръ быстро зашагалъ къ Сосновому холму. Сосновый холмъ лежалъ на самой вершинѣ Шварцвальдена. Въ ту пору на два часа въ окрестности не было вблизи его ни деревушки, ни даже хижины: суевѣрные люди считали мѣстность неблагоприятною. Даже сосенъ не рѣшались рубить въ томъ краю, хотя нигдѣ не было такихъ деревьевъ какъ тамъ; выискивались смѣльчаки, но дѣло никогда добромъ не кончалось: то топоръ соскочить и ударить по ногѣ, то дерево валится слишкомъ скоро и искалѣчить или убить кого-нибудь. Да къ тому же тотъ лѣсъ могъ итти лишь на топливо; сплавщики

никогда не брали бревенъ съ Сосноваго холма: было повѣрье, что и люди и лѣсъ погибнуть, если попадется въ плотъ хоть одно такое бревно. И въ томъ бору сосны разрослись такъ густо и такъ высоко, что среди бѣлаго дня застилали солнечный свѣтъ вокругъ. Петеру сразу жутко стало въ таинственномъ полумракѣ средь вѣковыхъ сосенъ; нигдѣ не было слышно ни звука, даже птицы казалось избѣгали безмолвной глуши.

Петеръ вышелъ на самую вершину холма и остановился передъ сосною такихъ исполинскихъ размѣровъ, что любой судопромышленникъ онѣмѣлъ бы отъ восторга. «Вѣрно здѣсь живетъ Стекланный Человѣчекъ», подумалъ онъ, снялъ шляпу, низко поклонился и произнесъ дрожащимъ голосомъ: «Добраго вечера, Господинъ Стекольщикъ!» Отвѣта не было; прежнее безмолвіе царило вокругъ. «Можетъ, надо стишокъ сперва сказать», подумалъ Петеръ и про-
бормоталъ:

Ты, духъ лѣсной, незримый живешь въ тѣни лѣсовъ
И надъ тобой безслѣдно несется рядъ вѣковъ.

Куда лишь взоръ здѣсь кинешь — держава все
твоя...

Изъ-за сосны выглянуло какое-то странное маленькое существо; Петеру даже показалось, что онъ видитъ самого Стекланнаго Человѣчка, его черную курточку, красныя чулочки, даже блѣдное, умное личико, все, все какъ ему описывали; онъ уже хотѣлъ заговорить... Увы! видѣніе исчезло такъ же быстро, какъ появилось! «Господинъ Стекольщикъ!» закричалъ Петеръ, «не считайте меня за дурака.—Господинъ Сте-

колышикъ, я вѣдь видѣлъ васъ, право видѣлъ за сосною!»—Отвѣта не было, только легкое хихиканье послышалось за деревомъ. Нетерпѣніе пересилило робость. «Постой-ка ты, человѣчекъ», закричалъ Петеръ, «вотъ сейчасъ изловлю тебя!» Однимъ прыжкомъ очутился онъ за сосною, но не духъ лѣсной притаился тамъ, а простая невинная бѣлочка. Она тотчасъ же прыгнула вверхъ по соснѣ.

Петеръ Мункъ покачалъ головою; очевидно, заклинаніе имѣло дѣйствіе, но нехватало стишка и все

Изъ-за сосны выглянуло какое-то странное маленькое существо.

ни къ чему. Онъ сталъ подыскивать риому; думалъ, думалъ, ничего не могъ придумать. А бѣлочка уже перебралась на нижнюю вѣтку дерева и какъ бы подбадривала его или просто подсмѣивалась надъ нимъ. Она чистила себѣ мордочку лапочкой, рас-

правляла пушистый хвостъ, смотрѣла на уголышка умными глазками; Петеру стало какъ-то не по себѣ наединѣ съ бѣлочкою. Ему то казалось, что у бѣлочки человѣческая головка съ треугольною шляпою, то что она самая простая бѣлочка, только на ногахъ у нея красные чулочки и черныя туфельки. Однимъ словомъ, бѣлочка была преуморительная, но Петера начинала разбирать дрожь, глядя на нее. Что-то тутъ было неладно.

Петеръ еще разъ взглянулъ на бѣлочку и поспѣш-

но сталъ выбираться изъ чаши. Темнота все усиливалась; деревья становились гуще; Петера обуялъ такой страхъ, что онъ уже бѣгомъ пустился съ холма и только, когда услышалъ вдали лай собаки и увидѣлъ дымъ близкаго жилья, онъ нѣсколько задержалъ шагъ. Когда же онъ подошелъ ближе и разсмотрѣлъ одежду обитателей хижины, онъ увидѣлъ, что отъ страха побѣжалъ совсѣмъ въ противоположную сторону и вмѣсто стекольниковъ попалъ къ плотовщикамъ. Въ той хижинѣ жили дровосѣки: старикъ съ сыномъ и нѣсколько взрослыхъ внуковъ. Они радушно приняли Петера, предложили ему переночевать у нихъ, не спрашивая ни имени, ни мѣста жительства его; угостили его прекраснымъ сидромъ (яблочнымъ виномъ), а къ ужину подали крупнаго глухаря, лакомое блюдо Шварцвальдена.

Послѣ ужина хозяйка и дочь ея сѣли съ веретеномъ вкругъ лучины, просмоленной лучшей сосновою смолою, а дѣдъ, гость и хозяинъ взялись за трубки; молодежь же занялась вырѣзываніемъ вилокъ и ложекъ изъ дерева. Снаружи между тѣмъ ревѣла буря; вѣтеръ свистѣлъ и завывалъ въ соснахъ, порою слышались сильные удары, словно ломились и трещали цѣлыя деревья. Безстрашная молодежь собиралась бѣжать въ лѣсъ полюбоваться на красивое зрѣлище, но дѣдъ строгимъ взглядомъ задержалъ внуковъ. «Никому не совѣтую выходить въ такую пору», крикнулъ онъ, «кто выйдетъ, тотъ не вернется, клянусь Богомъ. То Голландецъ Михель рубить себѣ бревна на плотъ».

Молодежь присмирѣла; они уже мелькомъ слы-

шали о Михелѣ, но теперь приступили къ дѣду съ просьбою толкомъ разсказать о немъ. Петеръ присоединился къ нимъ: ему тоже хотѣлось знать поподробнѣе о страшномъ Голландцѣ. «Михель—хозяинъ нашего лѣса», началъ старикъ. «Очевидно, ты, милый гость, живешь по ту сторону холма или еще дальше, эсли до сихъ поръ ни отъ кого не слышалъ о Голландцѣ. Пожалуй, расскажу вамъ, что знаю о немъ и что гласитъ о немъ преданіе.

Лѣтъ сто тому назадъ, какъ разсказывалъ дѣдъ мой, на всемъ свѣтѣ не было такого честнаго народа какъ Шварцвальденцы. Теперь золота много стало, а люди какъ-то не тѣ: нѣтъ ни той честности, ни той простоты. Теперь тошно слушать, какъ молодежь клянется да ругается по трактирамъ; дня воскреснаго не соблюдаютъ, пляшутъ, галдятъ въ воскресенье. Прежде совсѣмъ не то было. И прежде говорилъ, и теперь скажу,—хоть самъ онъ стучись ко мнѣ въ окно,—всему виною Голландецъ Михель. Онъ весь народъ перепортилъ. Такъ вотъ, лѣтъ сто тому назадъ, жилъ здѣсь богатый лѣсопромышленникъ. Народу держалъ онъ много, торговалъ хорошо, самъ былъ человѣкъ добрый, богобоязненный и дѣло спорилось у него въ рукахъ. На бѣду пришелъ разъ къ нему человѣкъ, какого онъ еще и не видывалъ. Одѣтъ онъ былъ какъ всѣ наши парни, только роста былъ на добрую голову выше всѣхъ. Никто еще такого великана не знавалъ. Сталъ онъ просить работы у хозяина, а тотъ видитъ, парень рослый, значить на работу способный,—ну, и нанялъ его. Михель оказался работникомъ на диво. При рубкѣ лѣса сто-

иль троихъ, а нести бревно—гдѣ съ одного конца шестеро волокли, такъ онъ одинъ управлялся. Съ полгода рубилъ онъ такъ лѣсъ, потомъ приходитъ къ хозяину: «Теперь будетъ съ меня лѣсъ рубить, хозяинъ; хочу посмотрѣть куда бревна идутъ. Что бы тебѣ послать меня съ плотами?»

— «Видишь-ли, Михель», отвѣчалъ хозяинъ. «Я тебѣ препятствовать не хочу, коль хочешь свѣтъ посмотрѣть. Только вѣдь при рубкѣ нужны такіе силачи какъ ты, а тутъ, кто тебя знаетъ? На плоту больше ловкости требуется, чѣмъ силы. А впрочемъ, будь по твоему на этотъ разъ».

Стали готовиться къ отъѣзду. Плотъ, съ которымъ онъ долженъ былъ плыть, состоялъ изъ восьми звеньевъ, да еще изъ крупнѣйшихъ строевыхъ бревенъ. Взглянулъ на нихъ Михель, ничего не сказалъ. А къ вечеру смотрятъ: тащитъ онъ къ водѣ восемь балокъ, да такихъ толстыхъ и длинныхъ, какъ еще никто не видывалъ. Взвалить каждую на плечо какъ легкій шестъ и несутъ. Всѣ даже въ ужасъ пришли. Какъ и когда онъ ихъ срубилъ и какъ къ берегу приволокъ, понынѣ никто не знаетъ. Хозяинъ радовался, глядя на нихъ и высчитывалъ барыши, а Михель говоритъ: «Это я для себя свяжу. Гдѣ мнѣ ѣхать на тѣхъ щепкахъ!» Хозяинъ хотѣлъ ему на радостяхъ сапоги подарить, такъ онъ даже не взглянулъ на нихъ и вытащилъ откуда-то такую парочку, что всѣ ахнули. Дѣдъ увѣрялъ, что они вѣсили пуда два, да футовъ пять длины.

Спустили плоты. Какъ раньше Михель удивлялъ дровосѣковъ, такъ теперь поразилъ плотовщиковъ.

Всѣ ждали, что плотъ его будетъ едва двигаться, благодаря объему бревенъ, а онъ не только не отстаивалъ, а какъ стрѣла неся по Неккару. На поворотахъ, бывало, сплавщики выбьются изъ силъ, чтобъ держаться по срединѣ теченія и не сѣсть на мель, а тутъ Михель разомъ спрыгнетъ въ воду, повернетъ одною рукою плотъ, куда ему надо; какъ выйдутъ на ровное мѣсто, всѣ шесты побросаютъ, и онъ упрется въ песокъ своимъ навоемъ и однимъ толчкомъ такъ разгонитъ плоты, что берега разглядѣть не успѣютъ. Такъ долетѣли они до Кельна, гдѣ всегда останавливались продавать лѣсъ. Михель тутъ вступился. «Эхъ, вы, еще торговыми прозываетесь, а своей выгоды не понимаете! Вы думаете, здѣшній народъ самъ тотъ лѣсъ весь употребляетъ, что изъ Шварцвальдена идетъ? Ничуть не бывало: они скупаютъ его за полцѣны и сами перепродаютъ въ Голландію. Давайте, продадимъ здѣсь мелкій лѣсъ, а крупный погонимъ дальше; что выгадаемъ противъ обычной цѣны, то наше».

Плутъ зналъ, что предложить. Всѣ мигомъ согласились, кто ради удовольствія свѣтъ повидать, кто ради выгоды. Нашелся было одинъ; тотъ сталъ возражать, что нечестно безъ вѣдома хозяина подвергать риску его имущество, да еще на цѣнѣ надувать, но никто его не слушалъ. Поѣхали дальше съ лѣсомъ по Рейну; Михель велъ плотъ и быстро причалили къ Роттердаму. Тамъ имъ дали вчетверо противъ прежней цѣны; особенно дорого выручили за бревна Михеля. Шварцвальденцы обезумѣли отъ золота. Михель отдѣлилъ часть хозяину, а остальное

роздалъ людямъ. Тѣ сейчасъ же завели компанію съ матросами и со всякимъ сбродомъ, пировали по трактирамъ, пропивали, проигрывали деньги, а тотъ чело-вѣкъ, что останавливалъ ихъ дорогою, пропалъ куда-то и не вернулся. Съ тѣхъ поръ Голландія стала обѣтованною землею для парней Шварцвальдена, а Михель ихъ царемъ; лѣсопромышленники долго ничего не подозрѣвали, и незамѣтно вмѣстѣ съ золотомъ проникли къ намъ изъ Голландіи и божба, и разнузданность, и кости, и вино.

Къ тому времени, какъ исторія открылась, Михель исчезъ; только онъ все же не умеръ. Онъ, говорятъ, продолжаетъ свои продѣлки въ лѣсу и многимъ помогъ разбогатѣть, только какою цѣною—про это лучше не спрашивай. Про то знаютъ ихъ бѣдныя души. Знаю также, что въ такія бурныя ночи онъ забирается на сосновый холмъ, гдѣ рубить не полагается, выскиваетъ тамъ лучшія сосны и беретъ ихъ. Отецъ видѣлъ, какъ онъ такую лѣсину, футовъ четырехъ въ разрѣзѣ, какъ тростиночку переломилъ. Онъ дарить ихъ тѣмъ, кто собьется съ истиннаго пути и идетъ за нимъ. Въ полночь они сплавляютъ лѣсъ и везутъ его въ Голландію.

Но будь я королемъ Голландіи, я бы велѣлъ его картечью въ прахъ разстрѣлять: вѣдь всѣ корабли, гдѣ хоть одна балка Михеля попадетъ, непременно должны погибнуть. Недаромъ такъ часто слышишь о кораблекрушеніяхъ: ну, какъ иначе идти ко дну иному крѣпкому, чудному кораблю, величиною чуть ли не съ церковь? А тутъ, какъ только Голландецъ Михель начнетъ въ такую бурную ночь рубить сосны,

съ каждою новою сосною старая выскакиваетъ изъ остова корабля; вода хлынетъ и погибло судно со всѣмъ народомъ и грузомъ. Вотъ, что болтають о Голландцѣ Михелѣ и правда все это, правда и то, что все зло въ Шварцвальденѣ отъ него. О-о! онъ сумѣетъ дать богатство», продолжалъ старикъ таинственнымъ шепотомъ, «только не дай Богъ получить отъ него что-нибудь. Не хотѣлъ бы я сидѣть въ шкурѣ толстаго Эзекиила или длиннаго Шлуркера; да и Плясунъ вѣрно изъ тѣхъ же!»

Буря тѣмъ временемъ улеглась; дѣвушки засвѣтили лампы и ушли къ себѣ; мужчины подложили Петеру подъ голову подушку изъ свѣжихъ листьевъ и пожелали ему доброй ночи.

Мункъ скоро заснулъ. Но никогда еще не одолѣвали его такіе тяжелые сны. То снилось ему, что мрачный великанъ Михель срываетъ ставни и суетъ ему въ окно кошель съ золотомъ. И золото трясется и позвякиваетъ въ огромной рукѣ Голландца. То снился ему привѣтливый Стекланный Человѣчекъ верхомъ на исполинской зеленой бутылѣ. То слышался ему заглушенный смѣхъ, какъ въ Сосновомъ Бору; то звенѣло у него подъ ухомъ:

Кто хочетъ злата, злата?

Голландія богата.

Бери лишь не лѣнись,

Немногимъ поступишь!

Потомъ снова звучала въ правомъ ухѣ пѣсенка о лѣсномъ духѣ въ Сосновомъ Бору и нѣжный голосокъ шепталъ: «Ахъ ты, Петеръ, дурачекъ, глупый, глупый Петеръ! Неужели риѣмы не найдешь? А еще

въ воскресенье родился, ровно въ полдень. Ищи риому, глупецъ, ищи риому!»

Онъ стоналъ, охалъ во снѣ, напрягалъ мозгъ, чтобъ найти риому, но онъ никогда въ жизни стиховъ не писалъ и всѣ старанія его были напрасны. Онъ проснулся съ первыми лучами солнца и сталъ вспоминать свой сонъ. Шепотъ все еще звучалъ въ его ушахъ. Онъ сѣлъ за столъ, зажалъ голову руками и все твердилъ себѣ, постукивая пальцами по лбу: «ищи риому, глупецъ, ищи риому!» Однако, ни одной риомы не выходило. Онъ сидѣлъ пригорюнившись и вдругъ видитъ въ окно, что идутъ мимо трое молодцовъ и слышитъ какъ одинъ изъ нихъ поетъ:

Гляжу я съ горъ въ долину,
Печалень сердцемъ я.
Тебя увижу - ль снова
Прелестное дитя?

Словно молнія блеснула въ головѣ Петера. Онъ какъ безумный выбѣжалъ изъ дома, бросился за парнями и рѣзко схватилъ пѣвца за плечо. «Стой, дружище», крикнулъ онъ, «стой! Что у тебя за риома на я? Будь добръ, скажи, что ты пѣлъ».

— «Тебѣ что?» возразилъ шварцвальденецъ. «Я, кажется, могу пѣть, что хочу. Пусти мою руку, а не то...»

— «Нѣтъ, говори сейчасъ, что ты пѣлъ!» кричалъ Петеръ внѣ себя и еще сильнѣе уцѣпился за него. Тутъ двое другихъ, недолго думая, напали на Петера и принялись такъ отдѣлывать его своими здоровыми кулаками, что тотъ отъ боли выпустилъ рукавъ

пѣвца и упалъ на колѣни. «Ну, теперь хватитъ», засмѣялись тѣ, «и помни, впредь не приставать къ добрымъ людямъ среди бѣлаго дня!»

— «Ахъ, да ужъ буду помнить!» вздохнулъ Петеръ. «Ну, а все-таки, колотушки колотушками, а будьте добры, повторите яснѣе, что тотъ пѣлъ».

Молодые люди громко захохотали. Однако, пѣвецъ снова пропѣлъ свою пѣсню и всѣ трое съ хохотомъ и пѣніемъ углубились въ лѣсъ.

— «Такъ вотъ оно, значитъ!» сказалъ себѣ Петеръ, «тутъ я, а тамъ *дитя*. Теперь, Стекланный Человѣчекъ, мы съ тобою еще разъ поговоримъ». Онъ вернулся въ хижину, забралъ свою шляпу и посохъ, простился съ радушными хозяевами и пошелъ обратно къ Сосновому холму. Онъ шелъ не торопясь, все время обдумывая стихъ; наконецъ, уже подходя къ границѣ, тамъ, гдѣ сосны становились выше и гуще, онъ справился съ стишкомъ и привскочилъ отъ радости. И вдругъ волосы дыбомъ стали на головѣ Петера и ноги чуть было не подкосились подъ нимъ. Изъ-за сосенъ прямо на него шелъ человѣкъ исполинскаго роста, въ одеждѣ плотовщика и съ длиннымъ, какъ мачта, шестомъ въ рукѣ. Онъ подошелъ къ угольщику и молча зашагалъ рядомъ съ нимъ. Петеръ понялъ, что это никто другой, какъ ужасный Голландецъ Михель. Онъ продолжалъ идти молча. Петеръ по временамъ боязливо косился на страшнаго спутника. Михель былъ на голову выше обыкновенныхъ людей; лицо его было не старо и не молодо, но все испещрено складками и морщинами; на немъ была холщевая куртка и огромные сапоги сверхъ кожаныхъ штановъ.

«Петеръ Мункъ, ты что тутъ дѣлаешь на Сосновомъ холму?» спросилъ лѣсной духъ глухимъ грознымъ голосомъ.

«Петеръ Мункъ, ты что тутъ дѣлаешь на Сосновомъ холму?»

— «Здравствуй, землякъ», отвѣчалъ Петеръ, у котораго зубъ на зубъ не попадалъ отъ страха, но онъ старался напустить на себя развязность: «я направляюсь домой черезъ холмъ».

— «Петеръ Мункъ», продолжалъ тотъ и бросилъ на него свирѣпый взглядъ: «твой путь совсѣмъ не лежитъ черезъ боръ».

— «Ну, конечно, не совсѣмъ», согласился тотъ, «но сегодня жарко и я думалъ тутъ попрохладнѣе будетъ».

— «Не лги ты, уголыщикъ!» вскричалъ Михель громовымъ голосомъ: «а то мигомъ пришибу тебя какъ букашку. Ты думаешь я не видѣлъ, какъ ты кланчилъ у старикашки?» ласково заговорилъ онъ. «Поди ты, глупѣе придумать не могъ. Твое счастье, что стишка ты не зналъ. Вѣдь малышъ скряга какихъ мало, и даетъ по каплѣ, а если кому дать, тотъ жизни своей не обрадуется.—Петеръ, ты прямо глупецъ! мнѣ отъ души жаль тебя. Парень ты красивый, веселый, могъ бы на свѣтѣ пробыться, а сидишь и угли жжешь. Другіе червонцами въ мошнѣ побрякиваютъ, а ты и серебряшекъ не всегда накопишь. Скверная жизнь!»

— «Правда ваша, жизнь неважная!»

— «Ну-у, намъ это нипочемъ», продолжалъ искуситель: «многихъ я молодцевъ изъ нужды вытаскивалъ, не съ тебя начинать, ну, сколько бы тебѣ сотенекъ понадобилось на первый разъ?»

Съ этими словами онъ потрясъ свой огромный карманъ; тамъ бряцало и позвякивало, какъ ночью во снѣ. У Петера болѣзненно сжалось сердце; его бросало то въ жаръ, то въ холодъ: у Михеля совсѣмъ не такой былъ видъ, чтобъ можно было разсчитывать, что онъ дастъ денегъ изъ состраданія, ничего взамѣнъ не требуя. Уголыщику вспомнились таин-

ственные слова стараго дровосѣка о богатыхъ людяхъ. Невыразимый трепеть обуялъ его.—«Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ ничего не надо», воскликнулъ онъ. «Я съ вами не хочу связываться, я ужъ знаю васъ» и онъ пустился бѣжать, что было духа. Лѣсной духъ не отставалъ, однако, отъ него и съ угрозою шепталъ надъ нимъ: «Еще пожалѣешь, Петеръ, вернешься! На твоёмъ лбу начертано, по глазамъ твоимъ вижу: не уйти тебѣ отъ меня.—Стой же, глупецъ, не бѣги, выслушай разумное слово, тамъ ужъ граница моихъ владѣній». Невдалекѣ, дѣйствительно, пролегалъ овражекъ. Петеръ усилилъ бѣгъ, чтобъ скорѣе перемахнуть черезъ границу. Михель тоже прибавилъ шагу и преслѣдовалъ его по пятамъ съ страшными проклятіями. Молодой человѣкъ отчаяннымъ прыжкомъ перелетѣлъ черезъ овражекъ какъ разъ въ ту минуту, какъ Михель съ угрозою поднималъ на него шесть; шесть разлетѣлся въ воздухѣ, словно ударившись о невидимую стѣну; одинъ изъ осколковъ упалъ къ ногамъ Петера. Тотъ былъ уже на другой сторонѣ.

Угольщикъ съ торжествомъ поднялъ обломокъ и хотѣлъ перебросить его Голландцу; но въ ту же минуту почувствовалъ, что дерево задвигалось въ его рукѣ и вмѣсто шеста въ рукѣ его оказалась огромная змѣя; шипя и извиваясь она ловила его жаломъ. Онъ въ ужасѣ разжалъ пальцы, но змѣя успѣла уже обвиться вкругъ его руки и, покачиваясь, ползла къ лицу. Вдругъ появился изъ лѣса исполинскій глухарь, схватилъ клювомъ змѣю за горло и взвился съ нею. Голландецъ, видя погибель змѣи, завылъ съ такою силою, что сосны задрожали и скрылся въ оврагѣ.

Петеръ, дрожа, продолжалъ путь. Тропинка становилась все круче, лѣсъ все глуше и темнѣе. Вотъ показалась знакомая исполинская сосна. Петеръ Мункъ поклонился невидимому лѣсному человѣчку и началъ:

Ты, духъ лѣсной, незримый живешь въ тѣни лѣсовъ
И надъ тобой безслѣдно несется рядъ вѣковъ.
Куда лишь взоръ здѣсь кинешь—держава все твоя!
Явись! къ тебѣ взываетъ воскресное дитя.

— «Ну, хоть и не совсѣмъ то, да для тебя, Петеръ, ужъ сойдетъ», раздался нѣжный, тонкій голосокъ. Онъ оглянулся. Подъ сосною сидѣлъ маленькій старый человѣчекъ въ черной курткѣ, красныхъ чулочкахъ и широкополой шляпѣ на головѣ. Личико его свѣтилось необыкновенною привѣтливостью. На грудь спускалась длинная борода, тонкая какъ паутина; онъ курилъ изъ синей стеклянной трубочки, а когда Петеръ подошелъ поближе, то замѣтилъ, что и одежда, и башмачки, и шляпа—все было сдѣлано изъ цвѣтнаго стекла, но какъ бы изъ расплавленной, еще не остывшей массы, такъ какъ оно подавалось какъ сукно при каждомъ движеніи человѣчка.

— «Встрѣтилъ ты того грубіяна, Голландца Михеля?» спросилъ малютка, странно покашливая при каждомъ словѣ. «Онъ напугать тебя хотѣлъ, да отобралъ я у него волшебный жезлъ; нескоро его назадъ получить».

— «Да, господинъ Стекольникъ», отвѣчалъ Петеръ, низко кланяясь, «напугалъ онъ меня, сознаюсь. Вы вѣрно тѣмъ глухаремъ были, что змѣю унесъ: отъ души благодарю за великую услугу.—Я пришелъ совѣта у васъ попросить. Дѣла мои неважно идутъ.

Совсѣмъ житье скверное стало. Далеко-ли угольщикомъ уйдешь? Вѣдь я еще молодъ; мнѣ кажется, могу на лучшее пригодиться. Какъ на зло видишь другихъ, тѣ какъ-то скоро сумѣли устроиться. Взять хоть толстаго Эзекиила или Плясуна: вѣдь у нихъ деньги что сѣно».

— «Петеръ!» сказалъ малютка строгимъ голосомъ, далеко отпыхивая дымъ изъ трубки. «Петеръ, никогда мнѣ о тѣхъ людяхъ не говори. Что изъ того, что они проведутъ нѣсколько лѣтъ относительно счастливо, а затѣмъ въ сто разъ несчастнѣе будутъ? Зачѣмъ презирать свое ремесло? Твой отецъ и дѣдъ были люди честные, всѣми уважаемые, а занимались имъ же. Петеръ Мункъ! Неужели любовь къ праздности привела тебя ко мнѣ?»

Петеръ смущенно поникъ головою.

— «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ. «Я знаю, что лѣность мать всѣхъ пороковъ. Не гнѣвайтесь, не выслушавъ меня. Мнѣ не работать лѣнь, мнѣ просто мое ремесло нравится меньше, чѣмъ всякое другое. Угольщикъ, согласитесь, считается самымъ ничтожнымъ человекомъ въ мірѣ; стекольщики, часовщики, плотовщики куда большимъ почетомъ пользуются!»

— «Часто высокомеріе лишь начало паденія», возразилъ нѣсколько привѣтливѣе Стекланный Человѣчекъ. «Странная вы, люди, существа! Рѣдко кто доволенъ своимъ положеніемъ, т. е. тѣмъ, въ которомъ родился и выросъ. И къ чему? Будь ты стекольщикъ, ты стремился бы стать сплавщикомъ, а будь ты сплавщикомъ понравится тебѣ стать лѣсничимъ или какимъ-либо чиновникомъ? Но, будь по твоему. Если только

общаешь работать, я помогу тебѣ выйти въ люди, Петеръ. Видишь-ли, я всегда исполняю три желанія всякому воскресному ребенку, который сумѣетъ добраться до меня. Первые два исполняю безпрекословно: третье—предоставляю себѣ право отказать, если оно безразсудно. И такъ, желай что хочешь. Только Петеръ, смотри, выбирай осмотрительно, съ толкомъ».

— «Вотъ какъ! Ахъ, какой же вы славный человѣчекъ: всѣ сокровища у васъ подъ рукою. Ну—разъ я могу желать все, что мнѣ вздумается—хочу я прежде всего танцовать лучше, чѣмъ Плясунъ и имѣть столько денегъ въ карманѣ, какъ толстый Эзекилъ».

— «Дуракъ!» гнѣвно крикнулъ Человѣчекъ. «И не стыдно желать такую глупость: танцовать лучше всѣхъ, да деньги на кости швырять! Стыдись, глупецъ, ты самъ себя обираешь! Что тебѣ и матери твоей бѣдной пользы отъ твоихъ танцевъ? Что тебѣ деньги, разъ они всѣ въ харчевнѣ останутся, какъ у этихъ господъ? Вѣдь всю недѣлю у тебя ничего не будетъ и будешь нуждаться по прежнему. Даю тебѣ еще желаніе, но, смотри, поразумнѣе!»

Петеръ почесалъ за ухомъ. «Такъ ужъ позвольте мнѣ самый лучший стеклянный заводъ во всемъ Шварцвальденѣ со всѣми принадлежностями и деньгами, чтобъ вести дѣло».

— «Больше ничего?» спросилъ карликъ озабоченно. «Петеръ, подумай, не надо-ли еще чего?»

— «Да—развѣ еще лошадку, да повозочку».

— «Ахъ, ты глупый, глупый парень!» закричалъ карликъ и съ досады такъ швырнулъ свою стеклянную трубочку, что она въ дребезги разлетѣлась о сосну.

«Лошадку? Повозочку? Да тебѣ разума надо было просить, простого человѣческаго разума и знанія дѣла, а не лошадокъ и повозочку. Ну, ну, не печалься, постараемся устроить, чтобъ все на пользу пошло; второе желаніе еще не такъ безразсудно. Стекланный заводъ хозяина прокормить, а еслибъ еще при этомъ побольше знанія дѣла, да разума, явились бы сами по себѣ и лошадка и повозочка».

— «Но вѣдь у меня осталось еще одно желаніе», смущенно проговорилъ Петеръ. «Могу теперь пожелать разума, если вы находите, что онъ ужъ такъ необходимъ для меня».

— «Нѣтъ, подожди. Мало-ли еще можетъ встрѣтиться затрудненій, побереги третье желаніе. А теперь ступай домой. Вотъ тебѣ двѣ тысячи гульденовъ», добавилъ лѣсной духъ, подавая Петеру небольшой кошелекъ, «и больше не проси, а то повѣшу на первой соснѣ. Таковы мои правила съ тѣхъ поръ, какъ лѣсомъ владѣю. Дня три тому назадъ умеръ подъ горою владѣлецъ лучшаго стекляннаго завода въ здѣшней мѣстности. Отправляйся туда завтра утромъ и покупай заводъ. Веди себя хорошо, не лѣнись работать, а я буду навѣщать тебя и помогать совѣтомъ и дѣломъ, разъ не сумѣлъ ты заpastись разумомъ. Но опять-таки повторяю тебѣ, первое твое желаніе ничего не стоитъ. Берегись бѣгання по харчевнямъ, Петеръ! До добра оно никого не доводитъ». Человѣчекъ тѣмъ временемъ добылъ себѣ новую трубочку, туго набилъ ее сухими сосновыми иглами, зажегъ ихъ зажигательнымъ стекломъ, потомъ привѣтливо подаль ручку Петеру, прочелъ ему еще на-

ставленіе на дорогу и сталъ курить. Онъ курилъ и курилъ все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, исчезъ въ густомъ облакѣ дыма, отъ котораго несло чистѣйшимъ голландскимъ табакомъ, и легкія кольца крутятся и расплываясь медленно таяли въ верхушкахъ сосенъ.

Петеръ, вернувшись домой, засталъ мать въ большой тревогѣ: добрая женщина уже вообразила, что сына ея забрали въ солдаты. Молодой человѣкъ былъ въ прекрасномъ настроеніи, шутилъ, смѣялся, рассказывалъ матери, что встрѣтилъ въ лѣсу пріятеля и что тотъ одолжилъ ему необходимую сумму, чтобъ заняться другимъ ремесломъ, такъ какъ выжиганіе угля ему надоѣло. Мать его, конечно, за тридцать лѣтъ замужества успѣла привыкнуть къ закопченнымъ лицамъ и ничего отталкивающего для нея они не представляли, но все же материнская гордость ея была польщена мыслью о болѣе блестящемъ положеніи сына. «Теперь, пожалуй, какъ матери стекольщика, мнѣ честь другая будетъ, чѣмъ сосѣдкамъ», говорила она. «Я думаю, можно будетъ сѣсть въ церкви на переднее мѣсто, тамъ, гдѣ сидятъ настоящіе люди». Петеръ очень скоро сговорился съ наслѣдниками стеклянного завода. Онъ удержалъ всѣхъ рабочихъ и сталъ денно и нощно выдѣлывать стекло. Сначала ремесло ему понравилось. Онъ каждое утро спускался въ заводъ, важно расхаживалъ среди рабочихъ, засунувъ руки въ карманы, посматривалъ туда, заглядывалъ сюда; нерѣдкоставлялъ такія замѣчанія, что рабочіе его покатывались со смѣху, но все же интересовался дѣломъ. Его забавляло смотрѣть, какъ выдуваютъ стекло; онъ иногда

самъ сѣлся за работу и выдувалъ причудливыя фигуры изъ неостывшей еще массы. Скоро однако все ему надоѣло; онъ сталъ рѣже ходить на заводъ и меньше тамъ оставаться. Дошло до того, что онъ только разъ въ недѣлю появлялся тамъ и мастера дѣлали все, что имъ вздумается. Зато онъ зачастилъ въ харчевню. Въ то воскресенье, какъ онъ вернулся изъ бора, онъ зашелъ туда вечеромъ и какъ всегда встрѣтилъ тамъ Плясуна и толстаго Эзекиила. Петеръ быстро ощупалъ карманъ: карманъ оказался биткомъ набитъ золотомъ и серебромъ. Въ ногахъ онъ тоже чувствовалъ какое-то странное безпокойство, словно имъ надо было двигаться и скакать. Онъ пригласилъ даму и всталъ въ ряды танцоровъ рядомъ съ Плясуномъ. Всѣ глаза проглядѣли, любуясь на нихъ. Подскочить Плясунъ на три фута, глядишь—Петеръ чуть не на четыре взмахнулъ; начнетъ Плясунъ разные замысловатые фокусы ногами выводить, Петеръ тоже не отстаетъ: такіе выверты продѣлываетъ, что у зрителей отъ восторга духъ занимаетъ. Удивленію не было границъ, когда узнали, что угольщикъ купилъ стеклянный заводъ. Одни рѣшили, что онъ нашелъ кладъ въ лѣсу, другіе, что наслѣдство получилъ, но въ общемъ всѣ разомъ признали въ немъ взрослого мужчину, достойнаго уваженія. Въ тотъ же вечеръ онъ проигралъ двадцать гульденовъ, а карманъ его все оставался въ прежнемъ положеніи.

Петеръ сильно возмечталъ о себѣ, когда увидѣлъ, какъ другіе къ нему относятся. Онъ пригоршнями бросалъ деньги направо и налево, щедро одѣляя бѣдныхъ, такъ какъ не забылъ еще, какъ нищета

давила его. Плясуна онъ давно посрамилъ своимъ искусствомъ, а насчетъ игры въ кости заткнулъ за поясъ толстаго Эзекиила. Никто не ставилъ такихъ безумныхъ ставокъ, зато никто столько не проигрывалъ. Въ сущности, для него проигрышъ былъ выгоднѣе выигрыша. Какъ-то всегда случалось такъ, что противникомъ Петра былъ Эзекииль, и ему онъ больше всѣхъ проигрывалъ. А такъ какъ Петеръ пожелалъ имѣть именно столько денегъ, какъ у Эзекиила, достаточно было тому всыпать выигрышъ въ карманъ, чтобъ онъ полностью очутился въ карманѣ Петра. Постепенно скромный угольщикъ сталъ самымъ отчаяннымъ кутилою и игрокомъ во всемъ Шварцвальденѣ; онъ забросилъ всякую работу и игралъ напролетъ цѣлыми днями. Стекланный заводъ его мало-по-малу пришелъ въ упадокъ. Тутъ много помогло полное незнаніе дѣла со стороны владѣльца. Петеръ днемъ и ночью выдѣлывалъ стекло, но не имѣлъ понятія, куда его сбывать. Наконецъ, у него накопилась такая масса стекланныхъ издѣлій, что пришлось попросту сбыть ихъ за полцѣны странствующимъ торговцамъ; иначе нечѣмъ было заплатить рабочимъ.

Разъ возвращался онъ вечеркомъ изъ харчевни, несмотря на выпитое вино, съ ужасомъ помышлялъ о близкомъ разореніи. Вдругъ замѣтилъ онъ, что кто-то идетъ рядомъ съ нимъ. Оказывается—самъ Стекланный Человѣчекъ! Безразсудная злоба овладѣла Петеромъ, злоба на того, кто не сумѣлъ устроить счастье такого достойнаго какъ онъ человѣка. «Ты всему виною!» кричалъ онъ карлику. «Ну, куда мнѣ

лошадь и повозочка? Что мнѣ отъ твоего завода и массы ненужнаго стекла? Я простымъ угольщикомъ былъ, а жилъ счастливѣе и по крайней мѣрѣ безъ заботъ. Теперь только и жди, когда придутъ описывать имущество, да еще въ тюрьму засадятъ за долги.

«Вотъ какъ?» возразилъ Стекланный Человѣчекъ. «Вотъ какъ? Такъ, значитъ, я виноватъ, что ты несчастливъ? Это въ благодарность за мою доброту? А кто велѣлъ тебѣ такъ безразсудно желать? Ты мечталъ быть стекольщикомъ, а не зналъ куда стекло сбывать? Развѣ я не останавливалъ тебя, не предупреждалъ быть осмотрительнѣе? Разума, Петеръ, ума тебѣ нехватало».

«Какой тутъ разумъ, да умъ!» кричалъ тотъ. «Не глупѣе я другихъ и докажу тебѣ». Онъ схватилъ человѣчка за воротъ и крикнулъ въ самое ухо: «Попался ты мнѣ, владыка лѣсовъ! Теперь слушай третье мое желаніе и чтобъ мигомъ все тутъ было! Чтобъ сейчасъ явились мнѣ двѣсти тысячъ талеровъ и домъ богатый и—ой, ой-ой!» дико завопилъ онъ, встряхивая рукою; вмѣсто человѣчка, въ рукахъ его пылало расплавленное стекло. Самого же человѣчка нигдѣ не было видно.

Нѣсколько дней Петеръ сидѣлъ дома съ повязанною рукою и раскаивался въ своей неблагодарности. Когда же рука зажила, онъ заглушилъ въ себѣ голосъ совѣсти прежнею разсѣянною жизнью, «Пушай себѣ продаютъ заводъ», думалъ онъ, «все же мнѣ остается карманъ толстаго Эзекиила. Пока у того деньги есть, я не пропаду».

Да, пока у него есть; а что, какъ вдругъ не бу-

доть? Вотъ это именно и случилось однажды и получилось что-то очень странное. Подъѣхалъ Петеръ, какъ всегда, къ гостинницѣ; у окна стояло нѣсколько человѣкъ. «Вотъ игрокъ нашъ пожаловалъ!» сказалъ одинъ. «Богатый стекольщикъ», добавилъ другой. А третій покачалъ головою. «Ну, насчетъ богатства—дѣло подѣ сомнѣніемъ. Что-то много о его долгахъ поговариваютъ; я слышалъ въ городѣ, что надняхъ опись у него дѣлаютъ». Тѣмъ временемъ Петеръ величаво поклонился стоящимъ у окна и крикнулъ хозяину. «Добраго вечера, хозяинъ! Здѣсь толстый Эзекииль?»—«Здѣсь», пробасилъ грубый голосъ. «Иди, мѣсто свободно, мы только тебя поджидаемъ». Петеръ ощупалъ карманъ, убѣдился, что все въ порядкѣ и сѣлъ за игорный столъ.

Онъ началъ играть. Игралъ онъ съ переменнымъ счастьемъ, то выигрывалъ, то проигрывалъ, пока, наконецъ, всѣ честные люди по домамъ разошлись, а онъ остался съ двумя товарищами играть при огнѣ. «Хватить съ насъ, пора домой!» заявили тѣ. Но Петеръ сталъ уговаривать Эзекиила остаться еще немного. Тотъ долго не хотѣлъ, наконецъ, воскликнулъ: «Ладно, я сейчасъ пересчитаю деньги, а потомъ будемъ играть. Ставка по пяти гульденовъ: меньше—ребячество».

Онъ вынулъ кошель, сосчиталъ; тамъ было сто гульденовъ. Петеръ, не считая, зналъ, что у него столько же въ карманѣ. До того Эзекииль все выигрывалъ, а тутъ сталъ терять ставку за ставкой и видимо горячился. Вотъ онъ поставилъ послѣдніе пять гульденовъ на столъ и крикнулъ: «Ну, еще разъ,

и если еще проиграю, все же не брошу. Одолжи мнѣ немного, Петеръ: всегда слѣдуетъ по честности выручать товарища».

«Сколько угодно, хоть всѣ сто гульденовъ», за-смѣялся Петеръ, радостно поглядывая на выигрышъ. Толстый Эзекиль тряхнулъ костями и выкинулъ пятнадцать. «Ну-съ!» закричалъ онъ, «теперь посмотримъ!» Петеръ выкинулъ восемнадцать. И въ ту же минуту хриплый голосъ проговорилъ за его спиною: «Это ужъ послѣдній».

Онъ оглянулся. За нимъ во весь свой исполинскій ростъ стоялъ Голландецъ Михель. Отъ испуга Петеръ уронилъ деньги, которые только что собралъ со стола. Но толстый Эзекиль не видѣлъ Голландца. Онъ стоялъ надъ Петеромъ и требовалъ, чтобъ тотъ одолжилъ ему десять гульденовъ. Безсознательно тотъ полѣзъ въ карманъ, но въ карманѣ ничего не оказалось; онъ всего себя обыскалъ, но нигдѣ не нашелъ ни гроша, онъ снялъ кафтанъ, встряхнулъ его; нигдѣ ничего. Тутъ только съ ужасомъ вспомнилъ онъ, что вѣдь самъ пожелалъ имѣть столько, сколько у толстаго Эзекила. Все исчезло какъ дымъ.

Хозяинъ и Эзекиль съ удивленіемъ смотрѣли, какъ онъ искалъ деньги и не находилъ; имъ не вѣрилось, чтобъ у него ничего не было. Они сами обыскали его карманы и пришли въ ярость. Оба клялись, что Петеръ колдунъ, что онъ нарочно переправилъ деньги домой, чтобъ не одолжить товарищу. Петеръ твердо защищался, но очевидность была противъ него. Эзекиль грозилъ, что онъ всѣмъ расскажетъ о его продѣлкахъ, а хозяинъ обѣщалъ по утру сбѣгать въ

городъ и тамъ уличить Петера въ колдовствѣ. «Не успокоюсь», кричалъ онъ, «пока не сожгутъ его живьемъ на кострѣ». Оба набросились на несчастнаго, стащили съ него куртку и вытолкали за дверь.

Ни одной звѣздочки не мерцало на небѣ, когда Петеръ печально плелся къ своей хижинѣ; но все же онъ различилъ темную фигуру, незамѣтно скользящую рядомъ съ нимъ. Фигура говорила: «Конецъ тебѣ пришелъ, Петеръ Мункъ, всему твоему великолѣпію конецъ. Я ужъ тогда это предвидѣлъ, когда ты не захотѣлъ имѣть дѣло со мною и кинулся къ глупому Стекляшкѣ. Ты видишь, что значитъ пренебрегать моими совѣтами. Попробуй ко мнѣ обратиться, мнѣ что-то жалко тебя стало. Еще никто не раскаивался, кто со мною дѣло имѣлъ. Если тебя путь не страшитъ, приходи завтра на Сосновый Холмъ: я тотчасъ явлюсь, какъ только ты позовешь меня». Петеръ прекрасно зналъ, кто говорить съ нимъ, но отъ страха не могъ вымолвить ни слова. Онъ бѣгомъ пустился домой.

Когда на слѣдующее утро Петеръ подходилъ къ заводу, тамъ собрались не только рабочіе, но и другіе весьма непріятные люди, а именно, уѣздный судья и полицейскіе. Судья поздоровался съ Петеромъ, вѣжливо освѣдомился какъ его здоровье, потомъ вытащилъ списокъ кредиторовъ Петера. «Можете заплатить по этому списку?» спросилъ онъ. «Только, пожалуйста, поскорѣе, мнѣ совсѣмъ нѣтъ времени». Петеръ смущенно сознался, что у него нѣтъ ни гроша и предложилъ приступить къ описи имущества. Пока судья съ полицейскими ходили по дому, оцѣни-

вали домъ, заводъ и конюшни, Петеръ осторожно вышелъ со двора. «До Сосноваго холма не такъ далеко», рѣшилъ онъ, «не поможетъ Малышъ, попробую къ Долговязому обратиться». Войдя въ лѣсъ онъ побѣжалъ такъ быстро, словно за нимъ гнались по пятамъ. Когда онъ добрался до мѣста, гдѣ первый разъ бесѣдовалъ съ Стекляннымъ Человѣчкомъ, ему показалось, что кто-то держитъ его сзади; но онъ вырвался и бросился бѣжать безъ оглядки до границы, пѣрескочилъ черезъ оврагъ и что было силы закричалъ: «Голландецъ Михель! Господинъ Михель!» Великанъ тотчасъ же предсталъ передъ нимъ.

«Что, пришелъ?» спросилъ онъ и засмѣялся. «Собрались кожу съ тебя сдирать, да кредиторамъ отдавать? Ну, ну, успокойся! Вся бѣда твоя въ томъ, что съ тѣмъ тихоней, Стекляшкою, связался. Ужъ если дарить, такъ дарить, а не такъ, какъ этотъ скряга. Пойдемъ», продолжалъ онъ, направляясь къ лѣсу. Пойдемъ ко мнѣ домой, тамъ увидимъ, сойдемся-ли въ цѣнѣ».

— «Сойдемся-ли въ цѣнѣ?» подумалъ Петеръ. «Что можетъ онъ съ меня потребовать, да и что могу я предложить. Служить-ли ему придется, или что другое ему надо?» Они прошли сперва по крутой лѣсной тропинкѣ, затѣмъ сразу очутились на краю темнаго, глубокаго оврага; Михель просто прыгнулъ туда такъ спокойно, точно шелъ по отлогой мраморной лѣстницѣ; Петеръ же чуть не лишился чувствъ, когда тотъ, едва ступивъ на дно, сталъ расти вверхъ и протянулъ ему руку, длинную какъ мачта, съ ладонью шириною въ добрый столъ. «Садись на руку

и держись за пальцы, чтобъ не упасть», прогремѣлъ изъ глубины знакомый голосъ. Петеръ, дрожа, сѣлъ на ладонь и крѣпко ухватился за палецъ великана.

Онъ спускался долго и глубоко; но что особенно поразило Петера—это то, что чѣмъ глубже, тѣмъ становилось свѣтлѣе, только свѣтъ этотъ какъ-то особенно рѣзалъ глаза. Михель все дѣлался меньше и меньше, наконецъ, въ обыкновенномъ своемъ видѣ остановился у дверей самаго обыкновеннаго дома, не лучше и не хуже, чѣмъ всѣ дома зажиточныхъ крестьянъ Шварцвальдена. Онъ ввелъ Петера въ комнату, тоже на видъ самую обыкновенную, только какую-то нежилую.

Деревянные стѣнные часы, огромная изразцовая печь, широкія лавки по стѣнамъ, разная утварь по полкамъ, все было какъ во всѣхъ крестьянскихъ домахъ. Михель пригласилъ его сѣсть за столъ, а самъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и скоро вернулся съ кружкою вина и двумя стаканами. Онъ налилъ вино и скоро разговоръ завязался. Михель рассказывалъ про чужіе края, про чудные города и рѣки, про все прекрасное на свѣтѣ. У Петера загорѣлось желаніе повидать свѣтъ; онъ чистосердечно признался въ этомъ Голландцу.

«Иногда ты всѣмъ существомъ своимъ чувствуешь силу и желаніе что-либо предпринять, и вдругъ нѣсколько ударовъ глупаго сердца заставляютъ тебя вздрогнуть. А оскорбленіе чести и всякія несчастія? Къ чему, спрашивается, разумному малому огорчаться пустяками? Развѣ у тебя въ головѣ отозвалось, когда

недавно кто-то называлъ тебя обманщикомъ и негодяемъ? Развѣ у тебя гдѣ-нибудь заболѣло, когда пришелъ судья выгонять тебя изъ дома? Ну, что у тебя заболѣло?»

— «Сердце», отвѣчалъ Петеръ, прикладывая руку къ сильно бьющейся груди: сердце его тоскливо сжималось и трепетало.

«Ты, позволь тебѣ сказать, много сотенъ выбросилъ нищимъ и всякому сброду, а что тебѣ отъ этого? Ну, положимъ, они желали тебѣ всякаго благополучія и здоровья? Что ты отъ этого счастливѣе, здоровѣе сталъ? На тѣ деньги ты могъ врача себѣ нанять, слѣдить за здоровьемъ. А благополучіе? Хорошо благополучіе, когда человѣка изъ дома выгоняютъ! Такъ что-жъ тебя побуждало лѣзть въ карманъ каждый разъ, какъ какой-нибудь оборванецъ протягивалъ тебѣ шапку?—Все сердце, все то же безпокойное сердце, а не глаза, не языкъ, ни руки, ни ноги. Одно сердце всему виною. Ты, какъ говорится, все слишкомъ близко къ сердцу принималъ».

— «Но какъ же отъ этого отвыкнуть, научите меня. Я всячески стараюсь подавить его, а сердце все по прежнему ноетъ и щемитъ».

«Конечно, не тебѣ съ нимъ совладать», засмѣялся Михель. «Самъ ты ничего не сможешь сдѣлать, бѣдныя! Отдай мнѣ эту дрожащую штучку: увидишь, какъ прекрасно будешь себя чувствовать».

— «Отдать сердце», съ ужасомъ вскричалъ Петеръ. «Да я тутъ же умру! Нѣтъ, ни за что».

«Умеръ бы, если-бъ сердце твое вынималъ кто изъ вашихъ лѣкарей. Со мною бояться нечего. Иди сюда,

убѣдись на дѣлѣ». Михель всталъ и повелъ Петера въ небольшую комнатку рядомъ. Сердце бѣдняги болѣзненно сжалось, какъ только онъ переступилъ порогъ, но зрѣлище, которое ему представилось, было такъ необыкновенно, что на минуту онъ забылъ обо всемъ. Вдоль стѣны шли деревянныя полки, а на нихъ стеклянныя банки съ прозрачною жидкостью и въ каждой плавало сердце. На банкахъ были наклеены ярлыки съ именами. Петеръ прочелъ: сердце толстаго Эзекиила; сердце плясуна; сердце главнаго лѣсничаго; сердце судьи и много, много другихъ сердецъ, отборнѣйшихъ и самыхъ уважаемыхъ сердецъ во всемъ округѣ.

«Вотъ видишь!» сказалъ Голландецъ, «всѣ эти отбросили печали и тревоженія житейскія. Ни одно изъ этихъ сердецъ не бѣется тоскливо въ груди своего обладателя и, повѣрь, тѣ только радуются, что выжили безпокойнаго гостя».

— «Такъ что же у нихъ въ груди вмѣсто этого?» робко спросилъ Петеръ. У него голова начинала кружиться отъ всего видѣннаго.

«Вотъ это!» отвѣтилъ Михель, доставая изъ ящика—каменное сердце.

— «Вотъ оно что!» У Петера морозъ пробѣжалъ по кожѣ. «Значить, мраморное сердце? Но, послушай, Михель, вѣдь отъ него совсѣмъ холодно въ груди?»

«Ну, не совсѣмъ холодно, а пріятно свѣжо. Какая надобность, чтобы сердце было горячее. Зимой тебѣ его теплота не требуется: хорошее вино не хуже грѣетъ, а лѣтомъ, когда все изнываетъ отъ жары,

ты не повѣришь, какъ оно пріятно освѣжаетъ, такое сердце. И къ тому-же, ни страха, ни тоски, ни глупаго состраданія—такое сердце отъ всего безопасно».

—«И это все, что вы можете мнѣ предложить? Я рассчитывалъ на золото, а вы даете мнѣ какой-то камень!» воскликнулъ съ досадою Петеръ.

«Тысячъ сто гульденовъ хватитъ тебѣ на первый разъ? Если умѣло взяться, можно миллионеромъ сдѣлаться.»

— «Сто тысячъ гульденовъ!» воскликнулъ радостно бѣдный угольщикъ. «Ну, ну, не стучи такъ ужасно въ груди, скоро раздѣлаемся съ тобою. Согласенъ, Михель! Давай камень и деньги; бери все ненужное себѣ».

«Я такъ и думалъ, что ты малый съ понятіемъ», отвѣчалъ Голландецъ, весело посмѣиваясь. Идемъ теперь, выпьемъ, я потомъ тебѣ деньги отсчитаю».

Они снова сѣли за столъ, пили и угощались; наконецъ, Петеръ заснулъ.

Онъ проснулся подъ веселые звуки почтоваго рожка и съ удивленіемъ почувствовалъ, что сидитъ въ прекрасной каретѣ, что катитъ по широкой гладкой дорогѣ; а когда выглянулъ изъ кареты, онъ увидѣлъ въ синеватой дали неясныя очертанія Шварцвальдена. Сначала ему не вѣрилось, что это онъ самъ и что все это не во снѣ. Даже одежда на немъ была другая; но онъ такъ ясно помнилъ всѣ подробности, что пересталъ раздумывать и воскликнулъ: «Я Петеръ Мункъ и никто другой, вотъ и все!»

Онъ немного удивился, что не чувствуетъ никакой тоски по родинѣ. А между тѣмъ онъ первый

разъ въ жизни покидалъ родные лѣса. Онъ подумалъ о матери, оставленной имъ безъ призора въ горести и нуждѣ; однако, никакой ни грусти, ни жалости не ощущалъ; ему все было такъ безразлично! «Ахъ, да!», вспомнилось ему, «вѣдь слезы, вздохи, тоска, печаль, все это отъ сердца, а, спасибо молодцу Михелю, мое—каменное и ничего не чувствуетъ».

Онъ приложилъ руку къ груди: дѣйствительно, не слышно было бѣшенія. «Если онъ такъ же сдержалъ слово насчетъ денегъ, какъ насчетъ сердца, можно себя поздравить», подумалъ онъ и началъ обыскивать карету. Онъ нашелъ въ ней запасъ платья и всего, что только могло потребоваться ему, но денегъ не было. Однако, скоро нашлась сумка и въ ней бумаги на главные торговые дома разныхъ большихъ городовъ, а также запасъ золота на дорогу. «Теперь все у меня въ порядкѣ», успокоился онъ, расположился удобнѣе въ углу кареты и спокойно поѣхалъ дальше.

Онъ года два ѣздилъ по свѣту и поглядывалъ направо и налево изъ окна кареты или останавливался въ гостинницахъ, бѣгалъ по городу и осматривалъ достопримѣчательности. Но, странно, его ничто не радовало: ни картины, ни зданія, ни музыка, ни танцы; каменное сердце его ни въ чемъ не принимало участія и чувства его какъ-то притупились ко всему прекрасному. Ему ничего не оставалось какъ ѣсть, пить, да спать. Такъ онъ и жилъ, болтаясь по свѣту безъ цѣли, вѣль, чтобъ поддержать свое существованіе, спать отъ скуки. Временами онъ вспоминалъ, что прежде былъ веселѣе, счастливѣе, тогда, когда былъ еще бѣденъ и приходилось зарабатывать свой хлѣбъ.

Тогда, бывало, онъ увлекался чуднымъ видомъ на долину, любилъ музыку, пѣніе, съ наслажденіемъ ѣлъ скромный обѣдъ, приготовленный заботливою матерью. Когда онъ такъ припоминалъ свое прошлое, его удивляло, что теперь онъ совсѣмъ утратилъ способность смѣяться, а вѣдь раньше онъ до слезъ хохоталъ надъ всякимъ пустякомъ! Когда смѣялись вокругъ него, онъ изъ вѣжливости дѣлалъ видъ, что улыбается, но сердце—сердце его не улыбалось. Онъ чувствовалъ себя очень покойнымъ, но счастья положительно не ощущалъ. Наконецъ, ему захотѣлось на родину, захотѣлось не съ тоски или печали по родинѣ, а просто отъ пустоты и пресыщенія жизнью.

Когда, миновавъ Страсбургъ, онъ снова увидѣлъ вдали темныя сосны своей родины, увидѣлъ статныя фигуры, привѣтливыя, открытыя лица земляковъ, услышалъ родные звуки, такіе глубокіе, сильные и благозвучные, онъ быстро приложилъ руку къ сердцу; кровь его сильнѣе переливалась въ жилахъ и ему казалось, что онъ сможетъ обрадоваться или даже заплакать, но нѣтъ, что за безуміе! Вѣдь сердце его было каменное, а камни не радуются и не плачутъ.

Прежде всего направился онъ къ Михелю. Тотъ принялъ его съ прежнимъ радушіемъ.

«Михель», сказалъ Петеръ, «вотъ я ѣздилъ и все видѣлъ и, право, все вздоръ одинъ, только скуку нагоняетъ. Я согласенъ, что ваша каменная штука, пожалуй, довольно удобная вещь и кой отъ чего охраняетъ: я теперь не сержусь, не грущу, но зато меня ничто не радуетъ и я какъ-то живу на половину. Нельзя-ли этотъ камешекъ немного почувствительнѣе

сдѣлать? Или нельзя-ли мнѣ старое отдать. Я все-таки за двадцать пять лѣтъ успѣлъ привыкнуть къ нему. Бывали временами неуладыцы, а все же сердце то славное, веселое».

Лѣсной духъ злобно и горько усмѣхнулся.

«Послѣ смерти, другъ Петеръ, ты свое сердце получишь; вернется къ тебѣ твое мягкое, чувствительное сердце и почувствуешь тогда на горе-ли или на радость. А теперь—нѣтъ, на семь свѣтѣ тебѣ имъ больше не владѣть! Но, видишь-ли, Петеръ, ты хоть и путешествовалъ, но такъ жить, какъ ты жилъ, тебѣ совсѣмъ не въ пользу. Утвердись теперь гдѣ-нибудь въ лѣсу, построй себѣ домъ, женись, пусти деньги въ оборотъ, вотъ и не будешь скучать. Вѣдь ты ровно ничего не дѣлалъ, вотъ тебя и одолѣла скука, а ты все сваливаешь на это невинное сердце».

Петеръ увидѣлъ, что Михель правъ въ томъ, что касается праздности, и задался цѣлью составить себѣ состояніе. Михель далъ ему еще сто тысячъ гульденовъ и они разстались добрыми друзьями.

Скоро по всему Шварцвальдену разнесся слухъ, что Петеръ вернулся богаче, чѣмъ когда-либо. Случилось то, что всегда случается; когда онъ раззорился, его вытолкали за дверь, а когда снова появился съ толстымъ карманомъ, его встрѣтили съ распростертыми объятіями, жали ему руку, хвалили его коней, спрашивали о поѣздкѣ. По прежнему занялъ онъ свое почетное мѣсто за игорнымъ столомъ противъ толстаго Эзекила. Теперь ужъ онъ занялся не стекляннмъ производствомъ, а лѣснымъ промысломъ, да и то для вида. Исподволь пол-Шварцвальдена оказа-

лось у него въ долгу. Онъ давалъ деньги за большіе проценты или ссужалъ зерномъ за тройную цѣну бѣдняковъ, которымъ нечѣмъ было платить. Съ уѣзднымъ судьей онъ подружился и тотъ сталъ безпощаденъ ко всякому должнику Петера. День просрочки—и онъ летѣлъ туда, описывалъ, продавалъ, выгонялъ семью изъ родного дома. Сначала Петеру было немного непріятно: обездоленные бѣдняки толпами осаждали его двери, мужчины упрашивали повременить, женщины плакали и пытались смягчить каменное сердце, дѣти жалобно молили о кусочкѣ хлѣба. Но Петеръ догадался завести пару огромныхъ псовъ и «кошачья музыка», какъ онъ называлъ, живо прекратилась. Всего больше непріятностей доставляла ему «старуха». Такъ называлъ онъ родную мать. Несчастливая Барбара Мункъ впала въ нищету послѣ продажи дома и завода, а сынъ даже не справился о ней по возвращеніи. Она изрѣдка заходила къ нему, старая, дряхлая, больная. Въ домъ войти она не смѣла, послѣ того, какъ онъ ее разъ выгналъ, но ей слишкомъ тяжело было принимать милостыню отъ постороннихъ людей; и она плелась къ богатому сыну и протягивала подъ окномъ дрожащую, сморщенную руку. Петеръ, ворча, высымалъ ей съ прислугою небольшую серебряную монетку. Онъ слышалъ, какъ она благодарила дрожащимъ голосомъ, какъ призывала на него всякія благословенія и, покашливая, направлялась къ воротамъ. Ни разу не дрогнуло при этомъ каменное сердце; Петеръ только досадовалъ, что опять пришлось бросить на вѣтеръ нѣсколько грошей.

Въ концѣ-концовъ Петеръ задумалъ жениться. Онъ достовѣрно зналъ, что отказа ему нигдѣ не будетъ, но затруднялся выборомъ, чтобы и тутъ поразить всѣхъ своимъ счастьемъ и умомъ. Онъ обыскалъ весь лѣсъ и нигдѣ не нашелъ подходящей невѣсты. Какъ-то разъ дошелъ до него слухъ, что самая красивая и добродѣтельная дѣвушка Шварцвальдена это Лиза, дочь бѣднаго дровосѣка. Она жила съ отцомъ на окраинѣ лѣса, усердно занималась хозяйствомъ, помогала отцу и никогда не показывалась на вечеринкахъ, даже по праздникамъ. Прослышалъ про нее Петеръ и рѣшилъ осчастливить красавицу своимъ предложеніемъ. Старый дровосѣкъ ушамъ своимъ не вѣрилъ, когда неожиданный гость милостиво посватался за его дочь. Предложеніе казалось ему слишкомъ лестнымъ и выгоднымъ, чтобъ долго раздумывать; онъ далъ согласіе даже не предупредивъ дочь, а та изъ дочерней покорности не стала противорѣчить.

Бѣдняжка зажила совсѣмъ не такъ, какъ представлялось ей сначала. Она считала себя болѣе или менѣе свѣдущей въ хозяйствѣ, а тутъ никакъ не могла угодить мужу. Она жалѣла нищихъ и думала, что разъ супругъ такъ богатъ, не грѣхъ дать лишній грошъ бѣдной женщинѣ или поднести рюмочку слабому старичку. Но Петеръ былъ совсѣмъ другого мнѣнія и сразу прикрикнулъ на нее: «Ты съ какого права швыряешь добро мое всякимъ побирушкамъ и бродягамъ? Ты принесла-ли что съ собою, что такъ раздариваешь? Твоего приданаго на похлебку не хватитъ, а ты мотаешь деньги какъ герцогиня. Попро-

буй-ка у меня еще разъ: живо кулаковъ извѣдаешь».

Прекрасная Лиза горько плакала въ своей каморкѣ надъ черствостью мужа. Она сто разъ охотнѣе вернулась бы къ себѣ, въ бѣдную хижинку отца, чѣмъ жить въ богатомъ домѣ съ безсердечнымъ скрягою. Какъ и чѣмъ смягчить ей сердце мужа? Бѣдняжка не могла знать, что у Петра мраморное сердце и что не въ силахъ онъ любить ни ее, ни кого-либо другого.

Такъ проходили дни. Лиза избѣгала показываться на порогъ, а если случайно проходилъ мимо нищій, она закрывала глаза и крѣпко сжимала руку, чтобъ не сунуть ее въ карманъ за милостынею. И худая слава пошла о ней по лѣсу; всѣ говорили, что она еще скупѣе чѣмъ Петеръ.

Но однажды снова сидѣла Лиза передъ домомъ, пряла и пѣла веселую пѣсенку. Погода была хорошая, Петеръ уѣхалъ куда-то далеко и молодая женщина чувствовала себя бодрѣе обыкновеннаго.

По дорогѣ показался старикъ съ огромнымъ мѣшкомъ на спинѣ. Издали слышно было, какъ онъ пыхтѣлъ подъ тяжестью. Лиза съ участіемъ взглянула на него и подумала, что грѣхъ наваливать такую ношу на старика.

Старичекъ, пошатываясь, дотащился до Лизы и опустилсѣ съ мѣшкомъ на землю. «Будьте милостивы, сударыня, дайте глотокъ водицы. Я погибаю, силъ нѣтъ итти далыше».

«Не слѣдовало бы вамъ въ такомъ возрастѣ таскать такія тяжести», ласково проговорила молодая женщина.

«Да, кабы не нужда, да не бѣдность!» отвѣчалъ старикъ. «Гдѣ вамъ, богатой женщинѣ, знать, что такое бѣдность и какъ спасителенъ глотокъ воды въ такую жару».

Лиза поспѣшно вошла въ домъ, налила въ кружку воды и уже вышла во дворъ, но, не дойдя до старика, увидѣла его жалкую сгорбленную фигуру на мѣшкѣ, и слезы выступили у нея на глазахъ. Она подумала, что мужа нѣтъ дома и что никто не узнаетъ. Поспѣшно выплеснула она воду, схватила кружку и быстро наполнила ее виномъ, а сверху положила ржаной хлѣбецъ и вынесла все старику. «Вотъ, дѣдушка, пейте на здоровье. Глотокъ винца полезнѣе вамъ, чѣмъ вода. Не торопитесь, закусите хлѣбцемъ, отдохните», приговаривала она.

Старичекъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее влажными глазами. Онъ выпилъ и сказалъ: «Я старъ, но мало видѣлъ людей, чтобъ такъ ласково и сердечно творили милостыню, какъ вы, госпожа Лиза. Да будете вы зато благословенны на землѣ; такое сердце заслуживаетъ награды».

«И награда тутъ какъ тутъ!» крикнулъ грубый голосъ. Оба оглянулись; за ними стоялъ Петеръ съ багровымъ отъ гнѣва лицомъ.

«Такъ ты мое лучшее вино льешь бродягамъ, да еще кубокъ мой съешь всякому попрошайкѣ? Вотъ тебѣ награда!» Лиза бросилась къ ногамъ мужа и молила о пощадѣ, но каменное сердце жалости не знало. Онъ размахнулся рукояткою хлыста и такъ сильно ударилъ несчастную по головѣ, что та какъ снопъ свалилась на руки старика. Что-то вродѣ рас-

каянія въ первый разъ шевельнулось въ груди Педера, онъ нагнулся посмотри́тъ жива-ли она, но старичекъ проговорилъ хорошо знакомымъ голосомъ:

«Не трудись, Петеръ. Она—прекраснѣйшій цвѣтокъ Шваривальдена».

«Не трудись, Петеръ. Она — прекраснѣйшій цвѣтокъ Шварцвальдена; но ты сломилъ его и никогда ужъ онъ болѣе не зацвѣтетъ».

Вся краска сбѣжала съ лица Петера. «Такъ это вы, господинъ Стеклышко? Ну, что случилось, то случилось и, значить, должно было случиться. Надѣюсь, вы не донесете на меня въ судъ за убійство!»

— «Трусь презрѣнный!» крикнулъ человѣчекъ. «Что мнѣ за польза, если твою смертную оболочку вздернуть на висѣлицу? Не земного суда бойся, трепещи другого суда; вспомни, что продалъ душу свою нечистому».

— «А если я продалъ свою душу», кричалъ Петеръ, «такъ ты одинъ въ этомъ виноватъ, ты и твои обманныя сокровища, ты, коварный духъ, вовлекъ меня искать спасенія въ другомъ мѣстѣ и на тебѣ лежитъ вся отвѣтственность». Не успѣлъ онъ кончить, какъ Стекланный Человѣчекъ сталъ расти и пухнуть передъ его глазами; взоръ его металъ молнии, широко раскрытая огромная пасть извергала пламя. Петеръ упалъ на колѣна; даже каменное сердце не помогло: весь онъ трясся какъ осиновый листъ. Духъ схватилъ его за шиворотъ ястребиными когтями, потрянулъ его въ воздухъ и съ силою бросилъ о земь, такъ что кости несчастнаго захрустѣли. «Червь презрѣнный!» крикнулъ онъ громовымъ голосомъ. «Я бы раздавилъ тебя на мѣстѣ за то, что ты осмѣлился оскорбить владыку лѣса. Но ради памяти той, кто накормилъ и напоилъ меня, даю тебѣ недѣлю срока. Не обратишься на истинный путь, приду и разможжу тебѣ голову и пропадай ты въ грѣхахъ своихъ».

Уже темнѣло, когда нѣсколько прохожихъ подняли все еще безчувственного Петера и внесли въ

домъ. Долго возились надъ нимъ, чтобы привести его въ чувство. Наконецъ, онъ очнулся, вздохнулъ, простоналъ и спросилъ, гдѣ жена. Никто не видалъ ее. Онъ поблагодарилъ добрыхъ людей и самъ отправился искать ее; обошелъ весь домъ съ чердака до погреба, но Лизы нигдѣ не оказалось. Значитъ, то, что казалось ему сномъ, была печальная дѣйствительность. Когда онъ остался одинъ, имъ овладѣла странная мысль; бояться онъ, собственно, ничего не боялся, такъ какъ сердце его было холодно; но, когда онъ задумывался о смерти жены, онъ невольно думалъ и о своей кончинѣ. Съ какимъ грузомъ придется ему отправиться въ невѣдомый путь, сколько слезъ на немъ, проклятій, сколько неудовлетворенныхъ жалобъ тѣхъ несчастныхъ, что онъ травилъ собаками. А тихое отчаяніе забытой матери? А кровь красавицы Лизы? Что онъ скажетъ отцу, когда тотъ придетъ и спроситъ: «Гдѣ моя дочь, гдѣ твоя жена?» Что онъ отвѣтитъ на вопросъ Того, Кому подвластны всѣ лѣса, моря и горы, и всякая жизнь человѣческая?

Ночью тоже онъ спалъ тревожно и каждую минуту просыпался отъ нѣжнаго оклика: «Петеръ, Петеръ, достань себѣ сердце потеплѣе!» А просыпаясь, онъ снова поспѣшно закрывалъ глаза, такъ какъ, судя по голосу, то предупреждала его жена. На слѣдующій день онъ пошелъ въ харчевню, чтобы разогнать неотвязчивыя мысли и какъ всегда встрѣтился тамъ съ Эзекиломъ. Онъ подсѣлъ къ нему, они говорили о томъ, о семъ, о войнѣ, о налогахъ, о прекрасной погодѣ, наконецъ, заговорили о смерти.

— «А какъ ты думаешь», спросилъ Петеръ Эзекиила, «что бываетъ съ человѣкомъ послѣ смерти?»

— «Тѣло закапываютъ, а душа пойдетъ либо на небо, либо въ адъ».

— «Такъ сердце тоже въ могилу пойдетъ?» спросилъ Петеръ.

— «Да, конечно, его тоже закапываютъ».

— «Ну, а если у кого нѣтъ сердца?» продолжалъ Петеръ.

Эзекииль смотрѣлъ на него широко раскрытыми отъ ужаса глазами. «Ты что этимъ хочешь сказать? Ты что меня морочишь? Думаешь, можетъ быть, у меня сердца нѣтъ?»

— «О, сердце чудное, крѣпкое какъ камень», съ усмѣшкою возразилъ Петеръ. Эзекииль пристально посмотрѣлъ на него, оглянулся, не подслушиваетъ-ли кто и спросилъ: «Ты откуда это знаешь? Или, можетъ быть, твое тоже болѣе не бьется?»

— «Не бьется болѣе, по крайней мѣрѣ, не въ моей груди!» отвѣтилъ Петеръ. «Такъ скажи теперь, разъ ты знаешь, про что я говорю, что будетъ съ нашими сердцами?»

— «А тебѣ что за печаль, дурень?» со смѣхомъ замѣтилъ Эзекииль. «Земной жизни у тебя еще много впереди, ну, и хватитъ съ тебя. Вѣдь это и есть удобство нашихъ холодныхъ сердецъ, что никакой страхъ насъ не беретъ».

— «Правда твоя, только все-таки какъ-то думается, и даже, хоть я страха, собственно, не чувствую, все же я помню, какъ боялся я въ былое время ада еще въ дѣтствѣ».

— «Какъ тебѣ сказать—хорошаго, конечно, нечего намъ ждать», сказалъ Эзекииль. «Я какъ-то спросилъ одного учителя, тотъ мнѣ объяснилъ, что послѣ смерти сердца взвѣшиваютъ, чтобы узнать, кто сколько нагрѣшилъ. Легкія поднимаются, тяжелыя опускаются. Полагаю, что въ нашихъ камняхъ вѣсъ не малый».

— «Ужъ, конечно», возразилъ Петеръ, «и мнѣ даже самому подчасъ неловко, какъ сердце мое спокойно и очень ужъ равнодушно относится къ подобнымъ вещамъ».

Они поговорили и разошлись. На слѣдующую ночь Петеръ снова разъ пять или шесть слышалъ знакомый голосъ надъ самымъ ухомъ: «Петеръ, достань себѣ сердце погорячѣе!» Онъ не чувствовалъ раскаянія въ своемъ поступкѣ, но, отвѣчая на разспросы людей, что жена уѣхала, онъ все-таки невольно думалъ: «Куда могла она уѣхать?» Шесть дней прошло и каждую ночь слышалъ онъ тотъ же голосъ и все думалъ о лѣсномъ духѣ и страшной угрозы его. Наконецъ, на седьмой день онъ вскочилъ съ кровати и воскликнулъ: «Ну, что-жъ, посмотрю, нельзя-ли добыть сердце погорячѣе, а то этотъ глупый булыжникъ въ груди, только скуку наводитъ». Онъ натянулъ свой праздничный нарядъ, сѣлъ на лошадь и поскакалъ на Сосновый холмъ.

Тамъ онъ сошелъ съ коня, привязалъ его къ дереву и быстрыми шагами прошелъ на вершину холма. Тутъ онъ произнесъ свое заклинаніе и сталъ ждать.

Маленькій Стекольникъ не замедлилъ явиться, но не такой веселый и привѣтливый какъ обыкновенно,

а мрачный и печальный. На немъ былъ кафтанчикъ чернаго стекла и длинная черная полоса на шляпѣ съ развѣвающимся концомъ. Петеръ сразу догадался, по комъ онъ носитъ трауръ.

— «Что тебѣ надо отъ меня, Петеръ Мункъ?» спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— «У меня еще одно желаніе, господинъ Стекольщикъ», отвѣчалъ Петеръ, опуская глаза.

— «Развѣ могутъ желать каменные сердца?» спросилъ тотъ. «У тебя, кажется, все, что только требуется по твоимъ сквернымъ наклонностямъ, и врядъли я смогу что-либо сдѣлать для тебя».

— «Но вѣдь вы обѣщали исполнить три моихъ желанія; одно еще за вами».

— «Но я оставилъ за собою право отказать, если оно безразсудно», продолжалъ лѣсной духъ. «А затѣмъ говори, что тебѣ нужно?»

— «Выньте у меня камень, дайте мнѣ живое сердце», просилъ Петеръ.

— «Да развѣ ты со мною условія заключалъ?» спросилъ Человѣчекъ. «Развѣ я Михель, что раздаетъ золото и холодныя сердца? Иди, отъ него требуй свое сердце».

— «Онъ никогда не отдаетъ ихъ», возразилъ Петеръ.

— «Мнѣ жаль тебя, какъ ты ни испорченъ», сказалъ Человѣчекъ послѣ нѣкотораго раздумья. «Но въ твоемъ желаніи нѣтъ ничего безразсуднаго и я постараюсь помочь тебѣ. Слушай внимательно. Силою ты своего сердца не получишь, но хитростью—пожалуй, такъ какъ Михель все же прежде всего глупъ,

хотя и считаетъ себя очень умнымъ. Иди прямо къ нему и сдѣлай то, что я скажу». Онъ подробно объяснилъ ему все и далъ крестикъ изъ чистаго стекла. «Жизни твоей Михель не въ силахъ повредить и отпустить тебя, если ты оградишь себя отъ него крестомъ и молитвою. Когда получишь, что ищешь, приходи ко мнѣ сюда».

Петеръ Мункъ спряталъ крестикъ на грудь, хорошо запомнилъ все, что надо сказать, и пошелъ дальше къ дому Михеля. Онъ трижды назвалъ его по имени и великанъ предсталъ передъ нимъ.

— «Ты убилъ жену?» спросилъ онъ и свирѣпо захохоталъ. «Я бы и самъ такъ сдѣлалъ: она скоро все добро нищимъ разсорила бы. Только теперь тебѣ придется уѣхать; пожалуй шумъ поднимутъ, когда ея не найдутъ. Тебѣ вѣрно денегъ надо побольше, такъ ты за ними явился?»

— «Угадалъ», отвѣчалъ Петеръ, «и даже порядочную сумму на этотъ разъ: вѣдь до Америки далеко».

Михель провелъ его въ домъ, открылъ свой сундукъ и выложилъ на столъ цѣлую гору золота. Онъ сталъ отсчитывать. Вдругъ Петеръ сказалъ: «А вѣдь ты плутъ порядочный, Михель, ловко надулъ меня! Я чуть было не повѣрилъ, что у меня въ груди камень, а сердце у тебя».

— «А развѣ не такъ?» удивленно спросилъ Михель. «Развѣ ты чувствуешь свое сердце? Развѣ оно не холодно какъ ледъ? Чувствуешь ты страхъ или горе, мучить-ли тебя раскаяніе?»

— «Ты только заглушилъ мое сердце, но все же

оно у меня по прежнему въ груди и у толстаго Эзекиила тоже, онъ мнѣ самъ сказалъ, что ты насъ надулъ. Совсѣмъ ты не такой искусникъ, чтобы незамѣтно вынуть сердце изъ груди, и даже вреда не причинить. Значить, ты нѣкоторымъ образомъ колдунъ?»

— «Увѣряю тебя», съ досадою крикнулъ Михель, «и у тебя, и у Эзекиила, и у всѣхъ, кто имѣлъ дѣло со мною, сердца каменные, а настоящія ваши сердца я храню у себя въ кладовой».

— «Охъ, какъ же ты ловко врешь!» посмѣялся Петеръ. «Морочь кого другого, но не меня. Повѣрь, я сотни такихъ фокусовъ видалъ на своей жизни: не даромъ по чужимъ краямъ таскался. Изъ воска твои сердца тамъ въ кладовой! Что ты богатъ—признаю, дружище, но чтобъ ты колдовать умѣлъ—никогда не повѣрю».

Великанъ гнѣвно рванулъ дверь въ кладовую.— «Иди сюда, читай ярлыки! Видишь вотъ тутъ: сердце Петера Мункъ. Видишь, какъ оно трепещетъ? Развѣ такъ сдѣлаешь изъ воска?»

— «Что хочешь говори, оно изъ воска», упрямо возразилъ Петеръ. «Такъ не бьется настоящее сердце, по крайней мѣрѣ мое преспокойно въ моей груди. Нѣтъ, гдѣ тебѣ колдовать!»

— «Да я докажу сейчасъ тебѣ», воскликнулъ тотъ злобно. «Самъ почувствуешь, твое-ли это сердце». Онъ быстро разстегнулъ жилетъ Петера, сунулъ туда руку и вынулъ каменное сердце. Потомъ взялъ онъ настоящее сердце, дунулъ на него и осторожно вло-

жилъ на мѣсто. Петеръ тотчасъ же почувствовалъ его бѣненіе и съ трудомъ скрылъ свою радость.

«Да я докажу сейчасъ тебѣ», воскликнулъ тотъ злобно.

— «Ну, что, какъ себя чувствуешь?» спросилъ улыбаясь Михель.

— «А вѣдь ты, пожалуй, правъ», отвѣтилъ Петеръ, осторожно вытаскивая крестикъ изъ кармана. «Вотъ никогда бы не повѣрилъ, что можно такую штуку устроить».

— «Неправда-ли? Теперь убѣдился, что я могу колдовать? Давай, я снова вставлю тебѣ камень».

— «Шабашъ теперь, другъ Михель!» крикнулъ Петеръ, отступая на шагъ и заграждая себя крестомъ. «Мышь на сало ловятъ и ты попался.» И онъ на-скоро сталъ читать всѣ молитвы, какія только зналъ.

Михель сразу съежился, становился все меньше и меньше, упалъ на землю и крутился и извивался какъ червякъ. Онъ стоналъ и охалъ, а всѣ сердца вокругъ трепетали и стучали какъ въ мастерской часовщика. Петеру стало невыносимо страшно. Онъ безъ оглядки пустился изъ избы, съ отчаянною храбростью полѣзъ на почти отвѣсную стѣну пропасти и скоро очутился наверху. Онъ слышалъ, какъ внизу ревѣлъ и неистовствовалъ Михель; страшная буря гремѣла вокругъ; молнія летала направо и налево; деревья трещали и падали вокругъ него, но онъ невредимо достигъ владѣній Стекляннаго Человѣчка.

Сердце его билось радостно уже потому, что оно билось. Но тутъ онъ съ ужасомъ вспомнилъ прошлую жизнь, какъ вихрь разметалъ онъ все вокругъ себя. Онъ вспомнилъ Лизу, кроткую красавицу Лизу, которую онъ убилъ изъ жадности. Не въ силахъ выдержать угрызений совѣсти, онъ громко зарыдалъ.

Стеклянный Человѣчекъ сидѣлъ подъ своимъ деревомъ и покуривалъ изъ трубочки, но смотрѣлъ нѣсколько веселѣе, чѣмъ раньше.

— «О чемъ плачешь, Петеръ?» спросилъ онъ. «Или не получилъ своего сердца?»

«Ахъ, господинъ Стеклышко!» вздохнулъ Петеръ. «Съ камнемъ въ груди я не плакалъ; глаза мои всегда были сухи, какъ почва въ июлѣ. А теперь мое прежнее сердце разрывается, когда я вспомню, что надѣлалъ! Сколько несчастныхъ я въ нищету вогналъ, сколько бѣдняковъ и калѣкъ собаками травилъ, а ее, мою бѣдную—какъ оросилось кровью ея кроткое лицо!»

— «Петеръ, ты былъ великимъ грѣшникомъ!» сказалъ Человѣчекъ. «Золото и праздность стубили тебя и сердце твое окаменѣло такъ, что ты не зналъ больше ни радости, ни горя, ни раскаянія, ни состраданія. Но раскаяніе очищаетъ и, если-бъ я былъ увѣренъ, что ты искренне желаешь исправиться, я бы могъ кое-что сдѣлать для тебя».

«Ничего больше не хочу», отвѣчалъ Петеръ и печально опустилъ голову. «Все кончено для меня, больше нѣтъ для меня радости. Что дѣлать мнѣ одному на свѣтѣ? Мать никогда не проститъ, да я, можетъ, давно въ гробъ ее загналъ своею черствостью. А Лиза, жена моя!—Убейте меня, прошу васъ, хоть разомъ покончу съ жизнью».

— «Что-жъ?» спокойно отвѣчалъ Человѣчекъ. «Если ничего другого тебѣ не надо, можно хоть это: топоръ у меня подъ рукою». Онъ, не торопясь, вынулъ трубочку изо рта, вытрясъ ее и сунулъ въ карманъ. Потомъ медленно всталъ и зашелъ за сосну. Петеръ же сѣлъ на пенъ; жизнь ему опротивѣла; онъ спокойно ждалъ смерти. Черезъ нѣсколько секундъ услы-

шалъ онъ за собою легкіе шаги и подумалъ. «Вотъ онъ идетъ».

— «Оглянись-ка сюда, Петеръ Мункъ!» крикнулъ весело Человѣчекъ. Петеръ вытеръ глаза, оглянулся и увидѣлъ—старуху мать и Лизу, жену свою. Обѣ, улыбаясь, смотрѣли на него. Онъ радостно вскочилъ. «Такъ ты не умерла, Лиза? И ты тутъ, матушка! Простишь-ли ты меня?»

«Онъ прощаютъ тебя, такъ какъ раскаяніе твое искренно. Все прошлое забыто. Иди въ старую хижину твою и будь по старому угольщикомъ; если ты будешь честно и прилежно заниматься своимъ ремесломъ, повѣрь, сосѣди станутъ больше любить и уважать тебя, чѣмъ уважали изъ-за золота». Съ этими словами Стекланный Человѣчекъ исчезъ.

Трое счастливицевъ пошли домой. Роскошнаго дома Петера какъ не бывало: молнія сожгла его со всѣми богатствами; но отцовская хижина была недалеко. Они направились туда, нимало не горюя о потерѣ состоянія.

Каково же было ихъ удивленіе, когда они дошли до знакомаго мѣста? Въмѣсто хижины стоялъ красивый крестьянскій домикъ; внутри все было просто, но чисто и хорошо.

«Это подарокъ добраго Стеклышка!» воскликнулъ Петеръ.

— «Вотъ прелесть!» промолвила Лиза. «Здѣсь мнѣ гораздо уютнѣе, чѣмъ въ большомъ домѣ со множествомъ прислуги».

Съ тѣхъ поръ Петеръ Мункъ сталъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что

имѣлъ, спокойно занимался своимъ ремесломъ и скоро собственными трудами достигъ благосостоянія. Нечего и говорить, что всѣ въ лѣсу любили и уважали его. Онъ никогда не ссорился болѣе съ женою, почиталъ старуху мать и не забывалъ неимущихъ. Когда у него родился первый ребенокъ, Петеръ снова явился на Сосновый Холмъ и проговорилъ свой стишокъ. Но Стекланный Человѣчекъ не показывался. «Господинъ Стеклышко!» громко крикнулъ Петеръ, «выслушайте меня; я ничего не хочу, я только прошу васъ въ крестные моему сынку!» Отвѣта не было, только легкій порывъ вѣтра прошуршалъ въ соснахъ и къ ногамъ Петера упало нѣсколько шишекъ. «Я возьму ихъ на память, разъ вы не хотите мнѣ показаться», крикнулъ Петеръ, сунулъ шишки въ карманъ и пошелъ домой. Когда же дома онъ снялъ свою праздничную куртку и мать встряхнула карманы, чтобъ уложить куртку въ сундукъ, оттуда выпали четыре свертка, все новенькія золотыя монеты. То былъ подарокъ крестнаго маленькому Петеру—сыну.

Такъ продолжали они жить тихо и мирно, и часто потомъ, когда у Петера ужъ вся голова посѣдѣла, онъ говорилъ сыну: «Лучше малымъ довольствоваться, чѣмъ имѣть бочки золота и холодное сердце».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Сказка подъ видомъ книги	1
Караванъ	9
Калифъ Аистъ	13
Корабль призракъ	30
Отрубленная рука	45
Спасеніе Фатимы.	64
Сказка о маленькомъ Мукъ	85
Сказка о принцѣ-самозванцѣ	107
Шейхъ Александріи и его невольники	138
Карликъ-Носъ	149
Абнеръ, еврей, который ничего не видалъ	183
Молодой англичанинъ	192
Повѣсть объ Альмансорѣ	222
Преданіе о золотомъ	240
Стинфольдская пещера	263
Приключенія Саида	281
Холодное сердце	330

ГПБ Русский фонд

переселенцы

69-3

349

Зак. 665